

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№4 2022 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

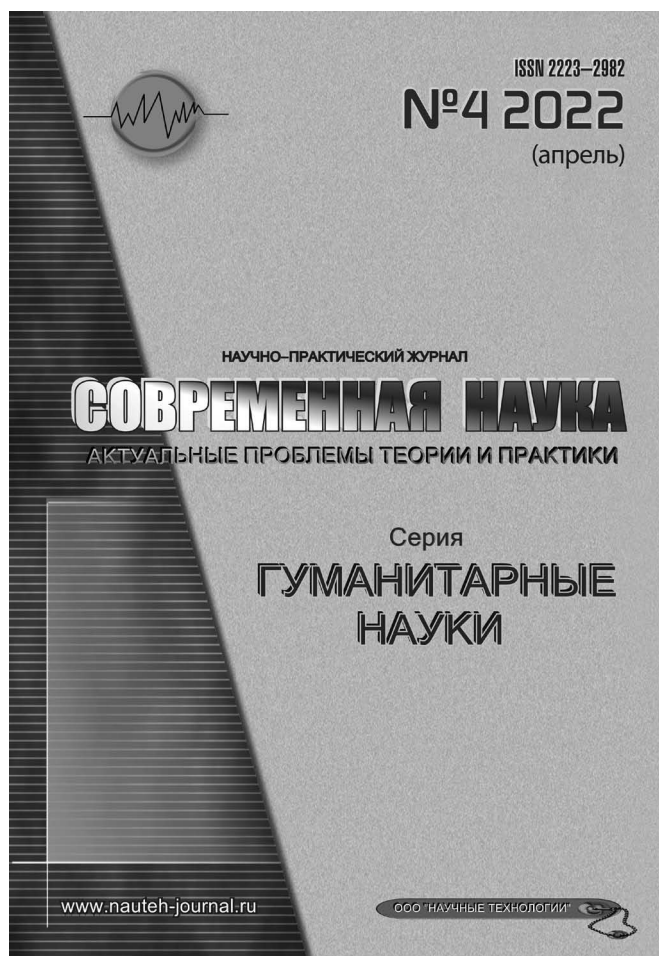
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 4 (апрель) 2022 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.04.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

- Бондарь В.В., Фролов Б.Е.** – К ранней истории Екатеринодара: Был ли А.В. Суворов основателем города?
Bondar V., Frolov B. – To the early history of Ekaterinodar: Was A.V. Suvorov the founder of the city? 6
- Брагина Д.Г.** – К проблеме языковой идентичности якутов на рубеже XX-XXI веков
Bragina D. – On the problem of Yakut language identity at the turn of the XX-XXI centuries. 9
- Николаев Д.А., Хвостова И.А.** – Процесс вооружения нижегородского резервного ополчения 1812 гг.
Nikolaev D., Khvostova I. – The process of arming the Nizhny Novgorod reserve militia in 1812. 13
- Николаев Д.А., Хвостова И.А.** – Формирование батальона стрелков милиции – один из этапов созидания нижегородского ополчения 1806-1807 гг.
Nikolaev D., Khvostova I. – The formation of a battalion of militia riflemen is one of the stages of the creation of the Nizhny Novgorod militia in 1806-1807. 16
- Следнева А.А.** – Землевладение и распоряжение имуществом дворянства Смоленской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.
Sledneva A. – Land ownership and disposal of the property of the nobility of the Smolensk province at the end of the 18th - the first half of the 19th centuries 19
- Фан-Юнг Г.Ю.** – Крестовниковы: возникновение и развитие семейной фирмы до 1855 года
Fan-Yung G. – The Krestovnikovs: foudation and development of the family firm before 1855 22

- Фан-Юнг Г.Ю.** – Важнейшие мероприятия в сфере социальной политики, реализованные правлением «Фабрично-Торгового товарищества Братьев Крестовниковых» на Казанском стеариново-мыловаренном заводе в 1905 — 1917 годах
Fan-Yung G. – The most important measures in the areas of industrial and social policy implemented by the Board of the Krestovnikov Brothers Factory and Trade Association at the Kazan Stearin&Soap Factory in 1905 — 1917 years 28

Педагогика

- Бурляева В.А., Соловьева Н.В., Чебанов К.А.** – Модель подготовки бакалавра профессионального обучения, с учетом регионального компонента, через информационную компетентность
Burlyaeva V., Solovieva N., Chebanov K. – The model of bachelor of vocational training preparation taking into account the regional component through information competence 34
- Гасанов С.Ф.** – Разработка модели формирования экологического мировоззрения студентов СПО
Gasanov S. – Development of a model for the formation of the ecological worldview of students of the SPO 39
- Грунина Е.В.** – «Территория смыслов» как путь к аккультурации
Grunina E. – "Territory of meanings" as a way to acculturation 44
- Драйманова Е.В., Лавская Н.С.** – Развитие коммуникации со взрослыми детьми старшего дошкольного возраста с аутизмом
Draymanova E., Lavskaya N. – Development of communication with adult preschool children with autism 48

Кирилова И.А., Осипова Е.В., Макаркина Н.В., Борисенко Е.Ю. – Оценка гармоничности физического развития студенток на этапе адаптации к учебно-образовательному процессу в ВУЗе <i>Kirilova I., Osipova E., Makarkina N., Borisenko E.</i> – Assessment of the harmony of the physical development of female students at the stage of adaptation to the educational process at the university..... 51	Панкова Т.Н, Абдуллаева З.Р., Еферова А.Р., Куприянова Т.С., Григорьев С.Л. – Онлайн обучение английскому языку: изменения в парадигме системы образования <i>Pankova T., Abdullayeva Z., Eferova A., Kupriyanova T., Grigoryev S.</i> – Online English language learning: a paradigm shift in the education system 75
Макарова Е.Л., Киреева И.А., Белозерцева Н.В. – Перспективность ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов <i>Makarova E., Kireeva I., Belozertseva N.</i> – The prospects of the resources of the educational ecosystem in ensuring the individualization of teaching a foreign language to students of non-linguistic universities 56	Селиванова О.А., Рулев М.Н. – Особенности работы администратора по сплочению коллектива организации <i>Selivanova O., Rulev M.</i> – Features of the administrator's work on team building of the organization 79
Мануйлов В.Н. – Специфика процесса формирования амбушюра у студентов-духовиков <i>Manuilov V.</i> – Specifics of the embouchure formation process among students-players the brass instruments..... 60	Хаджимуратова А.Д. – Развитие творческих способностей молодежи в системе дополнительного образования <i>Hadzhimuratova A.</i> – Development of creative abilities of young people in the system of additional education 84
Обивалина М.С. – Взаимосвязь между показателями физического развития и физической подготовленности спортсменов с особенностями интеллектуального развития на начальном этапе занятий гандболом <i>Obivalina M.</i> – The relationship between the indicators of physical development and physical fitness of athletes with the peculiarities of intellectual development at the initial stage of handball classes..... 65	Филология
Оботнин Н.Г. – Организация тренировочного процесса по совершенствованию технического мастерства фехтовальщиков 10-11 лет с применением полезной модели <i>Obotnin N.</i> – Organization of the training process to improve the technical skills of fencers aged 10-11 years with the use of a utility model 71	Акаева Х.А. – Характерные особенности терминосистемы военного дела как преимущественно прикладной / фундаментальной (на материале английского и русского языков) <i>Akaeva Kh.</i> – Characteristic Features of Military Science Terminology System as Mainly Applied / Fundamental (drawing on the English and Russian language material)..... 88
	Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. – Некоторые аспекты прогнозирования сценариев развития дагестанских языков в условиях глобализации <i>Ataev B., Ibragimova M.</i> – Some aspects of forecasting scenarios for the development of Dagestan languages in the context of globalization 93
	Бобоева З.Х. – Лингвистические основы причинно-следственных отношений в таджикском языке <i>Boboeva Z.</i> – Linguistic foundations of cause and effect relationships in Tajik language 97
	Борисова А.С. – Роль журналистики в развитии русской литературы серебряного века <i>Borisova A.</i> – The role of journalism in the development of Russian literature of the silver age..... 100

- Брадецкая И.Г., Фысина У.Н.** – Употребление этнонимов в интернет-дискурсе как юрислингвистический аспект
Bradetskaya I., Fysina U. – The use of ethnonyms in internet discourse as a legal linguistic aspect 104
- Булычева В.А.** – Отражение двойственности концепта «Огонь» в языковых картинах мира
Bulycheva V. – Reflection of the duality of the concept "Fire" in the language pictures of the world 108
- Восканян Ш.Р.** – Англоязычные интернет-мемы и специфика их перевода на русский язык
Voskanyan Sh. – English-language Internet memes and the specifics of their translation into Russian .. 111
- Исаева А.Х.** – Подходы к изучению категории модальности в современном английском языке
Isaeva A. – Approaches to the study of the category of modality in modern English..... 114
- Караваева П.Ю.** – Новонайденные лексические замены в «Сборнике житий греческих святых» Нила Сорского
Karavaeva P. – Newly discovered lexical substitutions in the "Collection of lives of Greek saints" by Nilus of Sora..... 119
- Кузнецова Н.Н., Межебовская В.В.** – Преференции в создании образов в поэзии И.А. Бунина
Kuznetsova N., Mezhebovskaya V. – Preferences in creating images in the poetry of I.A. Bunin..... 124
- Ло Сычэнь** – Языковая структура микроконцепта горы в цикле И.А. Бунина «Тень птицы» (лингвопоэтический аспект)
Luo Sichen – Linguistic structure of the microconcept mountains in I.A. bunin's cycle Shadow of the bird (linguopoetical aspect)..... 129
- Лу Чи** – Факторы нарушения порядка слов при переводе с русского языка на китайский
Lu Chi – Factors of violation of word order during translation from Russian into Chinese..... 135
- Нгуен Ба Зуи, Зыонг Хонг Нгок** – Функции заголовков телевизионных передач
Nguyen Ba Duy, Duong Hong Ngoc – Functions of television headlines..... 138
- Никифорова О.В.** – Лингвистические особенности олицетворения в поэзии Виктории Янковской
Nikiforova O. – Linguistic features of personification in the Victoria Yankovskaya's poetry..... 142
- Нин Кэ** – Этимологический и словообразовательный анализ оронимов Шаньдунского полуострова
Ning Ke – Etymological and word-formation analysis of the oronyms of the Shandong peninsula 147
- Пяо Хуэйминь** – Тема театра в сборнике Чехова «сказки Мельпомены»
Piao Huimin – The theme of theater in Chekhov's collection "tales of Melpomene"..... 152
- Уразаев М.Д.** – Сравнительный анализ фразеологических единиц, характеризующих «алкогольное опьянение», в английском и русском языках
Urazaev M. – Comparative analysis of phraseological units denoting alcoholic intoxication in English and Russian 157
- Хань Сяо, Бурцева Т.А.** – Глагольные средства выражения побуждения в поэтических текстах В.В. Маяковского
Han Xiao, Burtseva T. – Verbal means of expression of motivation in V.V. Mayakovsky's poetic texts.... 162
- Хисамов О.Р.** – Географические термины, используемые для обозначения озер
Khisamov O. – Geographic terms used to refer to a lake 166
- Цзинь Чжи** – Концепт «ребенок» в русском, английском и китайском языковом сознании
Jin Zhi – The concept "child" in the Russian, English and Chinese language consciousness..... 170
- Чэн Цзяци** – Анализ лексем «деревня» в лингвокультуре: морфолого-синтаксический аспект
Cheng Jiaqi – Analysis of the lexemes "village" in linguoculture: morphological and syntactic aspect 174

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 178

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 180

К РАННЕЙ ИСТОРИИ ЕКАТЕРИНОДАРА: БЫЛ ЛИ А.В. СУВОРОВ ОСНОВАТЕЛЕМ ГОРОДА?

Бондарь Виталий Вячеславович

К.и.н., в.н.с., Южный филиал Российского НИИ культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Краснодар
bonvita@yandex.ru

Фролов Борис Ефимович

В.н.с., АНО Западно-Кавказский НИИ культурного и
природного наследия, Краснодар
nessi7@yandex.ru

TO THE EARLY HISTORY OF EKATERINODAR: WAS A.V. SUVOROV THE FOUNDER OF THE CITY?

**V. Bondar
B. Frolov**

Summary: This article aims to put an end to the existing question in public discourse about the involvement of the great commander A.V. Suvorov in the founding of Ekaterinodar, the main city of the Black Sea Cossacks. Based on the results of the analysis of an array of clerical sources, first of all, the correspondence of the government of the Black Sea Cossack Army with the office of the governor of the Taurida region, the authors conclude that it is untenable to correlate the fact of the founding of the city with the name of A.V. Suvorov.

Keywords: Ekaterinodar, A.V. Suvorov, The Army of the Black Sea Faithful Cossacks, the Tauride Region, the foundation of settlements.

Аннотация: Настоящая статья преследует цель поставить точку в существующем в публичном дискурсе вопросе о причастности великого полководца А.В. Суворова к основанию Екатеринодара – главного города черноморских казаков. По результатам анализа массива делопроизводственных источников, в первую очередь, переписки правительства Войска Верных черноморских казаков с канцелярией губернатора Таврической области, авторы делают вывод о несостоятельности соотнесения факта основания города с именем А.В. Суворова.

Ключевые слова: Екатеринодар, А.В. Суворов, Войско Верных черноморских казаков, Таврическая область, основание поселений.

В ряду спорных вопросов истории заселения кубанского правобережья черноморскими казаками стоит соотнесение факта основания войсковой столицы – города Екатеринодара – с именем и административной деятельностью великого русского полководца А.В. Суворова.

Известно, что в 1778 году, находясь в должности командира Кубанского корпуса и чине генерал-поручика, Суворов руководил возведением Кубанской линии, в числе оборонительных сооружений которой был Архангельский фельдшанец (земляное укрепление с замкнутым контуром). По мнению краснодарского краеведа В.А. Соловьева, он был возведен при впадении в Кубань реки Карасун, где позже, с устройством Черноморской кордонной линии, располагался Главный Ореховатый кордон и Главный Екатеринодаский пост [15, с. 110, 113]. Документальные подтверждения предлагаемой локализации неизвестны, при этом на «Военно-исторической карте Северо-Западного Кавказа» составитель Е.Д. Фелицын, известный дореволюционный исследователь, показал Архангельский фельдшанец выше по течению Кубани – между возникшими позже куренными селениями Старокорсунским и Пашковским [1, приложение].

Так или иначе, факт краткого существования Архангельского фельдшанца не может считаться началом истории Екатеринодара: летом 1779 года это оборонительное сооружение, как и прочие опорные пункты Ку-

банской линии, было, по условиям Айналы-Кавакской конвенции [12, с. 802], разрушено и покинуто русскими войсками [7, с. 362]; до прихода сюда казаков, основавших в Карасунском куте главный город черноморского войска, оставалось 14 лет.

Другим критерием предполагаемой причастности А.В. Суворова к основанию Екатеринодара, отчасти проникшим в публичный дискурс, выступает «разрешение» полководца основать главный город Черноморского войска в Карасунском куте. Такое заявление сделал в своей научно-популярной книге «Суворов на Кубани» В.А. Соловьев: «...казаки заложили войсковой град Екатеринодар, разрешение на постройку которого дал сам А.В. Суворов» [15, с. 113]. Позже эта точка зрения была несколько скорректирована: «Письменного ответа полководца история нам не сохранила, но известно, что он 16 июля 1793 года посетил Тамань, где строилась Фанагорийская крепость, и имел длительную беседу с А.А. Головатым (войсковым судьей, одним из инициаторов создания Войска Верных казаков и переселения его на Кубань – *авт.*) Видимо, тогда он и дал устное разрешение на строительство города и селений» [14, с. 4].

Как изрек некогда А.С. Пушкин, «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...»: идея «отцовства» непобедимого Суворова применительно к Екатеринодару оказалась настолько привлекательной, что ее поддержали не только любители старины и краеве-

ды, но и профессиональные историки, правда, большей частью в рамках газетных публикаций [16], [17], [18], [8]. При этом в «Энциклопедическом словаре по истории Кубани», изданном в 1997 г., предположение В.А. Соловьева преподносилось как достоверный факт: Суворов «дал разрешение на строительство куренного и войскового города, будущего Екатеринодара» [19, с. 445].

Аргументы сторонников наделения личности великого полководца эпитетом «основатель Екатеринодара» базируются на хрестоматийно известном документе – сообщении вице-губернатора Таврической области К.И. Габлица правительству Черноморского войска от 17 июня 1793 г.: «По представлению... о построении по-над рекой Кубани (так в тексте – *авт.*) главного воинского города и селений... Его Сиятельству Господину Генерал-Аншефу и Кавалеру Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на разрешение от меня представлено» [3, л. 20].

Этому документу предшествовал ряд событий: весной 1793 г. партия казаков-переселенцев под командой кошевого атамана З. А. Чепеги двинулась от строившейся Усть-Лабинской крепости вниз по Кубани, устраивая через определенные интервалы кордонные посты и подыскивая место для «войсковой резиденции» – главного войскового города. 9 июня 1793 г.: Войсковое правительство направило таврическому губернатору С.С. Жегулину рапорт с просьбой «учинить резолюцию» об устройстве селений «по-над рекой Кубаном, начиная от устья ее до Усть-Лабинской линии, между коими повыше Казачьего ерика верст за пятьдесят и главный войсковой град...» [6, с. 626]. 25 июня войсковое правительство получило упомянутый выше ответ вице-губернатора.

Можно лишь догадываться, что Карл Иванович Габлиц (известный ученый-энциклопедист, географ, путешественник, выдающийся естествоиспытатель, член-корреспондент, позже – почетный член Петербургской академии наук [2, с. 753]), проявляя особую осторожность на административном поприще, не решился (очевидно, в отсутствие губернатора) взять на себя ответственность в решении столь важного вопроса, как основание главного города Черноморского войска и, имея в виду то обстоятельство, что, согласно Высочайшей грамоте от 30 июня 1792 года, это войско было отнесено к Таврической области, обратился к А.В. Суворову, который еще 10 ноября 1792 г. рескриптом Екатерины Великой был назначен командующим войсками в Таврической области «и во вновь приобретенных территориях, в которых ему поручено производство крепостных строений» [9, с. 165]. В любом случае, ответ А.В. Суворова неизвестен, и вряд ли существовал: громоздкая канцелярская система того времени, предусматривавшая многократное дублирование документов, непременно бы его сохранила.

Мы полностью разделяем мнение видного дореволюционного историка П.П. Короленко, считавшего, что от полководца «никакого ответа по этому вопросу не последовало, да, в сущности, и не требовалось, так как полновластным хозяином кубанской земли в данном случае являлось Черноморское войско» [10]. Эта позиция полностью согласуется и с целым рядом положений разъяснительной записки Управляющего Министерством юстиции Российской империи, составленной для министерства внутренних дел через столетие после водворения казаков на Кубани: в ней разъяснялось, что Черноморскому войску Жалованной грамотой Екатерины Великой от 30 июня 1792 года «присваивалось значение самостоятельного субъекта поземельной собственности» [13, л. 66]. В этой связи весьма показательным фактом выступает торжественная речь войскового судьи А.А. Головатого на прощальной аудиенции Екатерины Великой в Царском Селе 13 июля 1792 г., в которой войсковой судья черноморцев дал императрице обещание: «**Мы воздвигнем грады** (выделено нами – *авт.*), наделим села, сохраним безопасность пределов...» [11, прил., с. 28].

Помимо обозначенных свидетельств, есть ряд фактов, прямо доказывающих непричастность А.В. Суворова к основанию главного города черноморских казаков. Так, 7 марта 1794 г. кошевой атаман З.А. Чепега известил войсковое правительство о необходимости «построения в войсковом граде Екатеринодаре замка подобающим порядком и в нем куреней сорок...» (то есть крепости и казарм – *авт.*) [4, л. 1] и Войсковое правительство 11 марта 1794 г. направило таврическому губернатору рапорт, в котором просило прислать землемера «для разбивки к порядочному заселению города Екатеринодара». Рапорт этот, как и упомянутый выше, попал в руки вице-губернатора, который 22 марта ответил войсковому правительству, что «от высшего начальства апробации (то есть разрешения – *авт.*) о Екатеринодаре» не имеет [4, л. 4]. То есть в бумагах канцелярии Таврического губернатора никакого предписания А.В. Суворова об основании главного города черноморских казаков не было. Примечательно, что на проходившем 1 апреля заседании войскового правительства позиция К.И. Габлица была изложена следующим образом: «Он не имеет от высшего начальства апробации, должен ли быть Екатеринодар на том самом месте, где теперь сим правительством избран, ни о других тут нужных строениях – то нет ли такового у правительства или атамана повеления; списав оное, прислать ему» [5, л. 16об].

Миф о причастности А.В. Суворова к основанию главного города черноморских казаков окончательно рушится при изучении ответов войскового правительства на приведенный выше запрос вице-губернатора. Рапортом от 1 апреля 1794 г. казаки сообщали, что о городе Екатеринодаре «никакого повеления от высшего начальства в

получении не было». Очевидно, что своим начальством Черноморское войско полагало не А.В. Суворова, а Таврического губернатора, к которому и обращалось изначально за «резолуцией». В рапорте же, отправленном 22 апреля, было конкретно объявлено, что город учрежден «на основании второго пункта высочайшей грамоты в 30-й день июня 1792 года войску Черноморскому Всеми-

лостивейше пожалованной» [4, л. 6].

Подводя черту под изложенными свидетельствами источников, констатируем: административные обстоятельства возникновения Екатеринодара – главного города Войска Верных черноморских казаков – не могут служить основанием для заявлений о причастности А.В. Суворова к его основанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с обозначением местонахождения несуществующих ныне крепостей, укреплений, постов и главных кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны. Составлена Е.Д. Фелицыным // Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии / Под ред. ген-майора Потто. Издание военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа. – Тифлис, 1899. – 332 с.
2. Габлиц Карл-Людвиг Иванович // Энциклопедический словарь. Т. VIII. Выговский – Гальбан. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрон, 1892. – 952 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Фонд 249. Описание 1. Дело 239.
4. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 20.
6. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / собр. и изд. И.И. Дмитренко. – СПб.: Тип. штаба отд. корпуса жандармов, 1896–1898. В 4-х т. – Т. 3 : Войско верных Черноморских казаков. 1787–1795 гг. : документы извлечены из Кубанского войскового архива. – 1896. – XL, 799 с.
7. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). – М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – 368 с.
8. Жадан В.А. Так когда же основан Краснодар? // Вольная Кубань. – 1996, 18 сентября.
9. «И место сыскал под войсковой град...»: К 200-летию Краснодара / Сост. Мирошниченко О.В., Пукас Л.М. // Кубанский краевед. Краснодар, 1989. – С. 163–171.
10. Короленко П.П. Город Екатеринодар // Кубанские областные ведомости. – 1895, 20 апреля.
11. Короленко П.П. Черноморцы : [Ист. очерк]. - СПб : тип. Деп. уделов, 1874. – [2], 212, 76.
12. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. XX. 1775–1780. – № 14851. – 1041 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257.
14. Соловьев В.А. Место сыскал под войсковой град // Екатеринодар. 1993. – № 1. – С. 1–6.
15. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. 1778–1793. – Изд. 2-е исправленное и дополненное. Краснодар: б.и., 1992. – 257 с.
16. Чучмай Г.Т. Рождение Екатеринодара // Вольная Кубань. – 1993, 29 сентября.
17. Шевченко Г.Н. А.В. Суворов и основание города Екатеринодара // Память об А.В. Суворове – национальное богатство России. Материалы научной конференции. Г. Краснодар – Усть-Лабинск, 6–7 октября 2001 года. – Краснодар, 2001. С. 40–46.
18. Шевченко Г.Н. Праздник, не имеющий даты // Краснодарские известия. – 1993, 2 октября.
19. Энциклопедический словарь по истории Кубани [Текст] : С древнейших времен до окт. 1917 г. / Администрация Краснодар. края; Трехбратов Б.А. - Краснодар : Реклам.-изд. фирма "Эдви", 1997. – 557 с.

© Бондарь Виталий Вячеславович (bonvita@yandex.ru), Фролов Борис Ефимович (nessi7@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯКУТОВ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Брагина Дария Григорьевна

д.и.н., доцент, Г.н.с., Академия наук Республики Саха
(Якутия)

filial_spgucat@mail.ru

ON THE PROBLEM OF YAKUT LANGUAGE IDENTITY AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES

D. Bragina

Summary: The conditions determining and shaping the modern language situation in the Republic of Sakha (Yakutia) should include the change in the status of the Yakut language, ethnopolitical, demographic and ethnocultural factors, under the influence of which there is a change in the language situation in the post-Soviet period. In this regard, the research of the functioning of the Yakut language as the state language, interethnic communication, as well as the problems of the linguistic identity of the Yakuts is updated, which is what this article is devoted to. It would be premature to talk about any completeness of the search for an optimal paradigm for studying ethnicity, the processes taking place in the life of ethnic groups, understanding their nature, status, and interaction with each other. But what has been done here also gives grounds for optimism to researchers studying the diverse forms of identity manifestation at the regional level.

Keywords: linguistic identity, ethnic identity, national identity, republican sovereignty.

Аннотация: К условиям, детерминирующим и формирующим современную языковую ситуацию в Республике Саха (Якутия), необходимо отнести изменение статуса якутского языка, этнополитические, демографические и этнокультурные факторы, под воздействием которых происходит изменение языковой ситуации в постсоветский период. В связи с этим актуализируется исследования функционирования якутского языка как государственного языка, межнационального общения, а также и проблемы языковой идентичности якутов, чему и посвящена настоящая статья. Говорить о какой-либо завершенности поисков оптимальной парадигмы изучения этничности, процессов, протекающих в жизни этносов, понимании их природы, статуса, взаимодействия друг с другом, было бы преждевременно. Но и сделанное здесь, дает основание для оптимизма исследователям, изучающим многообразные формы проявления идентичности на региональном уровне.

Ключевые слова: языковая идентичность, этническая идентичность, национальное самосознание, республиканский суверенитет.

Введение

В связи с актуальностью осмысления феномена этничности целью работы является изучение такой мало исследованной формы самоидентификации личности как языковая идентичность якутов в постсоветское время. Учитывая познавательную ситуацию, стояли задачи показать влияние современных факторов на валентность языковой идентичности якутов. Рост национального самосознания в постсоветском десятилетии во многом был обусловлен позитивными переменами, произошедшими в российском обществе [5,9,10,11]. Для якутов факторами, стимулирующими национальное самосознание, послужили легитимность государственности, социальные и культурные консолидационные процессы. К последнему десятилетию XX в. языковая ситуация в республике характеризовалась постепенным сокращением социальных и коммуникативных функций якутского языка, особенно в урбанизированной среде. Сложившееся положение якутского языка, постепенно вытесняющегося из сферы делопроизводства государственных органов и учреждений и общения на нём, воспитания, обучения и т.д., было также одним из следствий практики деструктивной языковой политики, наблюдающейся

и в других национальных регионах России.

Объектом исследования в данной статье являются якуты, которые в постсоветский период в соответствии с самоназванием чаще называются саха.

Значительный вклад в изучение российских этносов вносят этносоциологические исследования, проведённые под руководством Л.М. Дробижевой, в которых Якутия является одним из объектов исследования [3,4,7,8]. Источниковую базу монографического исследования Д.Г. Брагиной, раскрывающих аспекты проявления этнического фактора языковой идентичности якутов составили материалы этносоциологических исследований, проведённых в 1997, 1999 гг. Институтом социологии РАН, Институтом этнологии и антропологии РАН [2]. Особенности языковой идентичности населения республики представлены также в коллективной монографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН [7].

Одним из основных источников исследования проблем этничности послужили различные статистические материалы, данные этносоциологического обследования

ния, полевые этнографические материалы, полученные автором статьи в процессе экспедиционных и стационарных работ в улусах республики за последнюю четверть XX в. начала XXI в. Автором при написании работы применены как методы полевого исследования с целью сбора первоначального материала, так и теоретико-методологические. Подход к этническому самосознанию как к исключительной конституирующей основе этнической общности во всех ее типологических ипостасях получает все более широкое признание в отечественной науке. Это понятно, если учесть, что в нем как бы синтезируется весь сложный комплекс популяционных, историко-культурных и поведенческих черт, присущих этносу. Методологическая концепция данного исследования исходит из признания самоценности этноса как одной из содержательных форм существования и развития человечества, места и роли этничности в современной социокультурной реальности.

В советское время наиболее значительными факторами распространения якутско-русского двуязычия, т.е. активного использования русского языка якутами, являются, наряду с протекционистской государственной политикой в области русского языка, рост уровня образования населения, а также повышающаяся неоднородность этнической среды. Утрата родного языка часто усиливает явления аккультурации, в результате которых индивид, утратив традиционную этническую культуру, так и не приобщается к ценностям другой национальной культуры. Здесь особую группу составляют лица, рожденные и воспитанные в национально-смешанных семьях. Во многих городских якутских семьях также характерным становится общение с детьми на русском языке. Отсюда возникает проблема – отсутствие достаточного пространства языкового общения на якутском языке.

В 90-е годы XX в. в период утверждения республиканского суверенитета, положение якутского языка улучшилось. Тем не менее признается, что якутский язык находится в предкризисном состоянии и, в связи с этим требует защиты и заботы государства. Ограниченная функция якутского языка и его сужение в городской среде заметно сказывается на положении и развитии национальной культуры. Вместе с тем, необходимо отметить, что сегодня на якутском языке развивается художественная литература, издается переводная литература, функционирует музыкальная жизнь, театр, периодическая печать, работают средства массовой информации. В последнее десятилетие активно развивается якутское кино, получившее российское и международное признание. Заинтересованность в возрастании общественных функций якутского языка проявляет прежде всего национальная творческая интеллигенция. Активному функционированию якутского языка способствует и такой

вид народного творчества как художественная самодеятельность. Национальный язык и народное творчество содействуют осознанию якутами своей этнической и этнокультурной идентичности.

Учитывая непростую языковую ситуацию, проблема видится в фактическом удержании якутским языком позиции государственного языка в республике. В октябре 1992 г. вступил в действие республиканский закон о языках, наделивший статусом государственного якутский и русский языки. Но это признание является больше политической мерой, восстанавливающий равноправие якутского языка. Фактическому же улучшению положения якутского языка может помочь последовательная реализация концепции возрождения национальной школы и дошкольного образования. По данным Министерства образования РС (Я) в конце 90-х годов почти каждый пятый школьник якутской национальности в возрасте формирования его языковой компетенции и модели языкового поведения был отчуждён от родного языка (1999 г.). В итоге в категорию русскоязычных, т.е. лиц, владеющих только русским языком, в настоящее время входят не только русские и представители других некоренных национальностей, но и лица якутской национальности. Можно говорить поэтому о наличии проблемы языковой компетенции.

Что касается языковой идентичности, то по данным переписей 1970 и 1979 г. и сопоставление их с результатом собственного конкретного обследования, проведенного в середине 70-х годов в городе Якутске и ряде сельских поселений, показывает следующее: по переписи 1970 г. якуты, считающие родным языком язык своей национальности, составили 96,3%. При этом больше всего лиц, считающих родным языком русский, оказалось среди городских жителей. По переписи 1979 г., родным языком считают язык своей национальности 95,3 % якутов. [1, с. 43]. По данным проведенного нами опроса среди якутского населения г. Якутска, на вопрос «Какой язык Вы считаете родным?» опрошиваемые ответили следующим образом: 84,7 процента родным считают якутский, а остальные – русский. В числе последних оказалось довольно свободно владеющих якутским языком – 38,1 процент, а тех, которые понимают и могут объясняться – 14,3, лиц же, понимающих, но не говорящих на якутском языке, – 47,6 процента. Данные свидетельствуют, что в основном родным языком считают язык не своей национальности, те опрошиваемые, которые не в полной мере владеют языком своей национальности. Нельзя также не отметить наличие и такого факта, что среди опрошенных якутов есть лица, свободно владеющие языком своей национальности, но родным языком все же считают русский, объясняя это тем, что им они чаще пользуются на работе и в быту. Хотя основная масса опрошенных родным языком считает якутский, все же в реальном владении ими языком своей нацио-

нальности существуют некоторые различия, связанные с их возрастом, длительностью проживания в городе, местом рождения, уровнем образования. Так среди городского населения некоторая часть лиц молодого и среднего возраста владеет языком своей национальности только в пассивной форме. Заметим, что многие из этих лиц, как отмечалось выше, родным языком назвали русский язык. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что в целом смена родного языка, вызванная главным образом незнанием или недостаточной степенью владения якутским языком, не приводит, однако, к утрате этнического самосознания якутов и их языковой идентичности.

Одна из проблем, характерная, прежде всего, для современной городской среды, связана с отсутствием достаточного пространства для языкового общения на языках коренных народов, гомогенной языковой среды, влияющих на языковую компетенцию. Как показывает практика и как уже отмечалось, воспитание в дошкольных учреждениях, обучение в школах преимущественно на русском языке приводит нередко к утрате языка своей национальности. К настоящему времени уже несколько поколений из числа лиц якутской национальности, в основном горожан, слабо или совсем не владеют языком своей национальности. И это, как правило, образованная часть якутского населения. В возрастании общественных функций якутского языка заинтересованность проявляет, прежде всего, национальная творческая интеллигенция, влияющая на деятельность национального телевидения, радио, кино, театров. Вместе с тем в сельских районах, где преобладающую часть населения составляют якуты, якутский язык продолжает выполнять многие жизненно важные функции. Но и здесь языковая динамика протекает неоднозначно. В моноэтнической среде, а также во многом из-за реализации в последнее десятилетие концепции национальной школы, наблюдается слабое владение разговорной русской речью. При усилении же функций письменного русского языка ослабевает влияние литературного якутского языка, т.е. читать и писать лица, говорящие на якутском языке, но получившие образование на русском языке (в «русских классах») предпочитают, как правило, на русском языке.

В итоге в категорию русскоязычных, т.е. лиц, владеющих только русским языком, в настоящее время входят не только русские и представители других некоренных национальностей, но и лица якутской национальности. Можно говорить поэтому о наличии, как проблемы языковой компетенции, частично и языковой идентичности.

Как и прежде, русские в республике в подавляющем большинстве не владеют якутским языком, как и некоторая часть горожан якутской национальности, о чём и свидетельствуют материалы этносоциологического опроса 1999 года. Якутское население, особенно город-

ское, продолжает активно использовать во многих сферах жизни русский язык. Наиболее распространённым типом двуязычия в республике по-прежнему является двуязычие якутов.

Известно, что знание или употребление того или иного языка становится необходимостью, если вызвано реальными потребностями жизни. Материалы опроса 1999 года показывают также, что в условиях современной языковой ситуации городские якуты более активно стали стремиться обучать своих детей как на якутском (10,8%), так и на якутском и русском языках (15,6%).

На вопрос «В какой степени Вы владеете наиболее распространёнными языками РС (Я)?» якутские респонденты ответили следующим образом: Совершенно свободно якутским языком владеет 70,8% городских якутов; хорошо, но не свободно – 14,1%; плохо – 2,8%; понимаю, но не говорю – 8,0%; совсем не говорю – 2,4%; и 1,9 не ответивших, т.е. не смогли определить степень владения якутским языком. Сельские якуты – 92,4% совершенно свободно; 5,28 – хорошо, но не свободно; 0,3 – плохо; 0,3% понимаю, но не говорю. Среди сельских якутов нет лиц, которые совсем не говорят на якутском языке. И не ответившие составили 1,65%.

Этносоциологические исследования в Якутии, проведенные под руководством Л.М. Дробизевой, участие в которых принимала автор настоящей статьи, показали в конце 90-х годов высокую степень проявления как этнической идентичности, так и языковой. [7].

Со второй половины XX века численность якутов начинает постоянно увеличиваться. По переписи населения 2010 г. в России проживает 478,1 тыс. якутов, в Якутии 466,5 тыс. [12, с. 32]. Динамика численности якутов свидетельствует, что этнический фактор играет большую роль в идентификации личности. Так, если по переписи 2002 г. в целом по России численность лиц, владеющих якутским языком, составляла более 456 тыс. человек, то по итогам Всероссийской переписи 2010 г. несколько уменьшилась до чуть более 450 тыс. человек. [6, с.17]. Статистика показывает, что число владеющих языком своей национальности незначительно, но сокращается.

Заключение

Проделанная работа по изучению языковой идентичности якутов дает основание для выводов о влиянии современных факторов на проявления валентности языковой идентичности. Как показывают материалы воспитания детей в дошкольных учреждениях, их обучение в школах преимущественно на русском языке приводит нередко к утрате национального языка. Но результаты работы подтверждают тезис, что этничность является определяющей стратифицирующей категорией. В

целом, несмотря на влияние различных факторов, материалы этносоциологических исследований в Якутии показывают взаимозависимость этнического фактора и языковой идентичности якутов.

Выводы

Таким образом, в якутской городской среде появились русскоязычные лица, идентифицирующие себя якутами, но слабо владеющие или совсем не владеющие якутским языком. И тем не менее исследование данной ситуации показывает, что такая ситуация не влияет су-

щественным образом на валентность языковой идентичности среди якутов. Современные факторы, в том числе и этнический способствуют укреплению такой формы идентичности якутов, как языковая. Напротив, утрата языка своей национальности некоторой частью городских якутов, как оказалось, ведет к усилению их этнической и этнокультурной идентичности. В XXI в. из-за ускорения процесса культурной глобализации наблюдается ответная реакция среди коренных народов Якутии, начинающих создавать новые формы этнокультурной идентичности, опираясь на этнические традиции, например, кинотворчество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Д.Г. Современные этнические процессы в Центральной Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 86 с.
2. Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2005. – 208 с.
3. Дробижина Л.М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л.М. Дробижина, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.
4. Представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
5. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб.:Изд-во С.-Петербургск.гос.ун-та,1997.-184.
6. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): Социопсихолингвистический аспект/Р.И.Васильева, М.Г.Дегтярева, Н.И.Иванова, Л.Н.Семенова.- Новосибирск: Наука, 2013.-252 с.
7. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижина. – М.: Academia, 2002. – 480 с.
8. Суверенитет и этническое самосознание: Идеология и практика. – М., 1995. – 300 с.
9. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. – 532 с.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. –М., 2003. – 544 с.
11. Чешко С.В. Распад Советского союза: Этнополитический анализ. – М., 1996. – 309 с.
12. Якуты (Саха). М., Наука, 2013. – 599 с.

© Брагина Дария Григорьевна (filial_spgucat@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЦЕСС ВООРУЖЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕЗЕРВНОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1812 ГГ.

Николаев Дмитрий Андреевич

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
dmnikolaeff@mail.ru

Хвостова Ирина Алексеевна

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
iri-khv@mail.ru

THE PROCESS OF ARMING THE NIZHNY NOVGOROD RESERVE MILITIA IN 1812

**D. Nikolaev
I. Khvostova**

Summary: The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the arming process of the Nizhny Novgorod reserve militia of 1812: the identification of the number of weapons and the analysis of the class-corporate features of the era identified in the process of collecting weapons. Based on the study of the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region and the analysis of historiographical data, the general and special features of the reserve militia corps at an early stage of its formation are revealed.

Keywords: Nizhny Novgorod province, Nizhny Novgorod militia of 1812, reserve militia of 1812, volunteer movement, Napoleonic Wars, officers, military and civilian ranks, mobilization.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей процесса вооружения нижегородского резервного ополчения 1812 г.: выявлению количества единиц оружия и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора вооружения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических данных выявлены общие и особенные черты резервного ополченческого корпуса на ранней стадии его формирования.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение 1812 г., резервное ополчение 1812 г., добровольческое движение, наполеоновские войны, офицерский состав, военные и гражданские чины, мобилизация.

После вторжения войск Наполеона на территорию Российской Империи, Александр I в официальном рескрипте сообщил о начале новой войны [2, с.129] и выразил мнение, что этот ее этап носит общий и всенародный характер [1, с.117]. Манифестом от 6 июля 1812 г., обращенном ко всем подданным и сословиям Империи, утверждалась необходимость создания по всей стране местных губернских ополчений, которые «составляли бы вторую ограду, в подкрепление первой (т.е. регулярных войск – авт.) и в защиту домов, жен и детей...»; несколько позднее территории, где должны быть созданы ополчения, ограничили 16-ю губерниями, ближе всего расположенных к местам боевых действий [6, с.39]. 1 сентября 1812, согласно формализованным положениям, начался сбор ополчения в Нижегородской губернии, которое действительно стало народным [4, с.95], поскольку состояло, в основной своей массе, из помещичьих крестьян, и дворянским [9, с.96], по своему начальствующему офицерскому составу [3, с.121]. Всего по губернии, с сентября по декабрь 1812 г., подлежало сбору 12 275 пеших и 653 конных воинов для формирования 5 пехотных и 1 кавалерийского полков под командованием полковников А.К. Шебуева [17, с.27], А.П. Ровинского, Я.И. Каратаева, Ф.Ф. Ралля и Ф.И. Звенигородского [18, с.98]. Конный полк ополчения возглавил действительный статский советник П.Ф. Козлов [19, с.115]. Среди полномочных структур [15, с.217], созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований [5, с.95] и воору-

жения [13, с.58]. Обмундирование [14, с.58], снаряжение [12, с.39] и даже вооружение [10, с.75] ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков [11, с.345], либо мещанских сообществ [16, с.35]. Все полки нижегородского ополчения входили в состав так называемого III ополченческого округа (вместе с ополчениями казанским, вятским, симбирским, пензенским и костромским) [7, с.368] под предводительством генерал-лейтенанта П.А. Толстого [8, с.67]; начальником же нижегородского ополчения являлся князь Г.А. Грузинский.

Но следует отметить, что почти одновременно с формированием «основного» губернского ополчения началась организация ополчения резервного, меньшего по количеству ратников и на основании несколько иных, значительно сниженных требований к призывному контингенту. Вооружение резервного ополчения осуществлялось, в основном, за счет «лишнего» оружия ополчения действующего, которое не было взято в поход. Контроль этого процесса осуществлял новый состав комитета вооружений, созданного по аналогии и по образцу комитета основного ополчения.

Первоначальная поспешность и лихорадочность, с которой начинали вооружать первое ополчение, со времени его насыщения огнестрельным оружием, сменилась более трезвым расчетом и соображениями по поводу избыточности наличествующего вооружения в целом

и необходимостью его частичного изъятия и складирования либо в местах формирования подразделений, либо там, где имелись соответствующие условия для его хранения [10, с.75]. Командиры ополченских полков получили предписания о сдаче избыточного оружия как в Нижнем Новгороде, так и в уездных городах губернии с обязанностью информировать командование об исполнении. Полковник Ровинский первым доложил 17 декабря 1812 г. о том, что «...из вверенного мне полку (2-го полка - авт.) сдано оружия нижегородскому дворянскому предводителю Ленивцеву пик 1443, топоров 1296, в заресформную команду штабс-капитану Бутурлину пик 131, ружей-106, а 12-ть батальоны как видно доставить не успели, которые, впрочем, могут послужить для обучения неумеющих и чрез то к сбережению комплектных ружей...» [20, л.1]. 30 декабря 1812 г. макарьевский уездный предводитель дворянства Ленъков сообщил, что им принято «... из пехотных полков: 4-го - 1110 пик и 1764 топора и 5-го - 1755 пик и 1655 топоров и всего 2465 (пик-авт.)... в числе коих поломанных 50 и 3419 топоров, которые и хранятся на отведенном мне для приема воинов квартире...» [20, л.2]. Батальонные командиры 3-го полка Макашев, Стремоухов и Мельников сдали «изрядное количество» оружия в Арзамасе «управляющему должность уездного предводителя дворянства» уездному судье Вешнякову [20, л.4].

Было оставлено в губернии и значительное количество стрелкового оружия, но, скорее всего, не по причине его переизбытка в ополчении, а по причине «некондиционности» и сомнительной надежности, а также ввиду необходимости вооружения собственно резервного ополчения. В числе этого оружия, согласно «Ведомости о числе оружия, оставшегося по снабжении полков нижегородской военной силы, выступивших в поход» [21, л.1], было: «Ружей, принятых от нижегородского полицмейстера Бабушкина, исправленных починкой 153; из пожертвованных от нижегородского дворянства 125; на людях, оставшихся от первого ополчения, из принятых от нижегородского полицмейстера Бабушкина, без всякой починки, со штыками 50; охотничьих, без штыков 91; поступивших с воинами из Горбатовского уезда 48. Всего: 467» [22, л.1]. Почти все это оружие сначала поступило в ведение начальника «заресформных команд» князя Звенигородского «для вооружения собираемых воинов» [23, л.144], а затем, в ходе сбора резервного ополчения, выдавалось по подразделениям. В марте 1813 г., согласно квитанции «нынешнего» правителя канцелярии комитета вооружений Столицы, данной правителю канцелярии прежнего состава Корепину, по результатам поверки оружия «из представленных в комитет вооружения оставших (ся) от бывшей милиции разнокалиберных ружей со штыками в новых ложах в медной оправе годных к употреблению 214 ружей и к ним новых пыжевников и отверток 51» [22, л.2].

Известно, что в мае 1813 г. из этого количества ружей 125 единиц, со многими неисправностями, были приняты сотенным начальником Львовым на вооружение 2-го полка резервного ополчения [24, л.345]; в мае же 125 ружей были получены и в 1-м полку «и розданы по всем батальонам для научения воинов чистке и разборке их, а также и приемам, на каковой случай истребованы от Арзамасской инвалидной команды 8-мь человек военнослужащих...» [24, л.67]. Вероятно, такое же количество ружей было получено и в 3-м полку резервного ополчения. Кроме того, было оставлено на местах и значительное количество сабель («...принятых от нижегородского полицмейстера Бабушкина в железной оправе и с деревянными ручками 63; пожертвованных от дворянства 53» [25, л.1]), всего 116 штук.

Всего, по сдаче оружия командированными от полков (первого ополчения) офицерами, на складах в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове и Лыскове значилось, помимо уже указанного количества ружей и сабель, 9510 пик, «в том числе 6810, которые остались от 5-ти пехотных полков вместо поступивших во оные ружей» [25, л.1], которые, согласно упомянутой «Ведомости», по местам их приема и складирования, распределялись так: «В городе Нижнем на воинах команде штабс-капитана Бутурлина 66; От 2-го пехотного полка 131; Оставшихся от 1-го и 2-го пехотных полков в ведении господина нижегородского уездного предводителя дворянства Ленивцева 4012; В Арзамасе: в команде батальонного начальника господина Бетлинга на воинах, оставленных от 3-го пехотного полка 143; управляющего должность уездного предводителя дворянства уездного судьи господина Вешнякова 1348; Макарьевского уезда в селе Лысково у господина Макарьевского предводителя дворянства Ленъкова от 4-го полка 1110, от 5 полка 1755; В ведении ардатовского земского исправника Кашкарова, заготовленных бывшим уездным предводителем Стремоуховым 800; В цейхгаузе в Нижнем, без древков 107, с древками 44» [25, л.1об.]. Объем заготовленного «колющего» оружия, оказался, в итоге, чрезмерным. Так, в частности, пики, несколько поспешно заказанные на заводе Баташева в Выксе (накануне похода первого ополчения), долго не могли найти себе применения и по этой причине пострадал изготовитель (завод Баташева), поскольку была серьезно задержана оплата за них - до осени 1814 г., когда вопрос все-таки разрешился [26, л.1]. В марте 1813 г. 2465 пик, оставшихся от 4-го и 5-го полков нижегородского ополчения, было отдано в резервное ополчение «присланному от полковника Визина пятидесятому начальнику Косткину» [20, л.10]. Всего же для вооружения резервного ополчения (вероятно, всего III округа), на складах имелось (на январь 1813 г.) более 14 тыс. пик (заготовленных в губерниях III-го ополченского округа) и 5 тыс. копий, «пожертвованных астраханскими жителями» [27, л.11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2018. №1. С.116-117
2. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2019. №2. С.129-131
3. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Особенности формирования офицерского корпуса в нижегородском ополчении 1812 г.//Вопросы истории. 2020. №1. С.121-128
4. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6 (3). С.95-99
5. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г.//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. №5 (96). С.95-98
6. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813-1814 гг. Н. Новгород: НО ИРИ, 2012. 158 с.
7. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов /Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 548 с.
8. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы//Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.2018. №2. С.67-77
9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века)// Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.96-99
10. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году//Военно-исторический журнал. 2019. №2. С.75-79
11. Николаев Д.А. Комплекс документов по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции. Редактор-составитель А.И. Раздорский. Редколлегия: В.Н. Беляева [и др.]. 2018. С.345-349
12. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции. Под редакцией В.И. Грубова, А.А. Исакова. 2019. С.39-43
13. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.)//Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.58-62
14. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в 1812 г.//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №12. С.58-61
15. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Логистические особенности обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. на начальном этапе его формирования (сентябрь – октябрь 1812 г.)//Вопросы истории. 2020. №2. С.217-224
16. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Страницы истории нижегородского ополчения 1812 г.: проблема «лишнего» оружия//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №9. С.35-37
17. Хвостова И.А., Николаев Д.А. «...Упражняются... в пьянстве и буйстве...»: формирование и девиантные особенности походного марша 3-го полка нижегородского ополчения (сентябрь 1812 – июнь 1813 гг.)//История: факты и символы. 2019. №4 (21). С.27-36
18. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.)//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. №3 (106). С.98-103
19. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.)// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. №2 (99). С.115-119
20. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф.1822, Оп.1, Д.58
21. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.171
22. ЦАНО, Ф.1822, Оп.2, Д.6
23. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.14
24. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.160
25. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.171
26. ЦАНО, Ф.835, Оп.1, Д.9, Л.1
27. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.134

© Николаев Дмитрий Андреевич (dmnikolaeff@mail.ru), Хвостова Ирина Алексеевна (iri-khv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ БАТАЛЬОНА СТРЕЛКОВ МИЛИЦИИ – ОДИН ИЗ ЭТАПОВ СОЗИДАНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1806-1807 ГГ.

THE FORMATION OF A BATTALION OF MILITIA RIFLEMEN IS ONE OF THE STAGES OF THE CREATION OF THE NIZHNY NOVGOROD MILITIA IN 1806-1807

**D. Nikolaev
I. Khvostova**

Summary: The article is devoted to the consideration of the features of the initial stage of the formation of the Nizhny Novgorod militia in 1806: the identification of the number of militia and the analysis of the class-corporate features of the era identified in the process of collecting the militia. Based on the study of the materials of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region and the analysis of historiographical works, the general and special features of the local militia corps at an early stage of its formation are revealed.

Keywords: Nizhny Novgorod province, Nizhny Novgorod militia of 1806, volunteer movement, Napoleonic Wars, officers, military and civilian ranks, mobilization.

Николаев Дмитрий Андреевич

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
dmnikolaeff@mail.ru

Хвостова Ирина Алексеевна

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
iri-khv@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей начального этапа формирования нижегородского ополчения 1806 г.: выявлению количества ополченцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора ополчения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены общие и особенные черты местного ополченного корпуса на ранней стадии его формирования.

Ключевые слова: Нижегородская губерния, нижегородское ополчение 1806 г., добровольческое движение, наполеоновские войны, офицерский состав, военные и гражданские чины, мобилизация.

После вторжения войск Наполеона на территорию Российской Империи, Александр I в официальном рескрипте сообщил о начале новой войны [2, с.129] и выразил мнение, что этот ее этап носит общий и всенародный характер [1, с.117]. Манифестом от 6 июля 1812 г., обращенном ко всем подданным и сословиям Империи, утверждалась необходимость создания по всей стране местных губернских ополчений, которые «составляли бы вторую ограду, в подкрепление первой (т.е. регулярных войск – авт.) и в защиту домов, жен и детей...»; несколько позднее территории, где должны быть созданы ополчения, ограничили 16-ю губерниями, ближе всего расположенных к местам боевых действий [6, с.39]. 1 сентября 1812, согласно формализованным положениям, начался сбор ополчения в Нижегородской губернии, которое действительно стало народным [4, с.95], поскольку состояло, в основной своей массе, из помещичьих крестьян, и дворянским [9, с.96], по своему начальствующему офицерскому составу [3, с.121]. Всего по губернии, с сентября по декабрь 1812 г., подлежало сбору 12 275 пеших и 653 конных воинов для формирования 5 пехотных и 1 кавалерийского полков под командованием полковников А.К. Шебуева [17, с.27], А.П. Ровинского, Я.И. Каратаева, Ф.Ф. Ралля и Ф.И. Звенигородского [18,

с.98]. Конный полк ополчения возглавил действительный статский советник П.Ф. Козлов [19, с.115]. Среди полномочных структур [15, с.217], созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований [5, с.95] и вооружения [13, с.58]. Обмундирование [14, с.58], снаряжение [12, с.39] и даже вооружение [10, с.75] ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков [11, с.345], либо мещанских сообществ [16, с.35]. Все полки нижегородского ополчения входили в состав так называемого III ополченного округа (вместе с ополчениями казанским, вятским, симбирским, пензенским и костромским) [7, с.368] под предводительством генерал-лейтенанта П.А. Толстого [8, с.67]; начальником же нижегородского ополчения являлся князь Г.А. Грузинский.

Но следует учесть, что первый опыт формирования региональных ополчений России был получен гораздо ранее. Осенью 1806 г. образовалась очередная, 4-я по счету антинаполеоновская коалиция (в составе Англии, Пруссии, Швеции и России), но действия ее против Наполеона были не очень удачными: в октябре 1806 г. Пруссия потерпела тяжелые поражения и ее террито-

рия была оккупирована, что напрямую угрожало границам Российской империи. В этих условиях Александр I принимает решение о мобилизации дополнительных сил и 30 ноября 1806 г. был обнародован манифест «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений, или милиции», согласно которому, на территориях 31 губернии Российской империи, создавалось 7 т.н. «областных войск» общей численностью 612000 чел. Нижегородская губерния входила в VII областное войско (вместе с губерниями Вятской, Казанской, Костромской и Вологодской) и была обязана собрать, снарядить (в трехмесячный срок) и отправить на воинскую службу 16500 ратников. Главкомандующим ополченской милиции VII области был назначен генерал-от-инфантерии князь Ю.В. Долгоруков; губернским же начальником милиции стал генерал-лейтенант И. С. Белавин.

Список ратников земской милиции по уездам выглядел следующим образом: Нижегородский уезд – 1792 ополченца, Ардатовский уезд – 1459, Арзамасский уезд – 1770, Балахнинский уезд – 1474, Васильский уезд – 1179, Горбатовский уезд – 1368, Княгининский уезд – 1540, Лукояновский уезд – 2158, Макарьевский уезд – 1130, Семеновский уезд – 1073, Сергачский уезд – 1557 человек. Всего насчитывалось, строго по положенному «областному» расписанию, 16500 человек [20, л.96]. Следует отметить, что успешный набор ратников в установленные сроки стал возможен не только благодаря действиям властей – административных и вотчинных – ратники, фактически, набирались «на бумаге», оставаясь, будучи записанными в ополчение, «в своих селениях» и выполняя прежние обязанности, изредка являясь, как правило, по воскресеньям, на военно-учебные сборы, без врачебного освидетельствования на пригодность к службе и при непостоянном военно-административном контроле. На этом содержание первоначальных мероприятий по формированию «списочного» состава нижегородского ополчения было исчерпано.

Второй этап сбора ополчения начался 7 марта 1807 г., когда последовал указ императора об отборе из числа милицейских ратников тех, кто умеет хорошо обращаться с огнестрельным оружием и формировании в 18-ти губерниях России стрелковых батальонов из четырех рот, которые направлялись в определенные указом местности. На имя гражданского губернатора поступило «Примерное положение для батальона стрелков милиции из четырех рот состоящего», в котором были расписаны штаты батальона численностью 680 военнослужащих, из которых 600 составляли рядовые ратники. Согласно штатному расписанию, начальник батальона назначался из тысячных, или пятисотенных ополченских чинов. Предполагалось наличие пяти сотенных начальников, 14-ти начальников пятидесятных (один из которых исполнял обязанности квартирмейстера и казначея, а другой – обязанности адъютанта) [21, л.124]. Унтер-

офицерский состав батальона включал в себя 28 человек: 4 старших унтер-офицера и 24 младших, из которых в должностях каптенармусов состояли 4 человека [21, л.124об.]. В каждой роте «четырёхротного батальона» наличествовало по 150 рядовых; в батальоне имелось 5 барабанщиков (1 батальонный и 4 ротных); среди нестроевых медицинских служителей насчитывалось по 1 лекару, фельдшеру, вагенмейстеру, «надзирателю больных» и 4 санитару («лазаретных служителя»); нестроевых же служащих прочих специальностей было: 1 батальонный писарь, 1 писарь «квартирмейстерский и казначейский», 1 ложник (мастер, приводящий в исправность ружейные ложи – Д.Н.), 1 помощник ложника, 1 слесарь, 1 помощник слесаря, 1 кузнец, 1 помощник кузнеца, 1 плотник, 1 помощник плотника, 7 фурлейтов (возниц – Д.Н.) и 1 профос (должностное лицо их нижних чинов, выполняющее различные вспомогательные функции – Д.Н.) [21, л.124об.].

В состав имущества обоза батальона входили 15 лошадей (8 – для перевозки на колесах патронных ящиков; 7 – к прочим повозкам); 4 колесных патронных ящика, повозки: «казначейская», медико-санитарная, а также «для инструментов и письменных дел» [21, л.124об.]. На покупку лошадей, «как обоз готов будет», командиру батальона отпускал средства начальник губернской милиции [21, л.125].

Название новообразованному батальону было предписано иметь по названию губернии, «из коих они наряжены» («...например, батальон стрелков московской милиции, батальон стрелков черниговской милиции и проч...» [21, л.124об.]) и новый батальон получил наименование «батальона стрелков нижегородской милиции» с соответствующими окладами жалованья всем его должностным лицам [21, л.124об.] и провиантским обеспечением «против солдатских дач, а фураж для лошадей в положенное время из провиантского ведомства на счет той же, собранной для милиции, суммы» [21, л.124об.]. За счет той же суммы должны были приобретаться и некоторые предметы вооружения и амуниции, «также кивера, шинели, кафтаны», а для нестроевых – сюртуки, панталоны, сапоги, рубашечный холст, галстуки; шанцевый и слесарно-плотничный инструмент; кремни, патронная бумага «по штатам егерских полков...и для письменных дел по 75 рублей в год из комиссариата» [21, л.125]. Порох и свинец для батальона поступал от Артиллерийского депо. «Мастеровых в батальоны определить знающих положенное ремесло, также и фурлейтов из записанных в милицию людей» [21, л.125].

О составе батальона известно, в частности, что, среди прочих ратников, в нем значились 96 «стрелков» Горбатовского уезда и 29 человек «Ардатовской округи» [21, л.149]; также есть сведения об одном добровольце, изъявившем желание вступить в стрелковый батальон –

«Ельнинской волости деревни Апалиха (Опалиха – Д.Н.) экономическом крестьянине Иване Игнатъеве Сонцове ...» [21, л.16].

Нижегородский батальон (окончательно сформированный 28 марта 1807 г.), командиром которого был на-

значен майор Е.С. Бабушкин, в составе сводного отряда таких же «именных» (по названиям губерний) батальонов VII областного войска был определен для командирования в Смоленскую губернию, т.е. ближе к местам возможных боевых действий. Второй этап формирования ополченских структур был завершен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2018. №1. С.116-117
2. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2019. №2. С.129-131
3. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Особенности формирования офицерского корпуса в нижегородском ополчении 1812 г.//Вопросы истории. 2020. №1. С.121-128
4. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6 (3). С.95-99
5. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г.//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. №5 (96). С.95-98
6. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813-1814 гг. Н. Новгород: НО ИРИ, 2012. 158 с.
7. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов /Под ред. Л. Г. Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 548 с.
8. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы//Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.2018. №2. С.67-77
9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века)// Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.96-99
10. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году//Военно-исторический журнал. 2019. №2. С.75-79
11. Николаев Д.А. Комплекс документов по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI – XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции. Редактор-составитель А.И. Раздорский. Редколлегия: В.Н. Беляева [и др.]. 2018. С.345-349
12. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции. Под редакцией В.И. Грубова, А.А. Исакова. 2019. С.39-43
13. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.)//Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.58-62
14. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в 1812 г.//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. №12. С.58-61
15. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Логистические особенности обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. на начальном этапе его формирования (сентябрь – октябрь 1812 г.)//Вопросы истории. 2020. №2. С.217-224
16. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Страницы истории нижегородского ополчения 1812 г.: проблема «лишнего» оружия//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №9. С.35-37
17. Хвостова И.А., Николаев Д.А. «...Упражняются... в пьянстве и буйстве...»: формирование и девиантные особенности походного марша 3-го полка нижегородского ополчения (сентябрь 1812 – июнь 1813 гг.)//История: факты и символы. 2019. №4 (21). С.27-36
18. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.)//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. №3 (106). С.98-103
19. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.)// Гуманитарные и социально-экономические науки. 2018. №2 (99). С.115-119
20. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф.2, Оп.4, Д.56
21. ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.59

© Николаев Дмитрий Андреевич (dmnikolaeff@mail.ru), Хвостова Ирина Алексеевна (iri-khv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И РАСПОРЯЖЕНИЕ ИМУЩЕСТВОМ ДВОРЯНСТВА СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ

Следнева Анна Александровна

Аспирант, Российская Академия Народного Хозяйства и
Государственной Службы при Президенте
Российской Федерации
annasledneva@mail.ru

LAND OWNERSHIP AND DISPOSAL OF THE PROPERTY OF THE NOBILITY OF THE SMOLENSK PROVINCE AT THE END OF THE 18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

A. Sledneva

Summary: Purpose: the purpose of this study is to analyze the basics of land ownership and disposal of the property of the nobility of the Smolensk province at the end of the XVIII - first half of the XIX centuries.

Methods: the article reveals the methods of system analysis and critical understanding of the foundations of land ownership and disposal of the property of the nobility of Smolensk province at the end of the XVIII - first half of the XIX centuries.

Results: the relationship between representatives of privileged estates is analyzed. The situation of the nobility in the Smolensk province is considered. It is indicated what is the position of the nobility in matters of property and land use.

Conclusions: in this article, the author examines the process of formation of estates, as well as the position of privileged strata in society. Such estates as nobility, philistinism and merchants are distinguished. The issue of the land and property status of the nobility, as well as the legal basis for the privileged estate, is considered.

Keywords: land ownership, disposal of property, vicerealty; merchant class, philistinism, privileged estate, nobility of Smolensk province.

Аннотация: **Цель:** целью данного исследования является анализ основ землевладения и распоряжения имуществом дворянства Смоленской губернии в конце XVIII - первой половине XIX вв.

Методы: статья раскрывает методы системного анализа и критического осмысления основ землевладения и распоряжения имуществом дворянства Смоленской губернии в конце XVIII - первой половине XIX вв.

Результаты: проанализированы взаимоотношения между представителями привилегированных сословий. Рассмотрено положение дворянства в Смоленской губернии. Обозначено что представляет собой положение дворянского сословия в вопросах имущества и землепользования.

Выводы: в настоящей статье автором рассмотрен процесс становления сословий, а также положение привилегированных слоев в обществе. Выделены такие сословия, как дворянство, мещанство и купечество. Рассмотрен вопрос земельного и имущественного положения дворянства, а также правовые основы для привилегированного сословия.

Ключевые слова: землевладение, распоряжение имуществом, наместничество, купечество, мещанство, привилегированное сословие, дворянство Смоленской губернии.

Введение

Исследовательская работа проводилась в рассмотрении такого социального института, как дворянство. На современном этапе развития исторической науки данная проблема занимает одно из приоритетных и значительных направлений. В исследовании раскрывается не только специфика этой социальной группы, но и показывается положение в обществе, место в политике, в степени духовного развития страны, роль в развитии общественных отношений и особенности менталитета. Поэтому особый интерес вызывает провинциальное дворянство, в моем исследовании это продемонстрировано на примере Смоленской губернии.

При изучении социальной структуры уездных городов Смоленской губернии в данной работе будет

использоваться термин «сословие». Крупный исследователь социальной истории России Б.Н. Миронов выделил ряд признаков этого понятия: «1) каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе; 2) сословные права передаются по наследству, следовательно, приобретаются по рождению; 3) представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации; 4) сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием; 5) сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях); существуют внешние признаки сословной принадлежности – одежда, причёска, особые украшения и т.п.». [6, с.656-657] Понятию «сословие» в русском законодательстве в XVIII – первой половине XIX в., как справедливо отмечает Миронов, со-

ответствовало понятие «состояние».

Термин «посадские люди» существовал до конца XVIII в., когда представителей этого сословия стали именовать мещанами, но прежнее название иногда продолжали упоминать. Посадские выполняли многочисленные повинности, платили натуральные и денежные подати (несли тягло). При этом круг их деятельности ограничен не был. [9, с.656-657] Миронов называет «посадских людей» предшественниками т.н. «городского сословия», которое разделяет на страты, отличавшиеся «правами, профессиональной деятельностью и доходами», [6, с.658] а именно на купцов, мещан, ремесленников, городских обывателей, цеховых, почётных граждан. В «Своде законов Российской империи» городскими обывателями называются: «1) все те, кои в городе или старожилы, или родились, или поселились; 2) лица, имеющие в городе дома или иное строение, или место, или землю; 3) записанные в гильдии или в цехи; 4) те, которые отправляли службу городскую, или записаны в мещанство». [8, с.59] В данной статье, во избежание путаницы, будет использоваться термин «мещане».

В городах купечество владело предприятиями и занималось торговлей. Они назывались «третьим» привилегированным сословием, «первым и вторым» было дворянство и духовенство. Статус купца можно было определить при помощи имущественного ценза. По гильдейской реформе, которая проводилась до 1775 года, купечество делилось на гильдии по имущественному состоянию. Платили 40-алтынный подушный оклад, и не платили гильдейскую подать. После 1775 года изменилось налогообложение, гильдейскую принадлежность купца определяли размеры капитала. От своего капитала купцу необходимо было делать гильдейский взнос в размере 1 %. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (Жалованная грамота городам) 1785 г. дала возможность монополии на торговую деятельность, по этой причине численность «третьего» сословия выросла.

Особенностью смоленского купечества был рост численности и увеличение капиталов за счет купцов третьей гильдии. Причины этого успеха: недостаток крупных капиталов и высокие налоги за свидетельства на торговлю. Конкуренция между смоленскими купцами, мещанами с иногородними купцами и местным крестьянством представляла препятствия в развитии торговли и купеческого предпринимательства. Но, стоит заметить «участие в конкурентной борьбе при неравных условиях было для смоленских купцов явлением почти привычным». [2, с.12]

Мещанское сословие по статусу было ниже купеческого. Мещанами становились: сельские обыватели; дети

личных дворян, не имевших офицерских чинов и пользовавшихся правами потомственных почётных граждан по закону; «инородцы» и «все вообще лица, имеющие право или обязанность избрать род жизни». Близкими к ним по положению были цеховые: в это сословие вошли люди, которые «в городе ремесло или рукоделие производить желает» и которым мог быть присвоен статус мещанина, согласно городскому положению. [4]

Почётные граждане могли быть личными или потомственными, звание присваивалось согласно императорского указа. Потомственное почётное гражданство как правило получали: дети личных дворян; дети православных священников, окончивших семинарию или духовную академию; купцы первых двух гильдий; учёные и художники с учёной степенью; мануфактур- и коммерц-советники – по ходатайству. Личное почётное гражданство давалось детям духовенства, у которого не было соответствующего образования. Дворянство считалось одним из высших привилегированных сословий, но не городских. Это сословие имело привилегии, закреплённые в законе и передаваемые по наследству. Соответственно, потомственные дворяне – это те, кто получал данные привилегии от родителей, а личные – те, кто получали ордена, чины по службе или были произведены в дворяне по особому высочайшему усмотрению.

Земля для поместья, передаваемая «на прожиток» была в собственности у государства, реже у церкви, но никогда не в собственности помещика. Поэтому «решение о предоставлении «прожитка» принималось либо органами государственной власти (обычно – царем), [5, с. 371-483] если земля была государственной, либо высшими церковными иерархами (патриархом или митрополитом) [1, с.372], если земля была церковной». Оформлялись такие решения указными или при помощи жалованных грамот, но не составлением частных актов чиновниками.

Нуждающийся помещик писал челобитную и решение по наделению его «прожитком» принималось индивидуально. Наделение «прожитком» не было обязательным по законодательству, некоторые семьи к тому же не нуждались, так как у них были вотчины. Государство или церковь руководствовались принципом полезности при раздаче земель, как только временно владеющий уходил в отставку или умирал, так сразу земля передавалась другому служащему, по мнению истинных владельцев земля всегда должна была быть в службе.

После 1785 года по «Жалованной грамоте» дворянство освобождалось от обязательной службы, телесных наказаний и личных податей. А самое главное имения переходили в собственность помещиков. Разрешалось иметь собственные фабрики и заводы. И здесь намеча-

ется интересный факт, что к концу XVIII века можно было увидеть дворянство только в крупнейших городах. Наибольший удельный вес представителей данного сословия приходился на Смоленск. Если посмотреть в «Описания Смоленского наместничества», то общее количество жителей составляет 357601 человек, [7] и вес дворянства составлял лишь 0,6 %. Численность дворянства в уездах была практически такой же, как и в городах. В 1833 году в губернии проживало 13198 душ мужского пола и 13667 женского пола при общем количестве населения 1024357 человек. [3]

При городских магистратах и уездных судах были созданы сословные органы по опеке. В состав сиротского суда входили городской голова, городской староста и члены магистрата, в состав дворянской опеки – уездный предводитель дворянства, уездный судья и заседатели. На них возлагалась обязанность сохранения дворянской собственности, если её владельцами становились «по-

рочные» люди, малолетние или вдовы.

Заключение

Несмотря на расширение численности, в начале XIX в. купечество пришло в упадок, что было «отражённым показателем роста прогрессивных общественно-экономических сил». К этому стоит добавить, что об упадке купечества можно говорить применительно к 1840–1860-м гг., в связи с чем в этот период всё большее число горожан причисляется к мещанам. Исследование вопроса о провинциальном дворянстве приобрело ещё большую значимость в связи с преодолением некоторых устоявшихся стереотипов, возникших в исторической науке при изучении истории провинции. Согласно Своду законов Российской империи, дворянство определялось как сословие, привилегии которого были обоснованы за счет их личных качеств и заслуг перед народом и Родиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1841. № 315
2. Беспалёнок Е. Д. Вечные проблемы (что препятствовало развитию купеческого предпринимательства в смоленском крае в XVIII веке). / Край Смоленский. 2003. № 11-12. – 80 с.
3. ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д.23. Л.1
4. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗРИ-1. Т. XXII. Закон №16187.
5. Дополнения к актам историческим. Т. 2. СПб., 1846. № 40. - 148 с.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Т. 1. СПб., - 582 с.
7. РГАДА. Ф. 16. Д. 953. Л. 18. 62. 63
8. Свод законов Российской империи. Т. 9. Свод законов о состояниях. СПб., 1899. С. 59.
9. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIVА. – 502 с.

© Следнева Анна Александровна (annasledneva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРЕСТОВНИКОВЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕМЕЙНОЙ ФИРМЫ ДО 1855 ГОДА

Фан-Юнг Герман Юрьевич

К.и.н., доцент, Казанский инновационный университет

ger-fan-yung@yandex.ru

THE KRESTOVNIKOV'S: FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF THE FAMILY FIRM BEFORE 1855

G. Fan-Yung

Summary: As an object of research in this article, we have designated the history of the Krestovnikov family before 1855. The subject of the study is the emergence and development of a family firm. The author investigates the most important events from the history of this entrepreneurial surname. The specific enterprises that were in the possession of this "clan" before 1855 are indicated. The objective relationship between the improvement of production, functioning in the conditions of the first half of the XIX century, and entrepreneurial success is briefly analyzed. In this work, we used not only universal methods of scientific cognition (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.), but also the most important principles of historical cognition (principles of historicism, the principle of comprehensive study of history, the principle of objectivity, etc.). It was impossible to do without special methods of historical research (narrative, historical and genetic, synchronistic and others). All this made it possible to make a critical analysis of published and unpublished sources; adequately assess the experience of the Krestovnikov brothers as entrepreneurs, identify similar signs of homogeneous processes (objective prerequisites for the formation and development of the domestic pre-revolutionary industry), etc. An important conclusion is made about the level of professional training of brothers-entrepreneurs on the eve of their founding of the first advanced high-tech production in the Kazan province.

Keywords: advanced enterprises of pre-revolutionary Russia, Krestovnikov brothers, Kazan province, Kazan stearin-soap, glycerin and chemical plant.

Аннотация: В качестве объекта исследования в этой статье мы обозначили историю семьи Крестовниковых до 1855 года. Предметом исследования выступает возникновение и развитие семейной фирмы. Автором исследованы важнейшие события из истории этой предпринимательской фамилии. Обозначены конкретные предприятия, находившиеся во владении этого «клана» до 1855 года. Кратко проанализирована объективная взаимосвязь между совершенствованием производства, функционировавшим в условиях первой половины XIX столетия, и предпринимательским успехом. В этой работе нами использованы не только универсальные методы научного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез и пр.), но и важнейшие принципы исторического познания (принципы историзма, принцип всесторонности изучения истории, принцип объективности и др.). Нельзя было обойтись и без специальных методов исторических исследований (нарративного, историко-генетического, синхронистического и других). Все это позволило произвести критический анализ опубликованных и неопубликованных источников; адекватно оценить опыт братьев Крестовниковых как предпринимателей, выявить схожие признаки однородных процессов (объективные предпосылки становления и развития отечественной дореволюционной промышленности) и т.д. Сделан важный вывод об уровне профессиональной подготовки братьев-предпринимателей накануне основания ими первого передового наукоёмкого производства в Казанской губернии.

Ключевые слова: передовые предприятия дореволюционной России, братья Крестовниковы, Казанская губерния, Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод.

В начале XX века семейный «клан» предпринимателей Крестовниковых занимал одну из высших ступеней в отечественной предпринимательской иерархии. Это была большая и очень состоятельная семья, породившаяся с аналогичными «кланами» Стахеевых и Морозовых. Однако в отличие от упомянутых выше семей они остаются для наших современников малоизвестной и полузабытой фамилией, неким почти стёртым из памяти образом, известным лишь узким специалистам.

Вместе с тем, в опубликованных нами в 2014–2022 годах работах, основанных на солидной источниковой базе, научно обоснован весьма значительный вклад семерых братьев Крестовниковых, московско-казанских предпринимателей II половины XIX – начала XX веков,

в экономическое и социальное развитие, как минимум, города Казани. Где, 1 (13) июня 1855 года, братья Крестовниковы основали в г. Казани передовое химическое предприятие (ныне – ПАО «НЭФИС»), намного опережавшее свое время и действовавшее, по выражению академика А.М. Бутлерова, «на рациональных началах науки».

К концу XIX столетия благодаря усилиям всех семерых братьев данное предприятие стало самым крупным заводом стеариново-мыловаренной подотрасли отечественной химической промышленности, выступавшим как материальное свидетельство их предпринимательского успеха. Именно на нём в 1915 году было налажено производство первых партий отечественного аспирина. Несмотря на всё это память о братьях Крестовниковых

не увековечена ни в казанской городской топонимике, ни в виде памятника или мемориальной доски. Этот факт вызывает искреннее удивление, ибо историческая часть г. Казани, претендующей на статус значимого туристического центра, изобилует арт-объектами, не несущими никакой смысловой нагрузки («Конь в пальто» и пр.).

В рамках этой работы предпринята очередная попытка пробудить интерес, и к личностям этих замечательных российских предпринимателей, и к значимому опыту, накопленному ими. Отметим, что о жизни и предпринимательской деятельности братьев Крестовниковых сохранилось множество письменных свидетельств, но одним из самых значимым из них, на наш взгляд, выступают мемуары Н.К. Крестовникова, получившие название «Семейная хроника Крестовниковых» и изданные с красноречивой пометкой – «не для продажи» [1]. Отметим, что Н.К. Крестовников был одним из семерых братьев-основателей упомянутого выше наукоёмкого химического производства в г. Казани.

«Семейная хроника ...» состоит из трёх книг. Книга 1 написана «живым» языком и представляет собой авторский текст, посвящённый родословной Крестовниковых и их ближайших родственников (Москвины, Живаго и Куманины). Н.К. Крестовников довольно ярко описал детство и юность братьев, их взаимоотношения между собой и некоторые детские впечатления. Значительное место в первом томе занимает повествование о становлении и развитии семейного бизнеса. Автор мемуаров повествует и о функционировании их Казанского завода до 1903 г. Кроме того, первый том снабжён весьма содержательным приложением: фотографии братьев и их родственников, отдельные документы и etc. Книга 2 «Семейной хроники ...» представляет собой сборник избранных писем и воспоминаний о наиболее интересных заграничных вояжах представителей семьи. Книга 3 включает в себя менее значимую переписку между членами семьи Крестовниковых и их многочисленной роднёй.

Перед написанием «Семейной хроники ...» Николай Константинович Крестовников постарался как можно подробнее изучить родословную своей семьи. Он упоминал, что использовал для этого различные исторические источники, включая исповедные и метрические книги, различную историческую литературу. В этом деле ему помогал профессиональный архивный работник И.Н. Николаев, что повышает научную ценность данного мемуарного источника [1;1;2]. Этому архивисту удалось выяснить «из писцовой книги 1628–31г.», что семья Крестовниковых происходила из приписных монастырских крестьян Луговой слободки Данилова монастыря, расположенного близ Переславля-Залесского Костромской губернии [1;1;3] и не относилась к т.н. «староверам». В целом, подавляющее большинство сведений, о которых сообщает автор «Семейной хроники ...», подтверждает-

ся значительным комплексом опубликованных и неопубликованных источников.

Итак, Братья Крестовниковы, основавшие стеариново-мыловаренный и химический завод в г. Казани, происходили из сравнительно известной московской купеческой династии. С 1832 года члены этой семьи были причислены к сословию потомственных почётных граждан. В начале XX века Крестовниковы были пожалованы потомственным дворянством [2; 64]. Следовательно, преодолев сословные и прочие «барьеры», семейный «клан» смог продемонстрировать относительно высокую социальную мобильность. Ибо, всего лишь за одно столетие, Крестовниковы смогли совершить довольно быстрый подъём по «социальной лестнице».

По данным И.Н. Николаева, условным родоначальником фамилии был монастырский крестьянин «Лев Михайлов». А возникновение прозвище «Крестовник» этот исследователь объяснил тем, что членам этой семейной группы монастырское начальство доверяло носить кресты и хоругви во время церковных праздников [1;1; 3 – 5]. С последней четверти XVIII века наиболее активные представители крестьянского сословия старались из него выйти, «... приписываясь в купечество, частью местное, частью других городов, в том числе и Москвы» [1;1;4–5]. Именно этим объясняется тот факт, что род Крестовниковых более не упоминается в документах среди крестьянских родов.

Н.К. Крестовников обозначил своего деда в качестве первого купца в их роду. Его звали Козьма Васильевич Крестовников (1753 – 1814гг.), выходец из г. Переславля-Залесского. Он смог стать «сильным» купцом, твёрдо вставшим «на Москве»: в 1795 году он купил большой дом, а в 1812 году получил звание коммерции советника [1;1;23]. К.В. Крестовников имел в Москве сахаро-рафинадный завод и производство по изготовлению свинцовых белил, «... выписывал из-за границы сахарный тростниковый песок, кофе, пряжу, москательные и др. товары; вёл большую торговлю в Архангельске, в Оренбурге, где покупал привозные товары и продавал московские; он торговал в Макарьевской и Ирбитской ярмарках; посылал своих людей ... и на Лейпцигскую ярмарку» [1;1;25]. Интересно, что городским головой в Москве в 1812 году был дальний родственник семьи Крестовниковых – Алексей Алексеевич Куманин.

Упомянутый дом Козьмы Васильевича «... состоял из главного корпуса в стиле Александровской эпохи и трёх больших каменных флигелей и ... обширных служб на дворе. При доме было два сада, из коих один фруктовый, изобиловавший яблоками и грушами ... дед был хлебо-сол, ... давал балы и маскарады, ... ездил в торжественных случаях четвёркой цугом на дорогах лошадях; выезд был богатый и лучший в Москве» [1;1;24].

Козьма Васильевич Крестовников оставил после себя четырёх сыновей – Петра (1786 – 1818 гг.), Александра (1794 – 1850 гг.), Ксенофонта (1796 – 1832 гг.), Константина (1796 – 1841 гг.) и дочь Марию (1791 – 1868 гг.). Если учесть, что Козьма Васильевич ушёл из жизни в 1814 году, то первый настоящий значительный подъём по социальной лестнице члены этой семьи совершили, примерно за четверть века.

Однако, не вызывает сомнения, что социально-экономические реалии в первые два десятилетия XIX века не создавали оптимальных условий для развития отечественного предпринимательства. Можно утверждать, что в тот период семейный бизнес несколько раз находился под угрозой полного краха.

Первым серьёзным ударом по семейному бизнесу стал московский пожар 1812 года. Николай Константинович отмечал, что «дедушкин дом сгорел, сгорели и громадные склады товаров ..., а что не успело сгореть, было разграблено» [1;1;26]. Следующим крупным потрясением для «крестовниковской» торгово-промышленной компании стала экономическая политика последних лет правления императора Александра I, когда произошло «... неожиданно разорительное понижение тарифных ставок на привозные товары. Безмысленная мера Министра Финансов графа Гурьева (тарифы 1816 и 1819 г.) ... принесла столько же вреда, сколько и нашествие «двунадесяти языкъ» [1;1;26].

Несмотря на сохранившиеся устойчивые деловые связи, производственные возможности торгово-промышленной компании Крестовниковых существенно пошатнулись, т.к. внешнеторговые операции стали убыточными, а оба их «завода» работали на импортном сырье. Вызывал сомнение и «миллионный баланс». Ибо, как указывал Николай Константинович, «... на 1818 г. капитал нашей фирмы был 1.126.000 рублей. Каких рублей? Счёт вели тогда на ассигнации, курс которых в 1811 году был 23 ½ копейки металлических ...» [1;1;34].

Ранее, стремясь восстановить своё пошатнувшееся финансовое положение, Крестовниковы, ещё явно не ожидая введения непродуманных «гурьевских» тарифов, основали в 1814 году селе Поляна, Московского уезда, «... Озерецкой волости, в 32 верстах от Москвы по Дмитровскому тракту ...» ткацкую фабрику [1;1;36]. Очевидно, что убытки, причинённые опустошительной войной 1812 – 1814 гг., они стремились покрыть за счёт диверсификации производства.

Н.К. Крестовников свидетельствовал, что это предприятие работало на привозном сырье: «из главной книги за 1817 г, хранящейся в архиве Правления Т-ва Братьев Крестовниковых, видно, что ... ткацкая фабрика в Поляне ... и при ней английской пряжи на 124.000 руб.» [1;1;34]. После введения в России нового таможенного

тарифа 1822 года, коренным образом отличавшегося от «гурьевских тарифов» своим протекционистским характером, угроза банкротства для семьи Крестовниковых миновала.

Продукция Полянкой ткацкой фабрики Крестовниковых получила самую широкую известность в стране. «... оборот нашего ткацкого дела ... доходил до 600 тыс. рублей серебром. Продажа шла в срок, торговали в Москве, в Зеркальном ряду, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках ...» [1;1;34]. В итоге, с 1832 года Александр Козьмич и Константин Козьмич были причислены к новому сословию, возникшему в это же время, став «потомственными почётными гражданами». Как личные, так и потомственные «почётные граждане» занимали привилегированное положение в социальной структуре государства, став ещё одной опорой монархии и выгодно отличаясь от «податных сословий» [3;23]. «Почётные граждане» могли поступать на государственную службу, были освобождены от телесных наказаний, от повинностей, в том числе и рекрутской повинности, не платили подушную подать [4;8].

В 1835 г., по итогам Московской мануфактурной выставки, Александр Козьмич Крестовников, дядя автора мемуаров, был награждён золотой медалью на Владимирской ленте. А его отец, Константин Козьмич, был удостоен золотой медали на Анненской ленте. В 1839 г. Александр Козьмич удостоен золотой медали на Александровской ленте, а Константин Козьмич – на Владимирской ленте [5;2]. На основании имеющихся источников можно утверждать, что в 30 – 40-х гг. XIX в. Полянская ткацкая фабрика стала основой экономического благосостояния семьи потомственных почётных граждан Крестовниковых.

Отец Николая Константиновича Крестовникова и его шестерых братьев, Константин Козьмич Крестовников (1796 – 1841 гг.), был женат на Надежде Александровне Москвиной (1806 – 1862 гг.). От неё имел девять детей, из которых двое умерли «во младенчестве». Семеро сыновей Константина Козьмича и являлись братьями Крестовниковыми, основавшими Казанский стеариново-мыловаренный и химический завод: Александр (1825 – 1881гг.), Валентин (1827 – 1896 гг.), Николай, автор воспоминаний о семье Крестовниковых (1831 г. – не позднее 1904г.), Константин (1830 – 1899 гг.), Владимир (1833 – 1901 гг.), Иосиф (1834 г. – не позднее февраля 1905г.), Сергей (1837 – 1891 гг.).

Детство будущих основателей казанского завода прошло «... в доме у Покровских казарм, с его садами и обширным двором... у нас были в разное время иностранцы-гувернёры и гувернантки: M-me Perret, M-r Christin со своим сыном Жаком и немец Карл Карлович ...» [1;1;49]. Родители семерых братьев отличались набожностью, посещали в праздничные дни церковь сами и требовали

этого от своих детей [1;1;67]. Беззаботное детство семерых братьев закончилось с внезапной смертью их отца.

Делами Полянской ткацкой фабрики занимался Александр Козьмич Крестовников. Этим же и объясняется более высокий, чем у Константина Козьмича, статус вручённых ему золотых медалей. Александр Козьмич «... следил за новостями в ткачестве ... первый ввёл в Москве резку плиса (1826 г.) ... состоял с 1-го января 1836 г по 1-е января 1840 г. членом Московского Коммерческого суда, а с 1845 по 1849 г. директором Московской конторы Государственного Коммерческого Банка» [1;1;31].

После внезапной смерти своего брата, Константина Козьмича, Александр Козьмич взял на себя все заботы о воспитании его семерых сыновей, оказывая им всестороннюю поддержку: «дядя наш Александр Козьмич был ближе к нам, чем другие дяди ...» [1;1;31]. Мальчикам по-прежнему нанимали домашних учителей и гувернёров, следивших за их воспитанием и образованием. Можно предположить, что А.К. Крестовников, дядя семерых братьев, растил себе помощников, свою будущую смену, понимая целесообразность подготовки управленческих кадров.

Деятельное участие в судьбе детей принимали и прочие родственники, в том числе, со стороны их матери. Например, «в 1845 году брат Валентин был отправлен дядею Григорием Александровичем Москвиным в Англию для практического коммерческого образования» [1;1;76]. В.К. Крестовников вернулся из-за границы осенью 1848 года и принял самое деятельное участие в семейном бизнесе. К 1843 году, на «крестовниковской» Полянской ткацкой фабрике трудилось 300 рабочих. Эта фабрика успешно работала примерно до середины 1840-х гг., затем её дела резко пошли на спад.

Ибо, внезапная отмена британского законодательно-го запрета на вывоз машин в 1842 году резко изменила ситуацию на рынке: «вскоре, однако, по нерешительности своего характера, дядя выпустил это дело из своих рук. Им завладел всецело отважный Семён Лонгинович Лепёшкин, поставив большую фабрику с механическими станками, вырабатывавшую огромную массу плиса. Сбывая его в Китай на промен чаёв, он разбогател, а мы закрыли фабрику...» [1;1;35-36].

А.К. Крестовников не смог вовремя приспособиться к новым условиям и внедрить передовые технологии на своей ткацкой фабрике. Ткацкая мануфактура, принадлежавшая семье Крестовниковых, пришла в упадок по причине того, что не могла более конкурировать на равных с дешёвым, массовым фабричным производством, основанном на широком применении машинного труда.

Сделав выводы из своих ошибок, в 1849 году А.К. Крестовников привлёк своих племянников к уча-

стию в своём новом проекте – постройке там же, в с. Поляне, «бумагопрядильной» фабрики. Сам А.К. Крестовников и пятеро его племянников из семи вошли в руководство новой фирмы, которая получила название «А. Крестовников с племянниками». Организационно-правовой формой новой компании было товарищество «на вере» [1;1;46-47].

Выдающийся учёный-экономист М.И. Туган-Барановский пояснял, что в первой половине XIX века «... наша хлопчатобумажная промышленность стала расти чрезвычайно быстро ... за 50 лет количество перерабатываемого хлопка возросло более чем в 50 раз ... бумажные ткани стали входить у нас в общее употребление ... ручное пряденье было совершенно невыгодно вследствие крайней дешевизны английской бумажной пряжи ... чтобы конкурировать с английской пряжей, нужно было изготовлять пряжу машинами, которые так сильно увеличили производительность английского прядильщика ... но устройство бумагопрядильной фабрики требовало огромных затрат капитала ...» [6;52-53].

Построенная в августе 1850 г. бумагопрядильная фабрика в с. Поляна была одним из многих, типичных капиталистических предприятий, возникших то время в Центральной России. Наличие большого количества предприятий-конкурентов, принадлежавших к этой отрасли промышленности, не гарантировали Полянской фабрике Крестовниковых спокойного и благополучного развития. Совсем «туманной» перспективой была возможность частичной монополизации регионального хлопчатобумажного рынка.

По инициативе другого своего дяди, Г.А. Москвина, которого поддержал Александр Козьмич, молодой Н.К. Крестовников отправился в Лондон, «... где ... должен был выучиться английскому языку и поступить в контору Дрепер, Пьетрони и Ко» [1;2;12]. Примечателен тот факт, что Николай Крестовников выехал из Москвы 14 мая 1850 года ст.ст. до окончания работ по постройке Полянской фабрики.

Пребывание Н.К. Крестовникова в Лондоне и его окрестностях было, казалось бы, непродолжительным для запланированного приобретения передовых навыков ведения бизнеса. Он находился там с 8 июня по 25 декабря 1850 года ст.ст. Однако эти полгода не только расширили его кругозор, но и помогли приобрести важные практические навыки и умения, стали своеобразной практикой самостоятельной жизни. Например, уже 25 сентября 1850 года ст.ст. глава компании «... старик Дрепер был немало удивлён, когда я заговорил с ним на чистом английском языке» [1;2;25-26].

Стажировка в солидной лондонской фирме началась для Н.К. Крестовникова с обработки входящей и исходящей корреспонденции. Затем он стал принимать участие

в аукционах и торгах, лично увидел работу Лондонской биржи. В его письмах к родным нет и намёка на разгульную жизнь или мотовство, в которые впадали многие его сверстники, оказавшиеся за границей. За полгода никто из родственников не получил от него ни одной просьбы об оказании финансовой помощи. Учитывая, что брат Н.К. Крестовникова, Валентин Константинович, стажировался в Лондоне свыше двух лет, с 1845 по 1848 гг., можно предположить, что и эта стажировка в «мастерской мира» планировалась не менее чем на год.

Однако 14 декабря 1850 года «... я получил письмо из Москвы от дяди Григория Александровича Москвина с приказом возвратиться немедленно в Москву по случаю смерти дяди Александра Козьмича и необходимости учреждения новой фирмы» [1;2;34]. После своего экстренного возвращения в Москву Н.К. Крестовников принял участие в реорганизации семейной компании. В новый состав учредителей вошли все семеро «Константиновичей». Все семеро братьев активно занимались в 1851 – 1853 гг. делами Полянской бумагопрядильной фабрики.

Однако, к 1853 году братья пришли к выводу, что небольшая подмосковная бумагопрядильня, недавно вступившая в строй, не могла способствовать сохранению прежнего статуса этой семьи в московских предпринимательских кругах. Нарастающая конкуренция, вызванная концентрацией хлопчатобумажного производства в окрестностях Москвы, ставила дальнейшее существование небольшой Полянской фабрики под вопрос. У братьев осталось, как сообщает Н.К. Крестовников, «... около пятидесяти тысяч рублей серебром ...» [1;1;101].

Произошедшие внешнеполитические события предотвратили возможное банкротство этой семейной компании: 4 (16) октября 1853 г. ст.ст. началась Крымская (Восточная) война. 27 марта (8 апреля) 1854 года ст.ст. Великобритания и Франция, будучи сильнейшими военно-морскими державами, вступили в войну на стороне Османской империи против отсталой, крепостнической России. Объединённый флот союзников приступил к организованной блокаде всех российских портов, что привело к дефициту многих промышленных товаров и различного сырья.

Так, уже с 1854 г. стал ощущаться дефицит хлопка, который являлся основным сырьём для российской хлопчатобумажной промышленности. Небольшое количество контрабандного хлопка доставлялось через прусские порты Мемель и Кёнигсберг, но количество его было невелико и не могло спасти положения. Крупные московские и петербургские бумагопрядильни простаивали, ожидая полного закрытия. Небольшая Полянская фабрика не была исключением. Эту возможность братья предвидели: «... так как, за неимением американского и других ... хлопков, пришлось бы надолго остановить ра-

боту на Полянской фабрике» [1;1;86].

Эти трудности братья решили использовать в своих интересах, став основными поставщиками хлопка для московских фабрикантов. Как свидетельствовал Н.К. Крестовников, он сам и его братья «... начали помышлять о приложении своего труда к какому-нибудь новому предприятию» [1;1;102]. Можно утверждать, что братья планировали создать предприятие, ориентированное на поставки товаров для нужд военного министерства. Ибо в военное время, как свидетельствует исторический опыт, только военные поставки приносили «сверхприбыли».

Эта идея привела братьев в г. Казань, где они зазимовали по пути в г. Оренбург, являвшийся центром «хлопковой» торговли со Средней Азией. Именно первая «казанская зимовка» 1853/1854 гг. и стала своеобразным прологом к основанию стеариново-мыловаренного завода. Во время неё братья наладили отношения с предпринимателями и чиновниками, узнав от местных купцов некоторые тонкости купли-продажи среднеазиатского хлопка. Кроме того, именно в Казани они ознакомились с брошюрой «... профессора Казанского университета Модеста Яковлевича Киттары о выгоде устройства в Казани стеаринового завода. Мы её приобрели и читали... она произвела на нас, искавших себе занятие, живое впечатление, отозвавшееся и на братьев, оставшихся в Москве» [1;1;93]. Н.К. Крестовников не даёт названия этой брошюры. Из имеющихся источников следует, что это был один из экземпляров издававшегося в г. Казани научного журнала «Записки Казанского экономического общества». А.С. Ключевич сообщил, что «китаровский проект» был опубликован в «Записках Казанского экономического общества», в части второй, книга 6, в 1854 году [7;14].

Подводя итог, отметим, что Казанский стеариново-мыловаренный завод был основан молодыми и энергичными московскими предпринимателями, принадлежавшими к сословию потомственных почётных граждан, а не некими «тит титычами», читавшими по слогам. Двое братьев из семи прошли успешную стажировку в Великобритании, изучив организацию и ведение бизнеса в самой передовой, на тот момент, стране. Все семеро братьев получили хорошее домашнее воспитание и значительный практический опыт ведения бизнеса в России. Основой бизнес-идеи стала научная работа профессора технологии Императорского Казанского университета Модеста Яковлевича Киттары (1825–1880 гг.), опиравшегося на достижения науки и выступавшего за создание передовых производств в России [8]. Следовательно, не будет преувеличением утверждать, что первое наукоёмкое производство в г. Казани было основано передовыми отечественными предпринимателями, память о которых должна быть увековечена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крестовников Н.К. Семейная хроника Крестовниковых. В 3-х кн. М., 1903 – 1904
2. РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.726
3. Гернет, А.О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской империи. СПб.: [Б.и.], 1898. 38 с.
4. Свердлова, Л.М. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX вв.): монография. Казань.: Татар.кн.изд-во, 2011. 319 с.
5. РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.13
6. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историческое развитие русской фабрики в XIX веке. В 2-х ч. М., 1922. 430с.
7. Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината им. Мулла-Нур Вахитова (1855 – 1945): монография. Казань.: Татгосиздат, 1950. 280с.: с ил.
8. Киттары, М.Я. Проект стеаринового завода в Казани. Записки Казанского экономического общества. Ч.2. Кн.6. Отд. III. Казань.: Тип. Ун-та, 1854. С.21 – 29

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский инновационный университет

ВАЖНЕЙШИЕ МЕРОПРИЯТИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРАВЛЕНИЕМ «ФАБРИЧНО-ТОРГОВОГО ТОВАРИЩЕСТВА БРАТЬЕВ КРЕСТОВНИКОВЫХ» НА КАЗАНСКОМ СТЕАРИНОВО-МЫЛОВАРЕННОМ ЗАВОДЕ В 1905 — 1917 ГОДАХ

Фан-Юнг Герман Юрьевич

*К.и.н., доцент, Казанский инновационный университет
ger-fan-yung@yandex.ru*

THE MOST IMPORTANT MEASURES IN THE AREAS OF INDUSTRIAL AND SOCIAL POLICY IMPLEMENTED BY THE BOARD OF THE KRESTOVNIKOV BROTHERS FACTORY AND TRADE ASSOCIATION AT THE KAZAN STEARIN&SOAP FACTORY IN 1905 — 1917 YEARS

G. Fan-Yung

Summary: In this article we have attempted to analyze the meaning and content of the most important measures in the areas of industrial and social policy carried out by the owners of the "Krestovnikov Brothers Factory and Trading Partnership" at their Kazan stearin-soap, glycerin and chemical plant in the period between the First Russian and February revolutions.

Based on the studied sources, specific measures aimed at improving the company's production and social policy are analyzed. The objective relationship between the improvement of production and the development of social infrastructure at an advanced chemical plant operating in a market economy and free labor is revealed. In our work, we used universal methods of scientific cognition (deduction, induction, analysis, synthesis, etc.) and the most important principles of historical cognition (principles of historicism, the principle of comprehensive study of history, the principle of objectivity, etc.). Obviously, it was impossible to ignore special methods of historical research (narrative, historical-genetic, synchronistic and others methods). All this made it possible to make a critical analysis of published and unpublished sources; to reveal the objective reasons for the improvement of social policy at the Kazan enterprise of the Krestovnikov brothers; to scientifically substantiate the periodization of the history of the enterprise; to identify similar signs of homogeneous processes (the development of chemical science and the production success of the plant, etc.), etc. An important conclusion is made that there is an objective difference between a certain "philanthropy" and social policy in the context of the functioning of advanced knowledge-intensive production.

Keywords: advanced enterprises of pre-revolutionary Russia, pre-revolutionary chemical industry, the situation of workers at the beginning of the XX century, social policy of the company, Krestovnikov brothers, Kazan province, the First Russian Revolution, Kazan stearin-soap, glycerin and chemical plant.

Аннотация: В этой статье нами предпринята попытка проанализировать смысл и содержание важнейших мероприятий в сферах производственной и социальной политики, осуществлявшихся владельцами «Фабрично-Торгового товарищества Братьев Крестовниковых» на их Казанском стеариново-мыловаренном, глицериновом и химическом заводе в период между Первой русской и Февральской революциями.

На основании изученных источников проанализированы конкретные мероприятия, направленные на совершенствование производственной и социальной политики фирмы. Раскрыта объективная взаимосвязь между совершенствованием производства и развитием социальной инфраструктуры на передовом химическом заводе, функционировавшем в условиях рыночной экономики и свободного труда. В работе нами использованы универсальные методы научного познания (дедукция, индукция, анализ, синтез и пр.) и важнейшие принципы исторического познания (принципы историзма, принцип всесторонности изучения истории, принцип объективности и др.). Очевидно, что нельзя было проигнорировать и специальные методы исторических исследований (нарративный, историко-генетический, синхронистический и прочие методы). Все это позволило произвести критический анализ опубликованных и неопубликованных источников; вскрыть объективные причины совершенствования социальной политики на казанском предприятии братьев Крестовниковых; научно обосновать периодизацию истории предприятия; выявить схожие признаки однородных процессов (развитие химической науки и производственные успехи завода etc.) и т.д. Сделан важный вывод о наличии объективной разницы между некоей «филантропией» и социальной политикой в условиях функционирования передового наукоёмкого производства.

Ключевые слова: передовые предприятия дореволюционной России, дореволюционная химическая промышленность, положение рабочих в начале XX века, социальная политика фирмы, братья Крестовниковы, Казанская губерния, Первая русская революция, Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод.

В настоящее время, хотя и медленно, но начинает возрастать интерес к изучению богатейшего опыта, накопленного дореволюционными отечественными предпринимателями. И эта тенденция вполне объяснима, т.к. все современники, и иностранные, и российские, единодушно отмечали нарастающий, затем, бурный рост российской экономики в начале XX столетия. Данный факт вынуждает нас обернуться «назад» для успешного движения «вперёд». Следовательно, от нынешнего исследователя требуется не просто некое «собственное видение» или «мнение», не отвлечённо-эмпирические, как писал Д.И. Менделеев, «голые соображения и абстракты», но полноценные научные исследования, основанные на фактах «... стократно вновь проверенных опытом и наблюдением» [1;123].

Закономерно, что для подобных изысканий необходимы: во-первых, методологический базис; во-вторых, самое подробное изучение опыта наиболее успешных предпринимателей, включающего не просто описание отдельных технических «дикивинок» или пресловутой «благодетельности», но строго научное изучение форм и методов производственной и социальной политики; в-третьих, критический анализ предыдущих работ, в том числе, и в целях отказа от накопившихся идеологических «догматов» и морально устаревших концепций.

Все это обусловило наш научный интерес к проблеме возникновения и развития дореволюционной отечественной химической промышленности. Необходимо уточнить, что успехи этой отрасли, как одной из самых передовых отраслей, во всём мире были напрямую связаны с успехами химической науки. Именно в эту эпоху химия заняла на почётное место и стала играть особую роль «в громадном росте всей промышленности в XIX веке», как указал сам академик Д.И. Менделеев [1;200].

И в диссертационной работе, и в других наших научных работах, был научно обоснован тезис об инновационном характере одного из настоящих «флагманов» дореволюционной химической промышленности, коим по праву выступал (и выступает) Казанский завод фирмы братьев Крестовниковых (ныне, – ПАО «НЭФИС»), чья непрерывная производственная деятельность продолжается с 1855 года. Бесценный опыт, накопленный предпринимателями Крестовниковыми в сфере производственной и социальной политики, может быть с успехом использован и ныне. В итоге, в рамках этой, весьма незначительной по объёму работы, мы можем выполнить, как минимум, второй и третий пункты, обозначенные нами в качестве необходимых для осуществления научных изысканий по данной проблематике. И, что очевидно, ещё немного приблизиться к оформлению логически стройной и сугубо научной методологии, способной выступить как базис для подобных исторических исследований.

В нашей монографии была довольно подробно описана история указанного химического производства, выделены важнейшие этапы его развития, подтверждена и научно обоснована объективная взаимосвязь, во-первых, между развитием химической науки и успехами производства; во-вторых, между развитием производства и совершенствованием социальной политики владельцев компании на их Казанском заводе; в-третьих, сформулированы субъективные и объективные причины предпринимательского успеха собственников компании [2].

Успешное развитие этого предприятия, начавшееся с момента начала его производственной деятельности, продолжилось и в самом начале XX столетия. Накануне русско-японской войны завод товарищества братьев Крестовниковых занимал свыше 30 гектаров земли и вырабатывал свечей, глицерина, мыла, олеиновой и серной кислот на семь миллионов рублей в год [3;1;41]. Невзирая на отсутствие нормального железнодорожного сообщения до середины 1913 года, сбыт продукции был налажен через разветвлённую сеть представительств и комиссионеров.

Русско-японская война 1904–1905 гг., «... не отразилась на условиях работы на заводе»: в архивных материалах отсутствуют сведения о каких-либо кризисных явлениях на указанном предприятии, нет сведений о локаутах, нехватке сырья или о фактах, свидетельствующих о дезорганизации производства [4;113].

Казанский стеариново-мыловаренный, глицериновый и химический завод фабрично-торгового товарищества братьев Крестовниковых [5;23] почти не ощутил негативных последствий, вызванных Первой русской революцией: работа практически не останавливалась, массовых беспорядков или остановки завода зафиксировано не было. В 1950 году доцент А.С. Ключевич, рассуждая о влиянии революционных событий 1905 – 1907 гг. на деятельность данного предприятия был вынужден ограничиться обильным цитированием всевозможных прокламаций к рабочим, да сетовать на отсутствие подпольного заводского профессионального союза [4;132–142].

Комплекс исследованных нами источников и литературы позволяет сделать выводы о причинах «пассивности» рабочих-«крестовниковцев» во время Первой русской революции. На наш взгляд, это объясняется следующими по следующим причинам:

- наличие высшей государственной власти и важнейших государственных институтов
- функционирование механизма правовой охраны частной собственности
- эффективная социальная политика владельцев компании
- умелое руководство предприятием со стороны Правления и лично Г.А. Крестовникова.

Продолжительность реального рабочего времени на заводе зависела от характера производства. Например, в 1896 г. непрерывные производства работали 355 дней, прерывные – 286 дней в году [4;76]. Продолжительность рабочего дня, в первом случае, доходила до 12 часов, во втором – до 10 – 11 часов. В 1893 – 1898 гг., в силу очередных изменений в фабричном законодательстве [6;3], максимальная продолжительность рабочего времени была ограничена, составив для взрослых рабочих-мужчин 11,5 часов в сутки (с перерывами на завтрак и обед) для дневных смен и 10 часов в сутки – для смен ночных.

После событий 1905 – 1907 гг., ещё при директоре К.М. Зайцеве, «... вместо двухсменной работы в непрерывных производствах вводится трёхсменная, а в прерывных с 21½-часовой двухсменной переходят на 18-часовую и с 11½-часовой дневной работы на 10-часовую» [4;124]. В итоге, к 1912 г. рабочий день (без учёта «сдельщины») сократился до 8 часов (на непрерывном производстве) и до 9 часов в сутки – на прерывном.

В марте 1915 г. всё заводское имущество, включая строения, было оценено на сумму 1.642.020 рублей [7;34(об)]. Развитие производства на этом предприятии с 1 сентября 1913 по 1 января 1917 гг. ст.ст. зафиксировано в уникальном архивном документе, составленном в виде анкеты [5;23]. Отмечено, что собственником завода является Правление «Фабрично-Торгового Товарищества Братьев Крестовниковых»; все члены Правления – «русские подданные» [5;23]. Приведен и ассортимент продукции, выпускавшейся заводом: стеариновые и пальмовые свечи, мыло разных сортов, глицерин, кислород, серная и олеиновая кислоты [5;23].

Завод играл значимую роль и как оборонное предприятие: в 1913 году третья часть от общего объёма заводской продукции производилась в рамках государственного оборонного заказа; в 1916 году вся продукция выпускалась по заказу военного ведомства. Суммарная годовая производительность в 1913 г. составила 24.386,3 тонн, а к 1 сентября 1916 г. ст. ст. возросла до 24.651,15 [5;23]. То есть после двух лет тяжелейшей вооружённой борьбы объём производства увеличился. Техническая оснащённость предприятия также возрастала [5;24].

Например, электротехническое оборудование было представлено динамо-машинами, генераторами и электромоторами. По состоянию на 1 января 1914 г. ст. ст. имелась лишь одна динамо-машина отечественного производства мощностью 450 л.с. На 1 января 1917 г. ст. ст. динамо-машин отечественного производства было уже две; суммарная мощность их составляла 570 л.с. Генераторов имелось пять штук; все генераторы – «заграничного производства»; суммарная мощность – 1430 л.с. В 1913 г. имелось 40 «заграничных» электромоторов,

общей мощностью 420 киловатт. За годы войны их число увеличилось до 46 штук, а суммарная мощность возросла до 500 киловатт [5;24].

По состоянию на 1 января 1917 г. ст. ст. в прочих архивных материалах тоже нет никаких сведений об уменьшении объёмов производства или о его дезорганизации (пресловутая «разруха»). Напротив, отмечено увеличение производственных мощностей предприятия. Следовательно, тезис А.С. Ключевича об общем «упадке» предприятия в годы «империалистической» войны не подтверждается имеющимися архивными материалами.

Постоянных рабочих на Казанском «крестовниковском» предприятии в 1899 г. постоянных 1878 рабочих и 100-200 чернорабочих [5;61–62]; в 1913 г. насчитывалось от 1750 до 1812 рабочих постоянного и переменного составов [5;29]. На 1 января 1914 г. ст. ст. на заводе трудился 1871 рабочий. В условиях Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.), численность рабочих снизилась незначительно, составив (на 1 января 1917 г. ст. ст.) 1682 чел. Из них: взрослых рабочих-мужчин – 789 чел., подростков мужского пола (от 15 до 17 лет) – 140 чел.; взрослых работниц-женщин – 716 чел., подростков женского пола (от 15 до 17 лет) – 37 чел.; «малолетних» рабочих обоего пола не зафиксировано [5;29]. Стоит отметить, что на тяжелых работах (переноска грузов, копка земли и пр.) рабочих-мужчин низкой квалификации, призванных на фронт, заменили не женщины и подростки, а военнопленные [8;287].

В начале XX столетия М.И. Туган-Барановский зафиксировал рост реальной и номинальной заработной платы на всех крупных отечественных капиталистических предприятиях [9;337]. Аналогичная картина наблюдалась и на передовом производстве товарищества братьев Крестовниковых, где расходы на заработную плату указанным категориям работников с 1 сентября 1901 г. по 31 августа 1902 г. ст. ст., в сумме, составили 286.087 руб.13 коп [10;230–232]. В 1913 г. за 283 рабочих дня 1812 рабочих завода получили, в сумме, 346.660 руб. [5;29].

Каждый из них, в среднем, получил 191 руб. 31 коп., или по 16 рублей в месяц. В 1916 г., за 285 рабочих дней, 1612 чел. получили 505.698 руб. [5;29]. Очевидно, что размер среднегодового заработка составил 313 руб.70 коп. в 1916 году. Как и ранее, размер заработной платы зависел от множества условий, важнейшими из которых были: квалификация, профессия, стаж, возраст, пол. Заметим, что заработная плата на «крестовниковском» заводе выдавалась без задержек 1-го и 15-го числа каждого месяца [11;2].

Самой низкооплачиваемой категорией работников завода были чернорабочие-«подёнщики». Численность

чернорабочих-«подёнщиков» составляла не более 10% от общей численности всех рабочих завода. Они занимались самым неквалифицированным и тяжёлым трудом. Уровень оплаты труда чернорабочих был, казалось бы, несопоставим с уровнем оплаты среднестатистического рабочего. «Подёнщиками» были 10 – 14% крестьян, которые приходили из сельской местности в город на заработки [9;338]. Именно они и составляли т.н. «переменный состав» рабочих завода.

В Казанской губернии в 1907 – 1909 гг. действовали следующие минимальные ставки ежедневной оплаты труда чернорабочих-«подёнщиков»: взрослые мужчины – 40 коп. в день; подростки мужского пола, (и взрослые женщины) – 35 коп.; подростки женского пола – 30 коп.; малолетние обоего пола – 20 коп. за 1 рабочий день [12;10]. Работая «подённо», например, на Казанском заводе братьев Крестовниковых, взрослый рабочий-«подёнщик», в соответствии с минимальными расценками, утверждёнными губернским по фабричным и горно-заводским делам присутствием, мог получить за год 113 руб. 20 коп., или 9 руб. 43 коп. в месяц. Годовой доход малолетней «подёнщицы», как самой низкооплачиваемой работницы в Казанской губернии, составлял 56 руб. 60 коп., или 4 руб. 71 коп. в месяц.

В 1912 – 1913 гг. номинальная и реальная заработная плата рабочих завода продолжала увеличиваться [12; 3 (об).–3а]. «Столяр Гавриил Никитин» (базовая ставка – 1 руб. 32 коп.), за тот же период, заработал по базовой ставке – 29 руб. 04 коп., «сверхурочно» – 1 руб. 98 коп. Итого – 31 руб. 02 коп в месяц [13; 73 (об).–73 а].

Оценить значение «сдельщины» можно и на других примерах. Так, «медно-литейщик Пётр Моргунов» (базовая ставка – 1 руб. 42 коп.) за 6 рабочих дней (в июне 1913 г.) заработал 8 руб. 87 коп, а «сдельно» за указанный период – 86 руб. 73 коп. Итого – 95 руб. 60 коп. в месяц [13; 74 (об).–74 а]. Далее, «токарь Николай Егоров» (базовая ставка – 1 руб. 55 коп.) за 20,5 рабочих дней, в обозначенный период, заработал 31 руб. 76 коп., «сверхурочно» – 8 руб. 37 коп., «сдельно» – 10 руб. 30 коп. Итого, за июнь 1913 г. – 50 руб. 43 коп. [13; 65 (об).–65 а]. Безусловный научный интерес вызывает размер заработной платы учеников-«подручных». Например, «подручный паяльщика Григорий Горохов» (базовая ставка – 65 коп./день) за 21,5 рабочих дней заработал 13 руб. 97 копеек, «сверхурочно» – 2 руб. 93 коп. Итого, за месяц – 16 руб. 90 коп. [13; 67 (об).–67 а]. А «подручный котельщика Сайфутдин Мулюков» (базовая ставка – 81 коп./день) за 16 рабочих дней получил 12 руб. 96 коп., «сдельно» – 8 руб. 99 коп. Итого, за месяц, – 21 руб. 95 коп. [13; 81 (об).–81 а].

Очевидное повышение заработной платы в 1905–1916 годах сочеталось с другими формами материально-

го стимулирования работников. Так, И.К. Крестовников завещал часть своего состояния для создания особого премиального фонда помощи нуждающимся рабочим. Фонд был создан в феврале 1905 г., выплаты из него носили систематический и массовый характер [14; 1 – 5].

Например, в протоколе заседания Правления № 1732 от 10 марта 1915 г. ст. ст. содержится постановление о выдаче за 1914 г. рабочим завода «... по пятидесяти рублей каждому из доходов с капитала, пожертвованного господином Иосифом Константиновичем Крестовниковым» [15; 6 – 7] в пользу наиболее нуждающихся рабочих. За 1914 г. в списке премированных – 88 рабочих [15;11,23].

Правление принимало решения о выдаче беспроцентных единовременных ссуд рабочим и служащим, от 50 до 300 рублей, «на женитьбу» [15;4,9], «на постройку дома» [15; 9,25,26,42,43,52], «ремонт» и «перестройку дома» [15; 9,26,43,47,48], «для взноса платы за учебу детей» [15; 41] и т.д. С началом Первой мировой войны Правление постановило «... в дополнение к протоколу № 1686 от 10 сентября 1914 г. ... выдавать жёнам рабочих, призванных на войну, ежемесячно со дня призыва ...» пособие за мужа-фронтовика (3 – 5 рублей) и на каждого ребёнка по 2 руб. 50 коп. [15; 13].

Рабочие завода приобретали продукты питания в заводской лавке, а не в городе. Цены там были «... гораздо ниже цен, существующих в частных лавках и в магазинах общества потребителей» [16;4]. Старший фабричный инспектор Казанской губернии, неоднократно посещавший эту «харчевую лавку», отмечал, что «... цены на предметы первой необходимости назначаются Товариществом очень добросовестно» [16;3]. Товары в заводской «харчевой» лавке, продававшиеся «в кредит» [17;3], отличались качеством и дешевизной. В лавке «отovarивались» не только рабочие [18; 1 – 5], но и служащие завода [19;3].

Постоянное питание в заводской столовой и проживание на заводе вело к понижению заработка на 3 руб. 75 коп., затем, на 4 руб. 75 коп. в месяц. Из них: 2 руб. 75 копеек – питание (в месяц); 1 руб. (позднее 2 рубля) – месячное проживание в рабочей казарме [20;13].

В начале 1916 г. следует констатировать существенное увеличение затрат на питание, но никак не «обнищание» рабочих завода [21;1]. Например, рабочий Н.И. Горшков, заработав 105 руб. в марте 1916 г., «на руки» получил 9 руб. 65 коп. В «харчевой лавке» он «оставил» 72 руб. 38 коп. Однако служащий В.М. Поздеев, заработав в июне 1916 г. 323 рубля, потратил на покупку товаров в той же «харчевой лавке» 17 руб. 90 коп. [22;9].

Разница между расходами на продукты питания ука-

занных рабочих и служащего объяснима тем, что эти рабочие вынуждены были содержать большие семьи, характерные для той эпохи.

В ноябре 1916 г. зафиксировано снижение цен на продукты питания «вследствие падения оптовых цен на мясо на Казанском рынке» [23], где с 1 ноября была пересмотрена такса на продажу мяса. Газета «Казанский телеграф» сообщала, что «низший сорт» мяса стоил 10 руб. за пуд или 25 коп. за фунт; цена на «средний сорт» достигала 13 руб. за пуд, или 32 коп. за фунт; за мясо «высшего сорта» просили до 15 руб. за пуд или 37 коп. за фунт» [23].

Больничная касса на «крестовниковском» стеариново-мыловаренном заводе была создана 6 апреля 1913 г. ст.ст. [24;1], в соответствии с требованиями законов от 23 июня 1912 г. ст.ст. В соответствии с п.11 Устава заводской больничной кассы денежные пособия выдавались: «по случаю болезни» – на четвёртый день; «причинённого увечья, влекущего за собою утрату трудоспособности»; «по случаю родов – беременным и роженицам, участницам кассы»; «по случаю смерти участников – на их погребение» [24;4]. На основании действовавшего законодательства и п.28 обозначенного Устава, «средства кассы образуются: ... из взносов участников и приплат владельца предприятия; ... из доходов имущества кассы; ... из пособий и пожертвований; ... из денежных взысканий, налагаемых правлением кассы...; ... из пеней и ... из случайных поступлений» [24;11]. Выплаты из больничной кассы носили систематический характер [25; 3 – 5], соответствуя требованиям законодательства того времени. К примеру, в сентябре–декабре 1914 г. «... выдано пособий разным лицам ... 3330 руб.77 коп ...» [26; 84].

В конце XIX – начале XX вв. продолжалось строительство объектов социально-бытового назначения. В этот период были возведены прачечная для рабочих, дом для служащих [27; 4–5], новая заводская больница, «деревянная на каменном фундаменте» [28; 12–14], была построена в 1890 г. В 1899 г., она была расширена. В марте 1915 г. согласно «Описи строений, принадлежащих Фабрично-торговому Товариществу бр. Крестовниковых в г. Казани», на заводе, во дворе «К» имелись три здания, обозначенных как «больница» [29;27–28]. Сообщается, что первое здание – «больница одноэтажная деревянная». Это позволяет идентифицировать её как построенную в 1890 г. Второе строение было каменным, двухэтажным; третье – каменным и трёхэтажным. А.С. Ключевич, сообщая о постройке в 1914 г. новой больницы, приводит сведения из неустановленного источника о, якобы, полном отсутствии в ней медикаментов [4;148].

С учётом сведений, содержащихся в архивных материалах, следует признать подобное утверждение не соответствующим действительности. К 1915 г. завод рас-

полагал целым больничным комплексом, состоявшим из трёх зданий. Можно предположить, что в заводском больничном комплексе имелось и своё родильное отделение. Ибо, в архивных документах зафиксированы сведения о женщинах-участницах заводской больничной кассы, которые рожали, в один и тот же день, в специальном помещении заводского больничного комплекса [30;32]. Обычной практикой стали обязательные медицинские осмотры «вновь нанимаемых» рабочих [31;1–5].

Продолжала функционировать и заводская школа. В 1901 – 1902 гг. её содержание обошлось заводской конторе в 1613 руб. [32;380]. Кроме школы, успешно действовавшей на заводе (с перерывом) с 60-х гг. XIX в., «... в 1899 г. было открыто ... одноклассное заводское училище на 60 учащихся» [4;149]. Заводское училище было смешанного типа: в нём обучались ученики и ученицы [33;1–2].

Приведённые факты позволяют утверждать, что Первая мировая война, как минимум, до Февральской революции 1917 года, не оказала разрушительного воздействия на социальную и производственную сферы завода. Мероприятия, осуществляемые компанией в производственной и социальной сферах, были хорошо спланированы и осуществлялись поэтапно. Если целью производственной политики было совершенствование техники и технологии для снижения издержек производства, то социальная политика была ориентирована на формирование постоянного кадрового состава работников всех уровней.

Очевидно, что между событиями 1905 – 1907 гг. и февраля – октября 1917 г. прослеживается существенная разница. Благодаря отмеченным мероприятиям в социальной сфере, осуществлявшимся Правлением Товарищества, революция 1905 – 1907 гг. не отразилась негативно на производственной деятельности завода. Никаких значимых революционных выступлений на «крестовниковском» заводе, в указанный период, не произошло. А.С. Ключевич объяснял это «запуганностью» рабочих, отказывавшихся даже брать в руки революционные прокламации [4; 134 – 135].

В феврале – октябре 1917 г. был разрушен хозяйственно-экономический механизм страны, включая институт правовой охраны частной собственности. Закономерно, что никакое крупное частное производство не могло бы более успешно функционировать.

Таким образом, к владельцам «крестовниковского» завода неприменимо утверждение А.С. Ключевича о том, что «фабриканты создали на своих предприятиях полицейско-крепостнический режим, облегчавший им эксплуатацию» [34; 119].

ЛИТЕРАТУРА

1. Менделеев Д.И. Учение о промышленности. В 2-х тт.Т.1. Ч.1 (6–9 параграфы). С-Пб.: тип. Акц. Об-ва Брокгауз и Евфрон, 1901. С.91–201
2. Фан-Юнг Г.Ю. Завод-«Великанъ» (основные этапы истории Казанского предприятия фирмы братьев Крестовниковых в 1855–1917 гг.): монография. Казань.: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 234 с., с илл. (Серия «Сокровищница Татарстана»). ISBN 978-5-8399-0735-5
3. Крестовников Н.К. Семейная хроника Крестовниковых. В 3-х кн.М.,1903 – 1904
4. Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината им. Мулла-Нур Вахитова (1855 – 1945): монография. Казань.: Татгосиздат,1950.280с.: с ил.
5. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 13521
6. ГА РТ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 3.
7. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 10954
8. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 10589
9. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: историческое развитие русской фабрики в XIX веке. В 2-х ч. М.,1922. 430 с.
10. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1926
11. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 10
12. ГА РТ. Ф. 793. Оп. 1. Д. 71
13. ГА РТ. Ф.300. Оп.1. Д.9874
14. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 17. Д. 628
15. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 11068
16. ГА РТ. Ф. 793. Оп. 1. Д. 118
17. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 9097
18. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 814
19. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 698
20. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 190
21. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 11867
22. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 11862
23. Казанский телеграф. 1916. 3 ноября. № 7002
24. Устав Больничной кассы при стеариново-мыловаренном, глицериновом и химическом заводе Фабрично-Торгового Товарищества Бр. Крестовниковых в Казани. Казань, 1913.
25. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 12268
26. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 10589
27. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 2. Д. 466
28. Описание помещения рабочих, кухни, столовой и больницы при заводе Фабр.-торг. Т-ва Бр.Крестовниковых. Казань.: Типо-Литограф. Имп. Университета,1893. 14 с.
29. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 10954
30. ГА РТ. Ф. 300. Оп.17. Д. 666
31. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4446
32. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1927
33. ГА РТ. Ф. 300. Оп. 17. Д. 2709
34. Покровский М.Н., Граве Б.Б., Нечкина М.В. и др. Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России.М.: Изд.-во «Огонёк»,1931. 320с.: 24 л. ил.; карт.

© Фан-Юнг Герман Юрьевич (ger-fan-yung@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ЧЕРЕЗ ИНФОРМАЦИОННУЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

THE MODEL OF BACHELOR OF VOCATIONAL TRAINING PREPARATION TAKING INTO ACCOUNT THE REGIONAL COMPONENT THROUGH INFORMATION COMPETENCE

**V. Burlyaeva
N. Solovieva
K. Chebanov**

Summary: This article presents an analysis of the development of the higher education system in the Russian Federation in the context of the expansion of the professions market, the intellectualization of production and the integration of processes in the field of education, taking into account globalization and informatization. The analysis of studies on the problem of the competence-based approach in the system of higher education was carried out, the conceptual apparatus (competence, competence, competence-based approach) was defined. This article presents the results of the work on the development of an approximate list of key competencies, as a result of which the areas of competencies are defined: the study of competencies, the search for competencies, reflection (thinking), cooperation, activity, adaptation. The article presents an analysis of the considered process of formation of information competence, which is based on the introduction of multimedia technologies, methods and means of informatics in the sphere of human activity.

Keywords: competence, competence, competence-based approach, higher education, competence-based model, informatization of education, information competence, multimedia technologies.

Бурляева Виктория Арсентиевна

Д.с.н., профессор, ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»
va-burlyaeva@mail.ru

Соловьева Наталья Владимировна

К.э.н., доцент, ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»
solo-snv@mail.ru

Чебанов Константин Александрович

К.п.н., доцент, ГАОУ ВО «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»
chebanov-k@rambler.ru

Аннотация: В данной статье представлен анализ развития системы высшего образования в Российской Федерации в условиях расширения рынка профессий, интеллектуализации производства и интеграции процессов в сфере образования с учетом глобализации и информатизации. Проведен анализ исследований по проблеме компетентностного подхода в системе высшего образования, был определен понятийный аппарат (компетенция, компетентность, компетентностный подход). В данной статье представлены результаты работы по выработке примерного перечня ключевых компетенций, в результате чего определены области компетенций: изучение компетенций, поиск компетенций, размышление (обдумывание), сотрудничество, деятельность, адаптация.

В статье представлен анализ рассмотренного процесса формирования информационной компетентности, который основан на внедрении мультимедийных технологий, методов и средств информатики в сферы человеческой деятельности.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, компетентностный подход, высшее образование, компетентностная модель, информатизация образования, информационная компетентность, мультимедийные технологии.

Процесс развития системы высшего образования в Российской Федерации неразрывно связан с происходящими изменениями в производственной и социальной сферах и обусловлен тенденциями глобализации и информатизации, а также расширением рынка профессий, интеллектуализацией производства и интеграцией процессов в сфере образования.

На современном этапе, введения в нормативную и практическую составляющую процесса образования дефиниций компетентностного подхода, помогает решить проблему подготовки высококвалифицированного специалиста применение знаний как решить конкретные профессиональные задачи и проблемные ситуации.

Сделать это возможно при условии, что выпускник будет владеть набором не только теоретических знаний, при которых будет продолжать испытывать трудности в деятельности, но и у него сформируются профессиональные компетенции для применения этих теоретических знаний.

Изменения в системе отечественного высшего образования, которые стали ориентироваться на компетентностную модель, произошли с момента вхождения России в Болонский процесс в сентябре 2003 г. (Берлин). Целью стало желание признания российского образования на европейском уровне и создание единого европейского рынка труда.

Анализ литературы по исследуемому вопросу показал, что единого перечня ключевых компетенций до сегодняшнего дня не существует. Связано это обстоятельство с тем, что требования, которые предъявляются к компетенциям, прежде всего являются заказом общества к профессиональной подготовке будущих рабочих и специалистов различных отраслей народного хозяйства, а, следовательно, перечень компетенций будет определяться согласованной позицией социума в конкретной стране (региона).

Компетентностный подход направлен, прежде всего на комплексное усвоение знаний и умений, а, следовательно, в основе отбора и конструирования технологий обучения должна лежать структура соответствующих компетенций.

Основываясь на главных целях профессионального образования, основных видах деятельности обучающихся образовательных учреждений высшего образования, были определены ключевые компетенции бакалавра профессионального образования. Чтобы рассмотреть технологию обучения в компетентностном подходе нами был определен понятийный аппарат (компетенция, компетентность, компетентностный подход):

- *компетенция* – система знаний, умений, навыков, профессионального опыта и конкретных качеств личности, которые необходимы для решения как теоретических, так и практических задач, а также требований, которые могут предъявляться к образовательной подготовке;
- *компетентность* – личностные качества в совокупности с компетенциями, которые необходимы в определенной профессиональной сфере для эффективной деятельности, что в свою очередь определит способность мотивированного и ответственного применения компетенции для того, чтобы решать широкий круг разнообразных задач в учебной, научно-прикладной, профессиональной, социальной, личностной сферах.

Проведя анализ литературных источников по исследуемому вопросу, акцентируем внимание на том, что термин компетентность, часто вводится, как синоним понятия «базовый навык». Б. Оскарссоном были определены базовые навыки, интерпретирующиеся содержательно как компетентности: «они развиваются в дополнение к специфическим профессиональным. Такие ключевые компетентности включают, помимо прочего, способность эффективной работы в команде, планирование, разрешение проблем, творчество, лидерство, предпринимательское поведение, организационное видение и коммуникативные навыки» [1]. К «основным навыками» Б. Оскарссоном были отнесены грамота и счет; самоуправление, отношение к другим людям были отнесены к «жизненным навыкам». «Ключевыми навыка-

ми» Б. Оскарссон определил коммуникацию и решение проблем; а социальную активность и ценности к отнес «социальным и гражданским навыкам». Также были выделены «навыки для получения занятости», к которым Б. Оскарссон отнес навыки обработки информации, а исследование деловых возможностей отнес «предпринимательским навыкам». Также были классифицированы «управленческие навыки», включающие консультирование, аналитическое мышление. Анализ, планирование и контроль Б. Оскарссоном сгруппированы в «широкие навыки» [1].

Пытаясь сформулировать понятие «компетентностный подход», мы пришли к тому, что – это процесс, направленный на постепенную переориентацию основной образовательной парадигмы, направленной на трансляцию знаний, формирование навыков и создание условий для овладения комплексом компетенций. В условиях современного социума, с его многофакторностью социального, политического, экономического, информационного и коммуникационного пространства все это позволяет определять потенциал и способности выпускника к устойчивой жизнедеятельности и выживанию.

С 2003 года проведена достаточно большая работа по выработке примерного перечня ключевых компетенций, которые были определены на симпозиуме Совета Европы по проблеме обсуждения компетентностного подхода. Нами определены области компетенций: изучение, поиск, размышление (обдумывание), сотрудничество, деятельность, адаптация.

Нами был определен примерный перечень ключевых компетенций, направленных на изучение, поиск, обдумывание, сотрудничество, деятельность, адаптация:

- умение извлекать пользу из полученного опыта;
- умение упорядочивать свои знания и организовывать их взаимосвязь;
- умение организовать свои собственные приемы изучения;
- умение решить возникающие проблемы;
- умение выстраивать траекторию самообучения;
- владение работой с различными базами данных;
- владение техниками и приемами интервьюирования, опроса окружающих;
- принятие необходимости консультирования у экспертов в различных областях;
- умение классифицировать и работать с документацией;
- умение организовать взаимосвязь прошлых событий с настоящими;
- умение критически относиться к тому или иному аспекту развития наших обществ;
- умение противостоять сложностям;
- умение отстаивать в дискуссиях собственную позицию и мнение;

- умение анализировать и оценивать социальные привычки, которые могут быть связаны со здоровьем или с окружающей средой;
- умение оценивать произведения искусства и литературы;
- умение работать в группе;
- умение регулировать и улаживать разногласия и конфликтные ситуации, принимая эффективные решения;
- умение отвечать за свои действия и принятия решений, доказывать солидарность;
- владение навыками и приемами самоорганизации и самоконтроля;
- быть мобильным и гибким в быстроизменяющихся условиях.

Анализируя компетентностную модель выпускника вуза, нами определена содержательная, со сложным составом ключевых и профессиональных компетенций, научная основа результата процесса подготовки будущего профессионала, обеспечивающая готовность и способность к успешной профессиональной и социальной деятельности. На основании данных исследований мы определили ряд ключевых компетенций бакалавра профессионального образования:

Ценностно-смысловые компетенции, направленные на обеспечение механизма самоопределения личности в различных сферах деятельности	Ценностные ориентиры, видение и понимание окружающего мира, ориентирование в этом мире, осознание своей роли и предназначения, умение выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения.
Общекультурные компетенции, направленные на обеспечение организации целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки	Познание и опыт деятельности в области национальной и общечеловеческой культуры; духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов; культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций; роль науки и религии в жизни человека; компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере.
Учебные и познавательные компетенции	Совокупность компетенций в сфере самостоятельной познавательной деятельности, которая включает элементы логической, методологической, общеучебной деятельности.

Информационные компетенции, которые представлены навыками деятельности по отношению к информации в учебных предметах и образовательных областях, а также в окружающем мире	Владение актуальными информационными средствами и технологиями; навыками поиска, анализа и отбора необходимой информации, ее преобразованием, сохранением и передачей.
Коммуникативные компетенции	Знание иностранных языков, с целью взаимодействия с окружающими людьми; владение навыками работы в группах, коллективе, владение различными социальными ролями.
Социально-трудовые компетенции, направленные на обеспечение выполнения роли гражданина, наблюдателя, избирателя, представителя, потребителя, покупателя, клиента, производителя, члена семьи, а также права и обязанности в вопросах экономики и права, в области профессионального самоопределения.	Владение навыками анализа ситуаций на рынке труда, действий в соответствии с личной и общественной выгодой, этикой трудовых и гражданских взаимоотношений.
Компетенции самосовершенствования личностных качеств	Навыки, приемы и методы, направленные на физическое, духовное и интеллектуальное саморазвитие, эмоциональную саморегуляцию и самоподдержку [2].

В условиях повсеместного внедрения цифровизации информационную компетентность можно считать ключевой, базовой, а, следовательно, ее формирование будет зависеть от методического обеспечения использования информационных технологий в системе образования, которое может быть достигнуто при выполнении следующих условий:

- направленность информатизации обучения на все компоненты, а не только на внедрение компьютерных средств обучения;
- направленность на развитие личности обучаемого;
- ориентир на региональный компонент.

Формирование информационной компетентности предшествует внедрению мультимедийных технологий, методов и средств информатизации в сферы жизнедеятельности человека, что является средством реализации процесса информатизации образования.

Основными задачами мультимедийных технологий мы определили:

- объединить многокомпонентную информационную среду (текст, звук, график, фото, видео) в однородном цифровом представлении;
- обеспечить надежное (отсутствие искажений при

копировании) и долговечное хранение (гарантийный срок хранения – десятки лет) больших объемов информации;

— обеспечить простоту переработки информации.

Мультимедийные технологии делятся на линейные и нелинейные. Примером линейной мультимедийных технологий выступает кино, так как человек пользуясь технологией этой группы, не сможет повлиять на ход событий или на конечный результат.

Примером нелинейных мультимедийных технологий являются компьютерные игры, обучающая литература, так как эта технология, позволяет человеку делать выбор. Используя нелинейные мультимедийные технологии, благодаря взаимодействию определенных средств отображения различных мультимедийных объектов, можно напрямую участвовать в вводе информации.

В условиях цифровизации системы образования выделяются методологические, экономические, технические, технологические и методические аспекты.

Одной из проблем методологического аспекта является проблема выработки основных принципов образовательного процесса, которые должны соответствовать современному уровню информационных технологий.

Экономический аспект характеризуется тем, что экономической основой информатизации являются телекоммуникационная, компьютерная, электронная, аудиовизуальная отрасли, которые переживают процесс технологической конвергенции. Происходит формирования мировой информационной экономики и как следствие навязывание западных стандартов.

Технический аспект ориентирован на то, что в систему образования внедрено огромное количество программ и разработок, направленных на реализацию информационных технологий. Различные методические подходы и несовместимость технических программных средств образуют барьеры на пути взаимодействия информационных ресурсов и компьютерной техники, приводящих к трате сил и распылению средств.

Технологическая основа информатизации образования включает телекоммуникационные и информационные технологии, поражающие экономический рост, создают условия для свободного движения в обществе потоков информации, приводят к существенным социально-экономическим преобразованиям и, в конечном счете, к становлению информационного общества.

Поддержкой, процесса образования должны стать информационные технологии. Произойти это должно с помощью наглядности, возможности использования

комбинированных форм представления информации, к которым отнесем тестовые данные, графические изображения, анимация, стереозвучание, доступ к мировым информационным ресурсам, выступающими методическим аспектом информатизации образования.

Использование информационных технологий для формирования информационной компетентности позволяет считать последнее многомерной структурой. В свою очередь, компетентностный подход будет нацеливать деятельность обучающихся на множество направлений, одним из которых является пополнение знаний о современных видах сбора, хранения и переработки информации, представления информации и способы получения новой информации. Эта информация должна быть систематизирована и сохранена, должна строиться на знаниях о направлениях модернизации информационных и электронных устройств.

Умение работать с современными средствами, направленными на отображение, воспроизведение информации и способы настройки оборудования, которые обеспечивают сохранность и ее конфиденциальность является еще одним из направлений развития навыков работы с информацией достигнутых применением полученных знаний и умений как в повседневной жизни, так и в нестандартных стрессовых ситуациях.

Проблема формирования информационной компетентности бакалавров профессионального обучения остается актуальной, так как перед вузами стоит задача по подготовке профессионально компетентного специалиста.

Достичь высокого уровня выпускников возможно лишь при сохранении фундаментальности в области теоретического знания и углублении практико-ориентированной подготовки обучаемых.

Будущего специалиста необходимо научить самостоятельно решать образовательные и профессиональные задачи с применением компьютерных технологий.

Формирование информационной компетентности неразрывно связано с информатизацией образования, которая рассматривается как процесс обеспечения сферы образования методологией и практикой оптимального использования новых информационных технологий, направленных на реализацию социальных, психологических и педагогических целей обучения и воспитания [3], не может быть статичным процессом, поскольку сама образовательная система находится в состоянии непрерывного обновления содержания, технологий, отношений, правовых норм и других её составляющих.

Отмечая то, что происходит активное распростране-

ние и внедрение в образовательный процесс информационно-коммуникационных средств и методов обучения, учёные отмечают, что в психолого-педагогическом плане наблюдается переход к динамически структурированным системам умственных действий, к компетентным характеристикам личности [4].

Введение нормативного компонента «компетенция» само по себе свидетельствует о смещении акцентов в образовании от системы «знания-умения-навыки» к системе компетенций, где одним из важных элементов, как неотъемлемое качество специалиста любого профиля, выступают компетенции в работе с разнообразной информацией.

Основной целью высшего образования выступает

подготовка высококвалифицированного, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией и ориентированного в смежных областях деятельности, способного к эффективной работе по специальности, готового к постоянному профессиональному росту и профессиональной мобильности специалиста.

Развитие и внедрение новых информационных технологий в образовательную практику ведёт к обновлению информационной среды любой предметной деятельности, что требует кардинального переосмысления целей, содержания, форм и методов подготовки студентов вуза на новом, отвечающем требованиям времени, уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оскарссон Б. Базовые навыки как обязательный компонент высококачественного профессионального образования/ Оценка качества профессионального образования. Доклад 5/Под общ. Ред. В.И. Байденко, Дж. Ван Зантворта, Европейский фонд подготовки кадров. Проект ДЕЛФИ. – М., 2001.
2. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – 23 апреля. <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.
3. Роберт, И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования [Текст] / И.В. Роберт. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 205 с.
4. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий [Текст] / Г.К. Селевко: в 2 т. Т.1., М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 816 с.

© Бурляева Виктория Арсентьевна (va-burlyaeva@mail.ru), Соловьева Наталья Владимировна (solo-snv@mail.ru),

Чебанов Константин Александрович (chebanov-k@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ СПО

Гасанов Солтан Фахратдинович

*Заместитель директора, Колледж многоуровневого профессионального образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
gasanov-sf@ranepa.ru*

DEVELOPMENT OF A MODEL FOR THE FORMATION OF THE ECOLOGICAL WORLDVIEW OF STUDENTS OF THE SPO

S. Gasanov

Summary: The article is devoted to the search for methodological, theoretical and didactic foundations for the modern model of the formation of the ecological worldview of college students. The author substantiates the main components of the model. A two-level concept of the formation of the ecological worldview of students of secondary vocational education and a set of pedagogical conditions for its implementation are proposed.

Keywords: ecological education, modeling method, system-activity approach, ecological worldview.

Аннотация: Статья посвящена поиску методологических, теоретических и дидактических основ для современной модели формирования экологического мировоззрения студентов колледжей. Автором выполнено обоснование основных компонентов модели. Предложена двухуровневая концепция формирования экологического мировоззрения студентов СПО и комплекс педагогических условий для ее реализации.

Ключевые слова: экологическое образование, метод моделирования, системно-деятельностный подход, экологическое мировоззрение.

Экологические проблемы, их глобальный характер и своеобразное проявление в каждом регионе планеты требуют сознательного, ответственного отношения к природе, отказа от устоявшихся представлений о неисчерпаемости природных богатств, а также беспредельной способности биосферы к самовосстановлению и самоочищению. Мы видим, что пренебрежение законами экологической динамики и устойчивости наносит огромный ущерб не только человечеству, но и всей жизни на Земле.

Актуальность экологического образования вызвана необходимостью обеспечить понимание того, что деятельность человека на Земле не может происходить стихийно, без учета ее последствий для окружающей среды, без знания рационального природопользования. Ответственное отношение к природной среде предполагает соблюдение моральных требований по убеждениям, а не из-за страха материальных и моральных санкций. Убеждения позволяют человеку противостоять влияниям, которые мешают бережному отношению к природным богатствам.

Исследуя процесс формирования экологического мировоззрения студентов СПО, мы использовали метод моделирования. В.А. Штофф под моделью понимает мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая отображает и воспроизводит объект так, что изучение модели дает новую информацию

об объекте [7]. Моделирование в научно-педагогическом исследовании служит одним из способов научного познания целостного процесса, явления, динамической системы.

Модель в любом педагогическом процессе представляет собой определённую структуру (схему, образец), которая поможет учителю донести её сущность до сведения обучающихся. Г.Н. Каропа, предложил строить модель экологического воспитания как определённую структуру педагогического процесса, имеющую четыре уровня исполнения [2].

Первый уровень в экологической модели составляют компоненты общей системы «человек», «общество», «производство», «природа». Компоненты в такой системе логически связаны один с другим: человек находится среди природы, живёт в обществе; в своей деятельности посредством природы он связан с производством; производство обязательно связано и с природой (окружающей средой), и имеет непосредственное отношение к обществу.

Каждый из этих четырёх компонентов первого (наиболее высокого) уровня не только связан друг с другом. Его связи опускаются ко второму уровню: семья - ответственность - учреждение (предприятие) - средства массовой информации. Подобное ближайшее окружение образовательного учреждения в той или иной мере

невидимыми связями пронизывает её учебно-воспитательную сущность и деятельность. Эту модель можно с успехом использовать в профессиональной подготовке.

Ближе всего к ученическим коллективам и отдельным ученикам стоят компоненты третьего уровня приведённой модели. Это непосредственно обучение с его потенциалом учебной деятельности, учебной и производственных практик, научной и общественно-полезной работой экологической направленности.

В центре этой системы стоит личность обучающегося. Моделирование системы (или систем) экологического воспитания образовательного учреждения позволяет педагогу максимально глубоко осмыслить протекающие в системе процессы.

В процессе разработки модели формирования экологического мировоззрения будущих специалистов образовательных организаций СПО мы руководствовались следующими факторами:

1. современными тенденциями решения экологических проблем;
2. отсутствием целенаправленной педагогической системы подготовки специалистов, результатом которой является формирование экологического мировоззрения;
3. недостаточной разработанностью в теории и практике педагогического обеспечения, способствующего формированию экологического мировоззрения.

Экологическое мировоззрение студентов в условиях профессиональной подготовки – это совокупность экологических знаний, личностных смыслов отношения к природе как ценности, направленность на конструктивное преобразование действительности с позиции сохранения природы, а также мотивационная готовность к самостоятельным действиям по защите окружающей природной среды в профессиональной сфере.

Основными компонентами экологического мировоззрения студентов являются: экологическая образованность, экологическая сознательность, экологическая деятельность и профессиональная подготовка, обеспечивающие профессиональную позицию будущего специалиста.

Мы полагаем, что формирование экологического мировоззрения студентов - это педагогический процесс, направленный на расширение теоретических знаний о взаимосвязи профессиональной и природоохранной деятельности, развитие экологического сознания (убеждений на основе критических оценок состояния природной среды и поступков отдельных людей, смысла ценностных ориентаций и т.д.), саморефлексии и мотивации

готовности к экологоориентированной деятельности в профессиональной сфере.

При этом учитывается специфика возрастных особенностей студентов учреждений СПО (это, по сути, старшеклассники с их ориентациями и уровнем притязаний, отношением к жизни и свойственным этому возрасту мировосприятием); отличительные особенности контингента, основанные на многообразии мотивационных установок и ценностных ориентаций; неопределенность (в отличие от студентов вуза) направленности профессиональных ориентаций, нечеткость профессиональных смыслов.

В процессе разработки концептуальной модели формирования экологического мировоззрения студентов мы исходили из общеметодологических представлений о том, что любая образовательная концепция будет действенной только в том случае, если она эксплицитно или имплицитно включает следующие конструкты:

- онтологические идеи, отражающие определенные представления о сущности мироздания, о формах и уровнях его организации;
- антропологические идеи, т.е. представления о сущности человека и его месте в мире;
- аксиологические идеи, т.е. представления о смыслах бытия и деятельности, о ценностных системах и их реализации в практике.

И уже с этих позиций решаются все другие, собственно образовательные задачи, которые ставит любая педагогическая концепция, такие как проблемы охвата всех предметов одной идеологией образования, выбора необходимых педагогических технологий и методов воздействия педагогической системы на обучаемого, а тем самым и предъявляемых к нему требований и т.д.

Предлагаемая нами концепция формирования экологического мировоззрения студентов отражает представления двух взаимосвязанных уровней: I уровень – методологический базис; II уровень – педагогическая система, формируемая на его основе.

В онтологическом аспекте переход на путь устойчивого развития связан с определенными и необходимыми трансформациями всех сфер жизнедеятельности человека и человечества в соответствии с представлениями об экологически целесообразной организации социоприродного взаимодействия. С этой точки зрения экологическое образование выполняет инструментальную функцию, выступая фактором утверждения новой цивилизационной модели развития, обеспечивающей улучшение качества жизни человечества при сохранении качества природной среды.

Г.А. Папуткова в своих исследованиях утверждает, что

на рубеже новой цивилизации стратегия личности должна быть принята как свобода в рамках экологической необходимости. Эти качества общество призвано задавать через образовательные системы [5]. Формирование экологического мировоззрения студентов должно быть направлено на подготовку экологически грамотно рассуждающих, руководящих и действующих специалистов и населения с целью предупреждения экологических бед, кризисов и катастроф. Это возможно при активном взаимодействии разных специалистов в организации целенаправленной природоохранительной работы с населением.

Важную роль в формировании витагенного опыта профессиональной деятельности в процессе формирования экологического мировоззрения студентов СПО отводится практике. Особое значение ее организация приобретает в системе профессионального экологического образования, в рамках которого цели практики значительно расширяются. В нашем случае цели практики дополняются необходимостью развития и практического применения в учебно-профессиональной деятельности профессионально-экологической компетентности во всей совокупности ее составляющих, т.е. не только профессионально-экологической образованности, но и экологического сознания, экологически значимых личностных качеств, универсальных способностей, приложимых к разным видам деятельности, способов экологически целесообразной деятельности и т.д.

Одна из важных проблем формирования экологического мировоззрения студентов в условиях СПО, которая сегодня весьма актуальна, – формирование культуры принятия экологически целесообразных практических решений, опыта личного участия в решении экологических проблем с целью улучшения качества окружающей среды, а в итоге – становление личности эколого-ориентированного специалиста, способной и готовой решать проблемы устойчивого развития. При этом, экологическое мировоззрение как развивающееся личностное свойство может и должно стать показателем уровня сформированности таких характеристик эколого-ориентированной личности, как эгоцентрическое экологическое сознание, и его центральный компонент – экологическая культура.

Опираясь на исследования Степанова С.А., нравственный императив личности мы рассматриваем как важнейший фактор формирования ключевых характеристик эколого-ориентированной личности, а их суть и особенности – как важнейшие для обеспечения устойчивого развития природы и общества:

- *экологическое мировоззрение* – смысловой компонент экологического сознания личности – устойчивая система взглядов и убеждений личности на природу, на взаимоотношение природы и обще-

ства, на планету как среду обитания человечества, а осознание человеком себя в качестве субъекта развития планеты;

- *экологическое сознание* – интегративная характеристика личности, формируемая в условиях экологоориентированной деятельности, включающая в качестве структурных компонентов когнитивный, перцептивно-аффективный, эмоционально-волевой, ценностно-ориентационный и мотивационно-поведенческий;
- *экологическая культура* – интегративное качество и важнейшее личностное свойство, отражающее психологическую, теоретическую и практическую готовность человека ответственно относиться к окружающей среде, способность человека пользоваться своими экологическими знаниями и умениями в практической деятельности; характеризует особенности экологического сознания, поведения и деятельности человека во взаимодействии с природой;
- *экологическая компетентность* – важнейшая личностная характеристика студента и важнейший показатель сформированности экологического мировоззрения, экологического сознания и экологической культуры личности; рассматривается как системообразующая [6].

Экологизация образования, рассматривается нами как соответствующая экологическая подготовка, элементы которой должны быть синтезированы вокруг профессионально значимых знаний и умений; необходимое условие для решения конкретных практических задач в области охраны окружающей среды и рационального природопользования.

Экологическое образование в СПО должно опираться на нормативно-правовое обеспечение, которое является важным инструментом, используемым государством в интересах сохранения и рационального использования окружающей среды. Поскольку основными источниками нарушения экологического равновесия являются промышленные предприятия, на которых трудятся выпускники, знание и исполнение всех законов должно способствовать снижению антропогенной нагрузки на природу. Кроме того, необходимо обратить внимание, что важнейшей задачей, с позиции государства, является пропаганда идей устойчивого развития, а также создание развитой системы непрерывного экологического воспитания и образования в качестве основы формирования экологической культуры [3].

Необходимо отметить, что в настоящее время уровень экологизации образовательных программ в СПО стремительно падает. Эта проблема заложена во ФГОС СПО нового поколения. С одной стороны, в них появилась общая компетенция, направленная на содействие

сохранности окружающей среды. С другой – исчез механизм ее формирования [1].

Экологическое образование – это ценностно-ориентированный, целенаправленно организованный, планомерно и систематически осуществляемый процесс формирования экологического сознания как базового компонента экологической культуры личности экоцентрического характера. Основными принципами экологического образования являются междисциплинарность, систематичность и последовательность, научность, практикоориентированность, вариативность, сопряженность профессиональных и экологических знаний, принцип экоцентрической рефлексии [4].

Достижение эффективности формирования экологического мировоззрения студентов образовательных организаций СПО обеспечивает комплекс педагогических условий:

- интеграция на основе междисциплинарного, личностно-ориентированного и деятельностного подходов, предметных (профессиональных) знаний, надпредметных (специальных экологических) знаний и готовности к экологоориентированной деятельности в профессиональной сфере с целью развития качеств специалиста, способного действовать и понимать ответственность за сохранение окружающей среды;
- методическое сопровождение предусматривает разработку методических рекомендаций, реализацию педагогических форм, методов и средств с целью поэтапного развития уровня экологической культуры студентов;
- активизации деятельности по расширению природоохранного опыта студентов способствует участие в экологических акциях, создание и защита самостоятельных экологических проектов, стимулирование готовности действовать по защите природной среды в будущей профессиональной деятельности.

Экологическое образование мы рассматриваем как постоянный процесс развития и расширения знаний об окружающей среде, формирования отношения к экологии как ценности и способности к активной деятельности по защите окружающей среды.

В качестве обязательных компонентов экологического образования мы выделяем не только получение знаний, умений и навыков по экологии, но и формирование ответственности, экологически грамотной деятельности, принятие экологически грамотных решений в процессе жизнедеятельности человека, что должно тесно переплетаться с еще одним компонентом экологической культуры — профессиональной подготовкой студентов учреждений СПО. Вслед за многими авторами,

целью экологического образования мы называем формирование экологического мировоззрения.

Переход от подросткового к юношескому возрасту считается наиболее ответственным и в то же время наиболее сложным.

Этот период характеризуется возмужанием подростка, его взрослением и созреванием. На данном этапе онтогенеза велика роль экологического мировоззрения как важного фактора регулирования, коррекции, направления и, в целом, формирования основных качеств личности. Необходимы знания о биологических закономерностях развития растущего человека, а также об основных этапах психического развития и становлении его как личности.

Именно в этот период важно организовать и сознательно направлять общие усилия на поиск подлинных ценностей в пространстве культуры и социума, создавать систему формирования экологического сознания и поведения.

Предлагаемая нами модель формирования экологического мировоззрения студентов СПО на основе системно-деятельностного подхода направлена на формирование личности, обладающей нравственными качествами, экологической культурой, способной к практико-ориентированной экологической деятельности. Она включает в себя четыре основных взаимосвязанных и взаимозависимых компонента: целевой, содержательный, технологический и результативно-оценочный. Каждый из компонентов направлен на реализацию определенного комплекса форм и методов экологического воспитания.

Целевой компонент предполагает реализацию цели экологического воспитательного процесса - формирование нравственной ответственности за деятельность в сфере «природа - общество-человек».

Содержательный компонент экологического воспитания является наиболее объемным, так как предусматривает отбор информации через познавательный, мотивационный, аксиологический и экологоориентированный аспекты, выделенные на основании поставленной цели. Через мотивационный аспект раскрывается содержание закономерностей, регулирующих взаимоотношения человека и природы, формируются экологические убеждения, появляется интерес к окружающему миру, потребность в изучении и сохранении окружающей природной среды.

Познавательный аспект реализуется через целостное представление о социоприродной среде, понимание системности и процессуальности знания о природе, окружающей среде. Аксиологический аспект представлен в

мотивационном и познавательных аспектах и направлен на воспитание нравственно-значимых ценностей по отношению к природе, окружающей среде. Экологоориентированный аспект - экологически целесообразная деятельность и поведение в процессе осуществления профессиональной деятельности, направленной на сохранение окружающей среды.

Технологический компонент представляет пути для эффективного достижения поставленной цели – формирования нравственной ответственности личности в сфере «природа - общество-человек» через формы, методы и средства экологического воспитания.

Результативно-оценочный компонент направлен на оценку: а) личностных результатов, таких, как сформированность экологических знаний, мотиваций, способность встать на позицию нравственного выбора в деятельности, направленной на сохранение окружающей среды; б) социально-значимых - применение правовых норм и законодательств, регулирующих профессиональную деятельность в области охраны окружающей среды.

Предложенная модель формирования экологического мировоззрения студентов СПО на основе системно-

деятельностного подхода в образовательном процессе может быть педагогически эффективной за счет включения в процессы обучения и воспитания таких форм и методов, которые будут ставить студентов в положение исследователей и первооткрывателей.

В современном профессиональном образовательном пространстве подготовка конкурентно-способных выпускников, готовых противостоять социально-экономическим изменениям, возникающим в обществе и способных взять на себя ответственность за принимаемые решения, становится одним из главных направлений образовательного процесса учреждений высшего и среднего профессионального образования.

Сегодня практически любая деятельность человека оказывает прямое или косвенное воздействие на окружающую природную среду. Поэтому конкурентно-способный выпускник должен обладать экологической грамотностью. Для этого необходимо создавать в профессиональном образовательном пространстве определенные педагогические условия, которые будут обеспечивать эффективную экологическую подготовку выпускников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гасанов С.Ф., Крель Н.А. Год экологии прошел – проблемы остались // Профессионально образование. Столица. М., 2018. - № 11. – с. 45-48
2. Каропа Г.Н. Системный подход к экологическому образованию и воспитанию (на материале сельских школ) / Г.Н. Каропа. – Минск: Універсітэцкае, 1994. – 211 с.
3. Муравьёва Е.В. Экологическая подготовка студентов технического вуза: монография / Е.В.Муравьёва. – Казань: РИЦ «Школа», 2006. – 244 с.
4. Муравьёва Е.В. Экологическое образование студентов технического вуза как базовая составляющая стратегии преодоления экологического кризиса: Автореф. дис. докт. пед. наук: 13.00.01 / – Казань, 2008. – 39с.
5. Папуткова Г.А. Компетентностно-ориентированное профессиональное экологическое образование студентов в вузе: Автореф. дис. докт. пед. наук: 13.00.08 / – Нижний Новгород, 2008. –52 с.
6. Степанов С.А. Экологическое образование для устойчивого развития как важное направление модернизации высшей школы России: Автореф. дис. докт. пед. наук: 13.00.01 / – Москва, 2011. – 58 с.
7. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.;Л.:Наука, 1966. с.19

© Гасанов Солтан Фахратдинович (gasanov-sf@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ТЕРРИТОРИЯ СМЫСЛОВ» КАК ПУТЬ К АККУЛЬТУРАЦИИ

"TERRITORY OF MEANINGS" AS A WAY TO ACCULTURATION

E. Grunina

Summary: This article deals with one of the pressing problems of modern higher education in Russia: finding ways to further improve the programs of socio-cultural adaptation of foreign students studying at Russian universities. The scientific novelty lies in the author's hypothesis that in the process of socio-cultural adaptation, the mastered space of a monoculture from the standpoint of semiotics can be perceived as "the territory of meanings." At the same time, the studied language of foreign culture from the system of signs for the purpose of communication turns into a key for decoding the meanings contained in objects and phenomena of the environment. Using the principle of intercultural interconnection, interdisciplinary and intercultural approaches, methods of included observation and content analysis, as well as the accumulated practical experience of specialists in the field of intercultural communication and their own experience, the author proves the vitality of the hypothesis put forward.

Keywords: sociocultural adaptation, the space of inoculation, "territory of meanings," acculturation, semiotics, intercultural communication.

Грунина Елена Владимировна

ст. преподаватель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
K-15154@planet-a.ru

Аннотация: В данной статье речь идет об одной из актуальных проблем современного высшего образования в России: поиске путей дальнейшего совершенствования программ социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Научная новизна заключается в гипотезе автора о том, что в процессе социокультурной адаптации осваиваемое пространство инокультуры с позиций семиотики может восприниматься как «территория смыслов». При этом изучаемый язык инокультуры из системы знаков с целью общения превращается в ключ для декодирования смыслов, заключенных в объектах и явлениях окружающей среды. Используя принцип сопряжения культур, междисциплинарный и межкультурный подходы, методы включенного наблюдения и контент-анализа, а также накопленный практический опыт специалистов в области межкультурной коммуникации и собственный опыт, автор доказывает витальность выдвинутой гипотезы.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, пространство инокультуры, «территория смыслов», аккультурация, семиотика, межкультурная коммуникация.

Введение

Согласно Постановлению Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», начиная с 2023 года, получать высшее образование смогут 30 тысяч человек ежегодно» [1]. Данный документ ориентирован на решение задачи, которую поставил президент Российской Федерации (РФ) перед системой высшего образования, речь идет об увеличении не менее, чем в два раза количества иностранных жителей, обучающихся в российских вузах. Данный курс вузов России на расширение доли иностранных студентов отвечает самым последним тенденциям современного общества: формированию мирового цифрового пространства, совместному поиску путей выхода из экономического и политического кризиса, борьбе с пандемией. Мировой рынок труда требует от системы образования подготовки высококвалифицированных специалистов, способных к взаимодействию на межкультурном уровне. В свете сказанного вопрос о социально-культурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, является чрезвычайно актуальным. Будучи со времен существования СССР многонациональными, следовательно, поликультурными, вузы РФ накопили немалый опыт по

социально-культурной адаптации зарубежных студентов к российской действительности. Именно благодаря этому опыту в современных российских вузах продолжают совершенствоваться программы социокультурной адаптации зарубежных студентов, отвечая современным требованиям рынка труда и общества.

О методах исследования, принципах, методологических подходах, гипотезе

С 10 по 18 ноября 2021 года на базе Уральского федерального университета (УрФУ) институтом русского языка Российского университета Дружбы Народов (РУДН) было осуществлено повышение квалификации по программе дополнительного профессионального образования «Социально-культурная адаптация иностранных граждан, обучающихся в российских вузах». В ходе обмена опытом по реализации существующих в разных вузах программ по социокультурной адаптации студентов-иностранцев (Российский университет Дружбы Народов – РУДН, Уральский федеральный университет – УрФУ, Уральский государственный экономический университет – УрГЭУ, Уральский государственный горный университет – УГГУ, Астраханский государственный университет – АГУ, Тюменский государственный университет – ТюмГУ) было выявлено, что для части

иностранцев процесс адаптации сопровождается стрессовыми ситуациями. Среди наиболее типичных причин были названы такие как: недостаточное знание языка, разница в климатических условиях, малознакомая кухня, чуждые правила среды обитания, отсутствие близких родных и друзей, др. Опираясь на методы включенного наблюдения и контент-анализа, автор статьи, которая была участником вышеназванной программы повышения квалификации, пришла к выводу о том, что существующие в российских вузах программы социокультурной адаптации иностранных студентов необходимо продолжать развивать и совершенствовать с целью минимизировать проблемы, вызывающие стрессовые состояния. Социокультурная адаптация – это процесс освоения нового межкультурного пространства для иностранных студентов. Специалисты в области межкультурной коммуникации называют процесс освоения новой межкультурной среды результатом аккультурации [2; с.253]. По мнению автора статьи, осваиваемая новая культура (социокультурная среда) должна восприниматься с позиций семиотики (наука, исследующая знаки и системы знаков [3;с. 24]). Одним из основателей семиотики у нас в стране является Ю.М. Лотман – представитель московско-тартусской лингвистической школы. По определению этого авторитетного ученого, культура – это «механизм, имеющий целью выработку и хранение информации» [3;с. 26]. С позиций семиотики, все окружающие нас объекты - это артефакты, наполненные смыслами. Предметы и явления заключают в себе ценности, традиции того народа, культуре которого принадлежат данные артефакты. Следовательно, чтобы чувствовать себя достаточно комфортно в подобном пространстве, необходимо уметь декодировать смыслы, заключенные в артефактах. Исходя из этого тезиса, автор статьи гипотетически предполагает, что в процессе социокультурной адаптации осваиваемое межкультурное пространство, должно восприниматься как «территория смыслов». При этом условно его можно поделить на макро- и микропространство. Под макропространством следует понимать регион, город проживания, которые наполнены уникальными достопримечательностями, заключающими в себе исторические, культурные, национальные традиции и смыслы, иными словами, ту информацию, которая представляет код региональной культуры. Под микропространством следует понимать место проживания и учебы. В случае студентов-иностранцев – это вуз обучения и чаще всего общежитие. Это тоже своеобразная «территория смыслов» со своими традициями, правилами функционирования, своей символикой. Для комфортного существования в этой среде необходимо уметь декодировать смыслы этой среды, иными словами, понимать ее культурный код. Сделать это без знания языка невозможно.

О роли русского языка как иностранного в ходе адаптации иностранных студентов

Язык в этом случае выступает не как система знаков, а как инструмент, с помощью которого можно декодировать информацию, заключенную в артефактах и явлениях, и передать ее носителю инокультуры. Таким образом язык становится одним из главных инструментов в межкультурном диалоге. Иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, изучают русский язык как иностранный. Учитывая мультикультурный и полиязычный характер нашей страны, которая богата своими регионами, природными ресурсами, народами и культурами этих регионов, русский язык играет роль объединяющего ядра, поэтому изучение и совершенствование русского языка в ходе социально-культурной адаптации – это одно из главных условий успешного погружения в реалии региона.

Доказательная база подтверждения гипотезы

В последнее время исследования, связанные с изучением регионов, очень интенсифицировались. Феномен региональной идентичности (на примере Краснодарского края) описывает в своей работе О.Р. Тучина [4], о пользе художественных текстов как «притягательном исследовательском материале для анализа семиотики города» пишет Д.Н. Замятин [5], зависимости социокультурной среды вуза от состояния социокультурной среды региона, в котором находится вуз, посвящено исследование И.А. Блужина, И.Г. Лучининой, Н.Г. Ивановой [6], своим опытом о «высокой результативности изучения региональнозначимых текстов на занятиях со студентами-иностранцами в техническом вузе» делится У.В. Новикова [7]. Используя принцип сопряжения культур, межкультурный и междисциплинарный подходы, опираясь на опыт коллег, а также на личный опыт, автор статьи убеждена, что при освоении русского языка как иностранного, очень полезно использовать аутентичные материалы региональной тематики. Так, например, при обучении студентов из Гвинеи (уровень магистратуры химико-технологического института УрФУ) были использованы для изучения тексты, в которых рассказывалось об уникальном артефакте, являющимся неофициальной визитной карточкой Екатеринбурга, центральном экспонате музея изобразительных искусств - чугунном павильоне, шедевре, исполненном в технике каслинского литья. Подобные материалы позволяют не только совершенствовать профессиональные знания в области металлургии, методах обработки деталей, в использовании особых техник и технологий отливки чугуна, элементов декора, но помогают понять историческую и культурологическую ценность изучаемого объекта. Данный артефакт завоевал в Париже на универсальной выставке в 1900 году золотую медаль и фигурирует в списке ЮНЕСКО как уникальный объект промышленного ис-

кусства, хранящийся в музее. Центральным экспонатом этой витрины регионального ремесла (каслинское литье) является мифологизированный образ России. Женская скульптура держит в одной руке меч, обращенный острием к земле, а в другой руке у нее щит. Декодировать смысл, сокрытый в данном образе, можно только как то, что Россия никогда ни на кого не нападала и нападать не собирается, именно об этом свидетельствует меч, обращенный острием к земле. Но страна всегда готова защищать свои народы и границы, о чем свидетельствует щит в другой руке скульптуры. По мнению автора, если бы идеологические противники сегодняшней России умели правильно декодировать подобные смыслы, то, возможно, что фейковая информация, витающая на просторах интернет-пространства об угрозах, якобы исходящих от России, не имела бы места. Данный пример доказывает, что изучение на уроках материалов региональной тематики, способствует углубленному погружению в региональную культуру, формированию профессиональной и межкультурной компетенций. При этом осваиваемый русский язык выступает медиатором (посредником) между культурами. Полностью соглашаясь с тезисом отечественных ученых-педагогов В.А. Слостениным, И.Ф. Исаевым, Е.Н. Шияновым о том, что «образование как целенаправленный процесс социализации в любом случае включает в себя и воспитание» [8;с.74], хотелось бы подчеркнуть важность взаимодействия представителей разных культур через совместное участие в разнообразных внеаудиторных и учебных мероприятиях. В качестве примера хочется поделиться опытом с вышеупомянутыми студентами из Гвинеи, которые участвовали в роли членов жюри как носители французского языка в конкурсе творческих проектов по инженерным направлениям подготовки в 2017 г. на кафедре иностранных языков УрФУ. Русские студенты, будущие инженеры, участвовавшие в качестве иностранного языка французский, защищали на конкурсе свои проекты на французском языке. Интернациональный состав жюри из носителей языка и русских специалистов со знанием французского оценивали выступления в строгом соответствии с регламентом (5 минут на презентацию и 2-3- минуты на вопросы-ответы) по таким параметрам как: актуальность выбранной темы, оригинальность изложения, творческий подход, лингвистический компонент (уровень владения французским языком), учет регионального компонента. Студенты из Гвинеи получили реальную возможность через взаимодействие на межкультурном уровне, познакомиться с современной научной картиной мира, отраженной в тематике представленных к защите проектов. Актуальность выбранных тем отвечала наиболее передовым и перспективным направлениям развития современной науки, представленным аббревиатурой НБИКС (нано-, био-, инфо-, когнито-, социотехнологии), модель, лежащая в основе развития исследований пилотного национального исследовательского центра РФ «Курчатовский институт».

Внеаудиторные мероприятия, направленные на сохранение традиций вуза, на создание его положительного стереотипа, играют большую роль в социокультурной адаптации иностранных студентов. В УрФУ таковыми являются «Майская прогулка», шествие 7 мая к памятнику А. Попова и большой концерт по случаю Дня радио, фестиваль «Весна УрФУ» и др. В последнее время в свете проведения крупных мероприятий международного уровня особую значимость приобретает волонтерская деятельность. Зачастую студенты – иностранцы участвуют в подобных мероприятиях в качестве волонтеров как переводчики совместно с русскими студентами, представляющими разные вузы. УрФУ в 2023 году станет аренной проведения такого масштабного мероприятия как Универсиада 2023. Волонтерская деятельность студентов помогает им ближе познакомиться со своими сверстниками, расширить свою сеть общения на межкультурном уровне, позволяет глубже узнать регион, город проживания, погрузиться в образовательное пространство вуза обучения, избавиться от негативных стереотипов о стране, ее народах, культурах, способствует формированию положительных представлений об окружающей среде.

Приведенные примеры активного участия иностранных студентов в учебных и внеучебных мероприятиях позволяет говорить об их соответствии критериям успешной аккультурации. Эти критерии были выявлены на основе анализа современных исследований специалистов в области межкультурной коммуникации и накопленного практического опыта коллег. Профессионалы считают, что успешной социокультурной адаптацией является взаимное соответствие личности и новой социокультурной среды (в нашем случае «территории смыслов»). «Эффективная социокультурная адаптация зависит от знания культуры, степени включенности в контакты и от межгрупповых установок» [9; с.257]. Автор выделяет следующие критерии успешной социокультурной адаптации иностранных студентов: – психологическая удовлетворенность при проживании в условиях новой культуры (активное освоение русского языка, насыщенная контактами виртуальная и реальная сеть общения, любознательность при знакомстве с ценностями новой культуры, толерантное отношение к сокурсникам и гражданам региона, преодоление негативных стереотипов о регионе и стране проживания, отсутствие ксенофобии); – способность ориентироваться в новой среде обитания, решать бытовые проблемы (комфортное существование в повседневной жизни, отсутствие затруднений при решении вопросов быта: еда, посещение магазинов и др.); – удовлетворенность достижениями в учебе и проведении досуга (сдача контрольных учебных мероприятий по утвержденному графику, регулярное посещение занятий, активное участие в воспитательных мероприятиях, часто занятия спортом и др.).

Выводы

В заключительной части статьи автор опирается на практический опыт коллег и мнение специалистов в области межкультурной коммуникации о том, что процесс аккультурации – это «приобретение коммуникативных способностей к новой культуре» [9; с.257]. Используя выявленные критерии успешной социокультурной адаптации иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, автор приходит к выводу о том, что выдвинутая

гипотеза о восприятии вновь осваиваемого социокультурного пространства как «территории смыслов» с позиций семиотики, вальдна. Изучаемый русский язык рассматривается не как простая система знаков с целью общения, а как своеобразный ключ к пониманию смыслов инокультуры, воздействующий на все аспекты межкультурного взаимодействия: познавательный (рациональный уровень), аффективный (эмоциональный уровень), поведенческий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как иностранным студентам получить высшее образование в российском вузе? [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=36132 - (дата обращения 20.01.2022).
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов/Под ред. А.П.Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА,2002. – 352 с.).
3. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология . – СПб.: Питер.2008. – 464с.
4. Тучина О.Р. Региональная символика в массовом сознании (на материале исследования молодежи Краснодарского края)// Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сб. материалов II Международной научно-практической конференции, Краснодар: Изд. КубГТУ, 2020. С. 24-27.
5. Замятин Д.Н. Гетеротекстуальность и сопостранственность: от семиотики города к транссемиотике постгорода // Уральский исторический вестник.2021. № 1(70). С. 70-79.
6. Блужин И.А., Лучинина И.Г., Иванова Н.Г. Социокультурная среда отечественных и зарубежных вузов как интегральный показатель социализации и воспитания студентов //Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сб. материалов II Международной научно-практической конференции, Краснодар: Изд. КубГТУ, 2020. С. 45-48.
7. Новикова У.В. Изучение художественного текста со студентами-иностранцами в техническом вузе// Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сб. материалов II Международной научно-практической конференции, Краснодар: Изд. КубГТУ, 2020. С. 125-128.
8. Слостенин В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Слостенина.- 6 -изд., стер.- М.: Издательский центр «Академия», 2007.- 576с.
9. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов/Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА,2002. – 352 с.

© Грунина Елена Владимировна (K-15154@planet-a.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИИ СО ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С АУТИЗМОМ

DEVELOPMENT OF COMMUNICATION WITH ADULT PRESCHOOL CHILDREN WITH AUTISM

*E. Draymanova
N. Lavskaya*

Summary: The article presents the results of a study aimed at developing a theoretical basis for the development of communication in older preschool children with autism with adults. The organization and methods of the study allowed us to scientifically substantiate the importance of finding ways to optimize the development of communication in preschoolers with autism, to identify the grounds for targeted pedagogical influence in order to correct the disorders existing in preschool children with autism, taking into account the individual characteristics of their development, and to establish the main directions of the organization of educational activities. The totality of the results achieved made it possible to form a theoretical basis for the development of communication in older preschool children with autism with adults.

Keywords: communication, older preschool children, autism, social adaptation, speech development, game method.

Драйманова Екатерина Викторовна
Московский педагогический государственный
университет
draima@yandex.ru

Лавская Наталия Сергеевна
К.п.н., доцент, Московский педагогический
государственный университет
natalavskaya@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, целью которого разработка теоретической основы развития коммуникации у детей старшего дошкольного возраста с аутизмом со взрослыми. Организация и методы исследования позволили научно обосновать значимость поиска путей оптимизации развития коммуникации у дошкольников с аутизмом, выявить основания для целенаправленного педагогического воздействия с целью коррекции имеющихся у детей дошкольного возраста с аутизмом нарушений с учетом индивидуальных особенностей их развития и установить основные направления организации образовательной деятельности. Совокупность достигнутых результатов позволила сформировать теоретическую основу развития коммуникации у детей старшего дошкольного возраста с аутизмом со взрослыми.

Ключевые слова: коммуникация, дети старшего дошкольного возраста, аутизм, социальная адаптация, развитие речи, игровой метод.

Введение

Первоначально, в контексте заданной темы исследования, следует отметить имеющуюся сложность в изучении и поиске путей разрешения проблемы *социальной адаптации* детей, у которых был диагностирован *аутизм и расстройства аутистического спектра* (далее – РАС). Недостаточность, отмечаемая многими исследователями в рамках изучения отмеченной нами области знаний, обусловлена рядом многоаспектных *причин*, среди которых можно выделить наиболее значимые: сложности в оценке психологического эмоционального состояния ребенка с аутизмом в дошкольном возрасте, низкой степенью разработанности критериального аппарата и научной обоснованности педагогических условий. Совокупность названных причин в большей степени определяют неразрешенность вышеназванной проблемы в социальной адаптации детей названной категории, образуя своего рода сложившиеся на сегодняшний день *противоречия*.

Теоретическое обоснование проблемы исследования

Теоретический анализ результатов, представленных

в научных трудах современных, как отечественных, так и зарубежных авторов исследований позволил сформировать авторскую позицию, согласно которой результативность процесса социализации детей с аутизмом определяется степенью их интеграции в социуме, позволяющей выступать в качестве активного *субъекта взаимодействия* [1, 6]. Однако на сегодняшний день функционирующая система образования демонстрирует относительно низкую готовность в предоставлении услуг в названной сфере в полном объеме [2, с.21], несмотря на имеющийся у дошкольных образовательных учреждений (далее – ДОУ) потенциал. Наши исследования позволили детально проанализировать сложившуюся ситуацию и сделать обоснованный вывод о наличии одной из наиболее яркой причины, которая заключается в недостаточности научных разработок адекватных условий реализации практики обучения детей с аутизмом, в частности – адаптированных под особые потребности детей с РАС образовательных занятий.

Опираясь на результаты исследования, осуществленного К.Н. Виноградовой, можно заключить, что в качестве основы адаптационных процессов следует рассматривать коммуникацию всех взаимодействующих

щих участников в виду выявленной корреляции между развитием речи, коммуникациями и степенью социализации детей с аутизмом [2, с.25]. В большинстве случаев, проявления, которые характеризуют наличие аутизма у детей старшего дошкольного возраста, обусловлены наличием дефицита в их информационном пространстве. На сегодняшний день, отмечается активизация исследований, ориентированных на выявление детерминант психического проявления у детей с аутизмом по трем сферам их поведения, а именно: первое направление – общественные отношения; второе – вербальные и невербальные коммуникации; третье – интересы и потребности детей, проявленные в стереотипных формах [8, с.12]. Анализ научных работ, в которых представлены результаты исследований по вышеназванным направлениям, позволил сформировать авторскую позицию по исследуемому проблемному аспекту.

Так, по мнению авторов исследований О.С. Никольской, М. Тэлботт и др. в качестве наиболее важного фактора, препятствующего оптимизации социализации и индивидуализации детей с аутизмом, следует считать недостаточность в развитии их коммуникативных способностей [5, 7]. Отмечаемая исследователями недостаточность в свою очередь обусловлена низким уровнем социального взаимодействия в виду различных нарушений в развитии речи [3, с.98]. Наравне с выделенной причиной исследователями отмечается значимость изучения структуры и состава коммуникации, мотивы и потребности к ней, а также этапы развития коммуникативных способностей детей с аутизмом [4, с.146].

Подобная взаимосвязь характеризуются наличием корреляционной зависимостью между названными системно выявляемыми признаками, обуславливающими сохранение устойчивости триады – ограниченность социальных взаимодействий, коммуникация и стереотипное поведение. Опираясь на приведенные доводы, сформулированные нами в ходе настоящего исследования, можно резюмировать высокий уровень значимости для повышения успешности адаптационных процессов у детей с аутизмом программы, позволяющей, учитывая индивидуальные особенности их развития, активизировать процесс формирования речевых функций и коммуникаций.

Цель исследования заключается в разработке теоретической основы развития коммуникации у детей старшего дошкольного возраста с аутизмом со взрослыми.

Теоретическую базу исследования, кроме ранее указанных авторов, составили научные работы Е.Н. Гориной, Е.С. Грининой и Т.Ф. Рудзинской, в рамках которых достаточно подробно представлены возможности при-

менения современных подходов и технологий изучения и непосредственной реализации механизмов адаптации и своевременной коррекции в случае выявленных отклонений в рамках исследуемых явлений.

Методы исследования были представлены в виде совокупности, в состав которой входили такие как теоретические (системный анализ, обобщение) и эмпирические (наблюдение, включенное наблюдение).

Результаты исследования

В контексте отмеченного следует подчеркнуть реализацию множественности путей коррекционной деятельности в работе с детьми с аутизмом, и в первую очередь направленных на развитие и формирование речевых функций (поведенческих, эмоциональных, коммуникативных и др.). Используемые в рамках настоящего исследования методы, а также собственный практический опыт, накопленный в ходе деятельности, реализуемой в обозначенном проблемном поле, позволил предположить высокую степень результативности технологии коррекции, основу которой составляет игровая методика, ориентированная на развитие коммуникации со взрослыми и расширения диапазона общения с окружающим миром детей старшего дошкольного возраста.

В ходе настоящего исследования была предпринята попытка разработать теоретическую основу для программы «Развитие коммуникации у детей старшего дошкольного возраста с аутизмом со взрослыми», в дальнейшем апробировать ее с целью установления степени результативности, и представить полученные результаты исследования в ряде наших работ. В ходе формирования содержания проводимых в рамках программы занятий и тематического планирования, вся деятельность, реализуемая в ДОУ, выстраивалась с соблюдением трех направлений, фундаментальную основу которых составлял игровой метод: первое направление - алгоритмизированное; второе – эмоциональное; третье - коммуникативное обучение. Остановимся более подробно на рассмотрении каждого из названных направлений. *В соответствии с первым (алгоритмизированным) направлением*, осуществлялось обучение детей с аутизмом первичным навыкам, представленными вербальными и невербальными средствами коммуникации, выражающими их потребности. *Согласно второму (эмоциональному) направлению*, обучение осуществлялось с акцентированным вниманием на обучение детей с аутизмом социально-эмоциональным навыкам, проявляемым в испытываемых ими чувствах и эмоциях посредством слов и жестов. *Третье направление* включало в себя игровые задания, ориентированные на развитие навыков общения, т.е. диалогической речи. Каждому направлению на реализуемых в рамках образовательной

деятельности ДОУ занятиях, направленных развитие коммуникации у детей старшего дошкольного возраста с аутизмом со взрослыми, уделялось по 10-20 минут при изучении одной темы 2 раза в неделю.

Заключение

На основании осуществленной исследовательской деятельности, были получены следующие результаты: 1) научно обоснована значимость поиска путей оптимизации развития коммуникации у дошкольников с ау-

тизмом; 2) выявленные основания для целенаправленного педагогического воздействия с целью коррекции имеющихся у детей дошкольного возраста с аутизмом нарушений с учетом индивидуальных особенностей их развития; 3) установлены основные направления организации образовательной деятельности, направленной на развитие коммуникации у дошкольников с аутизмом. Совокупность достигнутых результатов позволила сформировать теоретическую основу развития коммуникации у детей старшего дошкольного возраста с аутизмом со взрослыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина С.В. и др. Методологические подходы к психолого-педагогическому сопровождению инклюзивного процесса в образовании / С.В. Алехина, И.В. Вачков // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – №5. – С. 97-104.
2. Виноградова К.Н. Речь и коммуникация при расстройствах аутистического спектра / К.Н. Виноградова // Аутизм и нарушения развития. – 2015. № 2(47). С. 17-28.
3. Ерофеева О.С. Особенности коррекционно-развивающей работы учителя-логопеда с детьми с расстройствами аутистического спектра / О.С. Ерофеева // Auditorium. 2019. № 2(22). – С.97-100.
4. Конратева И.Г. и др. Вопросы непрерывного и гибкого образования: сборник / И.Г. Конратева, А.В. Фахрутдинова // Сборник материалов X Международной научно-практической конференции «Иностранные языки в современном мире». 2017. С. 140-147.
5. Никольская О.С. Проблемы обучения аутичных детей / О.С. Никольская // Дефектология. 1995. № 2. С. 8–18.
6. Khowaja K., Salim S., Salwah S. Game for Children with Autism to Learn Vocabulary: An Experimental Evaluation // International Journal of Human-Computer Interaction. 2019. – №2. P. 1-26.
7. Talbott M., Young G., Munson J., Estes A.M., Vismara L., Rogers S. The Developmental Sequence and Relations Between Gesture and Spoken Language in Toddlers With Autism Spectrum Disorder // Child Development. 2019. – №51. P. 120-136.
8. Yavuz M., Selçuk B., Korkmaz B. Social competence in children with autism // International Journal of Developmental Disabilities. 2019. – №1. P. 10-19.

© Драйманова Екатерина Викторовна (draima@yandex.ru), Лавская Наталия Сергеевна (natalavskaya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ГАРМОНИЧНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТУДентОК НА ЭТАПЕ АДАПТАЦИИ К УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ В ВУЗЕ

ASSESSMENT OF THE HARMONY OF THE PHYSICAL DEVELOPMENT OF FEMALE STUDENTS AT THE STAGE OF ADAPTATION TO THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE UNIVERSITY

**I. Kirilova
E. Osipova
N. Makarkina
E. Borisenko**

Summary: The formation and preservation of the health of young people in Russia in the context of a changing education format that limits physical activity is one of the key problems. In this regard, it is relevant to constantly monitor the physical condition of girls studying in universities. A survey of first-year students studying at the Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Using calculated indices (body mass index, Brugsch index and Verweck index) showed that only 55% of all the girls surveyed had harmonious physical development. Disharmonious physical development of female students is more often caused by overweight (35%) and obesity (8%), which allows them to be attributed to the risk group for successful adaptation to study. Students with harmonious physical development revealed narrow chest, indicating the gracilization of the physique of modern freshmen. The results of the study of the harmony of physical development and the methodology of their implementation will allow students to teach techniques of self-observation in this direction. The formation of this competence will make it possible to project the acquired skills in professional activity when teaching a course studying human anatomy and physiology according to the requirements of the second-generation school Federal Standard.

Keywords: physical development, harmony of physical development, students, first-year students, adaptation.

Кирилова Ирина Анатольевна

к.б.н., старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Осипова Елена Владимировна

д.б.н., профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Макаркина Наталья Викторовна

к.б.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

petrych_m_n@mail.ru

Борисенко Елена Юрьевна

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Аннотация: Формирование и сохранение здоровья молодежи России в условиях изменяющегося формата обучения, ограничивающего двигательную активность, относится к одной из ключевых проблем. В связи с этим актуальным является постоянный мониторинг физического состояния девушек, обучающихся в вузах. Проведена оценка гармоничности физического развития студенток первого курса, обучающихся в Педагогическом институте Иркутского государственного университета. Некоторые расчетные индексы (индекс массы тела, индекс Бругша и индекс Вервека) показали, что гармоничное физическое развитие имели только 55 % из всех обследованных девушек. Дисгармоничное физическое развитие студенток чаще обусловлено избыточной массой тела (35%) и ожирением (8%), что позволяет отнести их к группе риска по успешной адаптации к учебе. У студенток с гармоничным физическим развитием выявлена узкогрудость, свидетельствующая о грациализации телосложения современных первокурсниц. Методические рекомендации оценки гармоничности физического развития позволяют научить студенток приемам самонаблюдения в данном направлении. Кроме того, формирование данной компетенции поможет использовать полученные навыки в профессиональной деятельности при преподавании курса, изучающего анатомию и физиологию человека согласно требованиям школьного Федерального стандарта второго поколения.

Ключевые слова: физическое развитие, гармоничность физического развития, студентки, первокурсницы, адаптация.

Одной из актуальных проблем в России, как и в других странах, является проблема формирования и сохранения здоровья населения. Оценка физического развития является одним из основных показателей здоровья человека. Известно, что на уровень и гармоничность физического развития влияет комплекс факторов, среди которых в настоящее время большинство исследователей отмечают: стремительное развитие технического прогресса; модернизация учебных процессов; резкий рост объемов оперативной информации; экологическое неблагополучие окружающей среды; не-

рациональное питание; низкая двигательная активность и вредные привычки [4,5].

Среди различных групп населения в наибольшей степени подвержено влиянию данных факторов подрастающее поколение, в том числе студенты, только поступившие в ВУЗ, особая социально-демографическая группа населения, определяющая будущее страны. Период начала профессионального обучения в вузе характеризуется завершением ростовых процессов и окончательным формированием морфологических и

функциональных систем. Даже незначительные отклонения в состоянии здоровья в данный период приводят к нарушениям функционирования адаптационных систем организма [3, 6].

В связи с этим важно систематическое наблюдение за физическим развитием студенческой молодежи как одного из параметра, характеризующего их здоровье. Представленные результаты исследования гармоничности физического развития и методика их проведения позволят научить студенток приемам самонаблюдения в данном направлении, а также проектировать данную компетенцию в профессиональной деятельности при преподавании курса «Человек» согласно требованиям, школьного Федерального государственного стандарта второго поколения.

Цель обследования

Выявление гармоничности физического развития студенток первого курса с помощью метода расчетных индексов.

Материалы и методы

Проведена оценка морфометрических характеристик 170 практически здоровых студенток первого курса Педагогического института «ИГУ» в возрасте 17- 19 лет. Обязательным условием при сборе данных для настоящей работы, было добровольное согласие первокурсниц на проведение антропометрических измерений и дальнейшую обработку результатов.

Для характеристики физического развития (ФР) девушек использовали три основных антропометрических показателя: длину тела, массу тела и окружность грудной клетки. Измерения проводили согласно общепринятой методике в первой половине дня. Гармоничность физического развития оценивали с помощью индекса массы тела (ИМТ) или Кетле II ($ИМТ = МТ (кг) / ДТ (м^2)$) [1, 3]. Для девушек 17-19 летнего возраста нормальными принято считать ИМТ равный 19,1 – 25,8 кг/м². Значения ИМТ – 19,1 кг/м² свидетельствует о дефиците массы тела, а при ИМТ – 25,8 кг/м² – диагностируют избыточный вес. Индекс массы тела более 32,3 кг/м² свидетельствует об ожирении.

Согласно значениям ИМТ студенток были сформированы четыре группы:

1-я группа включала девушек с гармоничным физическим развитием (ГФР), **2-я группа** – с дисгармоничным физическим развитием (ДФР) за счет дефицита массы тела, **3-я группа** – с дисгармоничным физическим развитием за счет избыточной массы тела, **4-я группа** состояла из девушек с ожирением.

Пропорциональность между ростом и окружностью грудной клетки определяли с помощью расчетного индекса Бругша (ИБ), который рассчитывают по формуле $ИБ = ОГК (см) \times 100 \% / ДТ (см)$ [2]. В норме значения ИБ принято считать 55-50 %. Значения ИБ <50% свидетельствуют об узкогрудости, более 55% – о широкогрудости.

Тип телосложения студенток определяли с помощью индекса Вервека (ИВ), который рассчитывали по формуле: $ИВ = ДТ (см) / (2 \times МТ (кг) + ОГК (см))$ [2]. Величины индекса, лежащие выше 1,35 ед., свидетельствуют о выраженном вытягивании – долихоморфии; в интервале 1,35–1,25 ед. – об умеренной долихоморфии; 1,25–0,85 ед. – о мезоморфии (гармоничном физическом развитии). Значения индекса Вервека, лежащие в интервале от 0,85 до 0,75 ед. показывают умеренное отставание по длине тела (умеренную брахиморфию), а значения ниже 0,75 ед., – выраженную брахиморфию (низкорослость).

Статистический анализ проводили с помощью прикладных программ Statistica 6.0. Применяли методы параметрической статистики (вычисление М- взвешенной средней арифметической, средней ошибки (m), средне-квадратичного отклонения (σ), достоверности различий средних величин по St-критерию Стьюдента). Критический уровень значимости для статистических критериев принимали $p \leq 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведена оценка уровня физического развития обследованных девушек с помощью расчетных индексов. Индекс массы тела (индекс Кетле II) часто используют на практике, так как он позволяет определить недостаток, либо избыток массы тела.

С помощью расчетного индекса Кетле II определены группы физического развития первокурсниц (табл.1). Установлено, что только 55 % из всех обследованных девушек имели гармоничное ФР. Среди дисгармоничных вариантов ФР чаще превалировала у студенток избыточная масса тела, что составило 35 %. Кроме того, в 8 % случаев среди первокурсниц выявлено ожирение и только у 2 % - дефицит массы тела. Полученные нами данные сопоставимы с исследованиями, проведенными среди молодежи г. Тула, где высокий процент девушек (31 %) с избыточной массой тела [3]. В тоже время при оценке физического развития студенток-первокурсниц г. Москвы установлена доля девушек с дефицитом массы тела, которая составила 22 %, по отношению к остальным вариантам дисгармоничности физического развития [7].

Значения индекса Кетле II у девушек 1 – ой группы с гармоничным физическим развитием составили $23,37 \pm 1,57$ кг/м², что, согласно нормативным значениям (19,1-25,8 кг/м²), свидетельствовало о нор-

мальной массе тела. В это же время характеристики индекса Кетле II у их сверстниц с избыточной массы тела (3-я группа) ($27,97 \pm 1,45$ кг/м²) и ожирением (4-я группа) ($37,46 \pm 3,59$ кг/м²) с высокой степенью достоверности ($p=0,000$) превышали нормативные значения этого показателя (табл. 1).

Характеристики индекса Бругша у первокурсниц с гармоничным ФР (1-я группа) составили $49,77 \pm 4,21\%$, что свидетельствовало об их узкогрудости.

Окружность грудной клетки у девушек с избыточным весом (3 – я группа) согласно ИБ, который был $53,90 \pm 3,51\%$, соответствовала нормативным значениям. ИБ у студенток с ожирением (4-я группа), согласно полученным данным $60,98 \pm 5,07\%$ свидетельствовал о широкой грудной клетке, размеры которой с высокой степенью достоверности ($p=0,000$) превышал значений этого показателя у студенток с нормальным и избыточным весом (табл.1).

Расчетный индекс Вервека позволил определить конституциональный тип телосложения студенток, который с высокой степенью достоверности ($p=0,000$) различался по группам гармоничности ФР (табл.1). Установлено, что у девушек с гармоничным ФР среднегрупповые значения ИВ были $0,87 \pm 0,05$ ед., что свидетельствовало о мезоморфном типе их телосложения. В тоже время студенток с избыточной массой тела ($0,77 \pm 0,04$ ед.) и ожирением ($0,62 \pm 0,05$ ед.) можно отнести к группе с брахиморфным типом телосложения и низкорослостью.

Анализ антропометрических характеристик первокурсниц по группам гармоничности ФР показал, что длина тела ($166,07 \pm 6,29$ см) у девушек 1-ой группы была достоверно значимо выше, чем у студенток с избыточной массой тела, рост которых составил $162,83 \pm 5,52$ см ($p=0,001$) (табл. 2). В тоже время значения длины тела в остальных сравниваемых группах гармоничности ФР были сопоставимы ($p > 0,05$).

Масса тела, в отличие от длины тела, является более

Таблица 1.

Среднегрупповые значения расчетных индексов студенток по группам гармоничности физического развития

Расчетные индексы (нормальные значения)	Гармоничное физическое развитие (55 %)	Дисгармоничное физическое развитие (45 %)			p_{st}
		Дефицит массы тела (2 %)	Избыточная масса тела (35 %)	Ожирение (8 %)	
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа	
Индекс массы тела или индекс Кетле II (19,1-25,8 кг/м ²)	$23,37 \pm 1,57$	$18,43 \pm 0,34$	$27,97 \pm 1,45$	$37,46 \pm 3,59$	$p_{1-2}=0,000$ $p_{1-3}=0,000$ $p_{3-4}=0,000$
Индекс Бругша (55-50 %)	$49,77 \pm 4,21$	$45,54 \pm 1,46$	$53,90 \pm 3,51$	$60,98 \pm 5,07$	$p_{1-2}=0,049$ $p_{1-3}=0,000$ $p_{1-4}=0,000$ $p_{3-4}=0,000$
Индекс Вервека (1,25–0,85 ед.)	$0,87 \pm 0,05$	$1,04 \pm 0,02$	$0,77 \pm 0,04$	$0,62 \pm 0,05$	$p_{1-2}=0,000$ $p_{1-3}=0,000$ $p_{3-4}=0,000$

Примечание: p_{st} – коэффициент достоверности Стьюдента

Таблица 2.

Морфометрические характеристики студенток по группам гармоничности физического развития

Антропометрические показатели	Нормальная масса тела (n = 94)	Дефицит массы тела (n = 4)	Избыточная масса тела (n = 59)	Ожирение (n = 13)	p_{st}
	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа	
Длина тела, см	$166,07 \pm 6,29$	$164,75 \pm 3,59$	$162,83 \pm 5,52$	$162,85 \pm 4,74$	$p_{1-3}=0,001$
Масса тела, кг	$54,49 \pm 5,73$	$42,00 \pm 2,16$	$62,10 \pm 5,56$	$83,25 \pm 11,11$	$p_{1-2}=0,000$ $p_{1-3}=0,000$ $p_{3-4}=0,000$
Окружность грудной клетки, см	$82,59 \pm 6,96$	$75,00 \pm 2,16$	$87,74 \pm 6,05$	$99,23 \pm 7,89$	$p_{1-2}=0,033$ $p_{1-3}=0,000$ $p_{3-4}=0,000$

Примечание: p_{st} – коэффициент достоверности Стьюдента

лабильным показателем и в большей степени зависит от воздействия внешних факторов. В связи с этим изменение массы тела представляет наибольший интерес со стороны исследований физического развития как показателя здоровья населения.

Выявлено, что значения массы тела первокурсниц с высокой степенью достоверности ($p=0,000$) отличались по группам гармоничности ФР. Так, у студенток 1-ой группы среднегрупповые значения массы тела составили $54,49 \pm 5,73$ кг, что на 8 кг меньше, чем у их сверстниц с избыточным весом ($62,10 \pm 5,56$ кг) и на 29 кг меньше, чем у девушек с ожирением ($83,25 \pm 11,11$ кг) (табл. 2). Более того, установлены достоверно значимые различия по массе тела между 3-ей и 4-ой группами дисгармоничного развития, где отмечена разница в среднем на 21 кг ($p_{3-4}=0,000$).

Показатели окружности грудной клетки первокурсниц также достоверно значимо различались во всех исследованных группах гармоничности ФР (см. табл. 2). Выявлены наибольшие значения окружности грудной клетки у девушек с избыточной массой тела ($87,74 \pm 6,05$ см) и ожирением ($99,23 \pm 7,89$ см) ($p_{3-4}=0,000$).

Заключение и выводы

Первокурсники, вчерашние школьники, являются наиболее уязвимыми с точки зрения адаптации к новой форме обучения в непривычной социальной среде, что приводит к ощущению внутреннего дискомфорта и конфликта с этой средой [6, 8]. Возможное напряжение и срыв процессов адаптации, согласно исследованиям различных авторов, в этот период могут быть связаны с особенностями соматотипа и дисгармоничности физического развития [2]. Оценка адаптационных возможностей студентов, составляющих группу риска за счет избыточного веса, становится все более актуальной для сохранения здоровья в формате дистанционного обучения.

После проведения исследования студенткам было

предложено адаптировать методику оценки уровня и гармоничности физического развития для разработки самонаблюдений школьниками при изучении курса «Человек».

Выводы

1. Гармоничное физическое развитие выявлено у 55% обследованных студенток. При этом среди дисгармоничных вариантов ФР в группе риска преобладали избыточная масса тела (35 %) и ожирение (8 %).
2. С помощью индекса Бругша установлено, что девушки с гармоничным ФР узкую грудную клетку, что свидетельствует о грациализации телосложения современных девушек с нормальной массой тела.
3. Согласно расчетам индекса Вервека, первокурсницы с гармоничным ФР имели мезоморфный тип телосложения, что подтверждает гармоничность их физического развития. Девушки с избыточной массой тела достоверно значимо отличались брахиморфным типом телосложения и низкорослостью.
4. Анализ антропометрических показателей обследованных студенток по группам гармоничности ФР показал достоверно значимые различия между морфометрическими характеристиками девушек с гармоничным ФР и избыточным весом. Длина тела первокурсниц с гармоничным ФР достоверно значимо выше, чем у их сверстниц с избыточным весом в среднем на 4 см ($p < 0,05$). При этом масса тела студенток 1-ой группы гармоничности ФР ниже, чем у студенток 3-ей группы на 8 кг ($p < 0,000$), а окружность грудной клетки меньше в среднем на 5 см ($p < 0,000$).
5. Установлено, что у 43 % из всех обследованных студенток-первокурсниц, дисгармоничное физическое развитие обусловлено избыточным весом и ожирением, что позволяет отнести их к группе риска по успешной адаптации к учебе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменков А.А. Оценка физического развития студентов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2012. – № 3. – С. 19–21.
2. Влияние социальных и психологических факторов на формирование здоровья студентов в период обучения в высшем учебном заведении / И.Г. Кретова [и др.] / Гигиена и санитария. – 2014. – № 4. – С. 85–90.
3. Галкина Т.Н. Антропометрические характеристики девушек-студенток медицинского института Пензенского государственного университета / Т.Н. Галкина, О.В. Калмин // Известия ВУЗ. Медицинские науки. – 2015. – № 1(33). – С. 5–14.
4. Метелкина Д.С. Состояние здоровья студентов педагогического ВУЗа на этапе адаптации к учебно-профессиональной деятельности / Д.С. Метелкина, Ю.И. Родин // Человек и образование. – 2017. – № 2 (51). – С. 60–65.
5. Милушкина О.Ю. Особенности образа жизни современной студенческой молодежи / О.Ю. Милушкина [и др.] / Здоровье населения и среда обитания. – 2018. – № 11 (308). – С. 5–8.

6. Светличная Г.Н. Характеристика морфофункционального развития студентов, обучающихся по социально-экономическому направлению/ Г.Н.Светличная, В.Л. Грицинская, К.А. Евдокимова// Здоровье населения и среда обитания. – 2018. – №11 (308). – С. 14-17.
7. Соловьев В.Н. Физическое здоровье как интегральный показатель уровня адаптации организма к учебному процессу // Фундаментальные исследования. – 2005. - №6. - С. 61-66.
8. Тимошенко К.Т. Антропометрические показатели студентов юношеского возраста на начальном этапе обучения в ВУЗе / К.Т. Тимошенко [и др.] // Здоровье населения и среда обитания. – 2016. – №6 (279). – С. 29-32.

© Кирилова Ирина Анатольевна, Осипова Елена Владимировна,
 Макаркина Наталья Викторовна (petrych_m_n@mail.ru), Борисенко Елена Юрьевна.
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Иркутский государственный университет

ПЕРСПЕКТИВНОСТЬ РЕСУРСОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКОСИСТЕМЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

THE PROSPECTS OF THE RESOURCES OF THE EDUCATIONAL ECOSYSTEM IN ENSURING THE INDIVIDUALIZATION OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

*E. Makarova
I. Kireeva
N. Belozertseva*

Summary: The creation of an educational ecosystem of universities and the changing nature of the configuration of the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic universities, the strengthening of the requirements and expectations for its individualization on the part of society, determined the relevance of the study in the article. The aim of the study is to analyze the prospects of the resources of the educational ecosystem in ensuring the individualization of teaching a foreign language to students of non-linguistic universities. The study used theoretical and empirical methods of scientific knowledge. Based on the results of the study, the article summarizes the resources of the educational ecosystem in ensuring the individualization of teaching a foreign language to students of non-linguistic universities. The practical significance of the study lies in the development of guidelines for the formation of foreign language communicative competence through the use of distance learning resources in the university ecosystem. The results obtained in the course of the study can be used by universities in the educational process when preparing distance courses in a foreign language for teaching students in various areas of training.

Keywords: resources, educational ecosystems, individualization of teaching a foreign language, students of non-linguistic universities, interactivity, educational platforms.

Макарова Елена Леонидовна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I»
maklena79@yandex.ru*

Киреева Ирина Анатольевна

*К.п.н., доцент, АНО ВО «Московский международный университет»
arina_68@bk.ru*

Белозерцева Наталья Васильевна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет»
bnv_75@mail.ru*

Аннотация: Создание образовательной экосистемы университетов и изменяющийся характер конфигурации процесса обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов, усиление требований и ожиданий, предъявляемых к его индивидуализации со стороны общества, обусловили актуальность исследования в статье. Целью исследования является анализ перспективности ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. В исследовании использованы теоретические и эмпирические методы научного познания. По результатам исследования в статье обобщены ресурсы образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. Практическая значимость исследования состоит в разработке методических рекомендаций по формированию иноязычной коммуникативной компетенции посредством применения дистанционных образовательных ресурсов в условиях экосистемы университетов. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы университетами в образовательном процессе при подготовке дистанционных курсов по иностранному языку для обучения студентов по различным направлениям подготовки.

Ключевые слова: ресурсы, образовательные экосистемы, индивидуализация обучения иностранному языку, студенты неязыковых вузов, интерактивность, образовательные платформы.

Введение

Языковое образование будущего будет тесно связано с актуальными запросами глобального рынка. Оно будет подстраиваться под студентов и вовлекать в процесс обучения российский и зарубежный бизнес. Экосистемы в языковом образовании – это направление развития мировой системы образования в течение XXI века. Современная модель языкового об-

разования требует новых ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов, в том числе перехода к цифровым платформам и сетям образовательных возможностей, а также новых подходов к регулированию языкового образования, построенных на вовлечении всех заинтересованных сторон вместо централизованного регулирования. В будущем языковое образование будет строиться на интеграции зна-

ний, а также с учетом дифференцированного подхода к каждому студенту при обучении иностранному языку, с учетом его интересов в будущей профессиональной деятельности. Эффективная образовательная экосистема будет участвовать в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов и находить новые способы расширения профессионального и социокультурного капитала за счёт организации международного сотрудничества с зарубежными специалистами в различных сферах профессиональной деятельности и использования альтернативных источников знаний путем использования дистанционных образовательных ресурсов. Вышесказанное обуславливает актуальность темы статьи.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по теме исследования

В исследовании перспективности ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов в рамках статьи, мы задействовали научные работы российских ученых. В специализированном учебном курсе Б.А. Бент доказана значимость ресурсов мультимедиа в современном образовании [1]. В учебном пособии М.А. Бовтенко представлены теоретические и практические положения компьютерной лингводидактики, наиболее важные для обеспечения индивидуализации обучения иностранным языкам студентов неязыковых вузов [2]. Г.Р. Биккуловой разработана методика дистанционного формирования коммуникативной компетенции студентов естественных факультетов университета, на материале английского языка [3]. А.А. Вертиновой создан адаптивный механизм соразвития университета и региона как экосистемы, который также представляет интерес в плане организации дифференцированного обучения иностранным языкам [4]. М.А. Лебедев описывает процесс формирования и развития экосистемы малых инновационных предприятий на базе образовательных организаций высшего образования, что позволяет организовать международное сотрудничество, важное для будущих специалистов различных профилей [5]. М.П. Петровой проанализирована сущность дистанционного обучения иностранным языкам в социокультурном контексте [6]. И.Н. Рыковой обозначены методические подходы к оценке эффективности элементов российской инновационной экосистемы [7, с. 41 – 50]. А.Ю. Яковлева рассматривает факторы и модели формирования и развития инновационных экосистем, необходимые нам при изучении ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов [8].

Анализ литературы и обобщение педагогического опыта преподавателей иностранных языков г. Москвы и г. Воронежа показали, что имеется достаточно актуальная проблема в обучении иностранному языку в вузах -

это нехватка перспективных ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. Изучение вышеуказанных источников позволило выявить и установить ключевые понятия и определения исследования в статье. Образовательную экосистему мы будем рассматривать как комплекс образовательных технологий и ресурсов, обеспечивающих индивидуализацию личностного развития субъектов образовательной среды на основе эффективных форм взаимодействия её компонентов. Под индивидуализацией при коммуникативном обучении иностранному языку понимается соотношенность приемов обучения с личностными, субъектными и индивидуальными свойствами каждого. Подчеркнем, что образовательная экосистема и ее ресурсы помогут обеспечить максимальную индивидуализацию обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов, соответственно, речь идет о личных перспективах развития будущего специалиста.

Материалы и методы

Теоретические положения, изложенные в статье, были проверены на практике, в рамках российских вузов: АНО ВО «Московский международный университет», г. Москва, ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет», г. Москва; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I», г. Воронеж. Отметим, что в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов была использована методика дистанционного формирования иноязычной коммуникативной компетенции, где дистанционное формирование иноязычной коммуникативной компетенции строится на основе принципа автономности с учетом индивидуально-личностных характеристик обучаемого и его интересов в будущей профессиональной деятельности.

Рассмотрим перспективность ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов более подробно.

1. Ресурсы дистанционного обучения «EdTech (от англ. Educational Technology)» - это новый этап в изучении английского языка, который позволяет сформировать разговорные навыки, навыки чтения и письма. Правильная экосистема позволяет гармонично автоматизировать каждый из этих навыков. Это достаточно молодое, но набирающее обороты направление, в котором совмещаются традиционные модели обучения и новые технологические разработки.
2. Интерактивный учебник, который включает грамматику, пунктуацию, целостность языка, чтение, письменные навыки, формирование правильной иноязычной речи. С ним можно тренировать

практически все виды речевой деятельности, но, прежде всего, говорение. Вы учитесь писать и говорить правильно, а также грамотно строить предложения.

3. Разговорные и тематические клубы способствуют восприятию речи на слух, развитию устной речи и общего понимания иностранного языка. Сейчас доступность разговорных клубов и различных сайтов, где можно пообщаться на английском языке с его носителями, позволяет обсуждать различных профессиональных сфер деятельности и направлений подготовки студентов неязыковых вузов.
4. Браузерные дополнения позволяют автоматизировать знания по грамматике и профессионально-ориентированную лексику. Они оказываются связующим звеном между теоретическим изучением английского языка и применением его в работе и жизни. По сути, набор этих инструментов уже является полноценной экосистемой, в которой прокачиваются все необходимые навыки английского языка.
5. Аутентичные видеоматериалы на английском языке профессионально-ориентированной тематики улучшают восприятие иноязычной речи на слух, интенсифицируют процесс запоминания активной специализированной лексики и разговорный язык. Просмотр видеоматериалов на английском языке действительно повышает уровень восприятия иноязычной речи на слух. Но для полноценной прокачки аутентичные видеоматериалы должны быть включены в саму систему «EdTech».
6. Образовательные платформы для изучения английского языка в условиях дистанционного обучения. Студенты на платформах слушают лекции, смотрят обучающие видео-уроки и выполняют разнообразные задания, в том числе в автономном режиме. На некоторых ресурсах процесс обучения построен с возможностью получения обратной связи. Это значит, что есть возможность связаться с преподавателем через саму систему. Например, «Coursera» предлагает более двух тысяч курсов на английском языке. Среди плюсов, стоит отметить наличие приложения для популярных платформ. Тематика курсов разнообразная и включает материалы по различным направлениям подготовки неязыковых вузов. Большинство популярных курсов для русскоговорящих студентов посвящено математике, программированию, обработке данных. Платформа «Edx» платформа посвящена курсам различной тематики: астрономия, искусство, архитектура, химия, финансы. Особенностью платформы является сотрудничество с университетами мирового уровня. Важно отметить тот факт, что платформа представлена на двух языках: английском и испанском. Платформа «Udemy» включает десятки тысяч курсов

на английском языке. Тематика: маркетинг, фотография, музыка, литература, кино, дизайн, журналистика, философия и так далее. Одной из особенностей платформы является английский язык для бизнеса. Платформа «Yale» включает курсы, которые посвящены экономике, истории, литературе, философии и другим наукам. Платформа «Alison» предоставляет доступ к курсам на различные темы: дизайн, управление проектами, туризм, социология, физика, банковское дело. Данная платформа доступна на английском, испанском, итальянском, французском и бразильском языках. В программе платформы «Khanacademy» есть более шестидесяти различных профессионально-ориентированных курсов на английском языке. Среди тематики курсов есть: математика, физика, экономика, история, астрономия. На платформе особый упор сделан на точные науки. Платформа «Genius English» лучше всего подойдет для студентов неязыковых факультетов вузов, где основным принципом является экономия затрат на изучение иностранного языка. Главными преимуществами платформы «Genius English» является легкость обучения иностранному языку, скорость в изучении аутентичного материала и эффективная методика запоминания навсегда. Конечно, это только базовые инструменты экосистемы изучения иностранного языка, однако перспективы данных ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов очевидны.

Заключение

Анализ результатов исследования по проблеме перспективности ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов позволяет подтвердить их дидактическую ценность. Использование ресурсов образовательной экосистемы в обеспечении индивидуализации обучения иностранному языку дает положительный обучающий эффект во взаимодействии с традиционными формами, приемами и средствами обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов, что обеспечивает полноценный индивидуальный подход в овладении учебно-познавательными умениями и навыками при овладении иностранным языком в автономном режиме. Доказано, что эффективность применения ресурсов образовательной экосистемы при использовании индивидуального подхода в обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов достигается обязательным включением информационной части, инструкций по самостоятельной работе с профессионально – ориентированными модулями, материалов для самостоятельной работы, самоконтроля, самооценки результатов и личных образовательных маршрутов в дистанционном формате обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бент Б.А. Мультимедиа в образовании: специализированный учебный курс/Б.А. Бент. - Издательство «Дрофа» - Москва, 2007. - 224 с.
2. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: учебное пособие / М.А. Бовтенко. – Москва: Издательство «Флинта: Наука», 2005. – 216 с.
3. Биккулова Г.Р. Методика дистанционного формирования коммуникативной компетенции студентов естественных факультетов университета: на материале английского языка: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: дис. на соискание ученой степени канд. пед. наук /Г.Р. Биккулова. — Санкт - Петербург, 2008. — 238 с.
4. Вертинова А.А. Адаптивный механизм соразвития университета и региона как экосистемы: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: дис. на соискание ученой степени канд. эконом. наук /А.А. Вертинова. — Владивосток, 2021. — 180 с.
5. Лебедев М.А. Формирование и развитие экосистемы малых инновационных предприятий на базе образовательных организаций высшего образования: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: дис. на соискание ученой степени канд. эконом. наук /М.А. Лебедев. — Орел, 2016. — 173 с.
6. Петрова М.П. Дистанционное обучение иностранным языкам в социокультурном контексте: специальность 13.00.01 «Общая педагогика история педагогики и образования»: дис. на соискание ученой степени канд. пед. наук /М.П. Петрова. - Якутск, 2002. - 253 с.
7. Рыкова И.Н. Методические подходы к оценке эффективности элементов российской инновационной экосистемы // Экономика: теория и практика. – 2016. – №1(41). – С. 41-50.
8. Яковлева А. Ю. Факторы и модели формирования и развития инновационных экосистем: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»: дис. на соискание ученой степени канд. эконом. наук /А.Ю. Яковлева. — Москва, 2012. — 244 с.

© Макарова Елена Леонидовна (maklena79@yandex.ru), Киреева Ирина Анатольевна (arina_68@bk.ru),
Белозерцева Наталья Васильевна (bnv_75@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ АМБУШЮРА У СТУДЕНТОВ-ДУХОВИКОВ

Мануйлов Владимир Николаевич

Аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет»
manujlov@mail.ru

SPECIFICS OF THE EMBOUCHURE FORMATION PROCESS AMONG STUDENTS-PLAYERS THE BRASS INSTRUMENTS

V. Manuilov

Summary: The relevance of the study is due to the need to master the most important skill of embouchure for players the brass instruments and at the same time the contradiction of scientific and methodological views on the organization of this process. The purpose of the work is systematization and analysis the results of research carried out with using modern scientific methods and technical means, as well as monographs and articles on the formation of embouchure. The methods of research were: interpretation and comparative analysis of the results of theoretical and practical studies, a generalization of pedagogical practice. Results of the study: embouchure means a certain position of the musician's lips, tongue and facial muscles when playing mouthpiece, predominantly brass wind instruments, on which the quality of the extracted sounds depends; their timbre and speech, as well as the possibility of applying a variety of characters and techniques of the playing, therefore, the latest scientific research the process of embouchure formation using modern equipment allows to identify the specifics of muscle work and optimally and efficiently organize the training of students-players the brass instruments. Conclusions: the intensity of the activity of the playing apparatus muscles during performance in different registers and with different dynamics depends on the level of skill, however, exact measurements allow to determine the level of development of the playing apparatus of the brass players and correlate it's with the quality of the sound producing. Visualizing the activities of the playing process helps to identify unused muscles and reduce technical difficulties of brass players during performance.

Keywords: embouchure, brass instruments, student-player the brass wind instruments, training, playing apparatus, lip and cheek muscles.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью освоения важнейшего для студентов-духовиков навыка амбушюра и при этом противоречивостью научно-методических взглядов на организацию данного процесса. Цель работы — систематизация и анализ результатов исследований, проведенных с использованием современных научных методов и технических средств, а также монографий и статей, посвященных формированию амбушюра. Методами исследования стали: интерпретация и сравнительный анализ результатов теоретических и практических исследований, обобщение педагогической практики. Результаты исследования: амбушюр означает определенное положение губ, языка и лицевых мышц музыканта при игре на мундштучных, преимущественно медных духовых инструментах, от которых зависит качество извлекаемых звуков, их тембр и высота, а также возможность применения разнообразных штрихов и приемов игры, поэтому новейшие научные исследования процесса формирования амбушюра с помощью современной аппаратуры позволяет выявить специфику работы мышц и оптимально и эффективно организовать подготовку студентов-духовиков. Выводы: от уровня мастерства зависит интенсивность деятельности мышц игрового аппарата при игре в разных регистрах и с разной громкостью, однако ее измерения позволяют определить уровень развития игрового аппарата студента-духовика и соотнести его с качеством игры. Визуализация деятельности игрового аппарата помогает определить незадействованные мышцы и снизить исполнительные трудности при игре на медных духовых.

Ключевые слова: амбушюр, медные духовые инструменты, студент-духовик, обучение, игровой аппарат, мышцы губ и щек.

Введение

Исследование процесса обучения игре на медных духовых традиционно сосредоточено на проблеме акустических свойств инструмента, движения губ и лицевых мышц, силы давления мундштука на губы, направления струи воздуха, вертикальных и горизонтальных движениях инструмента, аппликатуры. Большая часть крупных исследований связана с физиологией и механикой игры, изучаемой методом аудиовизуального мониторинга в реальном времени. Среди них назовем труды Р. Уиста [12], Г. Лено [8], Д. Рейнхардта [10],

Д. Тернбулла [11], Д. Уилкена [14] и К. Вольдендорпа, Г. Бошма и Е. Амстела [15]. В данной работе освещается новый и оригинальный метод наблюдения за образованием амбушюра с использованием технологий фото- и видеозаписи из области медицины, которая прежде не освещалась в научно-педагогической литературе о профессиональной подготовке исполнителей на медных духовых.

Цель и задачи

В статье осуществляется систематизация и анализ

результатов зарубежных научных исследований, проведенных с использованием современных методов и технических средств, а также монографий и статей, посвященных формированию амбушюра, которая позволяет определить задействованные в звукоизвлечении на медных духовых инструментах мышцы, выявить специфику образования амбушюра и оптимальный режим работы игрового аппарата музыканта.

Результаты зарубежных исследований, к сожалению, неизвестны отечественным ученым, музыкантам-исполнителям и педагогам, однако они значительно расширяют представления об особенностях процесса обучения исполнителей на медных духовых, заставляют обратить внимание на работу отдельных мышц и выработать соответствующие педагогические подходы к профессиональной подготовке специалистов.

Материалы и методы

Достижения в области медицинских технологий облегчили изучение процесса звукоизвлечения на инструментах и, в частности, образования амбушюра. Такие способы диагностики, как электромиография, видеофтороскопия или синектоскопия, инфракрасная термография, стробоскопия и высокоскоростная фотография, магнитно-резонансная томография, электромиография, сегодня используются для углубления понимания аспектов, связанных с амбушюром. Так, электромиография — это исследование электрической активности в мышце. Эта активность измеряется иглой, тонкой проволокой или электродами, вставленными в мышцу, либо размещенными на ней. Сигнал, который воспринимается иглой, усиливается для того, чтобы создать электромиограмму работы мышц при каких-либо действиях.

Так, Чарльз Айсли в 1972 году изучал лицевые мышцы восьми испытуемых во время выполнения ими разнообразных музыкально-исполнительских задач, пытаясь определить механизм образования амбушюра и режимы игры, подходящие для всех типов духовых инструментов [6]. Под руководством Джона Басмаджяна, пионера в области электромиографии, Айсли изучал основные мышцы, участвующие в звукообразовании (*orbicularis oris*, *buccinator*, *levator labii superioris*, *depressor labii inferioris*, *levator anguli oris*, *depressor anguli oris*, *platysma*, *mentalis* and *zygomaticus major*).

Результаты

Результаты исследования Ч. Айсли показали, что ни один вид амбушюра или режим игры не может объяснить разницу в мышечной активности, проявившейся у исполнителей. Тем не менее, Айсли обнаружил наиболее эффективные типы активности мышц лица и челюсти [6, с. 25]. Ученый вместе с Дж. Басмаджяном [7] провели

дальнейшее исследование функции мышц лица во время выполнения конкретных музыкальных задач. Результаты показали, что, хотя в различных задачах проявлялись разные виды активности, они весьма отличались у восьми участвовавших в эксперименте исполнителей. Все они по-разному напрягали различные мышцы для выполнения исполнительских задач.

Ч. Айсли пришел к выводу, что из-за множества переменных, наблюдаемых в его исследованиях, единого типа амбушюра для всех духовых инструментов не существует. Тем не менее, он сформулировал концепцию амбушюра, суть которой в наиболее эффективном и оптимальном применении мышц для минимального расхода энергии. Приведем краткое изложение этой концепции [7]:

1. Оптимальное положение мышц лица и челюсти, размещение мундштука

Нижняя губа расположена так, что передние верхние и нижние зубы выровнены, верхние зубы находятся на расстоянии приблизительно $\frac{1}{4}$ дюйма от нее, при этом ширина отверстия меняется в зависимости от высоты звука и динамики. Уголки рта остаются в нейтральном положении или слегка приподнимаются, чтобы верхняя и нижняя губы соприкоснулись перед зубами, слегка вывернувшись так, чтобы смыкаться частями красного цвета, но не касались зубов.

Мундштук размещен над линией верхней губы, однако с точки зрения эффективности применения игрового аппарата для звукоизвлечения на медных духовых это не так важно. По горизонтали мундштук находится по самому центру зубов. Давление мундштука больше направлено на нижнюю губу. Изменения положения мундштука во время исполнения касаются размера отверстия между зубами и величины инверсии красной части губы.

2. Оптимальные модели мышечной активности

Чтобы открыть и чуть выдвинуть челюсть вперед или назад, сокращаются милогидные и дигастрискускулы, латеральптергоиды или височные мышцы. Леватор ангули орис и депрессор ангули ориспулл двигают челюсть в противоположных направлениях и уравнивают сокращение щечного мускула, которое обусловлено изменением давления воздуха. Мышцы главной скуловой кости, подкожная мышца шеи и поднимающая верхнюю губу и крыло носа всегда расслаблены. Также никакого напряжения подбородочной мышцы. Губы прижимаются к мундштуку путем комбинации сокращений лавио-мускула и щечного мускула при помощи лаватора и депрессора ангули орис.

Мышцы тела поддерживают осанку при игре и усили-

вают напряжение при изменении высоты звуков и динамики. Сокращение латеральптеригоидов меняется в зависимости от силы давления, оказываемого на нижнюю челюсть мундштуком. Во время исполнения меняется положение губ, милогонидная мышца и дигастриксмускула открывают челюсть, чтобы при необходимости увеличить щель между зубами и инверсию губ, осуществляемую за счет натяжения комплекса щечных мышц.

В поиске оптимальной и эффективной работы мышц для создания амбушюра ученые на электромиографической аппаратуре также исследовали влияние регистра, интенсивности и уровня владения инструментом в целом. В исследовании Уайт и Басмаджян [13] с применением электродов с тонкой проволокой приняли участие восемнадцать испытуемых, все трубачи с различным уровнем квалификации. Была изучена работа четырех мышц: *orbicularis oris superioris*, *orbicularis oris inferioris*, *levator anguli oris* и *depressor anguli oris* в процессе более чем 51 действия при игре музыкантов. Результаты показали, что регистр и интенсивность звучания оказывают положительное влияние на мышечную активность, при этом регистр оказывает большее влияние, чем интенсивность. Это говорит о том, что освоение регистров студентами-духовиками должно быть систематическим, целенаправленным и входить в базовые исполнительские навыки инструменталистов [2].

Ф. Хейзер и Дж. Макнитт-Грей также использовали технологию электромиографии для исследования работы музыканта с мундштуком у медных духовых [3]. Ученые пытались установить идеальную работу мышц при игре на инструменте профессиональными трубачами. Были обнаружены две тенденции в работе четырех групп мышц, которые тесно взаимодействовали при атаке звука во всех регистрах подачи, а потом все же расслабились при прекращении звукоизвлечения [4]. Это говорит о том, что в профессиональной подготовке студентов-духовиков необходимо освоение исполнительских навыков до автоматизма, чтобы при игре музыканты оптимально использовали потенциал игрового аппарата и были готовы применить другие мышцы при необходимости и в технически трудных эпизодах произведений.

В следующем исследовании Ф. Хейзер и Дж. Макнитт-Грей решали проблему оптимального размещения мундштука на губах [4]. Ученые наблюдали и сравнивали симметричное и асимметричное размещение мундштука и работу мышц уголков рта, скул и щек во время исполнения духовиками оркестровых партий. Результаты показали практически идентичную мышечную деятельность в обоих вариантах размещения мундштука на губах при выполнении различных исполнительских задач и при этом одинаково эффективную работу при симметрично и асимметрично расположенном мундштуке. Результаты

исследований, и в первую очередь фотографии электромиографии авторы предложили использовать в педагогической и методической работе в качестве визуального представления процесса работы игрового аппарата и выявления недостатков развития и применения мышц губ, щек и челюстей.

Продолжив изыскания в данной области, П. Илтис и М. Гивенс [5], используя ту же электромиографию, доказали, что наибольшее значение в образовании амбушюра имеет депрессор мышц уголков рта и леватор мышц верхней губы и носа, и что недостатки в работе этих мышц снижают уровень владения исполнительскими навыками и правильного звукоизвлечения на медных духовых.

Выводы

Таким образом, систематизировав наиболее значимые исследования механизмов работы игрового аппарата и мышц лица и корпуса тела музыканта-духовика с помощью медицинской диагностической техники, можно сделать следующие выводы:

1. Точные измерения напряжения лицевых мышц, участвующих в создании амбушюра, а также давления воздуха внутри мундштука при звукоизвлечении позволяют определить мышцы, наиболее активно задействованные в игре на медных духовых и соответственно разработать специальные упражнения для их развития. Традиционные методические подходы учитывают необходимость формирования всего игрового аппарата и доказали свою эффективность, однако новейшие исследования способны оптимизировать процесс работы духовика над упражнениями и акцентировать внимание на наиболее важные в игре мышцы лица и шеи.
2. Исследователи проследили за активной деятельностью отдельных мышц при игре в разных регистрах и на разных динамических уровнях и выявила ряд тенденций, свидетельствующих о необходимости обучения тем или иным приемам и способам игры для повышения уровня качества звукоизвлечения как актуальнейшей проблемы медного духового исполнительства. Более того, обнаруженные в ходе исследований различия в работе лицевых мышц у разных музыкантов позволяют утверждать о допущении индивидуального подхода к обучению студентов-духовиков, поиске ими собственных ощущений и понимания того, как достичь требуемых результатов в игре на медных духовых.
3. Методы синефлюорографии и видеофлюорографии позволяют визуализировать в реальном времени движения мышц лица и тела при игре на инструментах и определить наиболее эффек-

тивное положение всех составляющих игрового аппарата духовика (челюсти, зубов, языка, губ), размер апертуры между зубами, степень изгиба и напряжения языка при атаке звука и исполнения приема двойного и тройного языка, положение мундштука по вертикали и горизонтали и силу давления губ. Наиболее правильным, способствующим должному звукоизвлечению на медных духовых, представляется выдвигание нижней челюсти вперед для выравнивания передних зубов и создания апертуры, а также отсутствие напряжения мышц нижней челюсти для обеспечения ее свободного движения при игре и создания нужного объема и направления воздушной струи.

4. Звукоизвлечение в высоком регистре требует определенного изгиба языка, который способствует направлению воздушной струи в мундштук с необходимой силой. Этот изгиб должен быть плавным и превращать ровный плоский язык в форму чайной ложки. Местоположение самого изгиба при этом зависит от полости рта музыканта и может варьироваться (ближе к концу, средней или задней части). При игре в разных регистрах мундштук должен находиться строго по центру вертикальной оси лица: исследования показали, что смещение из-за изменения положения челюсти ведет к снижению качества звучания. При этом чем выше регистр звука, тем сильнее давление мундштука на губы и наоборот.
5. Положение языка при атаке звука также имеет свою специфику. Ученые пришли к заключению, что язык при атаке звука касается апертуры между зубами, отсюда и необходимость контроля его положения и движений. Когда апертура широкая, язык оказывается между верхними и нижними зубами или губами, когда узкая — язык наносит удар по внутренней стороне верхних зубов. Положение языка для двойной и тройной атаки близко положению при озвучивании слогов “ту-ку” для двойной и “ту-ку-ту” для тройной. Именно такие упражнения становятся базовыми в подготовке студентов-духовиков. При их выполнении следует обращать особое внимание на активную работу языка и его касание верхних зубов. Это важнейшие артикуляционные движения, используемые исполнителями на медных духовых инструментах при игре группировок из двух и более нот. Было замечено, что при таком приеме игры зубы, челюсть и язык приобретают несколько иное положение.

Обсуждение

Зарубежные исследователи не были едины во мнениях относительно специфики формирования амбушюра,

поскольку проводили исследования при участии исполнителей на разных медных духовых инструментах. Так, Мерримен и Майдт еще в 1968 году сравнили работу игрового аппарата трубачей и валторнистов во время исполнения оркестровых партий [9]. Они провели анализ положения языка, измерили апертуры и объем гортани при игре. Несмотря на некоторые общие показатели, обнаружилось также и значительные различия в работе языка, объеме апертуры и гортани: у валторнистов они были меньше при игре в высоком регистре, чем у трубачей, которые, в отличие от валторнистов, к тому же смещали точку подъема языка вперед при игре арпеджио на низком динамическом уровне и назад при игре арпеджио на высоком. Другими словами, с одной стороны, разные медные духовые инструменты требуют разных же подходов к игре, с другой — одного и того же музыкального результата можно достичь разными способами игры.

В 2001 году инфракрасная термография позволила Бертшу и Мейсу [1] измерить температуру частей лица трубачей до и после игры на инструменте. В инфракрасной термографии было зафиксировано увеличение кровотока в мышцах лица в период активации, и основными областями повышения температуры во время игры оказался центральный участок лица, а не область щек. Другими словами, комплекс мышц губ и носа, депрессоры и леваторы уголков рта более активны, чем щечный мускул и скуловой кости. Результат исследования Бертша и Мейса позволяет утверждать, что при обучении студентов-духовиков и игре на медных духовых необходимо избегать напряжения щек – их активация не влияет напрямую на звукообразование.

Новым словом в исследовании принципов звукоизвлечения и обучения игре на медных духовых стал метод изучения процессов, происходящих внутри инструментов во время выступления музыкантов с помощью магнитно-резонансной томографии. Сегодня ученые используют технологию МРТ для изучения положения мундштука на губах и зубах, измерения угла поворота, объема носоглоточного хода и изменения в гортани во время выполнения духовиками упражнений, причем разными способами — используя весь инструмент или только один мундштук. В подавляющем большинстве случаев мундштук упирается в губы в высоком положении по вертикали и по центру по горизонтали. Зубы выровнены, однако их положение меняется во время изменения высоты или динамики звучания. Положение языка во рту во время выполнения упражнений значительно меняется и заметно влияет на работу гортани. Поэтому при подготовке студентов-духовиков упражнениям для развития языка и расслабления гортани уделяется особое внимание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bertsch M., Maca T. Visualization of Trumpet Players' Warm Up by Infrared Thermography // Brass Bulletin. – 2001. – No 2. – P. 26–33.
2. Farkas P. The Art of Brass Playing. – Atlanta: Wind Music Inc., 1989. – 65 p.
3. Heuser F., McNitt-Gray J.L. EMG Patterns in Embouchure Muscles of Trumpet Players with Asymmetrical Mouthpiece Placement // Medical Problems of Performing Artists. – 1993. – No 3. – P. 96–102.
4. Heuser F., McNitt-Gray J.L. EMG Potentials Prior to Tone Commencement in Trumpet Players // Medical Problems of Performing Artists. – 1991. – No 2. – P. 51–56.
5. Iltis P.W., Givens M.W. EMG Characterization of Embouchure Muscle Activity: Reliability and Application to Embouchure Dystonia // Medical Problems of Performing Artists. – 2005. – No 1. – P. 25–34.
6. Isley C.L. A Theory of Brasswind Embouchure Based Upon Facial Anatomy, Electromyographic Kinesiology, and Brass wind Embouchure Pedagogy. Ed.D thesis. – North Texas State University, 1972. – 256 p.
7. Isley C.L., Basmajian J.V. Electromyography of the Human Cheeks and Lips // Anatomical Record. – 1973. – No 2. – P. 143–147.
8. Leno H.L. Lip Vibration Characteristics of Selected Trombone Performers. DMA diss. – University of Arizona, 1970. – 198 p.
9. Merriman L.C., Meidt J.A. A Cinefluorographic Investigation of Brass Instrument Performance // Journal of Research in Music Education. – 1968. – No 1. – P. 31–38.
10. Reinhardt D.S. Encyclopedia of the Pivot System. – New York: Charles Colins, 1873. – 206 p.
11. Turnbull D.R. An Analysis, Clarification, and Reevaluation of Donald Reinhardt's Pivot System for Brass Instruments. DMA diss. – Arizona State University, 2001. – 276 p.
12. Weast R.D. A Stroboscopic Analysis of Lip Function // The Instrumentalist. – 1963. – P. 44–48.
13. White E.R., Basmajian J.V. Electromyographic Analysis of Embouchure Muscle Function in Trumpet Playing // Journal of Research in Music Education. – 1974. – No 4. – P. 292–304.
14. Wilken D.M. The Correlation Between Doug Elliott's Embouchure Types and Playing and Selected Physical Characteristics Among Trombonists. DA diss. – Ball State University, 2000. – 356 p.
15. Woldendorp K.H., Boschma H.B., Amstel E.P. van. Instructions for the Assessment of Embouchure in Brass Players Using "Code of Embouchure" // Psychology, Medicine. Medical problems of performing artists. – 2016. – No 36(107). – P. 3–16.

© Мануйлов Владимир Николаевич (manyjlov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СПОРТСМЕНОВ С ОСОБЕННОСТЯМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЗАНЯТИЙ ГАНДБОЛОМ

Обивалина Мария Сергеевна

Старший преподаватель, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма («ГЦОЛИФК»), г. Москва
m7m13@mail.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE INDICATORS OF PHYSICAL DEVELOPMENT AND PHYSICAL FITNESS OF ATHLETES WITH THE PECULIARITIES OF INTELLECTUAL DEVELOPMENT AT THE INITIAL STAGE OF HANDBALL CLASSES

M. Obivalina

Summary: The article discusses the theoretical foundations of assessing the physical fitness of athletes with intellectual development characteristics and proves the importance of establishing comparative and individual standards of physical fitness. To confirm this concept, in the control group of handball players aged 14-16 with intellectual development characteristics, the density of relationships between the results of physical fitness tests and physical development indicators was calculated. To determine the reliability of the results, a partial correlation relationship was determined between individual indicators of physical development of athletes with features of intellectual development at the initial stage of handball classes.

Keywords: athletes with intellectual development, handball, indicators of physical development and physical fitness, the initial stage of handball classes.

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические основы оценки физической подготовленности спортсменов с особенностями интеллектуального развития и доказана важность установления сравнительных и индивидуальных норм физической подготовленности. Для подтверждения данной концепции в контрольной группе гандболистов 14-16 лет с особенностями интеллектуального развития рассчитана плотность взаимосвязей между результатами сдачи тестов физической подготовленности и показателями физического развития. Для определения достоверности результатов определена парциальная корреляционная взаимосвязь между отдельными показателями физического развития спортсменов с особенностями интеллектуального развития на начальном этапе занятий гандболом.

Ключевые слова: спортсмены с особенностями интеллектуального развития, гандбол, показатели физического развития и физической подготовленности, начальный этап занятий гандболом.

Введение

Особенности интеллектуального развития (Далее – ОИР) характеризуется определенными особенностями в зависимости как от проявлений, так и от происхождения. Особенностью интеллектуальных нарушений является их патогенетическая общность к двигательным расстройствам [12]. Это проявляется прежде всего в характере нарушений общей и речевой моторики.

К особенностям моторики людей с интеллектуальными расстройствами принадлежат нарушения кинестетического восприятия является причиной неспособности ребенка воспроизвести движения, опираясь только на свои кинестетические ощущения. Так, установлено, что среди детей с различными формами ОИР у 40-50% обна-

ружена задержка психического развития (ЗПР) и только 7-10% – это дети с умственной отсталостью степени дебильности [16]. Учитывая, что дифференциальная диагностика ОИР и умственной отсталости затруднена, рассмотрим этот вопрос подробнее.

Общим психологическим признаком ОИР у данной категории являются: задержка развития логического мышления; неравномерность развития различных психических функций; выраженность органического психосиндрома [5].

Важно подчеркнуть, что в ряде случаев ОИР обусловлена двигательными и речевыми нарушениями. Дети, ограниченные в передвижении, не могут приобрести того запаса знаний и представлений об окружающем мире, которыми овладевают их здоровые сверстники.

Кроме того, это задерживает развитие манипуляционной, игровой деятельности, которая является основой для формирования у них оптико-гностических функций, пространственных представлений и мыслительных операций. Речевые нарушения ограничивают контакт и общение детей со здоровыми сверстниками и взрослыми и негативно сказываются на развитии социализации в системе физического развития в спорте.

Отметим, что в специальной литературе вопросу оценки физической подготовленности посвящено немало научных работ, в которых авторы предлагают свои варианты методики оценки физической подготовленности и успешности для разных групп населения различных регионов мира [1; 4].

Оценивание играет важную роль в повышении мотивации и активности спортсменов с особенностями интеллектуального развития, управления процессом физического воспитания [14]. Однако, на практике, оценка не в полном объеме выполняет свои основные функции и часто не способствует актуализации стремления к повышению физической подготовленности спортсменов с особенностями интеллектуального развития.

Для получения оценки результатов в тестах можно использовать: индексы; центили; модели; среднестатистические показатели для конкретной возрастной группы. Каждый из этих методов нашел свое применение на практике [6; 10]. Но чаще всего в практической деятельности преподаватели и учителя используют среднестатистические показатели и нормы для соответствующей половозрастной группы, что не может быть применимо для людей с ОИР.

Если нормы соответствуют возможностям данной категории и условиям их реализации, то они являются самым лучшим ориентиром на пути к цели. В сфере физического воспитания количественно-нормативная оценка направлена на выявление степени сформированности двигательных умений и навыков, а физические качества рассматриваются как основы двигательных возможностей («кондиционные» нормы физической подготовленности) [2].

При оценивании используются различные виды норм: соответствующие, сравнительные и индивидуальные. Надлежащие нормы соответствуют требованиям деятельности; сравнительные нормы учитывают процент лиц, достигших той или иной нормы времени, что является необходимым для усвоения контрольных упражнений; индивидуальные нормы позволяют сравнивать показатели одного человека в разных состояниях или за определенный учебный период [4; 6].

Однако специалисты [7] доказывают, что данный подход не является корректным, поскольку средняя величина – это не всегда именно и, соответствует высокому уровню здоровья и трудоспособности. Средневозрастные нормативы людей и ОИР можно использовать как ориентир, оценивая физическую подготовленность определенной возрастной группы спортсменов с особенностями интеллектуального развития.

Однако предложенные разными авторами оценочные таблицы не имеют единой методологической основы. Даже в использовании сигмальных отклонений расчет осуществляется по-разному (некоторые авторы в основу расчета таблиц берут 0,5 сигмы (\pm) от генеральной совокупности величины, другие – 0,67 (\pm), третьи – одну сигму [8].

Индивидуальные нормы основаны на сравнении показателей одного и того же спортсмена в различных состояниях. В публикациях часто представлена индивидуальная оценка уровня физической подготовленности. Полученные [15] результаты развития физических качеств индексами предоставляют возможность индивидуального подхода к каждому из спортсменов. На основе полученных данных возникает возможность корректировать уровень физической нагрузки, что важно в построении процесса физической подготовленности. Внедрение в практику оценки уровня физической подготовленности по индексам создает положительные предпосылки для разработки оптимального двигательного режима людей с особыми потребностями. Часто оценивать уровень физической подготовленности предлагается по индексам: скорости: дистанция, м / Т(с)хДТ(м); скоростной силы: прыжок в длину, см / длина тела, см; выносливости: дистанция, м / Т(с)хДТ(н.); силы (по методу Г.Л. Апанасенко): динамометрия кисти / масса тела, кг. [13].

Не снижая достаточно высокой ценности проведенных научных исследований, нужно отметить, что они не определяют конечной цели внедрения своих разработок в улучшении общего состояния здоровья спортсменов с особенностями интеллектуального развития, не объясняют принципы подбора физических упражнений, их дозировку в соответствии к физическому состоянию детей. В значительной степени не решена проблема критериев разделения спортсменов с особенностями интеллектуального развития одной возрастной на однородные группы подгруппы соответственно по физическим возможностям, строению тела и успеваемости [11].

Изложение основного материала

Современной программой по гандболу предусмотрена дифференциация в оценке физической подготовленности

ности в зависимости от морфологических показателей спортсменов с ОИР. Однако простота и доступность измерения длины тела, массы тела, объема грудной клетки, а также данные литературы, свидетельствующие о влиянии антропометрических показателей на результаты сборки детьми тестовых упражнений и противоречивый характер сведений о влиянии тотальных показателей физического развития на уровень развития отдельных физических качеств, результаты опроса, которые выразили пожелания учитывать эти показатели во время тестирования (п.3.3), побудили нас провести собственное исследование и уточнить влияние показателей физического развития на уровень физической подготовленности спортсменов с ОИР.

Анализ данных (табл. 1) показал, что между антропометрическими показателями спортсменов с ОИР 14-16 лет к результатам сдачи ими нормативов физической подготовленности большинство достоверных коэффициентов корреляции, хотя и не прослеживается тесных корреляционных взаимосвязей. В большинстве же случаев, как и ожидалось, зафиксировано слабую (однако достоверную) взаимосвязь. Это свидетельствует о том, что показатели физического развития влияют на результаты составления отдельных нормативов спортсменов с ОИР разных полов. В каких именно упражнениях – покажет анализ данных, изложенный в данном подразделе.

Так, нашими исследованиями (табл. 1) подтверждены данные о том, что длина прыжка зависит от длины тела

человека ($r=0,41$, $p<0,01$): с увеличением роста длина прыжка растет. Несколько большая достоверная ($p<0,05$) зависимость присуща только для мальчиков ($r=0,31$) и не присуща девочкам. Также длина тела положительно сказывается на результатах бега на короткие дистанции ($r=0,19$, $p<0,01$) и эстафеты ($r=0,27$, $p<0,001$), а также бега на длинные дистанции ($r=0,22$, $p<0,001$), что логично с учетом поставленного диагноза.

Общая тенденция положительного влияния длины тела на результаты беговых упражнений не подтвердилась при разделении выборки обследуемых по полу. Исключение составляет лишь связь длины тела с результатом по эстафете ($r=0,35$, $p<0,01$). Анализ наших данных свидетельствует о том, что длина тела не влияет на результаты выполнения упражнений с мячом (за исключением девочек, у которых с увеличением роста незначительно улучшаются ($r=0,36$, $p<0,01$)) и упражнения на точность попадания в ворота мячом, так как взаимосвязь между этими показателями практически отсутствует.

Величины массы тела сказываются на результатах выполнения четырех упражнений: положительно – на ЛФК с мячом ($r=0,25$, $p<0,001$), отрицательно – на результат бега ($r=-0,24$, $p<0,001$) и кросса ($r=-0,25$, $p<0,001$); несколько меньше ($r=-0,16$, $p<0,01$) – в эстафете. Теснота взаимосвязей между этими показателями является слабой. В других упражнениях (преодоление препятствий в эстафете, мин) масса тела никак не сказывается на ре-

Таблица 1.

Взаимосвязь показателей физического развития по результатам составления тестовых упражнений

Тесты	ЛФК с мячом, подходы	Беговые элементы, мин	Кросс, мин	Преодоление препятствий в эстафете, мин	Упражнение на точность попадания в ворота, мин.
Длина тела, см	вместе	-0,194**	0,411***	0,070	-0,218
	мальчики	-0,131	0,310*	0,126	0,149
	девочки	-0,350**	0,130	0,358**	-0,073
Масса тела, кг	вместе	-0,164**	0,245	-0,059	-0,237
	мальчики	0,403**	-0,086	-0,213	0,198
	девочки	0,141	0,028	-0,002	0,168
ОГК, см	вместе	-0,318**	0,451***	0,293***	-0,367***
	мальчики	-0,145	0,696**	0,442**	-0,632**
ВМІ	девочки	-0,082	0,523**	0,358**	-0,386**
	вместе	0,511***	-0,019	-0,135*	-0,127*
	мальчики	0,491**	-0,267**	-0,274**	0,068
Индекс Пинье	девочки	0,422**	-0,090	-0,265	0,227
	вместе	-0,252**	-0,298**	-0,106	0,463**
	мальчики	-0,298**	-0,299**	0,024	0,108

Примечание. * – коэффициенты корреляции достоверны при $p<0,05$; ** – при $p<0,01$; *** – при $p<0,001$

зультатах их выполнения.

Анализ данных показал, что существуют различия, иногда существенные, в показателях корреляции показателей физического развития и физической подготовленности спортсменов с ОИР. Так, например, разнонаправленная связь у представителей разных полов наблюдается в беге, ЛФК с мячом; в кроссе и эстафете заключаются только в величине коэффициента, а следовательно, и степени достоверности.

Анализ тесноты взаимосвязи массы тела с результатами сдачи нормативов физической подготовленности показал, что коэффициент корреляции ($r=0,403$, $p<0,01$) необходимо учитывать при составлении дифференцированных нормативов физической подготовленности в зависимости от показателей физического развития.

Полученные нами данные показали, что обхват грудной клетки проявляет в отношении наибольшее количество взаимосвязей с результатами выполнения тестовых упражнений физической подготовленности. Это обосновывает необходимость учета его величины при оценивании успешности сдачи тестов спортсменов с ОИР 14-16 летнего возраста. Однако сведений о способах его применения в специальной литературе нет.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что индекс массы тела (BMI) относительно сильнее всего сказывается на результатах сдачи тестов ($r=0,49$ $p<0,01$ у мальчиков и $r=0,42$ $p<0,01$ у девочек).

Обобщение результатов нашего исследования свидетельствует о том, что в возрастном диапазоне 14-16 лет между антропометрическими показателями спортсменов с ОИР и степенью развития отдельных физических качеств существует взаимосвязь, что существенно влияет на результативность тестовых упражнений. Это подтверждает целесообразность оценивания физической подготовленности спортсменов с ОИР с учетом их антропометрических показателей. Соматические пока-

затели на 65% обусловлены медицинскими факторами, поэтому существенно влияют на формирование и развитие индивидуальных физических способностей. Поэтому разработка критериев дифференциации для определения физической подготовленности спортсменов с ОИР также будет способствовать совершенствованию их индивидуальных способностей.

Анализ результатов показал, что существует средний уровень ($r=0,63$) взаимосвязи между массой тела и объемом грудной клетки. Можно предположить, что большие величины объема грудной клетки являются следствием нормирования массы тела.

Поскольку между отдельными показателями соматометрии существуют довольно тесные положительные (и отрицательные) взаимосвязи, то часто эти характеристики косвенно могут повлиять на результаты тестов и суммарное влияние заметно искажает истинную зависимость. Поэтому для выявления зависимостей при одинаковых условиях (с исключением влияния отдельных показателей друг на друга) мы вычислили парциальные коэффициенты корреляции (табл. 2).

Как видим, небольшие коэффициенты отдельной корреляции между результатами выполнения упражнений и антропометрическими показателями достоверны практически во всех случаях, за исключением бега. Это свидетельствует о существовании взаимовлияния показателей соматометрии и результатов сдачи нормативов детьми практически во всех тестовых упражнениях. Однако в большинстве случаев теснота взаимосвязей ниже тесноты средней степени, лишь в единичных случаях плотность взаимосвязей свидетельствует о средней степени влияния антропометрических показателей на результаты сдачи спортсменов с ОИР тестов физической подготовленности. Средняя степень тесноты взаимосвязи отмечены между показателями соматометрии ЛФК с мячом ($r_{xy-z}=0,515-0,650$, $p<0,001$).

Средняя степень ($r_{xy-z}=0,632$, $p<0,001$ и $r_{xy-z}=0,650$,

Таблица 2.

Уровень парциальной взаимосвязи показателей физического развития по результатам составления тестовых упражнений спортсменов с ОИР

Тесты	ЛФК с мячом, подходы	Беговые элементы, мин	Кросс, мин	Преодоление препятствий в эстафете, мин	Упражнение на точность попадания в ворота, мин.
Показатели					
Масса тела, кг	-0,047	0,396***	0,073	-0,006	-0,186*
Длина тела, см	-0,382***	0,632***	0,033	-0,318***	-0,405***
ОГК, см	-0,099	0,578***	-0,005	-0,127	-0,234**
Масса тела, кг	-0,388***	0,650***	0,045	-0,323***	-0,426***
ОГК, см	-0,183*	0,515***	-0,089	-0,264***	-0,218**

Примечание. * – коэффициенты корреляции достоверны при $p<0,05$; ** – при $p<0,01$; *** – при $p<0,001$

$p < 0,001$ соответственно) положительного влияния на результаты беговых элементов выдает обхватом грудной клетки без учета длины тела и массы тела. Это свидетельствует о том, что при условии одинакового роста, а также массы тела, дети с большим объемом грудной клетки бежали бы быстрее, что указывает на признаки дистрофии у детей с ОИР. При элиминации влияния объема грудной клетки парциальные коэффициенты корреляции ($r_{xy-z} = 0,578$, $p < 0,001$ и $r_{xy-z} = 0,515$, $p < 0,001$) между скоростью бега и длиной тела (а также массой, соответственно) являются достаточно высокими. То есть при других равноценных условиях дети с большими объемами грудной клетки имеют преимущества в этом упражнении.

Величины объема грудной клетки без учета длины тела и массы тела ($r_{xy-z} = 0,499$, $p < 0,001$ и $r_{xy-z} = 0,485$, $p < 0,001$ соответственно) положительно слабо (однако в приближении к средней) сказываются на результатах точности попадания в ворота.

В других тестовых упражнениях (при прочих равных условиях) негативно скажутся на результатах детей. Спортсмены с ОИР с большими объемами грудной клетки, если бы имели одинаковые величины роста и массы тела, преодолевали бы эстафету несколько медленнее, о чем свидетельствуют небольшие отрицательные коэффициенты корреляции ($r_{xy-z} = -0,405$, $p < 0,001$ и $r_{xy-z} = -0,426$, $p < 0,001$ соответственно).

При одинаковых длине и массе тела, дети с небольшими объемами грудной клетки будут иметь преимущества ($r_{xy-z} = -0,382$, $p < 0,001$ и $r_{xy-z} = -0,388$, $p < 0,001$ соответственно) в кроссе. Меньше преимуществ наблюдается при выполнении упражнений с мячом и кроссе ($r_{xy-z} = -0,318$, $p < 0,001$ и $r_{xy-z} = 0,323$, $p < 0,001$ соответственно).

Анализ полученных нами результатов отдельных коэффициентов корреляции показал, что величины объема грудной клетки в большой степени, чаще, даже чем длина и масса тела, сказываются на успешности сдачи нормативов физической подготовленности по гандболу. Это свидетельствует о важности их учета при составлении таблиц оценивания (нормативов) уровня физической подготовленности спортсменов с особенностями интеллектуального развития.

Величины объема грудной клетки без учета массы и длины тела проявили более высокие парциальные коэффициенты корреляции ($r_{xy-z} = 0,499$ и $r_{xy-z} = 0,485$ против $r_{xy-z} = 0,439$) с результатом в упражнениях на точность попадания в ворота, чем к элиминации их влияния. Так же существенно выросли парциальные коэффициенты корреляции ($r_{xy-z} = 0,632$ и $r_{xy-z} = 0,650$ против $r_{xy-z} = 0,451$) между объемом грудной клетки и результатом выполнения ЛФК с мячом. Это также подтверждает значимость и

необходимость внесения корректив в нормативы спортсменов с ОИР с учетом природных величин соматометрических показателей.

Масса тела без влияния его длины слабо, однако достоверно ($r_{xy-z} = -0,225$, $p < 0,01$) определяет результаты эстафеты спортсменов с ОИР. С увеличением массы тела время преодоления дистанции уменьшается, то есть результат улучшается, что свидетельствует о преимуществах в упражнениях на выносливость и скорость у спортсменов с ОИР с большей массой тела. Незначительное, но достоверная положительная парциальная взаимосвязь ($r_{xy-z} = 0,180$, $p < 0,05$) наблюдается между величиной массы тела без учета роста и упражнениями с мячом.

Парциальные коэффициенты корреляции массы тела с элиминацией величин объема грудной клетки чаще являются достоверными. Увеличение массы тела без учета объема грудной клетки достоверно отрицательно сказывается на результатах сдачи теста по эстафете ($r_{xy-z} = -0,264$, $p < 0,001$), беге ($r_{xy-z} = 0,218$, $p < 0,01$) и кроссе ($r_{xy-z} = -0,183$, $p < 0,05$). Увеличение массы при неизменности объема грудной клетки сопровождается уменьшением количества выполненных повторов упражнений с мячом ($r_{xy-z} = -0,342$, $p < 0,001$), то есть снижением уровня силы рук спортсменов с ОИР.

Степень влияния массы тела на уровень развития скоростной силы существенно увеличился (со слабой до средней степени) после элиминации влияния объема грудной клетки ($r_{xy-z} = 0,515$ против $r_{xy-z} = 0,245$).

Взаимосвязь длины тела при неизменности его массы незначительно сказывается на результатах выполненных повторов упражнений с мячом ($r_{xy-z} = 0,396$, $p < 0,001$). Еще в меньшей степени, однако также достоверно ($r_{xy-z} = -0,186$, $p < 0,05$) обозначается длина тела на результатах эстафеты. Это свидетельствует о том, что в этом упражнении преимущества на стороне невысоких ростом спортсменов с ОИР. На результаты других упражнений показатели длины тела при элиминации величины его массы не влияют ($r \leq |0,065|$).

Длина тела при неизменности объема грудной клетки положительно сказывается ($r_{xy-z} = 0,578$, $p < 0,001$) в результате бега. То есть высокие дети имели преимущества. Немного в меньшей степени, однако также достоверно ($r_{xy-z} = -0,341$, $p < 0,001$) длина тела негативно влияет на количество попаданий мячом в ворота. То есть в упражнении на точность и силу при условии одинаковых величин объема грудной клетки дети низкого роста имеют преимущества. Низкие ростом дети без учета объема грудной клетки также будут иметь преимущества в эстафете ($r_{xy-z} = 0,234$, $p < 0,01$), поскольку между этими показателями существует слабая, однако достоверная отрицатель-

ная парциальная связь. Длина тела без объема грудной клетки не влияет на результаты бега ($r_{xy-z} \leq -0,127$).

Результаты подтвердили полученные нами данные специальной литературы о том, что антропометрические показатели не имеют влияния на результаты кросса кросса ($r_{xy-z} \leq |0,110|$).

Выводы

Обобщение полученных данных дает возможность утверждать, что при разработке нормативов физической подготовленности гандболистов с ОИП следует учитывать величины физического развития, особенно объема грудной клетки.

ЛИТЕРАТУРА

- Oja L. The influence of somatic development to the motor ability and fundamental motor skill performance children / Oja L., Ёrimде Т. // Sport Kinetic'97 : Theories of Human Motor Performance and their Reflection in Practice. – Hamburg : Czwalina, 1998. – Vol. 2. – P. 168–172.
- Баевский Р.М. Прогнозирование состояний на грани нормы и патологии. – Москва : Медицина, 1979. – 298 с.
- Биологические основы оптимизации тренировочных нагрузок / Яшанин Я., Войнар Ю., Яшанин Н., Скурвидас А. // Наука в олимпийском спорте. – 2002. – № 1. – С. 54–60.
- Бондаревский Е.Я. Информативность тестов, используемых для характеристики физической подготовленности человека // Теория и практика физической культуры. – 1983. – № 1. – С. 23–25.
- Ермакова, Ю.Н. Современное состояние и проблемы развития детско-юношеского адаптивного спорта / Ю.Н. Ермакова, О.Н. Степанова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 1–7.
- Зациорский В.М. Вопросы теории и практики педагогического контроля в современном спорте / В.М. Зациорский, В.А. Запорожанов, И.А. ТерОванесян // Теория и практика физической культуры. – 1971. – № 4. – С. 59–63.
- Зотин В.В. Классификация спортсменов в адаптивном спорте / В.В. Зотин, А.А. Мельничук // Сб. тр. межд. науч. практ. конф. «Современные проблемы физической культуры и спорта: ретроспектива, реальность и будущее». – Курган, 2014. – С. 125–129.
- Круцевич Т.Ю. Контроль в физическом воспитании детей, подростков и молодежи : учеб. пособ. / Круцевич Т.Ю., Воробьев М.И., Безверхня М.М. – Киев : Олимп. Литература, 2011. – 224 с.
- Решетников Н.В. Статистика в исследовании физической подготовленности // Теория и практика физической культуры. – 1991. – № 4. – С. 31–41.
- Сонькин В.Д. Проблема тестирования в оздоровительной физической культуре / В.Д. Сонькин, В. В. Зайцева, О. В. Тиунова // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 8. – С. 7–13.
- Спорт лиц с интеллектуальными нарушениями во Всероссийском реестре видов спорта / Т.И. Ольховая, С.П. Евсеев, А.Ю. Сухов, О.Э. Евсеева, М.Е. Целаева, С.А. Воробьев // Спорт лиц с интеллектуальными нарушениями. Состояние и перспектива развития (нормативные, правовые, программно-методические материалы) : справоч. изд. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 15–18.
- Теория и организация адаптивной физической культуры: учебник. В 2 т. Т. 2: Содержание и методики адаптивной физической культуры и характеристика ее основных видов / Под общей ред. проф. С.П. Евсеева. – Москва : Советский спорт, 2009. – 448 с.
- Титкова И.А. Адаптивная физическая культура в системе комплексной реабилитации людей с ограниченными возможностями / И.А. Титкова, Н.А. Федорова // Физическая культура и спорт Верхневолжья. – 2016. – № 9. – С. 44–47.
- Фесик Д.А. Особенности двигательной деятельности умственно отсталых школьников // Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. – № 11. – 2007. – С. 275–277.
- Шапкова Л.В. Адаптивная физическая культура: методология и развитие в сфере высшего профессионального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: 13.00.04 / Шапкова Людмила Васильевна. – СанктПетербург, 2003. – 58 с.
- Шипицина Л.М. Интеграция детей с ограниченными возможностями здоровья / Л.М. Шипицина // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2004. – № 2. – С.7–9

© Обивалина Мария Сергеевна (m7m13@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ТЕХНИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА ФЕХТОВАЛЬЩИКОВ 10-11 ЛЕТ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛЕЗНОЙ МОДЕЛИ

Оботнин Николай Геннадьевич

старший тренер, Кировский Областной

ГАУ «СШОР Салют»

nik.1213@mail.ru

ORGANIZATION OF THE TRAINING PROCESS TO IMPROVE THE TECHNICAL SKILLS OF FENCERS AGED 10-11 YEARS WITH THE USE OF A UTILITY MODEL

N. Obotnin

Summary: The article presents the results of a study aimed at experimental verification of the degree of effectiveness of a technical device designed to increase the level of technical skill of fencers aged 10-11 years. To achieve this goal, a set of methods was used, collectively providing a high degree of reliability of the results obtained. In the course of the study, the possibility of using a technical device in the training process of fencers aged 10-11 was substantiated and a pedagogical experiment was carried out, the results of which demonstrate an increase in the level of technical skill of young athletes and allow us to conclude about the effectiveness of the utility model proposed by us.

Keywords: fencing, technical skill, utility model, training process, fencers 10-11 years old.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования, целью которого стала экспериментальная проверка степени эффективности технического устройства, призванного повысить уровень технического мастерства фехтовальщиков 10-11 лет. Для достижения поставленной цели был использован комплекс методов, в совокупности обеспечивающих высокую степень достоверности полученных результатов. В ходе исследования была обоснована возможность применения технического устройства в тренировочном процессе фехтовальщиков 10-11 лет и осуществлен педагогический эксперимент, результаты которого демонстрируют повышение уровня технического мастерства юных спортсменов и позволяют сделать вывод о действенности предложенной нами полезной модели.

Ключевые слова: фехтование, техническое мастерство, полезная модель, тренировочный процесс, фехтовальщики 10-11 лет.

Н а сегодняшний день одной в контексте серьезной конкуренции, наблюдаемой в пространстве мировой арены, поднятая в настоящем исследовании **проблема** совершенствования технического мастерства юных спортсменов-фехтовальщиков, в рамках тренировочного процесса многолетней подготовки является наиболее **актуальной** [1, 3, 6]. Основной предпосылкой обозначенной проблемы среди множества существующих причин следует считать наличие тесной достоверно значимой взаимозависимости результата соревновательной деятельности спортсмена от уровня его технической подготовленности [4, с.122]. Высокий уровень интереса, проявляемого со стороны исследователей к разрешению выявленной проблемы, позволяет свидетельствовать о реализации многочисленных попыток, результативность которых до сих пор остается на достаточно низком уровне [5, с.455; 2, с.226].

Указанные обстоятельства в совокупности со сложившейся ситуацией в практике спортивной подготовки в фехтовании в целом и технической подготовки спортсменов в частности определили цель и задачи настоящего исследования, сформулированных в соответствии

с выдвинутой гипотезой.

Гипотезой исследования стало предположение о возможности применения в тренировочном процессе фехтовальщиков 10-11 лет технического устройства, которое в совокупности используемой методики его использования может быть представлено в качестве полезной модели повышения уровня технического мастерства юных спортсменов.

Цель исследования – экспериментально проверить степень эффективности технического устройства, призванного повысить уровень технического мастерства фехтовальщиков 10-11 лет.

Опираясь на заявленную цель, были сформулированы **задачи исследования:** 1) обосновать возможность применения технического устройства в тренировочном процессе фехтовальщиков 10-11 лет; 2) экспериментально выявить степень эффективности его применения в рамках задач технической подготовки юных спортсменов. Для достижения поставленной цели и решения задач настоящего исследования, был использован ком-

плекс **методов**, в совокупности позволяющих не только позитивно разрешить выявленную проблему, но и обеспечить высокую степень достоверности полученных результатов: теоретический анализ, сравнение, обобщение, педагогическое наблюдение и эксперимент, тестирование и статистические методы обработки полученных в ходе исследования данных.

Организация исследования

Экспериментальная часть исследования включала в себя педагогический эксперимент, в ходе организации которого осуществлялось тестирование его участников – спортсменов-фехтовальщиков в количестве 40 человек КОГАУ «СШОР Салют» города Кирова, средний возраст которых составлял $10 \pm 0,8$ лет, два раза: констатирующий этап (далее – КЭ) и контрольный этап (далее – КнЭ).

Цель тестирования заключалась в установлении предполагаемых изменений в показателях технической подготовки юных спортсменов, т.е. выявлении динамики, ожидаемой как результата тренировочного процесса с использованием полезной модели совершенствования технической подготовки фехтовальщиков. Из общего количества участников были выделены две группы – экспериментальная группа (далее – ЭГ, $n=20$) и контрольная группа (далее – КГ, $n=20$).

Следует указать на то, что экспериментальная полезная модель была включена только в тренировочный процесс ЭГ. Тестирование осуществлялось при участии членов экспертного совета тренеров города Кирова – обладателей высшей квалификационной категории ($n=5$). Зафиксированные ими данные были подвергнуты

статистической обработки, подвергнутые интерпретации с целью формулировки вывод и соотнесения с выдвинутой рабочей гипотезой настоящего исследования.

Полезная модель включала в себе **спортивно-техническое устройство** (далее – СТУ), при разработке которого были соблюдены все требования техники безопасности и максимально учтены ошибки (недоработки), допущенные в других его аналогах, а также методика его использования в тренировочном процессе спортивной подготовки фехтовальщиков. В качестве основных положительных особенностей СТУ, на наш взгляд, следует выделить простоту его использования и наличие множества суставных регулировок, управление которыми осуществляется посредством пружины способно создать колебательные движения.

Механизм функционирования пружины позволяет установить заданные тренером параметры тренировочной нагрузки в соответствии с уровнем физической и технической подготовленности спортсмена, учитывая индивидуальные и возрастные особенности каждого из них. В случае натяжения пружины спортсмен – участник педагогического эксперимента вынужден прилагать больше усилия при выполнении осваиваемого технического приема, включенного в программу спортивной подготовки, в случае ее ослабления – меньше.

Кроме указанного необходимо отметить, что в СТУ была предусмотрена возможность регулирования колебательных движений, что позволяет отрабатывать сразу несколько приемов и комбинаций (круговые захваты батманы, захлесты, уколы в руку и т.д.). В качестве преимуществ разработанной полезной модели следует

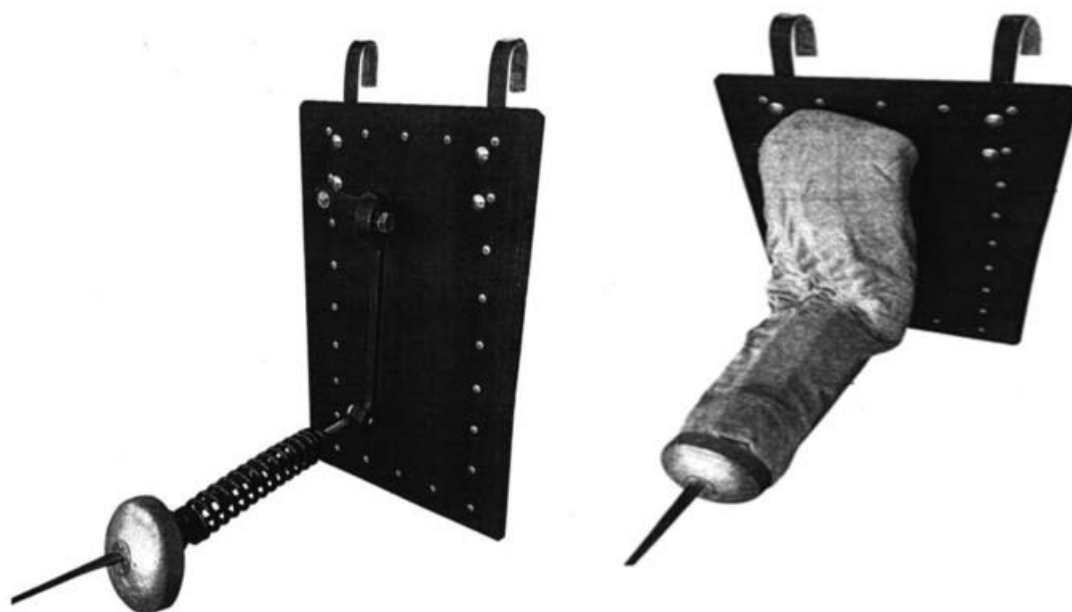

Рис. 1. Тренажер для фехтовальщиков

Таблица 1.

Динамика специальных показателей точности действий и передвижений фехтовальщиков 10-11 лет в ходе педагогического эксперимента, ($X \pm \sigma$)

Показатели		КЭ		КнЭ	
		ЭГ	КГ	ЭГ	КГ
Точность воспроизведения пространственных параметров движения	атака прямо шагом, ошибка, см	13,9±2,8	13,4±2,5	7,1±1,5	13,0±1,8*
	атака прямо с шагом-выпадом, ошибка, см	9,5±4,6	8,5±4,0	4,5±1,5	8,5±2,2*
	атака прямо со скачком-выпадом, ошибка, см	12,5±1,7	11,4±3,0	6,5±1,7	10,5±1,7*
	захват 4, укол с шагами	12,8±1,2	12,4±1,4	12,1±1,1	12,3±1,3
	захват 4, укол с выпадом	13,1±2,3	13,7±1,2	12,4±1,9	13,3±1,7
	захват 4, укол шаг выпад	14,1±2,2	13,9±2,5	13,7±1,6	13,4±1,8
	захват 4, укол скачок выпад.	14,7±2,1	14,4±2,3	14,1±1,7	14,3±1,9
	захват 6, укол с шагами	13,6±1,9	13,3±1,1	13,1±2,1	13,2±2,2
	захват 6, укол с выпадом	13,4±1,5	13,3±1,7	12,9±1,1	13,1±1,4
	захват 6, укол шаг выпад	14,3±2,2	14,4±2,1	13,6±2,4	14,2±2,5
	захват 6, укол скачок выпад.	14,7±1,9	14,5±1,4	14,1±1,6	14,3±1,7
	захват 7, укол с шагами	14,5±2,1	14,6±2,5	13,5±1,8	14,1±1,6
	захват 7, укол с выпадом	14,4±1,9	14,3±1,9	13,2±1,4	14,1±1,2
	захват 7, укол шаг выпад	14,7±2,1	14,6±2,3	14,1±1,7	14,4±2,0
	захват 7, укол скачок выпад.	14,8±2,2	14,7±2,4	14,2±2,1	14,5±2,5
	захват 8, укол с шагами	12,7±1,5	12,5±1,7	12,2±1,2	12,4±1,3
	захват 8, укол с выпадом	13,4±1,9	13,6±1,6	12,6±1,3	13,3±1,5
	захват 8, укол шаг выпад	14,4±2,5	14,3±2,5	13,6±1,5	14,1±1,7
захват 8, укол скачок выпад.	14,8±2,2	14,9±2,4	14,2±2,6	14,7±2,1	
Целевая точность (10 попыток)	укол под руку с ближней дистанции	7,5±1,7	6,7±1,5	8,5±1,7	7,5±1,0
	укол сверху руки с выпадом	6,5±1,9	6,8±1,5	8,5±1,0	7,5±1,0*
	укол под руку с шагом-выпадом	6,0±1,7	6,7±2,0	8,0±1,2	7,0±1,0*
	укол под руку с ближней дистанции без зрительного контроля	2,5±0,7	2,6±1,4	4,5±0,5	2,5±0,7*

Примечание: * – различия достоверны при $p < 0,05$

указать устранение недостатков, как указывалось ранее, которые не позволяли оптимизировать тренировочный процесс и решить его основные задачи в рамках проблемных аспектов совершенствования технической подготовки фехтовальщиков. Среди подобных недостатков можно назвать: 1) ограниченность его функциональных возможностей; 2) конструктивная особенность изготовления, обуславливающая сложность воспроизведения в условиях тренировочного процесса; 3) ограниченное число положений, препятствующие возможности освоения значимых технических комбинаций спортсменами. Устранение перечисленных недостатков осуществлено авторским коллективом города Кирова (Н.Г. Оботнин, В.С. Носкова, Д.Л. Пан-

кратов свидетельство о регистрации патента регистрационный номер №208666 от 29.12.2021) путем упрощения конструкции полезной модели, расширения функциональных возможностей посредством изменения положения руки «противника» за счет вибрационно-регулирующего устройства, включающего в себя три суставных имитатора: плечевого, локтевого и запястного (см. рисунок 1).

Работа на СТУ осуществлялась спортсмена ЭГ в рамках времени, отведенного на тренировочный процесс (не более 40 минут работы непосредственно на тренажере) 3 раза в неделю на протяжении 9 месяцев – с сентября 2019 г. по май 2020 г. включительно.

Результаты исследования и их обсуждение

Зафиксированные членами экспертного совета тренеров данные, после статистической обработки были подвергнуты анализу и интерпретации. Полученные таким образом данные позволили нам констатировать о наличии явных преимуществ в технической подготовленности юных спортсменов ЭГ над фехтовальщиками КГ (см. таблицу 1).

Опираясь на представленные в таблице 1 можно констатировать существенный прирост значений в исследуемых показателях у спортсменов ЭГ по сравнению с фехтовальщиками КГ (от 45 до 80% по отдельным тестам). Выявленные членами экспертной комиссии изменения позволяют сделать вывод о действенности предложенной нами полезной модели и подтверждении выдвину-

той перед началом исследования гипотезы.

Заключение

Резюмируя результаты исследования, можно сделать вывод о решении всех сформулированных задач и достижении поставленной цели. В ходе экспериментальной проверки эффективности технического устройства, призванного повысить уровень технического мастерства фехтовальщиков 10-11 лет, были получены результаты, свидетельствующие о правильности выдвинутой гипотезы исследования. Итоговые результаты исследования позволяют констатировать значимость достигнутого для организации тренировочного процесса в фехтовании, а использование разработанной полезной модели может способствовать повышению уровня технического мастерства юных спортсменов и их конкурентоспособности на мировой спортивной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун Р.П. Влияние развития фехтования и оружия на правила и особенности фехтования на саблях, рапирах и шпагах // Региональный вестник. 2020. №9(48). С. 43-44.
2. Лаврентьева С.Б. Особенности психомоторных реакций фехтовальщиков-рапиристов разных стилей ведения боя // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2017. Т. 12. №3. С. 222-228.
3. Лапутин А. Современные проблемы совершенствования технического мастерства спортсменов в олимпийском и профессиональном спорте // Наука в олимпийском спорте. 2001. № 2. С. 38-46.
4. Платонов В.Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения. – К.: Олимпийская литература, 2004. – 807 с.
5. Селивановский С.А., Гришина Т.С. Особенности индивидуального стиля боевой деятельности в фехтовании // Сборник статей Всероссийской с международным участием научно-практической конференции студентов «Перспективы развития студенческого спорта и Олимпизма». Воронеж, 2020. С. 453-455.
6. Шевчук Е.Н. Современные тенденции организации технико-тактической подготовки квалифицированных фехтовальщиков // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання та спорту. 2008. № 3. С. 139-143.

© Оботнин Николай Геннадьевич (nik.1213@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ONLINE ENGLISH LANGUAGE LEARNING: A PARADIGM SHIFT IN THE EDUCATION SYSTEM

T. Pankova
Z. Abdullayeva
A. Eferova
T. Kupriyanova
S. Grigoryev

Summary: This paper is an attempt to look at the characteristics of online English learning, the types of online learning, the changing roles of English educators, strategies for effective online English classes and the challenges we face. The article provides some recommendations for enhancing learners' academic performance.

Keywords: online education, online English learning, distance education, digital technology, digital education.

Панкова Татьяна Николаевна

*К.филол.н., Воронежский государственный университет
pankovatn30@mail.ru*

Абдуллаева Зульфия Рагим кызы

*Старший преподаватель, Московский институт
стали и сплавов
zulya5596@gmail.com*

Ефферова Аделя Рафиковна

*К.п.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва)
earkov@list.ru*

Куприянова Татьяна Сергеевна

*Старший преподаватель, Рязанский государственный
радиотехнический университет им В.Ф. Уткина
kafinyazrgtu@mail.ru*

Григорьев Сергей Леонидович

*К.ф.н., доцент, Российский государственный аграрный
университет – Московская сельскохозяйственная
академия им К.А. Тимирязева
grigoryevdiss@gmail.ru*

Аннотация: Данная статья представляет собой попытку рассмотреть особенности онлайн-обучения английскому языку, типы онлайн-обучения, изменившиеся роли преподавателей английского языка, стратегии эффективного проведения онлайн занятий по английскому языку, проблемы, с которыми мы сталкиваемся. В работе даны некоторые рекомендации, необходимые для повышения успеваемости обучающихся.

Ключевые слова: онлайн-образование, онлайн обучение английскому языку, дистанционное образование, цифровые технологии, цифровое образование.

Вследствие пандемии Ковид-19 мир столкнулся с одной из величайших проблем, которую мы когда-либо испытывали на протяжении столетия. Каждый сектор (здравоохранение, образование, авиация, навигация, сельское хозяйство, средства массовой информации) столкнулся с такой мощной опасностью, что все они борются за выживание в этой новой обстановке [2, с. 55]. В связи с этими неизбежными испытаниями происходит смена парадигмы, переход в каждой сфере [1, 7].

Образовательное сообщество считается платформой для развития будущего поколения. Оно прошло через несколько преобразований от (традиционного способа обучения онлайн), чтобы справиться с ситуацией и бороться за достижение своей цели. Была даже вероятность потери академического года, если бы не было онлайн-образования, не было бы перехода от традиционного к новому учебному процессу преподавания/обучения [5, с. 93]. Современный педагог будет использовать передовые методы преподавания для обеспечения наилучшего обучения студентов.

Чтобы определить существующие стратегии, был проведен обзор литературы, посвященной стратегиям эффективного проведения онлайн занятий по английскому языку в высшем образовании. В результате были отобраны стратегии вовлечения, которые показали свою результативность в предыдущих исследованиях. Однако было установлено, что в литературе рассматриваются только стратегии вовлечения, используемые в онлайн-обучении в контекстах с высоким уровнем обеспеченности ресурсами [9, с. 207]. Поэтому в предыдущей литературе могут отсутствовать некоторые способы, методы и стратегии, которые успешны при экстренном и интенсивном онлайн-обучении в условиях ограниченных ресурсов.

Сама атмосфера, и, безусловно, педагогический подход в онлайн классе английского языка отличаются от традиционного занятия. В онлайн классе нет физического присутствия и частого вербального общения, в таком случае преподавателю тяжело понять уровень знаний каждого ученика, почувствовать его настроение

«в моменте», быстро среагировать на особенности характера обучающегося. Как следствие – это может привести к тому, что обучающиеся иногда чувствуют себя обособлено, и пассивная роль в онлайн классе английского языка, таким образом, развивает критическое отношение к эффективности изучаемого языка. С другой стороны, электронное обучение английскому языку способствует автономному обучению, формированию определённой самостоятельности, оно поддерживает навык самоконтроля в обучении, когда студенты учатся в своем личном пространстве, определённом рабочем формате и темпе. Поскольку каждый обучающийся имеет свой когнитивный уровень, диапазон знаний, и, соответственно, специфику и потребности, онлайн-образование дает возможность получать образование в своем собственном пространстве и темпе, что недостижимо при очном обучении.

Существуют различные виды функций, которые могут быть использованы преподавателем английского языка для поддержки изучения языка во время пандемии, и всё, что нужно сделать, это адаптировать и внедрить цифровые приложения, предназначенные для использования в преподавании английского языка для студентов. Наибольшие трудности для преподавателей английского языка в обеспечении поддержки студентов часто связаны с подключением к стабильному Интернету и пониманием каждого цифрового приложения, которое они могут использовать [11, с. 31]. Многие тренинги, а также онлайн-семинары помогут обычному учителю правильно вести процесс преподавания и изучения английского языка в режиме онлайн [4].

В любом типе образования, будь то традиционное или виртуальное, преподаватели английского языка играют ключевую роль. Следовательно, они должны быть *самотивированными* и творчески подходить к созданию электронного контента, например, видео, слайды для тестирования, чтобы сделать занятия и даже тесты интересными. Преподаватель английского языка должен мотивировать учеников и к самообучению. Как учитель он должен выступать в роли *фасилитатора*, а не контролера в традиционном классе, который будет вдохновлять и прививать любовь к учебе ученикам, иначе онлайн-уроки английского не будут иметь смысла [8]. Более того, будучи преподавателем английского языка в онлайн-среде, необходимо быть способным признать ценность обучения как эквивалентную традиционным средствам образования. Если преподаватель сам считает, что онлайн-обучение английскому языку неэффективно и единственный способ эффективного обучения может быть возможен только в очном классе, только через очные занятия, то такой человек не подходит для того, чтобы быть достойным для онлайн-парадигмы современного образования. Российские учебные заведения должны обеспечить качественное повышение

квалификации, тренинги и семинары для того, чтобы большинство учителей английского языка действительно освоили грамотную работу с цифровой платформой, а также привыкли к администрированию онлайн-обучения английскому языку.

Онлайн обучение английскому языку обычно осуществляется с помощью синхронного обучения, а также асинхронного обучения. Синхронное обучение относится к одному из видов онлайн-образования, которое происходит в режиме реального времени с помощью живых лекций, телеканалов, потокового вещания, видео в прямом эфире или YouTube, что практикуется в настоящее время. Прямое общение, обмен мнениями и мгновенная обратная связь являются характерными чертами синхронного обучения, с другой стороны, асинхронное обучение описывает обучение с помощью заранее записанных видео и лекций, давая домашние работы, задания, используя дискуссионный форум, мессенджеры, а также передавая файлы, обмениваясь электронной почтой.

В дополнение к синхронному и асинхронному обучению смешанное или гибридное обучение также может быть хорошим вариантом для облегчения процесса обучения. Смешанное обучение может стать настоящей панацеей для решения проблемы кризиса обучения [3].

Такер (2020) в своей книге «Баланс при смешанном обучении» предлагает преподавателям стратегии активного вовлечения учащихся в постановку целей путем мониторинга прогресса, отражения роста с использованием обратной связи, рекомендаций, доступа к способностям и качествам учащихся, а также общения с их родителями [12]. В книгу включены практические стратегии для преподавателей, которые перегружены работой. Она также содержит рекомендации, которые необходимы для того, чтобы превратить класс из класса, ориентированного на учителя, в класс, ориентированный на ученика, поэтому очень важно продолжать смешанное обучение; баланс между традиционным классом и виртуальным классом. Существует множество приложений и ресурсов для изучения английского языка, которые могут быть доступны в свободном доступе для преподавателей, чтобы предоставить своим ученикам возможность онлайн обучения. Преподавателям необходимо лишь выбрать наиболее подходящее приложение, которое можно использовать.

Последовательное взаимодействие считается сутью эффективного онлайн-образования. Чтобы привлечь внимание обучающихся, преподаватели должны вовлекать их в активное участие в занятиях, спрашивая их мнения, устраивая групповые дискуссии, подключая их к деятельности по решению проблемных задач, решению кейсов и так далее. Взаимодействие между студентами, как и между преподавателем и студентами создает благоприятную среду для онлайн-образования.

Совместная работа мотивирует изучающих английский язык к онлайн-образованию. Рецензии коллег, положительные отзывы, обмен идеями по определённой теме, передача изображений, файлов, аудио/видеоклипов, работа над одним и тем же проектом, заданиями, обучение на основе проектов - все это развивает сотрудничество и укрепляет способности учащихся справляться с решением проблем в реальной жизни.

Цифровая грамотность стала необходимостью в процессе обучения английскому языку [6]. Это делает процесс обучения интересным и увлекательным. Аудиовизуальные клипы, изображения считаются мощным материалом, способным произвести глубокое и длительное впечатление на сознание учащихся. Это мотивирует учащихся, привлекает их и вовлекает студентов, которым необходимо исследовать что-то новое и дополнительное [10].

Это помогает превратить роль обучающихся из пассивной в активного исследователя и первооткрывателя. Существуют некоторые полезные цифровые инструменты и платформы, которые перечислены здесь для повышения эффективности преподавания и обучения.

- a. Группа WhatsApp/Messenger
- b. Kahoot (игровая обучающая платформа)
- c. Google Classroom
- d. Prezi
- e. Подкасты
- f. Mentimeter
- g. MOOC'S
- h. Moodle

Использование различных видов приложений может студентам и преподавателям наладить контакт и создать благоприятную атмосферу в учебном процессе. Если обучающиеся не проявляют активность, можно использовать приложения, которые содержат игры, а когда обучающимся необходимо получить оценку, преподаватели могут просто переключиться на использование приложений для квизов, тестов, викторин.

Несмотря на то, что преподаватели в развивающихся странах уже привыкли к ограниченным ресурсам, постоянным кризисам, быстрым изменениям и неопределённости и могут быстро адаптироваться, специалисты по планированию образования в экстренных обстоятельствах должны учитывать эффективность стратегий вовлечения учащихся, чтобы определить приоритетность мероприятий.

На основании результатов, полученных в ходе данного исследования, можно выделить ряд рекомендаций по продолжению онлайн-обучения английскому языку. Более того, данные рекомендации предлагаются с примерами эффективных стратегий.

Рекомендация	Пример стратегии
Эффективная подача учебного материала в синхронном режиме	Совместное использование экрана, подготовка конспектов занятий, сессии вопросов и ответов
Работа с учебными информационными материалами в асинхронном режиме	Презентации в LMS, записи занятий в LMS, напоминания и объявления, групповой чат для вопросов и ответов
Многообразие и разветвленные средства предоставления материалов	Содержательные материалы и механизмы взаимодействия в различных форматах, тематические занятия/обзоры/глубокие проработки, персональные разборы/тренинги, интерактивные ресурсы
Предоставление и налаживание обратной связи	Обратная связь со студентами и обратная связь для студентов
Регулярное и последовательное уточнение требований	Тренировочные тесты, составление проверочных работ и обновление сроков выполнения заданий
Персонализация интерактивных взаимодействий между студентом и преподавателем	Доступность для обращений студентов, возможность обращаться к ним по имени, а не только по фамилии
Обеспечение дополнительного пространства для взаимодействия между студентами (соцсети, мессенджеры и т.д.)	Студенты общаются/обмениваются материалами/работают/создают мини-группы по выполнению проектов в групповом чате без преподавателя
Стимулирование обучающихся к поиску и созданию нового учебного материала по изучаемой тематике	Занятие проходит при использовании презентаций обучающихся, обучающиеся самостоятельно разрабатывают дополнительные материалы, подбирают ресурсы, выбирают форму подачи материала
Контентное взаимодействие между обучающимися, то есть, основанное на изучаемой тематике	Совместные проектные работы, презентации, подготовка к занятиям, модерация учебных дискуссий, взаимная проверка работ.
Развитие межличностного взаимодействия между обучающимися	Общение/мероприятия по обмену впечатлениями/опытом, заполнение профилей обучающихся в LMS

Чтобы убедиться, что приоритетные потребности студентов учитываются, преподавателям необходимо сначала обеспечить эффективное взаимодействие между студентами и содержательной частью в синхронном и асинхронном режимах. Как только эти параметры будут соответствовать, преподаватели могут сосредоточиться на диверсификации средств предоставления контента, на обеспечении предоставления и получении обратной связи, а также регулярном уточнении необходимых потребностей обучающихся.

Преподаватели должны обладать достаточным уровнем для повышения их цифровой грамотности, в связи с этим следует организовать семинары, тренинги на национальном уровне для внедрения цифровых инструментов и их качественного применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев С.Л. Философия образования: от пайдэи к экрану / С.Л. Григорьев. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2021. – 244 с. – ISBN 978-5-00186-055-6.
2. Гукасян С.Г. Оценка уровня общительности врачей-стоматологов и уровня взаимоотношений «врач-пациент» в условиях стоматологической поликлиники / С.Г. Гукасян, Л.Г. Толстунгов // Актуальные вопросы стоматологии: Сборник тезисов межвузовской конференции, Москва, 14 марта 2018 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 55-58.
3. Панкова Т.Н., Абдуллаева З.Р., Гончарова В.В., Галеева Т.И., Янова Е.А. Особенности формирования готовности будущих менеджеров к профессиональной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2021 №11-2 С. 98-103
4. Роберт И.В. Цифровая трансформация образования: вызовы и возможности совершенствования // Информатизация образования и науки. – № 3(47). – 2020. – С. 3-17.
5. Харченко Н.Л. Применение дистанционных образовательных технологий в контексте инклюзивного образования в России / Н.Л. Харченко // Педагогическая информатика. – 2019. – № 3. – С. 93-98.
6. Applied model of E-learning in the framework of education for sustainable development / T. Zhang, Z.A. Shaikh, A.V. Yumashev, M. Chhad // Sustainability. – 2020. – Vol. 12. – No 16. – P. 6420. – DOI 10.3390/SU12166420.
7. Fleming E.C. et al. A Digital Fluency Framework to Support 21st-Century Skills //Change: The Magazine of Higher Learning. – 2021. – Т. 53. – №. 2. – С. 41-48.
8. Izzah L., Hadi M.S., & Rahman N.F. A. Engaging Learners with the Internet of Things (IoT): Gen Z's Perspectives. Educational Initiatives Research Colloquium 2019, 150–154. <https://humanities.utm.my/education/isei/>
9. Safonov M.A. E-Learning Application Effectiveness in Higher Education. General Research Based on SWOT Analysis / M.A. Safonov, S.S. Usov, S.V. Arkhipov // ACM International Conference Proceeding Series : 5, Education and Multimedia Technology, Virtual, Online, 23–25 июля 2021 года. – Virtual, Online, 2021. – P. 207-212. – DOI 10.1145/3481056.3481096.
10. Sun L., Tang Y., Zuo W. Coronavirus pushes education online //Nature Materials. – 2020. – Т. 19. – №. 6. – С. 687-687.
11. Swot analysis of moodle platform application in the assessment of foreign language knowledge / S. Usov, M. Safonov, L. Sorokina, E. Akbilek // ACM International Conference Proceeding Series : 4, Virtual, Online, 19–22 июля 2020 года. – Virtual, Online, 2020. – P. 31-34. – DOI 10.1145/3416797.3416835.
12. Tucker C.R. Balance with blended learning: Partner with your students to reimagine learning and reclaim your life. – Corwin, 2020.

© Панкова Татьяна Николаевна (pankovatn30@mail.ru), Абдуллаева Зульфия Рагим кызы (zulya5596@gmail.com),
Ефорова Аделя Рафиковна (earkov@list.ru), Куприянова Татьяна Сергеевна (kafinyazrgtu@mail.ru),
Григорьев Сергей Леонидович (grigoryevdiss@gmail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ АДМИНИСТРАТОРА ПО СПЛОЧЕНИЮ КОЛЛЕКТИВА ОРГАНИЗАЦИИ

FEATURES OF THE ADMINISTRATOR'S WORK ON TEAM BUILDING OF THE ORGANIZATION

**O. Selivanova
M. Rulev**

Summary: The article is devoted to the problem of team building, as an important part of virtually any modern organization that performs labor functions on a permanent basis for quite a long time. A huge number of works by various researchers are currently devoted to this pressing issue. To create a generalized conclusion on the possible increase in the efficiency of management activities, it is necessary to compile particularly vivid examples of research work devoted to the team. After all, both the economic and psychological side of collective activity depend on the work of the manager, which directly affect the adequacy of the labor relations formed within the organization.

Keywords: organization, team, relationships, administration, group, leader, formation.

Селиванова Ольга Антиевна

*Д.п.н., профессор, Тюменский
государственный университет
towerred1966d@mail.ru*

Рулев Максим Николаевич

*Аспирант, Тюменский государственный университет
evlaroma11@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена проблеме сплочения коллектива, как важной части фактически любой современной организации, выполняющей трудовые функции на постоянной основе достаточно продолжительное время. Огромное количество работ всевозможных исследователей на данный момент посвящены этому насущному вопросу. Для создания обобщенного вывода по возможному повышению эффективности управленческой деятельности, необходимо скомпилировать особо яркие примеры исследовательской работы, посвященной коллективу. Ведь от работы управляющего зависят и экономическая и психологическая сторона коллективной деятельности, непосредственно влияющие на адекватность образующихся внутри организации трудовых отношений.

Ключевые слова: организация, коллектив, взаимоотношения, администрация, группа, руководитель, формирование.

Введение

В настоящее время все больше актуализируется проблема формирования коллективных взаимоотношений в учебных и трудовых группах индивидов. Вызвано это быстрым темпом роста влияния средств массовой информации и коммуникации. Ведь в условиях всеобщего доступа к информации глобального уровня, причем интерпретируемой разными, порой никак не связанными источниками, люди обретают мировоззрение сугубо лично ориентированное, не поддающееся стандартизации, как в социалистическом прошлом нашего государства, а иногда и настроенное против общества.

Тем не менее труды деятелей педагогической науки недавнего прошлого остаются актуальными и фундаментальными в большинстве направлений деятельности руководителей коллективов разного звена. Малоизученность и отсутствие стандартизации в работе администраторов, вносит дополнительные сложности в процесс управления, а изменения государственной системы, регламентирующей административную деятельность, еще сильнее запутывает руководителя на пути рационализации коллективного усилия и становления конструктивных взаимоотношений. Анализ работ отдельных авторов должен прояснить картину теоретиче-

ского идеала коллектива и общие черты методов работы в направлении становления такового.

Формируя концепцию рационализации процесса совсем не обязательно отталкиваться от учений самых известных представителей педагогической науки в таком относительно новом направлении. Попробуем начать с анализа учебного пособия Педагогика и психология высшей школы под редакцией Булановой-Топорковой М.В., ведь в нем особо новаторски представлено обоснование базовой роли коллектива при адаптации студента в группе. «Благоприятное положение студента в окружающей его среде, в студенческом коллективе содействует нормальному развитию его личности. Не должно быть существенного расхождения между самооценкой и оценкой, получаемой студентом от значимых для него людей (референтной группы), к которым обязательно должен относиться и преподаватель. В этом случае он может помочь студенту в преодолении неблагоприятного соотношения самооценки, ожидаемой оценки и оценки, исходящей от референтной группы».

Авторы пособия предлагают вводить определенные искусственные ситуации, выставляющие обучаемого выгодно в среде окружающих. Так формируется уверенность в своих силах и интерес к обучению, а также преподавателем предоставляется надежная основа для

формирования позитивных взаимоотношений в коллективе обучаемых. Фактически устраняются факторы, способствующие появлению оскорбленных и униженных в группе. Формируемая эмпатия здесь определена благоприятным условием для самореализации индивида.

Это утверждение не противоречит результатам исследований большинства представителей педагогической науки. Этот авторский коллектив опирается на трудолюбие и принципиальность руководителя, как на отличный метод воспитания трудолюбия учащегося. Авторы приводят фразу из Краткого курса преподавателей Московского императорского университета «Учитель, не показывающий собой примеров и добродетели, больше вреда, чем пользы приносит воспитываемым».

Поведение личности в коллективе сильно отличается от индивидуального и оказывает постоянное влияние на формирование личности. Выявляется подстройка личного под коллективное настроение.

Далее в той же проекции рассмотрим работу Дьяченко М.И. и Кандыбович Л.А. в виде учебного пособия «Психология высшей школы».

Здесь можно обратить внимание на выделение роли самоуправления и независимого руководства деятельностью своих групп обучаемыми, а также регулярное участие их в процессе регулирования нюансов администрации. Насаждая активность в ходе обучения, руководители программируют обучаемых на активную деятельность и хозяйское восприятие проблем коллектива, недостатков и успехов, развитие организаторских способностей. Авторы пособия уделяют этим элементам особое внимание, отстаивая свою концепцию.

Также в этой работе описывается определение уровня и стадий формирования учебного коллектива. Приводятся выделяющиеся особенности студенческого коллектива, влияющие на работу преподавателя ограничительно в плане формирования этого коллектива в учебном заведении без явного сознательного сопротивления обучаемых. Базовым видом деятельности и направлением совершенствования группы обучаемых, как коллектива учебного в данном случае, названы обучение, единство цели и мотивации.

Отдельного внимания заслуживает А.В. Петровский с собственной психологической теорией о коллективе. В его модели построения группы описываются инструменты общественной адаптации личности без особого прогноза результатов. Это одна из наиболее подробных работ в социальной психологии в отношении теории коллектива. Эта теория представляет группу из трех страт, каждый из которых характеризуется особым принципом, отталкиваясь от которого строятся отношения внутри группы.

В первом слое находятся прямые контакты между участниками коллектива, основанные на эмоциональной схожести; во втором слое взаимоотношения скрепляются совместной деятельностью; в третьем слое, обозначенном основой коллектива, формируются взаимоотношения, базирующиеся на согласии всех членов подразделения с общими целями коллективных усилий. Данный слой соответствует высшему уровню развития команды, и таким образом, наличие его позволяет настаивать, что перед нами коллектив. А деятельностное усреднение здесь выступает как фундаментальный системообразующий признак коллектива.

Петровским описана и укреплена экспериментально гипотеза о том, что в группах, объединенных продолжительной совместной работой, возникает высокая сплоченность, то есть ценностно-ориентационное единство. Показателем сплоченности группы является то, насколько часто совпадают оценки участников группы в отношении к объектам, определено значимым для коллектива.

Можно сделать вывод, что исследования Петровского А.В. свидетельствуют о важности вышеупомянутого ценностно-ориентационного фактора, а также однородности оценки большинства объектов, имеющих значение для группы в целом, в деле закрепления внутриколлективных связей при формировании коллектива подразделения.

Далее рассмотрим автореферат Д.А. Ефремова к работе по теме «Педагогическое управление процессом коллективообразования в студенческой академической группе». Тут приводится особая классификация возможных педагогических проблем, связанных с формированием коллектива обучаемых в ВУЗе:

- приоритет режима администрирования режимам альтернативного управления и самоуправления;
- чрезмерная формализация и нормативность, а также линейность управленческих действий на фоне занижения потенциала самоорганизации;
- упор на поддержание исполнительской дисциплины в ущерб развитию партнерских отношений;
- отверженность личных позиций обучаемых;
- выделение стандартных типов моделей управления над выстраиванием индивидуальных, отвечающих особенностям данного учебного заведения;
- повышенная сосредоточенность на ситуативно-оперативных мерах в ущерб проектировочно-прогностическим;
- излишняя автономизация, стремление к изоляции от среды.

Эта классификация ориентирует преподавателя на демократизацию административного процесса. При этом непроста для освоения и практического приме-

нения начинающим преподавателем в начале трудовой практики. Отдельные моменты естественно очень спорны, особенно описание ущербности применения типичных схем управления против индивидуальных. Сомнительные инициативы могут перестроить сознание учащихся достаточно негативно по отношению к процессу коллективообразования и для обучения в общем, тогда как старые добрые методы хоть устарели, но действуют давно и проверены временем наверняка.

Демократические процессы в административном управлении бывают разрушительны особенно на заре формирования коллектива и способны проявлять негативные отзвуки даже на зрелых стадиях по классификации А.С. Макаренко.

Гуманитарным наукам характерна подвижность и исключение догматики в большинстве суждений. Обобщенный подход в работе по сплочению коллектива помогает преподавателю на начальной стадии, но в последующем сковывает развитие зрелых стадий формирования.

Ярким примером естественного эксперимента в социуме может послужить работа Т.Е. Конниковой «Организация коллектива учащихся в школе». Исследуя механизм воздействия общества на личность, Конникова ставит членов коллектива на роль организаторов, а не исполнителей указаний старших. При анализе экспериментальных данных выяснилось, что более агрессивное воспитательное воздействие испытывали те обучаемые, которые оказывались участниками разработки и осуществления самого задания. Являясь автором выработки норм, необходимых для проведения задуманного, исполнитель стремится к их реализации и становится переносчиком. В ходе эксперимента создавались условия для обеспечения каждому участнику коллектива нужной позиции в процессе решения задачи и он становился активным участником достижения цели, принятой коллективом. В данном случае, чем более активным при этом оказывался каждый член коллектива, тем энергичнее набиралась в коллективе совокупность взаимных требований, оценок поступков и тем более эффективно происходило усвоение каждым членом коллектива групповых норм.

Огромное влияние на базовое становление социальной психологии оказали работы Ч. Кули и Г. Зиммеля. Они впервые в социальной психологии рассматривали индивид не отдельно, а связали его черты с процессами взаимодействия людей внутри группы. При этом личностные особенности представили как своеобразные проекции взаимоотношений человека с социальными группами.

Личное представление индивида о себе, а именно

«я-концепция» по Ч. Кули является отражением того, что по мнению личности, думают о ней окружающие. Получается, что «я-концепция» это не постоянная величина, а функция взаимоотношений с людьми. Формируемое Ч. Кули представление о «зеркальном я» во многом определило всевозможные современные американские социально-психологические исследования.

Ч. Кули ввел в социальную психологию термин «первичная группа» и показал решающую роль первичных групп (семьи, объединений по месту жительства или работы) в формировании личности. Но понятие социального окружения среды было у Г. Зиммеля и Ч. Кули очень узким. Ч. Кули игнорировал факт, что любая группа это не замкнутая, а остающаяся часть общества. Поэтому направление внимания на психологические отношения, возникающих на основе взаимодействия лицом к лицу, закрывало и смазывало подлинную картину отношений в первичных группах. Эта картина раскрывается только тогда, когда принимается, учитывается роль совокупности всех общественных отношений, определяющих закономерности формирования личности в микросреде. Отношение к психологической науке безраздельно от природы общественных отношений в группах это порок, который присущ и современным последователям Ч. Кули таким, как Р. Бейлс, Д. Морено, М. Аргайл и др.

Любопытен труд «Психология управления трудовым коллективом» от Г.Б. Хасановой и Р.Р. Исхаковой в виде учебного пособия, написанного естественно для целевой аудитории.

Здесь представлены основные теоретические и практические положения для управления коллективом. Предлагаются характеристики стандартизированного трудового коллектива. Например, основы коллективообразования (человек нуждается в общении). Если несколько людей регулярно проводят вместе достаточно времени, то постепенно они начинают психологически осознавать существование друг друга. Примерно так создается социально-психологическая общность.

Время и степень осознанности этой общности зависят от ситуации и характера конкретной взаимосвязи людей. При этом результат такого осознания почти всегда одинаковый. Ведь осознание людьми того, что думают другие люди о них и чего ждут, вынуждает их менять свое поведение в угоду окружающим и подтверждать этим наличие коллективных взаимоотношений. Если такие процессы происходят, то обычное скопление людей становится группой. А группа, в свою очередь, это совокупность людей, объединенных общими интересами. От толпы она отличается единством, ведь толпа – это неорганизованное скопление людей, сборище. Группа – это явная социальная категория. В группе индивиды взаимодействуют друг с другом так, что каждый из них еди-

новременно оказывает влияние на другого и испытывает его влияние на себе.

Главные условия для формирования коллектива заключаются в том, что люди ежедневно работают вместе и трудятся над решением проблем ради достижения общих целей. Имеются в наличии и другие факторы, подталкивающие процесс формирования коллектива. Наиболее важными, по мнению авторов Г.Б. Хасановой и Р.Р. Исхаковой представляются следующие: общее отождествление, вне рамок организации, сходный образ мышления, а также символы и эмблемы, лидерство.

На базе учебного пособия авторов В.И. Вдовюка и С.М. Филькова «Основы воспитательной работы с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации» имеется обзорный материал для руководителей коллективов по общей и индивидуальной воспитательной работе с подчиненными. «Изучение подчиненных – комплексная, практически познавательная деятельность командиров и их заместителей по воспитательной работе. Общаясь с подчиненными, используя познавательные беседы, педагогическое наблюдение, обобщение независимых характеристик и другие методы, опытные офицеры стремятся узнать, прежде всего, общие биографические сведения о каждом воине, а также его деловые и моральные качества. Целесообразно выявить идеалы, интересы и установки каждого человека, его темперамент, характер, способности, особенности интеллектуальной деятельности, степень развития воли, состояние здоровья, физическое развитие, отношение к воинской службе, товарищам, старшим, уровень общей воспитанности и др.» [30, с.9]

Особенно выделяется, что все, становящееся известным начальнику о подчиненном, необходимо использовать в воспитательной работе с ним. При этом важно не проявлять зависимость от индивидуальных особенностей подчиненного, а, учитывая их, побуждать к росту и самосовершенствованию. Задача руководителя в стремлении оказать помощь воспитуемым определить задачи работы над собой и выстроить алгоритм самосовершенствования. В сочетании требовательности к воспитанникам с уважением их личного достоинства и заботой о них заключен основной принцип подхода к людям. Требовательность к себе и другим выставлена безусловно базовой чертой работы начальников и подчиненных в ходе укрепления коллектива подразделения.

На территории взаимной ответственности, где царствуют распоряжения и выполнение, основную роль играют требования, выступающие особым средством побуждения к определенным действиям и типу поведения в обществе. Функционально требования могут подталкивать или притормаживать те или иные действия членов коллектива. С помощью требований, исходящих

прежде всего от начальника, в коллективе устанавливается дисциплина, а также формируются личностные характеристики подчиненных.

Если отталкиваться от теоретических положений, описанных в работе Г.Х. Бороновой «Психология труда», то коллектив выполняет две основные функции: экономическую и социальную.

Экономическая функция заключается в осуществлении коллективом совместной трудовой деятельности в организации, в результате которой создаются материальные ценности. Экономическая функция, как правило, является ведущей в коллективе.

Социальная функция направлена на удовлетворение социальных потребностей всех членов трудового коллектива, выраженных в возможности трудиться, а также получать материальное благо, в признании себя среди коллег, образовании и многом другом.

В личной профессиональной практике человек проходит важные психологические этапы – профессиональный выбор, адаптация и самоидентификация, налаживание отношений с коллективом. Если индивид прибыл в организацию с определенной целью на длительный срок, то он неизменно формирует свой круг общения и нарабатывает психологические установки, отталкиваясь от опыта общения с коллективом, а также формирует личное мнение об организации. После периода адаптации сотрудники внедряются в трудовой режим и переходят на новый уровень общения с коллегами, а главной психологической проблемой в коллективе остаются производственные конфликты, от которых напрямую зависит качество труда и результативность трудовой деятельности. Период адаптации может отличаться по продолжительности и характеру в зависимости от условий труда и личных особенностей. Обучаемый выстраивает свою поведенческую модель исходя из внутренних коллективных установок и личного мировоззрения. Находясь в составе новой организации, он знакомится с остальными членами коллектива и с требованиями непосредственного руководителя. А при опоре на главные требования, предъявляемые к нему руководящими документами и руководством, проходит адаптацию в группе параллельно труду.

Обновляет стандартную картину восприятия групповой трудовой деятельности работа Джона Максвелла «17 неопровержимых законов работы в команде». Иногда очевидные вещи нуждаются в трактовке, для того, чтобы их правильно восприняли. В труде Максвелла собраны аналитические выводы на базе деятельности администраторов различного уровня и направленности.

Так как создать и хранить успешную команду сложно,

на общедоступной платформе, адекватно действующей модели управления коллективом найти не так просто. Даже бывалые управляющие, которые привели свою команду к вершинам успеха, навскидку не сразу смогут сказать, на какой фундаментальной основе базируются их высокие достижения. Джон Максвелл выделяет основные принципы создания успешного коллектива, необходимые для успеха в делах разных сфер жизнедеятельности современного человека, обитающего в группе людей. В определенно доступной манере доктор Максвелл показывает:

- как Закон высокой морали фактически вдохновил 50-летнего мужчину, не умеющего плавать, подготовиться к участию в сложнейшем по триатлону.
- как Закон большой картины вдохновил бывшего президента США ездить по стране на автобусе, спать в подвале и физически работать.
- как Закон ведения счета предоставил возможность одной интернет-компании развиваться, тогда как толпа других компаний в этой области потерпели обвал.
- как неуважение к Закону цены заставило одну из крупнейших в мире торговых сетей после 128 лет успешного бизнеса закрыть навсегда свои двери.

Джон Максвелл является известным экспертом в вопросах лидерства и основателем организации «INJOY Group», помогающей людям максимально реализовать свой личный и лидерский потенциал. Он стал автором двадцати пяти книг, среди которых есть такие бестселлеры, как «21 неоспоримый закон лидерства», «Как развить в себе качества лидера» и «21 необходимое качество лидера». Важной мыслью от Джона Максвелла можно выделить несколько правил, относящихся именно к работе администратора: закон значимости - в одиночку не до-

стичь великого, закон ниши – для каждого игрока есть место, где он наиболее ценен, закон преимущества - разница между двумя в равной степени талантливыми командами заключается в их лидере.

Заключение

Управленческая деятельность характеризуется комплексным воздействием на психику и сознание подчиненных, проводя четкие границы в сфере общения и выстраивая структуру взаимоотношений по подчиненности. Подводя итог компиляции, можно оформить ряд положений, характерных для действий администратора в коллективе.

А именно, введение определенных искусственных ситуаций, выставляющих обучаемого выгодно в среде окружающих, сосредоточение внимания на выделении роли самоуправления и независимого руководства деятельностью своих групп обучаемыми и на регулярном участии их в процессе регулирования нюансов управления, исключение приоритета режима администрирования над режимом самоуправления, постановка членов коллектива на роль организаторов, учет роли совокупности всех общественных отношений, определяющих закономерности формирования личности в микросреде, общее отождествление, вне рамок организации, формирование сходного образа мышления и нейтрализация производственных конфликтов, непосредственно влияющих на результативность трудовой деятельности.

А главное, нельзя забывать, что разница между двумя в равной степени талантливыми командами заключается в их лидере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г.Б. Хасанова, Психология управления трудовым коллективом: учебное пособие / Г.Б. Хасанова, Р.Р. Исхакова; - Казань: Изд-во КНИТУ, 2012. - 255 с.
2. Г.Х. Боронова, Н.В. Прусова Психология труда. Конспект лекций. Издательство: Эксмо, 2008 г., 160 с.
3. Петровский А.В. Социальная психология коллектива Текст. / А.В. Петровский, В.В. Шпалинский. - М.: Просвещение, 1978., 176 с.
4. М.В. Буланова-Топоркова. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. - Ростов н/Д: Феникс, 2002. - 544 с. Ответственный редактор М.В. Буланова-Топоркова.
5. В.И. Вдовюк, С.М. Фильков. Основы воспитательной работы с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации: Курс лекций – М., 2003. – 147 с.
6. Джон Максвелл. 17 неопровержимых законов работы в команде – Христовор, 2006. – 316 с.
7. Зиммель Г. Индивидуальный закон // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. М.: Территория будущего, 2005. – 366 с.
8. Т.Е. Конникова, Организация коллектива учащихся в школе: Обобщение опыта работы школы № 210 Ленинграда / Т.Е. Конникова, канд. пед. наук; Акад. пед. наук РСФСР. - Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. - 400 с.
9. Д.А. Ефремов, Педагогическое управление процессом коллективообразования в студенческой академической группе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Ефремов Дмитрий Александрович; [Место защиты: Воронеж. гос. пед. ун-т]. - Воронеж, 2012. - 23 с.

© Селиванова Ольга Антиевна (towerred1966d@mail.ru), Рулев Максим Николаевич (evlaroma11@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Хаджимуратова Асет Даниловна

к.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чеченский Государственный
Педагогический Университет», г. Грозный
asya9007@mail.ru

DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES OF YOUNG PEOPLE IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION

A. Hadzhimuratova

Summary: The article is devoted to the problems of developing and implementing programs of artistic and creative direction in organizations of additional education of children.

The purpose of writing the article was an attempt to consider the problems that arise in the process of developing the artistic and creative abilities of students in the system of additional education, in order to find ways to solve them.

Keywords: additional education, creative abilities, fine arts.

Аннотация: Статья посвящена проблемам разработки и реализации программ художественно-творческого направления в организациях дополнительного образования детей.

Целью написания статьи являлась попытка рассмотреть проблемы, возникающие в процессе развития художественно-творческих способностей обучающихся в системе дополнительного образования, для поиска возможностей их решения.

Ключевые слова: дополнительное образование, творческие способности, изобразительное искусство.

Введение

Происходящие в современном обществе социально-технологические процессы, изменение моделей управления в бизнесе и государстве, экологизация образа жизни и производственных процессов, введение информационно-коммуникативных технологий, автоматизация и возникновение новых технологий, приводят к изменениям практики разработки, производства, управления, обслуживания, рабочего места и отраслевых структур. Данные изменения вызвали такие социальные политические и экономические сдвиги, которые требуют соответствующей реакции образовательных организаций. Перед современным образованием возникают новые вызовы, такие как:

- новый характер знания и новые технологии его получения;
- возрастающая роль образования, становление экономики знаний;
- стремительная динамика накопления и обновления информации;
- широкое внедрение ИКТ-технологий;
- изменение общественного сознания, новые запросы личности, общества, государства.

Широкое внедрение ИКТ-технологий во все сферы жизни в первую очередь служит автоматизации рутинной деятельности на любой работе, соответственно ценностным качеством каждого человека становится способность мыслить нестандартно и создавать новое. Автоматические технологии, до недавнего времени выполнявшие формализуемые задачи, облегчающие ра-

боту и жизнь людей, предвещают в скором времени замену роботами людей на рынке труда. По прогнозам исследователей, в первую очередь это затронет рутинные задачи, а затем и умственные. Соответственно, повысится спрос на такие качества, как гибкость мышления, способность к сближению и сцеплению понятий, целостность восприятия, присущие творческим людям. В научных исследованиях отмечается, что в настоящее время на рынке труда первенство принадлежит специалистам, обладающим творческим мышлением, умеющим успешно работать в различных профессиональных сферах, имеющим мотивированный интерес к самосовершенствованию и саморазвитию, адекватную личностную и профессиональную самооценку, нацеленность на результат. Так перед современной системой образования стоит задача подготовить обучающихся к жизни и труду в эпоху глобальных изменений и технологий.

В словаре по профориентации и психологической поддержке творчество определяется, как психический процесс создания новых ценностей, это деятельность, результат которой – создание новых материальных и духовных ценностей [7, с. 32]. Хорошо известно, что потребность в творчестве, созидании и преобразовании мира является для человека насущной необходимостью, обеспечивая его постоянное развитие. Любая созидательная деятельность человека – это творчество. Творческие способности проявляются в сфере быта, общественной, досуговой и других формах жизнедеятельности. Но наиболее обширные возможности в развитии творческих способностей открывает многогранность направления художественного творчества и изобрази-

тельного искусства. Функции искусства далеко не ограничиваются духовным просвещением человека — он может выступать как в роли созерцающего зрителя, так и деятеля-творца искусства. С помощью искусства человек может выражать себя, свои внутренние проблемы и конфликты души.

Своеобразие современной ситуации заключается в том, что, с одной стороны, мы хорошо осознаем важность и значимость художественного творчества в жизни ребенка, с другой — сталкиваемся с сокращением объема предметов художественно-эстетического цикла в школе. На сегодняшний день действующая школьная система не обеспечивает в полной мере культурно-образовательных потребностей учащихся в силу стандартизированных форм организационно-образовательного процесса, зачастую отсутствием уроков изобразительного искусства в старших классах, учителей-специалистов изобразительного искусства. В связи с этим, нам представляется необходимым обращение к практике дополнительного образования, в котором широко используется художественно-творческая деятельность. Стремительно меняющаяся реальность указывает на необходимость обучения в течении всей жизни и грамотное включение дополнительного образования в жизнь обучающихся является одним из подходов, обеспечивающих ответы на вызовы времени.

В настоящее время имеется ряд работ российских ученых, исследующих систему дополнительного образования детей, среди которых В.Н. Андреев, А.Г. Асмолов, В.А. Березина, Т.А. Бруцкая, В.П. Голованов, Д.Н. Грибов, А.П. Фадеева, А.И. Щедринская и др. В Новых федеральных государственных стандартах поставлена задача на реализацию мер популяризации среди детей и молодежи научно-образовательной и творческой деятельности [6, с. 9]. Основными задачами дополнительных предпрофессиональных общеобразовательных программ в области искусств являются воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности, на основе духовно-нравственных ценностей и национально-культурных традиций. В Федеральном законе «Об образовании в РФ» [11] дополнительное образование определяется как вид образования, который направлен на всестороннее удовлетворение образовательных потребностей человека в интеллектуальном, нравственном, физическом и (или) профессиональном совершенствовании (гл. 1, ст. 2). Цели и задачи дополнительного образования отражают гуманистическую направленность и вариативность содержания дополнительного образования, которое призвано обеспечить здоровьесбережение, организацию содержательного досуга, формирование культуры, развитие способностей, личностное и профессиональное самоопределение обучающихся — детей и взрослых [6, с. 10]. Участие детей и подростков в системе дополнительного образования также открывает перед ними

возможность углубленно заниматься тем, что их влечет, помогает определиться с вопросами — что я хочу и могу? Обучение в учреждениях дополнительного образования строится на основе свободы выбора сфер и видов деятельности, ориентации на личностные интересы, потребности ребенка, возможность свободного самоопределения и самореализации. Это позволяет им в дальнейшем успешно социализироваться.

Творческие способности есть в каждом ребенке. Развитие этих способностей зависит от количества часов, посвященных приобретению практического опыта. Помимо врожденных качеств человека, на его творческих способностях сказываются условия, в которых он развивался и жизненные впечатления, из которых по кусочкам складывается вкус. Необходимо с самого раннего возраста приобщать ребенка к лучшим образцам мирового и народного искусства, формируя тем самым представления об идеале и модели поведения, сообразно которым он смог бы действовать. Формы художественного творчества могут быть реализованы в школах искусств, студиях, кружках.

Являясь частью системы общего образования, система дополнительного образования включает в себя все закономерности учебно-воспитательного процесса, у которого всегда есть конкретный, видимый и измеримый результат. Вместе с тем, у педагога дополнительного образования больше возможностей развить интерес учащихся к творческой деятельности, чем у учителя общеобразовательной школы. Однако, при всем разнообразии возможностей предоставляемых системой дополнительного образования, перед педагогами стоит проблема скромного выбора среди учебно-методических материалов по ИЗО и ДПИ разработанных для учреждений дополнительного образования. Педагоги работают по материалам из методических пособий, предназначенных для общеобразовательных школ. Об этом свидетельствуют результаты анкетирования среди педагогов ДПИ, проведенного на курсах повышения квалификации от учебно-методического центра в г. Грозный в феврале 2022-го года. Материала для занятий ИЗО и ДПИ учитывающего региональные особенности народа еще меньше.

Соответственно в системе образования возрастает актуальность учебно-методических пособий по ИЗО и ДПИ, разработанных с учетом особенностей системы дополнительного образования. Не всегда педагоги компетентны в вопросах проектирования программ организации внеурочной деятельности, что объясняется разными причинами: неопытность, недостаточность научно-педагогической литературы освещающей вопросы творческого развития детей в соответствии с психологией их развития. В данной ситуации решающую роль играет работа над саморазвитием самих педагогов, в

сферах творческо-исполнительской и педагогической деятельности.

Общеобразовательные и художественные школы поддерживают и развивают традицию «классического искусства», тогда как система дополнительного образования больше опирается на принципы «свободного воспитания». В работе авторов Л.П. Бакшиновой, Г.А. Марины [14, с. 12] приведен ряд основных преимуществ занятий в дополнительных учреждениях:

- максимальный учет индивидуальных потребностей ребенка;
- возможность широкого выбора программ художественно-эстетической направленности;
- возможность создания программ в соответствии с запросами времени или под конкретного специалиста, педагога, руководителя;
- практико-ориентированность программ, которая дает возможность ребенку действовать самому в ситуации поиска, получать знания из взаимодействия с объектами труда, природы, с культурными памятниками;
- исключительная атмосфера творчества на занятиях, побуждающих ребенка находить свой собственный путь в создании художественных образов, решении творческих задач;
- возможность уделять внимание индивидуальному развитию каждого воспитанника, в силу многочисленности групп;
- разнообразие материалов для творческой деятельности обучающихся.

Таким образом, современное дополнительное образование детей – это социокультурная среда, помогающая с самоопределением и раскрытием талантов подрастающего поколения. Дополнительное образование позволяет гибко и эффективно учитывать возрастные и индивидуальные особенности обучающихся. В преподавательской деятельности педагогу необходимо активное включение знаний основ психологии, психологической природы творчества, владеть инструментами и технологиями грамотного воздействия на творческий процесс учащихся. Это поможет ему строить систему обучения с учетом интересов, склонностей, способностей, возможностей обучающихся к различным видам деятельности. Обучение в начальных классах происходит в игровой форме и двигательной форме. Знания усваиваются в виде быстрых эмоциональных ассоциаций. Информация, окрашенная эмоциями, лучше фиксируется в памяти. С 7-ми до 9-ти лет мозг интенсивно развивается, идет активное формирование нервной системы. Развиваются более сложные умения – слушание, обработка визуальной информации. К 10-ти годам образуются основные модели чувственного сознания. В этом возрасте завершается развитие большого тела – мостик между левым и правым полушариями мозга. В подростковом возрасте – от 13-

ти лет и старше – гормональные изменения в организме провоцируют у них шквал эмоций [10, с. 72]. Сталкиваясь с личными проблемами и эмоциональными всплесками, подростки прибегают к искусству как к безопасному способу выражения и регулирования эмоций. В данном возрасте дети уже способны корректировать свои художественные вкусы чтением литературы и прослушиванием лекций об искусстве. Особое внимание на занятиях изобразительным искусством необходимо акцентировать на подростковой аудитории, т. к. в этот период у учеников происходит изменения в психо-эмоциональной и физиологических сферах, также подростки через искусство стремятся найти способ самовыражения.

Организация методического обеспечения педагогической деятельности может осуществляться самим учителем. Как отмечает Морева Н.А., в процессе ежедневной деятельности перед преподавателем постоянно встает вопрос «Как учить?», поэтому он задумывается об обновлении и улучшении учебно-методического обеспечения реального учебного процесса. Его наработки постепенно обретают форму авторской технологии, основу которой составляет обобщенный индивидуальный опыт педагога. Причем отбирается только, то, что целесообразно дополняет, расширяет, обогащает методический инструментарий деятельности преподавателя и приносит ощутимый результат [9, с. 12]. Важно строить обучение на междисциплинарном подходе. При создании предметного комплекса заданий, нацеленных на изучение техник и реализацию учебно-творческих задач, преподавателю необходимо не только владение информацией о новых тенденциях своего предмета, новых техниках и материалах, активном их включении в процесс обучения, но и способность наполнить содержание своего предмета актуальными примерами из источников других дисциплин как гуманитарных, так и точных. Разносторонний и обширный обзор материала развивают умение наблюдать и анализировать окружающую действительность. Это способствует созданию более оригинальных проектов, активизирующих творческий потенциал личности.

Выводы

Дополнительное образование в области художественно-эстетического воспитания детей в настоящее время реализует идеи свободного воспитания и играет главную роль в решении проблем индивидуализации и творческой активности детей, а педагогам расширяет возможности педагогического творчества. Система дополнительного образования, разработанная с учетом государственной политики в области образования в сфере культуры и искусства, позволит создать оптимальные условия для развития значимых для образования, социализации, самореализации интеллектуальных и художественно-творческих способностей ребенка.

Педагог в процессе дополнительного образования, имеет возможность широко приобщать к художественно-творческой деятельности заинтересованных школьников, формировать у них самостоятельность и творческую активность. Развивая творческое начало, он открывает ребятам путь к познанию прекрасного, эмоционально обогащает его, подводит к пониманию лучших образцов большого искусства и, следовательно, к более глубокому пониманию мира. Большая доля ответственности возлагается на самого педагога: его инициативность в процессе саморазвития, творческого и педагогического самообразования помогут компенсировать пробел существующий в учебно-методической сфере. Умение работать не только по учебникам, а грамотно подбирать дополнительный материал по теме - один из важных навыков

современного педагога.

На основе результатов анкетирования, был выявлен запрос на дальнейшую работу над разработкой учебно-методических пособий, нацеленных на активизацию творческого потенциала личности, с учетом психологии развития, культурных аспектов региона и адаптированных к программе дополнительного образования. После завершения курсов, педагогам ДПИ была подарена монография посвященная вопросам влияния искусства на развитие личности, написанная автором статьи в соавторстве с доктором педагогических наук И.В. Мухановой. На данном этапе ведется разработка учебно-методического пособия для занятий ИЗО в системе дополнительного образования, с учетом этнических особенностей региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев В.Н., Мязина Г.Б. /Перспективный взгляд на организацию образовательной деятельности в учреждении дополнительного образования // МНИЖ. 2021. № 4-3 (106)
2. Асмолов А.Г./ Дополнительное персональное образование в эпоху перемен: сотрудничество, сотворчество, самоворение // Образовательная политика. 2014. №2 (64)
3. Бруцкая Т.А. / Ключевые компетенции в формате творческого объединения учреждения дополнительного образования, № 12 (90) декабрь, 2021 г.
4. Еманова С.В., Организационная модель подготовки специалистов дополнительного образования В ГБОУ ВПО «Курганский Государственный университет» Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 1(14)
5. Ипполитова Н.В./ Характеристика процесса проектирования программы кружковой работы с обучающимися общеобразовательных школ, Образование и проблемы развития общества, №3 (16), 2021
6. Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года/ утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. № 729-р
7. Словарь по профорientации и психологической поддержке. Издатель ФГБОУ ПО «МГТУ им. Н.Э. Баумана». Эл № ФС 77
8. Тарасова А.Д., Смирнова Н.Б./ Формирование коммуникативных умений учащихся на занятиях декоративно-прикладным искусством ISCIENCE.IN.UA «Актуальные научные исследования в современном мире» Выпуск 12(44) ч. 4, 2018
9. Морева Н.А., Технологии профессионального образования: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. заведений/ Наталья Александровна Морева. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. - 432 с.
10. Муханова И.В., Хаджимуратова А.Д./ Развитие личности в искусстве/ Монография, г. Махачкала: изд-во Алеф, 2021. - 114с.
11. Федеральный закон 29.12.2012 №273 «Об образовании в Российской Федерации».
12. Хаджимуратова А.Д./ Синестезия как феномен творческих людей, VII Международная научно-практическая конференция «Искусство-диалог культур», ФГБОУ ЧГПУ, 2021.
13. Юсупхаджиева Т.В. «Художественное образование как средство эстетического воспитания школьников», Гуманизация образования №2, г. Сочи, 2021, стр. 118-129
14. Бакинова Л.П., Марина Г.А., Стратегия развития художественно-эстетического направления работы в учреждениях дополнительного образования детей [Электронный ресурс]. - URL: <http://gigabaza.ru/doc/36069.html> (дата обращения: 18.02.2022)

© Хаджимуратова Асет Даниловна (asya9007@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА КАК ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПРИКЛАДНОЙ / ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Акаева Хамсат Абасовна

*К.п.н., Грозненский государственный нефтяной
университет им. М.Д. Миллионщикова
khamsat.akaeva@mail.ru*

CHARACTERISTIC FEATURES OF MILITARY SCIENCE TERMINOLOGY SYSTEM AS MAINLY APPLIED / FUNDAMENTAL (DRAWING ON THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE MATERIAL)

Kh. Akaeva

Summary: The article is devoted to the studying of the thematic features and derivational structures of terms in the applied / fundamental terminology system. The aim of the work is the analysis of main thematic and structural term groups of the spheres of military science as mainly applied / fundamental. Terminological units taken from printed issues and Internet sites have served as the research material. Special attention is paid by the author to the comparison of the military science terms and studying the peculiarities of each of the terminology systems in the English and Russian languages. Besides, the article studies the thematic features and derivative structures of terms belonging to the applied / fundamental terminology systems. The analysis of terms in the field of military science has proved the fact that the terminology systems in question are mainly applied, but has many features of fundamental ones. The military science terminology systems are characterized by the presence of productive terminological elements representing certain real objects: different kinds of military equipment, arms, elements, instruments, etc., that makes the case of the applied character of the terminology system, but there are also some features of the fundamental terminology system.

Keywords: military science, thematic features, structure, term, applied terminology system.

Аннотация: Статья посвящена изучению тематики и деривационной структуры терминов в рамках прикладной / фундаментальной терминосистемы. Целью работы выступает анализ основных тематических и структурных групп терминов, составляющих терминосистему сферы военного дела как преимущественно прикладную / фундаментальную. Материалом исследования послужили терминологические единицы, отобранные из печатных изданий и интернет-сайтов по тематике исследования. Основное внимание автор уделяет сравнению терминов английской и русской терминосистем военного дела и изучению особенностей каждой из них.

Ключевые слова: военное дело, тематика, структура, термин, прикладная терминосистема.

В рамках данной статьи мы предполагаем подробно рассмотреть такую специализированную лексическую подсистему современного английского языка, как терминосистему военного дела. Цель работы состоит в доказательстве отнесения последней к преимущественно прикладным или преимущественно фундаментальным терминосистемам [9; 10; 11]. Гипотеза исследования состоит в том, данная терминосистема, в связи с ее сложностью и неоднородностью, включает терминологические единицы, вербализующие понятия как относящиеся к прикладному, так и фундаментальному знанию, т.е. терминосистема сферы военного дела относится к терминосистемам смешанного типа.

В целом, военное дело – это собирательный военный термин, охватывающий теоретические и практические вопросы, связанные со строительством, подготовкой и действиями вооруженных сил государства в мирное и военное время, а также подготовкой гражданского населения на случай войны. В узком смысле военное дело – это система знаний, умений и навыков (компетенций), необходимых военнослужащим и военнообязанным для успешного выполнения своего воинского долга [12; 13; 15; 16; 19]. Даже в самих дефинициях термина присутствует указание на теоретико-прикладной характер сферы.

В зарубежных государствах термин *военное дело* как

таковой отсутствует, однако он замещается терминами *военная наука* (*военные исследования, военные науки*) (*military science(s), military studies*) или *военное искусство* (*military art*) (в России данные термины имеют отдельное значение, о чем будет сказано ниже).

В рамках анализируемой терминосистемы военного дела можно различить отдельные области – терминосферы [17; 18; 20], которые соотносятся как с практической, так и теоретической деятельностью человека: *военное строительство* (*military construction*), *военное управление* (*military management*), *военное право* (*military law*), *военная политика* (*military politics*), *военная экономика* (*military economy*), *тыл* (*home front*), *военное искусство* (*military art*), *военная наука / наука войны* (*military science*) [16; 17] и др.

Существуют две наиболее значимые иностранные модели военного дела, такие как *прусская (немецкая) модель* (Германия, Австрия, Швейцария, Венгрия, ЮАР и некоторые государства Южной Америки) (нем. *Militärwissenschaften* – военные исследования, военные науки – обозначает все, что относится к военному искусству, военным наукам и истории войн (военной истории), военных действий) и *англосаксонская модель* (США, Англия, Австралия, Канада, Новая Зеландия и другие англоязычные страны) (англ. *Military science* – военная наука, военное искусство). Военная наука включает в себя более мелкие подобласти, в частности: историю военного искусства; состав, применение сил (войск) и обучение, куда входит военная организация, структурирование сил (войск), профессиональную подготовку и военное образование; военные методы и концепции, куда относится военная история, военная доктрина и стратегия, военная география; военные системы, включающие военную разведку, военную логистику, а также военное оборудование и технику [4; 8].

Далее перейдем к детальному анализу эмпирического материала на современном английском языке, на основе которого мы выявим преимущественно прикладной или преимущественно фундаментальный характер терминосистемы военного дела. Выбор данной терминосистемы обусловлен тем фактом, что данная сфера является одной из самых древних и, особенно в прежние времена, востребованных сфер человеческой деятельности. Ключевыми понятиями, которые составляют категориальный аппарат военной науки, являются следующие: *defense / defence* (защита, оборона), *attack* (атака, наступление), *battle / combat / fight* (бой), *battle force / combat force* (боевые силы), *battle space / battlefield* (боевое пространство / поле боя), *weapon* (оружие, вооружение), *strategy* (стратегия), *tactics* (тактика) [4; 8] и т.д.

Рассматриваемая нами терминосистема, вербализующая специальные понятия сферы военного дела,

представляет собой особую систему терминологических единиц, составляющие части которой тесно переплетены между собой в плане семантики, структурно-словообразовательных особенностей, гипо-гиперонимических отношений и т.д. и используется специалистами в рамках профессиональной коммуникации. В рамках исследования мы проанализировали корпус англоязычных терминов сферы военного дела общим объемом около 1000 терминологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из специальных текстов по военной тематике, взятых из печатных и электронных источников. Объем источников составил более 70 печатных листов. Методы исследования включают контекстуальный и компонентный виды анализа, метод реконструкции структурно-словообразовательных и когнитивно-семантических моделей исследуемых единиц, методы количественной и статистической обработки данных.

Терминосистема может обладать определенными *инвариантными свойствами* [18; 21; 22; 23], и терминосистема военного дела в данном случае не является исключением. В результате анализа было выявлено, что анализируемая нами терминосистема имеет как фундаментальные, так и прикладные характеристики. В частности, среди инвариантных свойств выделяется *системность*, проявляющаяся в том, что в терминосистеме военного дела присутствуют системные терминологические элементы, подчеркивающие парадигматические (родовидовые) связи между терминологическими единицами, например: *machine gun* (пулемет), *shotgun* (дробовик, дробовое ружье), *submachine gun* (пистолет-пулемет); *military academy* (военное училище, военная академия), *military action* (боевые действия подготовительного характера, военная операция, военная акция; военные подготовительные меры, военные действия), *military activity* (деятельность вооруженных сил, военные мероприятия), *military balance* (военное равновесие, соотношение военной мощи сторон, равновесие численности вооруженных сил и вооружения), *military campaign* (боевой поход, военная акция, военная кампания, военная операция); *air attack* (воздушная атака), *all-out attack* (решительное наступление), *coordinated / concerted attack* (скоординированное наступление, согласованное наступление), *enemy attack* (наступление противника), *flank attack* (наступление с фланга), *frontal attack* (фронтальное наступление), *full-scale attack* (полномасштабное наступление, наступление по всем направлениям), *gas attack* (химическая атака), *mock attack* (ложное наступление), *pre-emptive attack* (упреждающее нападение), *torpedo attack* (торпедная атака), *wanton attack* (предательское, неспровоцированное нападение) [1; 2; 3] и т.д. В терминосистемах военного дела в современных английском и русском языках содержатся системные терминологические элементы, которые позволяют практически однозначно отнести образованные термины к военной сфере. Следует отметить, что это могут быть как классифицирующие, так

и основообразующие терминологические элементы [см. 20; 21].

Функциональность терминосистемы сферы военного дела подразумевает вербализацию специальных понятий данной сферы, определенного фрагмента научной картины мира посредством соответствующих терминологических единиц. Функциональный взгляд на термин развивается такими лингвистами, как А.С. Герд, Н.И. Фомина, К.Я. Авербух и др. Термин – это слово или словосочетание в особой функции выражения специального понятия, однако ничто языковое ему не чуждо. В отличие от общеупотребительной лексической единицы термин обладает более сложной семантической структурой, в которой сочетается традиционное лексическое (буквальное) и специальное (терминологическое) значения. Последние накладываются друг на друга, что приводит к образованию сложной семантики – «специальному терминологическому лексическому значению термина» [14: 11-13]. По сути, если у лексической единицы нет подобной функциональности, то не идет речь о термине. Сравним, например:

Airdrome (US) / Aerodrome (Br.) – *a landing field, with the necessary additional installations for servicing, arming, operating, and maintaining military aviation units* [4: 6] (**Аэродром** – взлетно-посадочная площадка с необходимыми дополнительными установками для обслуживания, вооружения, эксплуатации и технического обслуживания подразделений военной авиации).

Airdrome (US) / Aerodrome (Br.) – *(old-fashioned) a small airport* [7] ((устар.) маленький аэропорт).

Как видим, в первой дефиниции четко прослеживается отнесение к военной сфере, при этом наблюдается общее лексическое значение (*a landing field – a small airport*).

Структурно-словообразовательное многообразие анализируемой терминосистемы проявляется в наличии различных по морфолого-синтаксической структуре типов терминов (простых (непроизводных), производных, сложных, осложненных аффиксами, терминов-словосочетаний, инициальных аббревиатур и сокращений т.д.). Данная характеристика терминосистемы скорее говорит о принадлежности последней к смешанному типу, т.е. содержащей признаки как фундаментальных, так и прикладных терминосистем. В прикладных терминосистемах, в отличие от фундаментальных, больше одно- и двухкомпонентных терминов, аббревиатур и сокращений, которые удобны в практическом применении. Как и в прочих терминосистемах специальных сфер человеческой деятельности и знания, с одной стороны, наблюдается тенденция к увеличению числа терминологических элементов – формирование многокомпонентных терминов (например, *fighter bomber* – истребитель-бомбардировщик, *Royal Air Force* – военно-воздушные силы Великобритании, *military bases on foreign soil* – военные базы за

рубежом и др.), а с другой стороны, активное применение речевой (языковой) экономии, стремление к аббревиации и сокращению.

Последняя тенденция в большей степени характерна для прикладных терминосистем, при использовании которых важна скорость коммуникации, например: *AA* – *Air-to-Air* (военно-воздушный, класса «воздух-воздух»), *AAM* – *Air-to-Air Missile* (ракета класса «воздух-воздух»), *ACC* – *Air Combat Command* (авиационное боевое командование), *BCT* – *Basic Combat Training* (основная боевая подготовка), *BZ* – *Buffer Zone* (буферная зона), *CC* – *Command & Control* (командование и управление), *DA* – *Double Agent* (двойной агент), *DEERS* – *Defense Enrollment Eligibility Reporting System* (Оборонная система учета прав на участие), *EH* – *Explosive Hazard* (опасность взрыва), *FV* – *fighting vehicle* (боевой военный автомобиль; военный автомобиль, предназначенный для боевых действий), *GCI* – *Ground-Controlled Intercept* (перехват при наведении с земли), *HEB* – *high explosive bomb* (фугасная бомба), *ICBM* – *intercontinental ballistic missile* (межконтинентальная баллистическая ракета), *JOA* – *Joint Operations Area* (зона проведения совместной операции), *LGB* – *Laser-Guided Bomb* (бомба с лазерным наведением), *MAJ* – *Major* (майор), *MOB* – *Main Operating Base* (главная оперативная база), *NBI* – *Nonbattle Injury* (ранение, полученное не в результате боевых действий), *NBC* – *Nuclear, Biological and Chemical* (ядерный, бактериологический, химический (об оружии и средствах защиты от него)), *OC* – *Operations Center* (оперативный центр), *OPCON* – *Operational Control* (оперативное управление), *PAR* – *Population at Risk* (группа риска), *Recce* – *Reconnaissance* (разведка, расследование; поиск, рекогносцировка), *SAC* – *Strategic Air Command* (стратегическое воздушное командование), *SSM* – *Surface-to-Surface Missile* (ракета класса «земля-земля»), *USAG* – *United States Attorney General* (государственный прокурор США, федеральный прокурор США), *USW* – *Undersea Warfare* (подводная война), *VHA* – *Veterans Health Administration* (Управление по вопросам (по делам) здравоохранения ветеранов), *VTOL* – *Vertical Take-Off and Landing* (вертикальный взлет и посадка), *WEZ* – *Weapon Engagement Zone* (зона применения оружия), *ZF* – *Zone of Fire* (зона огня) и т.д. [1; 4; 5; 6] и др. В рамках данных примеров мы видим различные типы аббревиатур и сокращений, главным образом, инициальные, включая акронимы, с различным числом компонентов-терминологических элементов. Лаконичность и удобство использования аббревиатур, особенно в письменном виде, очевидно. Здесь также прослеживается прикладной характер терминосистемы военного дела.

В результате анализа отобранных терминологических единиц было определено, что образование многокомпонентных единиц основано на использовании как продуктивных, так и малопродуктивных терминологических элементов. Например, для терминосистемы военного дела продук-

тивными являются следующие терминыэлементы: **battle** (бой, битва; боевой) – **battle area** (поле боя, полоса военных действий, район военных действий, район боя, зона военных действий, зона боевых действий, район боевых действий), **battle position** (боевое расположение (войск), оборонительная позиция, первая полоса обороны, район боевых действий, район обороны, боевая позиция), **battle field** (поле боя, полоса военных действий, район военных действий, район боя, зона военных действий, зона боевых действий, район боевых действий), **battle skills** (боевые навыки), **battle fleet** (военный флот), **battle front** (передний край, линия фронта), **battleground** (место сражения, поле битвы, поле боя, арена боя, район боя, арена боевых действий, зона проведения боевых операций, район боевых действий), **battle group** (боевая группа, ударная группа, тактическая группа); **attack** (атака; атакующий) – **attack position** (позиция для атаки, исходная позиция для атаки, исходное положение для наступления, исходный район), **attack potential** (возможности поражающего действия, наступательные возможности, огневые возможности), **attack plan** (план наступления, план нанесения удара, план нападения), **attack ship** (атакующий корабль), **attack weapon** (наступательное оружие, ударное оружие); **attacker** (атакующая сторона), **aerospace attack** (удар воздушно-космических средств, удар средств воздушно-космического нападения), **air assault attack** (воздушно-штурмовая атака), **air attack** (воздушный налет) [1; 2; 5; 6] и др. Как видим, продуктивность терминыэлемента также проявляется в том, что он может применяться как в качестве классифицирующего, так и в роли основообразующего. В то же время малопродуктивными для анализируемой сферы следует признать такие терминыэлементы, как, в частности: **slope** (уклон, отклон) – **reverse slope** (обратный отклон, обратный скат, обратный уклон); **shock** (шок; шоковый) **shockaction** (психологическое воздействие, ударная сила снаряда, пули); **propelling charge** (метательный заряд, пороховой заряд, вышибной заряд); **topographical crest** (топографический гребень (высоты)) [2; 3; 5; 6] и др. Кроме того, почти все приведенные выше в качестве примера продуктивные терминыэлементы выступают в качестве системных для сферы военного дела.

В рамках терминосистемы сферы военного дела продуктивными являются терминыэлементы, обозначающие как реально существующие объекты (например, оружие, снаряды, установки, машины и др.): **armored vehicle** (бронированный автомобиль), **gun** (пушка, орудие, ружье, револьвер, пулемет, мушкет, пушка для забивки летки и др.), **tank** (танк), **bullet** (пуля), **rifle** (винтовка) и др., что говорит о ее прикладном характере, а с другой стороны, частотно встречаются терминыэлементы, обозначающие теоретические, абстрактные понятия, идеальные феномены, такие как, например: *international security* (международная безопасность), *peacekeeping* (поддержание мира, сохранение мира, восстановление мира), *military*

education (военное образование), *Military Air Transport Service* (военная авиационная транспортная служба), *military assistance program country code* (кодовое обозначение страны по программе оказания военной помощи), *military balance* (военное равновесие), *national military strategy* (национальная военная стратегия), *general military mobilization* (общая мобилизация), *military aircraft weather code* (метеорологический код военной авиации), *military alert system* (военная система тревог, военная система тревожного оповещения) [1; 4; 5; 6] и т.д., которые являются, скорее, характеристикой для терминологии фундаментальных наук.

Значительный возраст сферы военного дела свидетельствует о преимущественно фундаментальном характере обслуживающей ее терминосистемы, однако при этом она имеет некоторые черты прикладного характера. Терминосистема сферы военного дела ведет свою историю с древнейших времен. Военные действия предпринимались еще на заре возникновения общественно-политических отношений между отдельными племенами, народами и целыми странами. Военные действия – это практическая, прикладная деятельность человека, несмотря на то что она в значительной мере базируется на теоретических выкладках, выработке стратегий и тактик, военной теории, разработанных в результате долгой и плодотворной работы специалистов в данной области.

В связи с продолжительным существованием сферы военного дела в последней наличествует достаточно значительное количество **терминов-историзмов** и **терминов-архаизмов**, что является характеристикой преимущественно прикладных терминосистем. Приведем некоторые примеры англоязычной архаичной лексики сферы военного дела: *bane* (арх. яд), *cannonade* (арх. канонада, орудийный огонь, огонь, обстрел); пушечная стрельба), *watchword* (арх. пароль, дежурное слово), *man-at-arms* (арх. солдат), *casque* (истор. шлем, каска), *semaphore* (истор. сигнализация флажками, флажный семафор, ручная сигнализация (флажками, фонарями)), *Outremer* (истор. иностранные государства), *equitator* (всадник, наездник, конник), *casemate* (каземат, бронированное прикрытие без верхней брони, контрэскарповая галерея), *mantelnet* (мантилья, защитная сетка (над огневой точкой), прикрытие для наблюдателя, ставень амбразуры, мантелет, переносный щит), *sutler* (маркигант), *ordnance* (артиллерия, артиллерийские орудия, боеприпасы), *overture* (попытка примирения), *caesura* (цезура), *cantonment* (размещение по квартирам, расквартирование (войск), военный городок, казармы), *fosse* (ров, наполненный водой), *panoply* (доспехи), *batter* (артиллерийский обстрел, канонада), *treasurehouse* (сокровищница, казначейство, казна), *flotilla* (флотилия), *postilion* (форейтор), *equerry* (конюший), *appel* (аппель), *bivouac* (бивак, бивуак), *gonfalon* (знамя), *marque* (капер),

fusillade (стрельба, расстрел), *commissariat* (комиссариат, совет уполномоченных представителей, интендантство, продовольственное снабжение армии), *echelon* (эшелон) [2; 3; 5; 6] и т.д.

О прикладном характере терминосистемы можно также говорить при наличии процессов детерминации, которым подвергаются вербализаторы видовых понятий. В частности, в анализируемой англоязычной терминологии сферы военного дела к детерминированным терминам относятся следующие единицы, например: *battle area / battle field / battle ground* (поле боя / район боя), *close combat* (ближний бой), *counter attack* (контратака), *delaying action* (сдерживающие действия), *dangerspace* (зона опасности), *machinegun* (пулемет),

limiting point (крайняя точка, граничная точка; предельная точка), *protective fire* (прикрывающий огонь, огневая поддержка) [2; 4; 5; 6] и др.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что рассматриваемая терминосистема сферы военного дела представляет собой особую языковую подсистему, имеющую черты как фундаментальных, так и прикладных терминосистем в том, что касается возраста, структурно-словообразовательных моделей, семантики, наличия продуктивных / малопродуктивных терминоэлементов, терминов-историзмов и архаизмов, детерминированных единиц. Терминосистема военного дела – это терминосистема смешанного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мультитран. Электронный словарь. URL: <https://www.multitrans.com/> (дата обращения: 01.09.2020).
2. A list of historical military terms. URL: <https://timothyjveland.com/2018/02/22/a-list-of-historical-military-terms-60-rare-words/> (дата обращения: 01.09.2020).
3. ABBYY Lingvo Live. Online Dictionary. URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения: 01.09.2020).
4. British Military Terminology. Prepared by Military Intelligence Service. Special Series. № 13. Washington, 1943. 217 p.
5. Glossary of Common Military Terms. URL: https://www.mhawisconsin.org/Data/Sites/1/media/Veterans/common_military_terms.pdf (дата обращения: 01.09.2020).
6. Military Acronyms. URL: <https://militarybenefits.info/military-acronyms/> (дата обращения: 01.09.2020).
7. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/aerodrome?q=aerodrome> (дата обращения: 01.09.2020).
8. Peden G.C. Arms, Economics and British Strategy. From Dreadnoughts to Hydrogen Bombs. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 400 p.
9. Акаева Х.А., Алимуратов О.А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 200-211.
10. Акаева Х.А., Алимуратов О.А., Лату М.Н. Прикладные и фундаментальные терминосистемы как взаимокоррелирующие вербальные основы профессиональной коммуникации: к постановке проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 40-45.
11. Алимуратов О.А., Чернышенко А.Г. Прикладная терминосистема с функциональной точки зрения: терминологический компонент англоязычного дискурса медиации // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 408-415.
12. Военное дело // Военный энциклопедический словарь. М.: Военное изд-во Министерства обороны союза СССР, 1986. С. 139. (863 с.)
13. Военное дело // Советская военная энциклопедия. М.: Военное изд-во Минобороны СССР, 1979. Т. 2. С. 210.
14. Герд А.С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. Л., 1981. 110 с.
15. Горкин А.П. Военное дело // Военный энциклопедический словарь / Гл. ред. А.П. Горкин. М.: Большая российская энциклопедия, 2001. Т. 1. С. 305. (848 с.)
16. Грачев П.С. Военное дело // Военная энциклопедия. М.: Военное изд-во, 1994. Т. 2. С. 149.
17. Князев Н.А., Лату М.Н. Продуктивные терминологические элементы терминов арtilлерии и стрелкового оружия в военной терминологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1-4. С. 945-950.
18. Лату М.Н., Алимуратов О.А. К вопросу об универсальных и индивидуальных характеристиках терминосистем (на материале англоязычной военно-исторической терминологии) // Язык. Текст. Дискурс. 2008. № 6. С. 250-255.
19. Прохоров А.М. Военное дело // Большая советская энциклопедия: [в 30 т. Т. 5. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 217.
20. Раздубов А.В. Основные характеристики языка для специальных целей // Университетские чтения - 2010. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. 2010. С. 90-95.
21. Раздубов А.В., Алимуратов О.А. Некоторые антропоцентрические параметры терминологической номинации (на материале терминов-эпонимов сферы нанотехнологий) // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 580-591.
22. Шарафутдинова Н.С. Лексико-семантические процессы в немецкой авиационной терминосистеме. Ульяновск: УлГТУ, 2016. 204 с.
23. Cabré M.T. Terminology. Theory, methods and applications. Ed. by J.C. Sager. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. 262 p.

© Акаева Хамсат Абасовна (khamsat.akaeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

Атаев Борис Махачевич

Д.филол.н., профессор, Г.н.с., ИЯЛИ ДФИЦ РАН (г. Махачкала)

bm_ataev@mail.ru

Ибрагимова Мариза Оглановна

Д.филол.н., доцент, В.н.с., ИЯЛИ ДФИЦ РАН (г. Махачкала),

mariza71@mail.ru

SOME ASPECTS OF FORECASTING SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF DAGESTAN LANGUAGES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

**B. Ataev
M. Ibragimova**

Summary: The article discusses the development of Dagestan languages in the context of globalization, suggests the most obvious scenarios of the evolution of the language situation for the next decade. As a starting point, the qualitative and quantitative characteristics of the signs of the current situation in the Republic of Dagestan are determined. The analysis made it possible to conclude that solving the problems of preservation and development of Dagestan languages requires improving the language legislation at the state level in order to avoid the development of unresolved language problems into larger ones that complicate the socio-political situation in the region.

Keywords: Dagestan languages, language situation, forecasting of language development, linguistic ecology, revitalization of languages.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы перспектив развития дагестанских языков в условиях глобализации, предложены наиболее очевидные прогностические модели языковой ситуации на ближайшее десятилетие. В качестве отправной точки определены качественные и количественные характеристики признаков языковой ситуации в Республике Дагестан. Проведенный анализ позволил заключить, что решение проблем сохранения и развития дагестанских языков требует совершенствования языкового законодательства на государственном уровне во избежание перерастания нерешенных языковых проблем в более масштабные, осложняющие общественно-политическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: дагестанские языки, языковая ситуация, прогнозирование развития языков, лингвистическая экология, ревитализация языков.

Языковая ситуация в Дагестане – это исторически сложившееся по своим законам социолингвистическое явление, на которое политико-административные границы не оказывали существенного влияния. Данная ситуация в Дагестане начиная с XVI-XVII вв. до начала тридцатых годов XX в. оставалась, в сущности, стабильной. Однако по мере возникновения письменности на тех или иных дагестанских языках и расширения сфер употребления литературных языков и региональных языков межнационального общения она поступательно усложнялась и становилась разнообразной в своих количественно-качественных параметрах.

Языковые единицы – двадцать восемь языков и более ста диалектов и говоров – имеют значительные расхождения по количеству носителей и обслуживаемым коммуникативным сферам. Ситуация усложняется наличием определенных различий и в функционировании

доминирующих литературных языков.

Качественные признаки языковой ситуации проявляются в различиях языков по статусу: четырнадцать письменно-литературных языков, признанных государственными языками Республики Дагестан, и четырнадцать бесписьменных языков с минимальными общественными функциями. При этом языки с равным статусом могут иметь разный уровень функционирования: так, факт хронологически позднего создания письменности на агульском, рутульском и цахурском языках (в 1990 году) обусловил ситуацию обслуживания ими меньшего числа социальных сфер на фоне других письменных языков республики.

Качественные и количественные характеристики дагестанских языков, прошлый опыт их эволюции и функционирования позволяют предположить, что развитие языковой ситуации в ближайшее десятилетие в полиэтническом Дагестане будет основываться на следующих сценариях:

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

1. Непростая ситуация в языковой сфере и опасность за сохранность самоидентификации приведет к росту числа дагестанцев, заинтересованных в сохранении языка своего этноса (письменного или бесписьменного), обучении детей родному языку в семье и школе.

Современные дагестанские языки представляют собой достаточно пеструю картину не только с точки зрения их структурного своеобразия или же сложности генетических взаимоотношений, но и в плане социального статуса. Можно выделить следующие группы языков, обнаруживающих примерно равные социальные условия функционирования:

1. литературные языки, на которых ведется преподавание в начальной школе, изучаемые как предмет в средней и высшей (по филологическим специальностям) школе, на которых издается художественная, общественно-политическая и методическая литература, издаются объекты периодической печати и др.: аварский, даргинский, лезгинский, лакский и табасаранский, чеченский; в том числе новописьменные языки, получившие этот статус в 1990 году: агульский, рутульский, цахурский, которые имеют более узкую сферу функционирования;
2. бесписьменные языки с определенным ареалом распространения: андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский, цезский, бежтинский, хваршинский; в эту же группу можно включить бесписьменные языки, носители которых локализованы в одном селе: арчинский, гинухский, гунзибский;
3. идиомы, традиционно считавшиеся диалектами, носителями которых являются малочисленные народы: кайтагский, кубачинский, чирагский, тукитинский и др., о статусе которых среди лингвистов еще не выработалось единое мнение.

Витальность бесписьменных языков, на наш взгляд, связана с сохранением традиционной среды проживания их носителей: в труднодоступных горных районах в качестве языков семейно-бытового общения они остаются вне конкуренции, несмотря на интенсивное давление литературных языков, функционирующих в сфере образования, массовой коммуникации, в официальных органах и т.п. Особенно очевидной становится роль данного фактора при сравнении уровня владения вторым языком в традиционных местах проживания бесписьменных народностей и в новых поселениях в равнинных местностях Дагестана, где молодежь, понимая родной язык, не говорит на нем. Характеризуя подобные ситуации, М.Е. Алексеев отмечает, что «языковые коллективы, проживающие компактно и относительно замкнуто, менее подвержены процессам перехода на другие языки, в то время как активное иноязычное окружение заметно ускоряет эти процессы» [1, с. 36].

Одним из важных условий, необходимых для стабилизации лингвистической ситуации, специалисты называют введение письменности, что позволит определенным образом законсервировать оригинальную лексику и своеобразные грамматические конструкции. При этом важно учитывать, что фиксация данных в научных грамматиках и словарях не способна заменить живой язык, являющийся неотъемлемой частью духовного богатства человечества [4, с.118].

Как показывают исследования, неминуемого исчезновения бесписьменных языков малочисленных народов путем слияния с языком более многочисленного народа в Дагестане не наблюдается. [1, с. 36]. Бесписьменные языки Дагестана функционируют в своих узких сферах общения, представители этих языков, владея, к примеру, и литературным языком, являются носителями диглоссии. Знание русского языка делает их носителями национально-русского двуязычия.

2. Максимально расширится круг носителей национально-русского двуязычия, в связи с чем повысится интерес к овладению русским языком в совершенстве.

По причине многоязычия Дагестана в городах республики все социальные институты и культурные учреждения, за исключением национальных театров и редакций СМИ на дагестанских языках, функционируют на русском языке, который является языком межнационального общения.

Преобладающая часть аварского населения в силу этнолингвистических реалий трех-, четырех- и даже пятиязычна: примерами могут служить гунзибско-бежтинско-аварско-грузинско-русское или чамалинско-тиндинско-аварско-чеченско-русское пятиязычие. Постепенно русский язык вытесняет другие элементы многоязычия, которые становятся необязательными в связи с естественной ролью русского языка, которую последний играет в этом регионе.

При всем многообразии типов двуязычия, с которым имеют дело дагестанские реалии, ведущее положение занимает национально-русский тип двуязычия, обладающий тенденцией к неуклонному росту. Так, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года из 78,6% дагестанского коренного населения, обращающегося на практике ко второму из неродных языков, 70,3% приходится на национально-русское двуязычие и лишь 7,3 % имеет дело со вторым из нерусских языков. Любопытен такой факт: «количество коренного населения Дагестана, считающего родным язык своей национальности, заметно растет и составляет около 96%. Параллельно идет процесс роста числа лиц, свободно владеющих русским языком, таковых здесь насчитывается свыше 70% от

общего числа коренного населения» [2, с. 27].

Билингвизм в идеале предполагает юридическое равноправие, одинаковое владение обеими языковыми стихиями, максимально разумный, справедливый учет интересов каждого из языков, плодотворное пользование ими в духовной и социальной практике. При этом проблема реализации равноправных начал в рамках двуязычия заключается в невозможности равнозначности объема и характера выполняемых ими общественных, социальных и духовных функций.

3. В силу отсутствия таких социальных сфер, с которыми бы не справилось национально-русское двуязычие и которые потребовали бы непрямого постижения новых языков широкими слоями народа, арабский и азербайджанский языки не получают массового распространения в Дагестане.

Исторически сложилось, что в Дагестане функционировали нескольких языков межнационального общения: духовные лица разных национальностей осуществляли переписку и устное общение на арабском языке. Торгово-экономическую, хозяйственно-деловую сферу в разные периоды и в разных регионах республики обслуживали азербайджанский и кумыкский языки. В роли локально ограниченного средства межэтнического общения носителями бесписьменных аваро-андо-цезских языков использовался и поныне продолжает использоваться аварский язык; в некоторых регионах южного Дагестана аналогичную функцию в прошлом выполняли азербайджанский и лезгинский языки.

Арабский и азербайджанский языки, исторически обслуживавшие определенные сферы жизни дагестанского общества (религиозную, межнационального общения), не расширяют области функционирования, в некоторых случаях наблюдается их сужение (например, процесс утраты былых позиций азербайджанским языком был ускорен после появления границ между Россией и Азербайджаном вследствие распада СССР и хронологически параллельного принятия алфавитов для рутульского и цахурского языков).

4. В связи с вовлечением дагестанцев в международные предпринимательские связи необходимость знания иностранных языков, особенно английского, станет очевидной.

Овладение иностранным языком станет показателем образованности, дополнительным аргументом для успешного трудоустройства.

5. Останется актуальной проблема изучения родного языка горожанами-билингвами, так как равно-

весия между суверенным правом личности на выбор языка общения, образования и интересами сохранения этногенофонда малочисленных народов можно достичь только посредством соответствующих экономических и социально-культурных стимулов, создание которых (например, перевод преподавания в городской школе на дагестанские языки) в ближайшей перспективе неосуществимо. Предлагаемые консервативные меры, в числе которых обязательные экзамены во всех учебных заведениях, будут малоэффективны.

Социолингвистическое обследование, проведенное в городах республики, позволило выявить, что «количество нерусских детей в городских школах, совершенно не владеющих родным языком, достигает 17–18% и слабо владеющих родным – 20%. Из 1000 опрошенных учащихся-дагестанцев 3–4-го классов 650 не смогли рассказать сказку своего народа и спеть песенку на родном языке. Более 75% из 3 тыс. старшеклассников признались, что не читают и не пишут на родном языке, а 85% не слушают национальные радиопередачи. Лишь 22,7% детей, например, лакцев, проживающих в городах республики, могут сегодня свободно изъясняться на родном языке» [2, с. 176]. Реальная угроза потери этноязыкового лица народами Дагестана становится очевидной, если учесть, что в городах проживает более 40% дагестанского населения.

6. Лингвисты-дагестановеды и языковые активисты будут выдвигать обоснованные аргументы для придания статуса отдельных языков идиомам, традиционно считавшимся диалектами.

Обособленность и самобытность некоторых идиомов даргинского языка (кубачинского, кайтагского, мегебского, чирагского и др.) и весьма значительные различия между ними позволяют исследователям (А.А. Магометову, С.М. Хайдакову, Р.О. Муталову, Ю.Б. Корякову и др.) квалифицировать их в качестве самостоятельных бесписьменных языков, т.е. рассматривать даргинский не как единый язык, а как группу родственных языков, включающих два [7; 9], шесть [8, с. 20-21], пятнадцать языков [6, с. 140].

7. Специфика полиэтнического региона не позволит требовать от граждан других национальностей, живущих в Дагестане, чтобы они овладели одним из местных языков (по выбору). Такое требование, вполне оправданное в мононациональном регионе, в Дагестане будет выглядеть бессмысленным капризом некомпетентных людей, так как нет сфер общения, обслуживаемых русским языком в недостаточной мере. Алогизм постановки вопроса изначально заложен в скобочной конкретизации «по выбору» при отсутствии критериев выбора.

8. Останется открытым вопрос о принятии республиканского закона о языках, так как процедура проведения мероприятий по составлению и обсуждению текста закона еще не запущена.

Нет определенности в вопросе перечня языков, которые республиканской Конституции называются «языками народов Дагестана»: кроме письменных и новописьменных (агульского, рутульского, цахурского), относятся ли к этой категории бесписьменные языки и генетически дагестанские языки народов, проживающих в Азербайджане и Грузии (будухский, крызский, удинский, хиналугский), как определить статус идиомов, которые лингвисты квалифицируют двояко: как языки или как диалекты?

Принятие «Закона о языках народов Дагестана» предполагает решения сложной задачи по определению государственного языка / государственных языков, так как предложить конкретные пути для решения языковой проблемы можно лишь исходя из формулировки этого пункта.

Реалии современности позволяют констатировать, что в полной мере функцию государственного языка в республике выполняет только русский язык, являющийся самым востребованным языком межнационального общения в Дагестане, о чем свидетельствует владение им более 90 % населения.

Полагаем, что в уникальной полилингвальной респу-

блике для создания условий для самобытного развития языков следует принять «Закон о языках Республики Дагестан», учитывающий в полной мере этноязыковую специфику региона и при этом не противоречащий федеральному закону.

С целью исключения разночтений в «Законе» должен быть приведен полный список всех языков Дагестана и проведена четкая дифференциация между понятиями «государственный язык», «письменный язык», «бесписьменный язык» [3, с. 128-129].

Для научного решения языковых вопросов необходимо выработать единую республиканскую государственную концепцию языковой политики с привлечением специалистов. Важность таких шагов прописана и в Законе «О языках народов Российской Федерации», предполагающем проведение «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» [5].

Изложенное выше позволяет заключить, что решение проблем сохранения и развития родных языков требует совершенствования языкового законодательства на государственном уровне, так как нерешенные или некомпетентно трактуемые языковые проблемы перерастают в более масштабные – национальные, осложняя межэтнические отношения и общественно-политическую ситуацию в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.Е. Языки малочисленных народов СССР: современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1991 гг. М.: ИНИОН, 1992. С. 34-42.
2. Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2012. 290 с.
3. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Национально-языковая политика в Дагестане: современное состояние и перспективы // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2020, № 3 (32). С. 126-132. DOI: 10.25693/SVGV.2020.32.3.013
4. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Перспективы развития дагестанских языков в контексте языковой ситуации на Кавказе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. - № 02/2. - С. 116-120. DOI 10.37882/2223-2982.2021.02-2.03
5. Закон РФ от 12.10.1991 №1807-1 «О языках народов Российской Федерации».
6. Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова – М.: Буки Веди, 2021. – С. 139-154.
7. Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1963. 342 с.
8. Муталов Р.О. Классификация даргинских языков и диалектов // Социоллингвистика, 2021. № 3 (7). С. 8-25. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-8-25.
9. Хайдаков С.М. Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения. М.: Наука, 1985. 216 с.

© Атаев Борис Махачевич (bm_ataev@mail.ru), Ибрагимова Мариза Оглановна (mariza71@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

LINGUISTIC FOUNDATIONS OF CAUSE AND EFFECT RELATIONSHIPS IN TAJIK LANGUAGE

Z. Boboeva

Summary: The article is devoted to the cause-and-effect relationships of the Tajik language. In linguistic literature, causal relationships are characterized mainly in the analysis of complex sentences. Here we talk mainly about subordinate clauses of cause and effect. In particular, author notes adverbial clause of cause, adverbial clause of result. She also indicates the functioning of the circumstance of cause and effect. She determines these two concepts at the level of a simple and complex sentence in isolation, i.e. their relationship is not taken into account.

Keywords: linguistics, sentence, clauses, causes, consequence, syntax, simple sentences, levels, relations, circumstance.

Бобоева Зайнура Хомитжоновна

Доцент, ГОУ "ХГУ имени академика Бабаджана Гафурова",
Таджикистан, Худжанд
z.boboeva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена причинно-следственным отношениям таджикского языка. В лингвистической литературе причинно-следственные отношения характеризуются в основном при анализе сложноподчинённых предложений. Здесь говорится в основном о придаточных предложениях причины и следствия. В данной статье автором рассмотрены придаточные предложения причины и придаточные предложения следствия (adverbial clause of cause, adverbial clause of result). Она указывает также на функционирование обстоятельства причины и следствия. Автор рассматривает эти два понятия на уровне простого и сложного предложения изолированно, т.е. не учитывают их взаимосвязь.

Ключевые слова: лингвистика, предложение, придаточные предложения причины и следствия, синтаксис, простое предложение, отношения, обстоятельство.

В лингвистической литературе причинно-следственные отношения характеризуются в основном при анализе сложноподчинённых предложений. Здесь говорят в основном о придаточных предложениях причины и следствия. В частности, М.А. Ганщина и Н.М. Василевская отмечают придаточные предложения причины и придаточные предложения следствия (adverbial clause of cause, adverbial clause of result). [1, 420-421]. Они указывают также на функционирование обстоятельства причины и следствия. [1, 380]. Эти авторы рассматривают эти два понятия на уровне простого и сложного предложения изолированно, т.е. не учитывают их взаимосвязь. То же самое наблюдается в учебнике по "синтаксису таджикского языка для ВУЗов, где на пол странице дается **интерпретация придаточных предложений причины и следствия** [2, 236-243], а при анализе типов обстоятельства упоминается только обстоятельство причины, а обстоятельство следствия вовсе не упоминается. [2, 163]. Только в кандидатской диссертации Ш. Рустамова кратко говорится о причинно-следственных отношениях в сложноподчинённых предложениях. [3, 11-12]

Между тем, следует всегда рассмотреть понятия причины и следствия в неразрывном единстве, так как Ф. Энгельс писал: "Причина и следствие тесно связаны между собой и событие, которое в одном случае представляется причиной, а в другом совершается как следствие". Поэтому в онтологическом, логическом, и в лингвистическом плане эти два понятия должны рассматриваться в диалектическом единстве.

В лингвистическом плане причинно-следственные отношения находят совместное выражение в пределах одного или более предложений. Средства их выражения являются разно уровневными. В их выражении участвуют лексические, морфологические, синтаксические и сверхфразовые единицы или даже целостный текст. Нельзя так же не упоминать фонетическую маркировку причинно-следственных отношений, маркером которых выступает главным образом интонация и частично логическое ударение.

1. **К лексическим средствам** выражения относятся некоторые слова обозначающие понятия причины и следствия. Здесь можно упомянуть английское слово **to cause** и его таджикский эквивалент **сабаб шудан** или английское слово **why** и таджикское слово **чаро** и т.д.

2. В качестве **морфологических средств** выражения причинно-следственных отношений могут выступать:

- некоторые союзы сопоставляемых языков **because** - зеро, **for** - чунки и др;
- несколько предлогов: **for** - барои, **because of** - бо сабаби и т.д.;
- причастия и причастные обороты: **not knowing** - надониста, **remembering** - ба ёд оварда и т.д.

3. Различные **синтаксические средства**. К ним относятся сложноподчинённые предложения, сложносочинённые предложения, предложно - именные конструкции и т.д.

Здесь следует особо подчеркнуть, что в сложных предложениях для выражения причинно-следственных отношений основную роль играют не только союзы и союзные слова, но и лексический состав обеих частей двух типов сложных предложений. Эти два типа отношений проявляются не только в союзных сложносочинённых и сложноподчинённых предложениях, но и в бессоюзных типах гипотаксиса и паратаксиса.

4. В **сверхфразовых единствах** причинно-следственные отношения могут выражаться эксплицитно и имплицитно. В качестве имплицитных средств связи выступают логическая связь между мыслями, выраженными двумя или более самостоятельными предикативными единицами, контекст и пресуппозиционные условия.

К имплицитным средствам относится смысловая связь между самостоятельной предикативной единицей, начинающейся с каузальным союзом и предыдущим предложением. Такая связь обнаруживается в структуре СФЕ. В качестве примера можно привести следующие примеры из сопоставляемых языков:

Аспони шахтаро нигохубин карданд. Чунки дилашон гувоҳӣ медод: вақташ мерасаду кор дар Шӯроб ба душ мезанад. Аспҳо ҳам даркор мешаванд. (7, 118)

It would be hard to keep your model republics going without the countrymen and countrywomen of those two labourers. For who else would dig, and delve, and drudge, and do domestic work, and make canals and roads, and execute great lines of international improvement? (12, 85)

Под эксплицитными средствами связи следует понимать те лексические, морфологические и синтаксические средства, которые находят свое явное выражение в поверхностной структуре моно предикативных, и поли предикативных предложениях.

В следующих примерах из сопоставляемых языков имеются эксплицитные средства связи причинно-следственных отношений:

Модарам бинобар бемориаш он сол шинни тут пухта натавониста як чуволча тутмавиз карда монда буд. (С.Айни, Ёддошхо, 159)

This being before breakfast, rather disposed me, I confess, to nausea; (12, 117)

В таджикском примере в качестве эксплицитного средства выражения причины выступает предлог *бинобар*, а в английском языке в качестве такового выступает абсолютный причастный оборот "this being before breakfast". В обоих языках в данном случае имеются свернутые предикаты: *бинобар бемориаш* и *this being before breakfast*. Их развернутым вариантом должно было быть: *бинобар он ки у бемор буд*, а в английском языке развернутый вариант выглядит в следующем виде *as it was before*

breakfast и т.д.

В этих и тому подобных синтаксических конструкциях понятие следствия находит свое выражение при помощи развернутой предикативной конструкции. Благодаря этой конструкции раскрывается смысл свернутого предиката.

Под **имплицитным средством связи** причинно-следственных отношений понимаются те предполагаемые мыслительные средства, которые не находят своего явного выражения в поверхностной структуре моно предикативных и поли предикативных языковых единиц. В качестве примера можно привести следующие два предложения из сопоставляемых языков:

Аз фикр кардани ин ки акнун душманони мо фақат чордах нафар монданд, шод мешудам. (6, 146)

The old man laughed awkwardly and rubbed the counter hard. Isaac started at this father in amazement. (8, 173)

Как видно, в таджикском примере имеются две мысли: 1) наших врагов осталось только четырнадцать человек и 2) думая об этом я радовался. Эти две мысли связаны в одно сложное предложение, связанное без всяких грамматических средств, но при чтении этого предложения читатель чувствует смысловую связанность этих двух пропозиций. Это значит, что связь между этими двумя логическими предикатами можно установить из лексического состава этих двух предикатов на уровне возникшего смысла.

В английском примере также имеются две предикативные единицы, которые раздельно оформлены: одна предикативная единица выражает причину, а другая - следствие, т.е. первое предложение, указывает на причину, а второе - на следствие. Наличие этой связи чувствуется от суммы смыслов этих двух предикативных единиц.

Таким образом, причинно-следственные отношения существуют в реальной действительности. Они встречаются в одной изолированной ситуации как две взаимосвязанные явления. Человек, ощущая их, в своем мышлении объединяет их в одну причинно - следственную зависимость. Но они составляют две пропозиции, которые находят свое выражение при помощи разноуровневых единиц. Для установления связи между причиной и следствием в языке функционируют эксплицитные и имплицитные средства связи. Эксплицитные средства носят специализированный статус, а имплицитные средства должны считаться неспециализированными. В последующих главах диссертации они будут проанализированы в сопоставительном плане на материалах английского и таджикского языков и будут выявлены изоморфизм и алломорфизм в этой сфере языкового континуума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ganshina M.A., Vasilevskaya N.M. English Grammar. – M. Higher school publishing house, 1964, p. 56-59
2. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, ҷ. III. Душанбе: Дониш, 1986. 246 с.
3. Рустамов Ш. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины в современном таджикском литературном языке. АКД. Душанбе, 1964. -28 с.
4. Айнӣ С. Ёддоштҳои (қисми 1 ва 2). Душанбе: Адиб, 1990. -352 с.
5. Айнӣ С. Асарҳои мунтахаб. Сталинобод, 1949. -423 с.
6. Айнӣ С. Дохуда. Душанбе: Ирфон, 1984. -428 с.
7. Лолаҳои кӯҳсор. Очеркҳо. Душанбе: Адиб, 1987, 135 с.
8. Mark Twain. The Adventures of Tom Sawyer. Dushanbe, 1951. – 300p.

© Бобоева Зайнура Хомитжоновна (z.boboeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХГУ имени академика Бабаджана Гафурова

РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Борисова Алиса Сергеевна

Аспирант, Шанхайский университет
иностранных языков
borisova.alisa@mail.ru

THE ROLE OF JOURNALISM IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE SILVER AGE

A. Borisova

Summary: The article describes the topic that has not been sufficiently studied yet - the influence exerted by literary magazines on the formation of Russian modernism. In the late nineteenth and early twentieth century in Russia there was a strong relationship between the literary process and journalism. Newspapers and magazines played an important role in the development of modernist literature of the Silver Age. The representatives of the new cultural movements were faced with the task of explaining the new ethical principles and their own understanding of artistry to the world. The journalism of this period contributed to the successful promotion of the ideas of the «new» culture among the public.

Keywords: Russian literature, Russian journalism, Silver Age, modernism, literary magazines.

Аннотация: В статье рассматривается недостаточно изученный на данный момент вопрос – влияние, оказанное художественными изданиями на становление русского модернизма. В конце девятнадцатого-начале двадцатого веков в России существовала прочная взаимосвязь между литературным процессом и журналистской деятельностью. Печатные издания сыграли немаловажную роль в развитии модернистской литературы Серебряного века. Перед представителями молодых течений стояла задача объяснить новые этические принципы и свое понимание художественности. Журналистика данного периода способствовала успешному продвижению идей «новой» культуры среди массовых читателей.

Ключевые слова: русская литература, русская журналистика, Серебряный век, модернизм, литературные журналы.

В своей статье «Конец века» Лев Николаевич Толстой писал: «Век и конец века не означает конца столетия, но означает конец одного мировоззрения, одной веры, одного способа общения людей и начало другого мировоззрения, другой веры, другого способа общения» [1, с. 231].

Серебряный век - это уникальный социокультурный феномен, который начал формироваться в России в 1890-х годах, а своего пика достиг в 1910-х годах. Его основой является русская литература, так как именно она оказала наибольшее влияние на культуру данного периода. Главная идея, которая присуща большинству направлений и течений Серебряного века, заключалась в необходимости распространения принципов «нового искусства». Литераторы стремились познакомить широкие читательские массы с новыми направлениями и школами, обосновать их идеологии. Для этого им была нужна площадка, где они смогли бы транслировать свою точку зрения на аудиторию. Такой площадкой стали печатные средства массовой информации - различные альманахи, журналы и газеты. Таким образом, тесная взаимосвязь между литературой и журналистикой Серебряного века была продиктована художественными и социальными задачами данной эпохи.

Журналистика и литература очень близкие по своей сути явления. Их принципы во многом перекликаются.

Американский писатель Эптон Синклер писал, что их различие только в том, что «литератор стремится высказаться раз и навсегда, в то время как журналист повторяет все снова и снова, с небольшими вариациями, каждый день или неделю, или месяц» [2, с.76]. Эти две деятельности неразрывно связаны друг с другом, постоянно взаимодействуют и, в принципе, существуют в синтезе. Отсутствие одной из них неизбежно повлияло бы на развитие другой. Взаимосвязь литературы и журналистики способствует их обогащению и многообразию.

Несмотря на то, что журналистская деятельность соприкасается со многими сферами культуры, самой близкой по своей природе для нее всегда будет литературная среда. Более того, журналистику даже можно назвать частью литературы. Обе области искусства связаны со словом и текстом. Если обобщить, то журналист и литератор занимаются похожим делом: они создают литературные труды. Единственная разница, которая и разграничивает их работу, это поставленная перед ними цель. Одни занимаются художественными произведениями, а другие публицистическими. Изначально журналистская деятельность являлась коммерчески более выгодной, однако, в современных реалиях ситуация складывается иначе, так как популярные писатели получают гонорары намного выше, чем большинство журналистов.

И литература, и журналистика ставят перед собой за-

дачи осмыслить окружающую действительность и качественно изменить общественное сознание. Любой текст пишется для того, чтобы решить какую-то проблему: социальную, культурную, политическую, философскую. Автор хочет донести важную, по его мнению, информацию для читателя. Это относится как к журналисту, так и к писателю.

Журналистская деятельность обладает рядом качеств, несвойственных литературе, таких как оперативность, актуальность, диалогичность и другие. Именно поэтому совмещая публицистическую работу с писательской, литераторы могут добиться лучших результатов. К примеру, статьи в журналах и газетах выходят довольно часто и регулярно. Намного быстрее написать обзор или рецензию, чем длинный рассказ или целую книгу. Кроме того, все журналистские тексты должны обладать актуальностью. Даже если современный автор хочет написать о классическом произведении, ему необходимо показать читателю его связь с настоящим. Таким образом, любая критическая статья носить не только информационный, но и аналитический характер, расширяя кругозор читательской аудитории.

Важное значение для развития литературы имеет диалогичность журналистики. После публикации книги автору важна реакция публики, его интересует, как она поняла вопросы, поднятые его трудом. В двадцатом веке, когда Интернет прочно вошел в нашу повседневную жизнь, эта проблема уже не столь актуальна. Однако раньше в девятнадцатом и двадцатом веках у читателя не было возможности разместить свой комментарий или рецензию где-то на электронном форуме или сайте писателя. Для того, чтобы решить этот вопрос, при различных издательствах организовывались отделы, отвечающие за читательскую корреспонденцию. Можно было написать свой отзыв и отправить его на прямую в редакцию журнала. Кроме того, во многих печатных изданиях существовал раздел критики, в котором свое мнение высказывали другие литературные деятели и эксперты. Таким образом, существовало несколько источников, по которым автор мог получить обратную связь.

В России взаимодействие литературы и журналистики всегда проходило особенно активно. Долгое время журналистская пресса существовала только в качестве литературных журналов и альманахов. Тем самым, обе области культуры положительно воздействовали друг на друга, способствуя взаимному развитию. Они являются неизменными спутниками в истории русского искусства. Отечественная культура, в принципе, литературоцентрична, и журналистика не стала исключением.

Однако все вышесказанное, в основном, касается периодических изданий. С появлением телевизионных СМИ в современной жизни произошли большие пере-

мены. Несомненно, в конце двадцатого-начале двадцать первого веков заметно снизился интерес к литературе не только у публики, но и у государства. Здесь можно заметить прямую связь с состоянием печатной прессы в России. Тиражи литературных журналов и альманахов постоянно уменьшаются. Единственным выходом из данной ситуации становится создание онлайн-версий изданий. Несмотря на частичную потерю аудитории, список современных российских литературных изданий достаточно обширен, в него входят «Вестник Европы», «Волга-XXI век», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Нева», «Новая юность», «Новый мир», «Сибирские огни», «Урал», «Слово/Word», «Студия» и другие.

Сегодня печатная пресса играет далеко не такую важную роль, как в конце девятнадцатого-начале двадцатого веков. В модернистский период данные издания являлись площадками для выражения собственного мнения, на которых велись литературные дискуссии и споры, а их издание представляло одну из основных форм общественной активности для мыслящей части России. А.И. Герцен писал: «Литература у народа, лишенного общественной свободы, – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» [3, с. 443].

Одной из важнейших задач любого литературного журнала является предоставление возможности каждому автору найти своего читателя. Таким образом, данные издания выступали своеобразным мостом между писателем и аудиторией. Кроме того, публикация в печатном издании обеспечивала произведению несколько типов проверки: на реакцию публики, на эстетическую ценность контекста, сопоставление с другими текстами. Также работа проходила через руки редакторов, которые обычно обладали достаточным опытом, чтобы обратить внимание автора на ошибки и слабые места.

Серебряный век был временем творческих исканий, основной площадкой для которых стала печатная пресса. Она предоставила авторам возможность открытого общения с аудиторией, усилив существующую связь между литературной и журналистской деятельностью. Литературовед Н.К. Михайловский, современник данного периода, писал: «Вся история новейшей русской литературы есть собственно история журналистики» [4, с. 194].

Как пример можно привести журнал «Новый путь», который возник в результате религиозных и творческих поисков старших символистов. Как утверждалось в первом выпуске: «Задача журнала: дать возможность выразиться, в какой бы то ни было литературной форме – в повествовании, в стихах, в философском рассуждении, в научной статье, или беглой заметке – тем новым течениям, которые возникли в нашем обществе, с пробуждением религиозно-философской мысли» [5, с. 5-6].

Многие отечественные писатели и поэты не только становились редакторами или постоянными авторами тех или иных печатных изданий, но и выполняли корреспондентскую работу. Это помогало им лучше понять журналистику изнутри, а впоследствии запечатлеть ее особенности на страницах своих художественных произведений. Журналистской деятельностью в разное время занимались такие известные писатели, как Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.А. Клюев и многие другие. Таким образом, создается диалог между литературой и журналистикой, благодаря которому появляются целые жанры, существующие на границе двух культурных областей: фельетоны, очерки, репортажи, портреты, эссе, путевые заметки и другие [6, с. 93]. Кроме того, сюжеты опубликованных статей нередко становились сюжетами художественных произведений.

Конец девятнадцатого-начало двадцатого веков - период быстрого развития издательского и печатного дела в России. Издательства открывали не только профессионалы, но и литераторы-любители, которые искали инструменты, которые помогли бы им донести свои творческие идеи до сознания широких масс. Многообразие литературных течений того времени благоприятно повлияло на журналистику, так как каждое отдельное направление или школа стремились создать собственное печатное издание для трансляции своей точки зрения. В стране формировалось новое искусство, и его теоретики понимали необходимость в представлении данного культурного феномена читателю. С помощью программных статей и манифестов модернисты знакомили аудиторию с принципами и эстетикой образовавшихся течений. Возникали новые формы и типы изданий, например, «тонкий» журнал, журнал-манифест, изменился формат классических «толстых» журналов.

Кроме того, на создание манифестов и теоретических работ писателей толкали постоянные литературные споры. По причине большого количества тематических изданий, неизбежно возникала конкуренция как в идеологическом, так и финансовом плане. Редакторы журналов старались охватить более широкую аудиторию, чем их соперники. Для достижения этой цели, им было необходимо найти единомышленников среди читателей, обосновать преимущества своего течения и издания. Также, художникам слова было важно донести собственную позицию, показать задачи и цели нового искусства, опровергнуть аргументы противников и доказать свою правоту. Ярким примером такого противостояния являлся неугасающий конфликт между журналом «Новый путь» Д.С. Мережковского и печатным изданием «Весы» В.Я. Брюсова.

В то время, как «Новый путь» радостно приветствовал появление «Весов», их создатели, не поддерживая этически-религиозных теорий Д.С. Мережковского, планируя

переманить подписчиков «Нового пути». Впоследствии разногласие во взглядах привело к большому интеллектуальному противостоянию между изданиями. Главным камнем преткновения было предназначение искусства. Если петербургская школа превозносила религиозность литературы, неразрывно связывая писателя и Церковь, то «москвичи» подчеркивали независимую природу творчества.

Это способствовало тому, что представители различных направлений и школ очень серьезно относились к теоретическим аспектам творчества. Им удалось найти оригинальные пути общения с читателями и уникальные формы творческого самовыражения. Благодаря такому подходу, современным исследователям легче анализировать литературное творчество Серебряного века.

Развитие медиапространства в России на рубеже веков привело к тому, что центр литературной жизни переместился из различных салонов и кружков в книгоиздательства. Зачастую авторы вместе не только обсуждали новые произведения, критикуя их или подчеркивая их достоинства, но и работали над печатными изданиями. Яркий пример - «Цех поэтов», большая часть которого вошла в состав «Гилеи». Такой вид деятельности требовал слаженности и сплоченности коллектива. Это стало одной из характерных черт культуры Серебряного века. Большинство новых течений формировалось вокруг определенного круга друзей-единомышленников.

Литературные издания были важной площадкой для писателей и поэтов, с помощью которых они могли познакомить читателя со своими произведениями. В конце девятнадцатого века начал расти уровень всеобщего образования, итогом которого стало увеличение аудитории печатных изданий. С середины девятностых годов девятнадцатого столетия до 1907 года число студентов выросло более чем в два раза [7, с. 735]. Новая публика проявляла большой интерес к художественной литературе, однако, книги стоили довольно дорого, в то время как журналы выходили чаще и были дешевле. Также популярностью пользовался раздел критики. Читатели ждали отзывов от литературоведов и исследователей, внимательно следили за различными дискуссиями и спорами на страницах печатной прессы.

Кроме того, тесная связь с журналистской средой влияла на тематику, стиль и даже язык художественных произведений. Авторов все больше волновали современные проблемы жителей страны. Пытаясь понять новое искусство, они также стремились дать ответы на вопросы, которые волновали россиян. Символисты создавали из искусства новую религию, акмеисты искали красоту в простых вещах, футуристы призывали читателей не бояться экспериментировать, а новокрестьянские поэты напоминали о значении традиций и обычаев в

русской культуре. Разнообразие литературных течений нашло отражение в резком увеличении числа журналов и альманахов.

В рамках Серебряного века печатные издания играли важную роль, так как именно через сотрудничество с ними можно было добиться популярности. Нередко молодые писатели начинали с публикаций в журнальной прессе. Многим литературным журналам удалось раскрыть таланты юных авторов, например, первые работы тогда еще никому не известного А.А. Блока были опубликованы в журнале «Новый путь» в 1903 году. Новокрестьянские поэты нашли свою аудиторию, в основном, благодаря публикациям в различных изданиях и упоминаниям об их творчестве в критических статьях других авторов. В данном процессе также имеет значение авторитет редактора или писателя, порекомендовавшего или похвалившего какое-либо произведение. Иногда разгромная рецензия могла стоить автору литературной карьеры.

По этой причине литературная критика так сильно влияет на творчество писателей и поэтов. Она также важна для исследователей, так как помогает взглянуть на произведение глазами современников. Мы можем сравнить чувства и мысли, которые оно вызывает у нас и у них. Это позволяет провести более глубокий анализ литературной среды и культуры в целом.

Можно сказать, что благодаря печатным медиа на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков, мы имеем возможность более полно ознакомиться с литературным процессом Серебряного века. В журналах и газетах хорошо прослеживаются тенденции и направления развития модернистской литературы. Читая статьи и рецензии, мы лучше понимаем социальную и культурную жизнь того времени. Журналистика данного периода занимает значимое место в русской истории, оказав огромное влияние на авторов «нового искусства». Серебряный век в очередной раз показал глубокую связь между журналистской и литературной деятельностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 36. - М. - Гослитиздат, 1936. - 480 с.
2. Sinclair, U. Money Writes. - Whitefish. - Kessinger Publishing, LLC, 2004. - 228 с.
3. Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т., Т. 3. - М. - 1956. - 467 с.
4. Антюхин Г.В. Печатное слово России: история журналистики Черноземного центра страны XIX века. - Воронеж. - Изд-во Воронежского университета, 1993. - 224 с.
5. Новый путь. - 1903. - №1. - 5-6 с.
6. Бельняк Н. Журналистское дело в изображении Александра Куприна // Русская литература и журналистика в движении времени. - М. - 2016. - №54. - 89-103 с.
7. Асташкин А.Г. Социокультурная среда в России начала XX века и ее влияние на становление журналистики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2017. - №3. - 732-741 с.

© Борисова Алиса Сергеевна (borisova.alisa@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭТНОНИМОВ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ КАК ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE USE OF ETHNONYMS IN INTERNET DISCOURSE AS A LEGAL LINGUISTIC ASPECT

I. Bradetskaya
U. Fysina

Summary: The article presents a linguo-legal practice-oriented study, the object of which is the manifestation of speech aggression in the language of network communication, and the subject is a lexico-semantic group of ethnonyms. The purpose of the article is to show the need to develop linguistic and legal norms of speech, to define the boundaries of non-conflict and conflict functioning of the language. The authors, using empirical research methods, consider the issues of determining the conflict nature of the use of ethnonyms, give examples of judicial precedents of bringing to responsibility for the use of ethnophobias in social networks. The article concludes that it is necessary to develop a special scale of lexical effectiveness of the use of ethnonyms.

Keywords: speech aggression, invectivity, intolerance, xenophobia, ethnonyms, ethnophobias.

Брадецкая Ирина Геннадьевна

к.п.н., доцент, Российский государственный университет
правосудия, г.Москва
irabradetska@bk.ru

Фысина Ульяна Николаевна

к.филол.н., доцент, Российский государственный
университет правосудия, г.Москва
unfsina@gmail.com

Аннотация: В статье представлено лингво-правовое практико-ориентированное исследование, объектом которого является проявление речевой агрессии в языке сетевой коммуникации, а предметом – лексико-семантическая группа этнонимов. **Цель** статьи – показать необходимость разработки лингвоюридических норм речи, определения границ неконфликтного и конфликтного функционирования языка. Авторы, используя эмпирические **методы исследования**, рассматривают вопросы определения конфликтности использования этнонимов, приводят примеры судебных precedents привлечения к ответственности за использование этнофобизмов в социальных сетях. В статье делается **вывод** о необходимости разработки специальной шкалы лексической инвективности использования этнонимов.

Ключевые слова: речевая агрессия, инвективность, интолерантность, ксенофобия, этнонимы, этнофобизмы.

Введение

Современное коммуникативное пространство изобилует нарушением норм литературного языка, использованием грубых и просторечных форм, проявлением речевой агрессии. Именно состоянием дискурса обусловлена актуальность темы данной работы: необходимостью разработки юридических норм речи, определения границ неконфликтного и конфликтного функционирования языка.

Объектом нашего исследования является проявление речевой агрессии в языке сетевой коммуникации, а предметом – лексико-семантическая группа этнонимов. Именно их использование в текстах зачастую связано с разжиганием межнациональной и религиозной розни, проявлением интолерантности, ксенофобии.

Материалы и методы. Литературный обзор

При написании статьи были использованы теоретические (анализ научных статей, классификация) и эмпирические (сравнение, наблюдение) методы исследования.

Авторами были проанализированы работы В.Д. Голева [3] и его научного коллектива и были выделены

основные направления их деятельности. Так, разработке правил речевого поведения в юридической сфере посвящены исследования З.В. Баишевой. Материалы о видах языковых конфликтов и способах их разрешения представлены в работах Н.А. Бикейкиной, О.В. Саржиной, Е.С. Кара-Мурзы. Статьи А.В. Морозова и М.А. Грачёва посвящены исследованию оскорбительной лексики. К.И. Бринев и В.А. Мишланов обращаются к проблемам судебной лингвистической экспертизы. В ряде работ (Г.С. Иваненко, Я.В. Олзоевой, Т.А. Сидоровой, Е.А. Яковлевой) рассматриваются приемы и методы анализа текста в процессе составления лингвистической экспертизы. Проблемы речевой агрессии рассматривают К.Ф. Седов [9], Е.И. Кондрашева и Тинина А.О. [6] и др.

Далее были обобщены и систематизированы результаты наблюдений в процессе преподавания «Юридической лингвистики» магистрантам вуза. Для анализа современного языкового материала авторы обращались к социальным сетям (Фейсбук, Инстаграм), мессенджерам, СМИ.

Обсуждение проблемы

Современное демократическое общество находится в сложной ситуации: провозглашаемая толерантность порой оказывается на грани попустительства и вседоз-

воленности, а речевая интолерантность переходит в физическую агрессию и вражду. Связаны эти процессы как с политикой, так и с образованием, социальной работой, мультикультурализмом, миграцией и, конечно, межкультурной коммуникацией.

Интолерантность в данной ситуации имеет разные формы проявления: избегание эмпатии, ассимиляция культуры, отстранение меньшинств от ключевых позиций жизни общества, дискриминацию, физическое насилие и геноцид и пр. С точки зрения яркого речевого поведения объектом изучения юрислингвистики и лингвистической экспертизы становится ксенофобия.

Этнонимы относятся к лексико-семантическим признакам проявления ксенофобии. Итак, **этноним** – название наций, этносов, народов, племён. В лингвистике выделяют виды этнонимов по степени коннотации:

- Нейтральные, характерные для литературного языка, употребляющиеся в официально-деловом общении (например: *немец, француз*);
- Экспрессивные, т.е. номинации с отрицательными значениями. Как правило, они носят эмоционально-оценочный характер и являются отражением стереотипных представлений. (например: *фриц, чурка*)

Экспрессивные этнонимы – **этнофолизмы** – выражают интолерантность по отношению к носителям иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических ценностей. Именно эта группа этнонимов является конфликтогенной в современной коммуникации и нередко становится предметом изучения юридической лингвистики, а затем уже и предметом рассмотрения лингвистической экспертизы.

Из всех экспрессивных этнонимов к языку вражды относятся лексемы со значением чуждости и агрессии. Это в первую очередь наименования представителей разных этносов с негативной коннотацией, распространенные в жаргонах, просторечии, разговорной речи, а также активно проникающие и в публичный дискурс (литературный язык): *жид, черный, белый, узкоглазый, бульбаш* и пр. По степени жесткости коннотации данные лексемы могут быть различными: от иронично-пренебрежительных до уничижительных, презрительных, бранных: «*Сергей, нет, просто салоеды не люди!*», «*Грачи в смысле кавказцы? Если птицы, то давно уж прилетели*», «*Десяток заграничных метельщиков метлы и языка*». Нейтральные этнонимы могут использоваться как в толерантных и нейтральных дискурсах, так и использоваться в языке вражды.

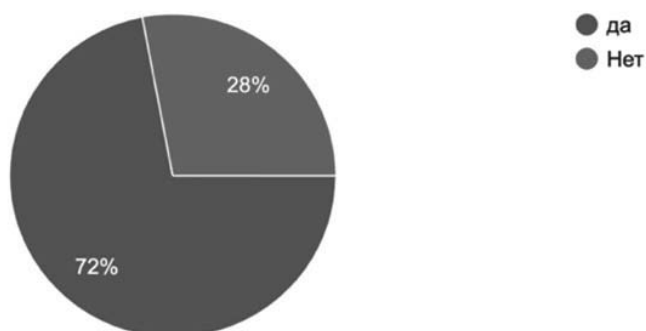
Основная сложность с точки зрения экспертизы – разграничить нейтральные этнонимы и этнонимы с оскорбительной коннотацией: например, в комментарии «А

вы что русский, лицо кавказской национальности?» содер­жится явное противопоставление национальностей, но использован этноним и эвфемизм. С точки зрения юридической лингвистики, такой комментарий не будет считаться появлением ксенофобии, хотя он является достаточно конфликтогенным. На объективность оценки влияет и индивидуально-личностное восприятие, степень развития эмоционального интеллекта, уровень культуры и образования, психофизические характеристики сторон конфликта. Приведем пример. В одном из постов в соцсети «Фейсбук» сообщается «*В Москве толпа мигрантов избила врача скорой помощи из-за серьги в ухе... Это были люди азиатской внешности, возможно, таджики*». Указание национальности само по себе не является проявлением нетерпимости, но контекст его способен создать. Это упоминание вызвало массу комментариев под публикацией, авторы большинства из которых увидели дискриминацию названной нации: «*Зачем оскорблять людей, не зная кто это был на самом деле?*», «*Кроме таджиков нет другой национальности в России?*» и пр. Кроме того, вводное слово «возможно», указывает на слабую уверенность автора публикации, в большей степени выражает субъективность, мнение. А мнение не является оскорблением.

Существуют и судебные прецеденты привлечения к ответственности за использование этнофолизмов в социальных сетях согласно статьям 282 УК РФ и 20.3.1 КоАП РФ. Городской суд Нижнекамска признал местного жителя виновным в унижении человеческого достоинства за опубликованный во «ВКонтакте» комментарий и назначил административное наказание: «*Все что они могут это создать шум и показуху, т.к. рабочими местами снабдят малый процент населения НК и завезут чурок турок и остальную шваль, еще и налогами практически не обложены*». По словам обвиняемого, он не знал, что размещенные им материалы являются экстремистскими. Этот прецедент показывает, что обыденное сознание, низкая речевая культура осужденного, незнание правовой нормы в отношении использования этнофолизма, не освободили его от действия закона.

В высказывании осуждённого доказуемо оскорбительным оказалось слово «шваль», которое в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой следует с пометой «простор., пренеб.». Этофолизм же «чурка» ни в одном словаре не обозначен как ругательное слово. В словаре аргументов В.С. Елистратова [4] одно из значений этой лексемы – житель Кавказа, Закавказья, Средней Азии, а само сущ. относится к сущ. общего рода. Тем не менее, носители языка воспринимают слово *чурка* как оскорбление. Приведем диаграмму, созданную на основе ответов студентов РГУП. (Опрос проводился в рамках организации НИР студентов и подготовке доклада для конференции «Язык и право» 2021 г.). Было опрошено 315 студентов. Вопрос был сформулирован следующим образом: *Считаете ли*

вы использование слов чурка, бульбаш, айзер и пр. оскорбительными при обращении к лицу соответствующих национальности, этноса?

Результаты

Таким образом, вопрос определения конфликтности использования этнонима – достаточно проблемный для правовой лингвистики: мы говорим о недостаточной инструментальной базе для определения факта агрессии, ксенофобии на лексическом уровне. Это один из актуальных вопросов юрлингвистики – необходимость разработки фреймов инвективности, способных стать содержательной основой лингвистических рекомендаций судебным органам. Когда требуется дать квалификацию инвективности отдельного слова, эксперт не имеет другой возможности для объективного (законного) обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего, на пометы толкового словаря. Но филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию, не «имеет законного права» быть основанием следственных и судебных решений. При составлении словаря автор опирается на естественно-коммуникативную практику, а не на лингвоэкспертную. Кроме того, сложность представляет выяснение факта «преднамеренности-случайности» использования оскорбительного выражения. Данная проблема связана с гибкостью языкового знака. Она одна из наиболее принципиальных и сложных для теории и практики юрлингвистики. Любое инвективное слово может быть употреблено неинвективно (например, А.П. Чехов ласково называл в письмах жену собакой), нейтральное же слово в определенных контекстах может оказаться оскорбительным (слово «кошка», нейтраль-

ное в русском языке, но употребленное с намеком, актуализирующим устойчивый образ кошек как блудливых животных, может сильно задеть женщину).

В качестве доказательства этой мысли приведем курьезный случай все с тем же словом чурка. Американская рэп-исполнительница Азилия Бэнкс после концерта в Москве в августе 2019 г. узнала слово «чурка» и решила сделать футболку с таким принтом. Об этом она рассказала в своем Instagram-аккаунте: «Мне это слово показалось очень воодушевляющим. Представила, если меня вдруг кто-то окликнет чурка, сразу почувствую себя классной и опасной девчонкой. Что-то похожее на слово «чика!», красивая, заряженная, смелая девушка — шар из огня», — написала артистка и опубликовала снимок с белой футболкой, на которой она стразами начала вышивать русское ругательство. (По данным интернет-издания Lenta.ru.)

Заключение

Итак, при лингвоюридической трактовке текста важен анализ единиц как с точки зрения общеупотребительного, так и юридизированного дискурсов, так как оцениваются не сами факты, приводимые в печатном тексте, оценивается их авторская презентация и интерпретация. Это и представляет сложность правоприменения в отношении этнонимов как одной из проблем правовой лингвистики. На наш взгляд, это связано с недостаточной теоретической разработанностью фреймов лингвистической экспертизы: считаем необходимым разработку специальной шкалы лексической инвективности использования этнонимов, к примеру:

Нейтральное	Обидное (слабая степень инвективности)	Оскорбительное (высокая степень инвективности)
кавказцы (гипероним), дагестанцы (этноним)	абреки даг(и)	чурки черномазые хачики

При этом группы слов на этой шкале должны быть достаточно жестко фиксированы, ведь особенность юридических канонів как раз и заключена в противостоянии всякой размытости и неоднозначности. Подобная лексико-стилистическая работа может стать объемным лингвоправовым практико-ориентированным исследованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971.
2. Брадецкая И.Г., Фысина У.Н. Юридическая лингвистика: учебное пособие. М.: РГУП, 2021.
3. Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрлингвистики // Код доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html> (Дата обращения: 16.02.2022)

4. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.) Электронная версия – ГРАМОТА.РУ, 2002 Код доступа <http://gramota.ru/slovari/argo/> (дата обращения 05.03.2022)
5. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., «Ладомир», 2001.
6. Кондрашева Е.И., Тинина А.О. Речевая агрессия в языке СМИ: разновидности и причины появления. // Эпоха науки. 2018. №14. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-agressiya-v-yazyke-smi-raznovidnosti-i-prichiny-poyavleniya/viewer> (дата обращения: 07.03.2022).
7. Матвеева Т.В. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности, формируемые в сфере естественной коммуникации // Юрлингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. — Барнаул, 2000.
8. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. - Берлин: Русистика, 1994, № 1/2.
9. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
10. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М: Институт русского языка им. А.С.Пушкина., 1998.
11. Шарифуллин Б.Я. Общественная лексика: терминологические заметки//Речевое общение. - Вып. 1(9). Красноярск, 2000.

© Брадецкая Ирина Геннадьевна (irabradetska@bk.ru), Фысина Ульяна Николаевна (unfsina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет правосудия

ОТРАЖЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ОГОНЬ» В ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Булычева Валерия Алексеева

Аспирант, Армавирский Государственный Педагогический
Университет
b.valeria.a@yandex.ru

REFLECTION OF THE DUALITY OF THE CONCEPT "FIRE" IN THE LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

V. Bulycheva

Summary: The article contains the results of an analysis aimed at establishing the duality of the concept «Fire» in the Russian and English worldviews. The conceptual analysis was based on the model proposed by V.I. Karasikom (singling out the value, figurative and conceptual aspects). In the course of the lexicographic analysis, it was found that the mismatched conceptual areas in the Russian and English worldviews affect the different understanding of fire, which is considered as a manifestation, a tool in the English worldview, and as a physical process in the Russian one. An analysis of individual examples from the paremiological fund of the Russian and English languages, as well as from the National Corporuses of these languages, showed that in terms of the conceptual representation of fire in the two compared pictures of the world, there are significant similarities, since fire is equally regarded as danger, trouble, difficulty.

Keywords: picture of the world, the concept of fire, linguoculturology, national consciousness, comparative analysis.

Аннотация: Статья содержит результаты анализа, направленного на установление двойственности концепта «Огонь» в русской и английской картинах мира. В основу концептуального анализа была положена модель, предложенная В.И. Карасиком (выделение ценностной, образной и понятийной стороны). В ходе лексикографического анализа было установлено, что несопадающие концептуальные области в русской и английской картинах мира затрагивают различное понимание огня, который рассматривается как проявление, инструмент в английской картине мира, и как физический процесс в русской. Анализ отдельных примеров из паремиологического фонда русского и английского языков, а также из Национальных корпусов указанных языков показал, что в плане концептуального представления огня в двух сопоставляемых картинах мира наличествуют существенные сходства, поскольку огонь расценивается одинаково в качестве опасности, неприятности, трудности.

Ключевые слова: картина мира, концепт огонь, лингвокультурология, национальное сознание, сравнительный анализ.

Концептуальные исследования в современном лингвистическом пространстве характеризуются высокой продуктивностью, поскольку они позволяют понять лингвокультурные параметры той или иной общности, что соответствует современному антропоцентрическому направлению лингвистических учений. В свою очередь, сопоставительный анализ в этом аспекте позволяет выявить лакунарные области определенного картин мира разных лингвокультурных сообществ, что углубляет представления национально-культурной специфики языкового воплощения ментальных представлений в заданной области. Обращение к изучению концепта «огонь» в русской и английской картинах мира **актуально** в виду того, что огонь как явление физического характера, является универсалией, однако, может демонстрировать ряд различий культурологического характера, имеющими место в виду уникального исторического развития разных народов. **Цель** статьи – установить средства репрезентации двойственности концепта «Огонь» в русском и английском языках. **Методы** исследования: концептуальный анализ, сравнительный анализ, лексикографический анализ.

В ходе изучения двойственности концепта «Огонь»

в русском и английском языках за основу принималась модель концептуального анализа В.И. Карасика, который трактует данное понятие как многостороннее смысловое образование (отражение ментальной культуры), в котором можно выделить ценностную, образную и понятийную стороны [1]. Для выявления лингвокультурных параметров концепта исследователь предлагает обращаться к лексикографическим толкованиям, к фразеологическому фонду языка и к актуализации концепта в речи. Под картиной мира понимается языковое воплощение концептуальных знаний представителей той или иной лингвокультуры [1].

В русском словаре С.И. Ожегова огонь понимается как `раскаленные светящиеся газы, отделяющиеся от горящих предметов; пламя` [2]. Как видим, в русском толковании огонь рассматривается как физическое явление. В Oxford Learner's Dictionary приводится следующее толкование понятия «fire»: `the flames, light and heat, and often smoke, that are produced when something burns` [пламя, свет и тепло, а часто и дым, возникающие, когда что-то горит]; `flames that are out of control and destroy buildings, trees, etc.` [пламя, которое выходит из-под контроля и разрушает здания, деревья и т. д.] [3]. Исходя из

представленной лексикографической дефиниции можно заключить, что огонь в английской лингвокультуре понимается не как первоисточник (сам процесс горения, сопровождающийся возникновением огня), а как последствие этого процесса, обладающего теми или иными свойствами – свет, тепло, инструмент разрушения. Приведенные словарные толкования лексем «fire» и «огонь» дают основания выделить несовпадающие концептуальные области – в английской лингвокультуре огонь рассматривается как проявление, как инструмент, в русской – как физический процесс, что является одним из средств проявления двойственности изучаемого концепта.

Что касается паремиологического фонда, то в русском языке используются, например, следующие пословицы, поговорки и фразеологизмы, относящиеся к концептуальному пространству «огонь»:

Пройти огонь, воду и медные трубы. Огонь в данной пословице метафорически осмысливается и концептуализирует жизненные трудности. В основе метафорического переноса лежит состояние опасности, которое может провоцироваться огнем – угроза возгорания, физического уничтожения / повреждения.

Подливать масла в огонь. В основе данной пословицы также лежит метафорическое осмысление физических параметров огня, которые состоят в том, что огню для горения нужны внешние источники питания, а масло, обладая высокой горючестью, является идеальной основой для поддержания пламени. Концептуальное представление огня в данном случае также отражает негативное состояние человека или ситуации.

Нет дыма без огня. В данном фразеологизме огонь является причиной, которая влечет за собой неприятные последствия. В этом отношении огонь может расцениваться как мощный импульс, провоцирующий возникновение нежелательных последствий.

Таким образом, в русском сознании огонь ассоциируется с опасностью, трудностями и имеет негативную коннотацию.

В английском языковом пространстве фиксируются следующие фразеологизмы с номинантом «fire»:

Fight fire with fire. С точки зрения семантического значения, этот фразеологизм означает, что в борьбе с противником необходимо использовать те же методы, что и он. Огонь, таким образом, является, с одной стороны, инструментом ведения боя, а, с другой, символизирует сам процесс битвы, что дает основания говорить о проявлении двойственности и негативной коннотации в понимании концепта «огонь» в английской картине мира.

В английской лингвокультуре подчеркивается стремительность огня, что находит отражение в следующей поговорке: *get on like a house on fire*. Данная паремия используется для того, чтобы обозначить способность людей быстро заводить знакомства, быстро выстраивать дружеские отношения [3]. Концептуальное представление огня формируется за счет метафорического осмысления одного из основных свойств пламени – быстро распространятся при условии наличия легко воспламеняемых материалов.

Негативная коннотация огня в английской лингвокультуре проявляется в поговорке *out of the frying pan into the fire*. В данной паремии огонь является символом неприятностей, трудной ситуации.

Таким образом, анализ выбранных примеров из паремиологического фонда русского и английского языков показал, что в плане концептуального представления огня в двух сопоставляемых картинах мира наличествуют существенные сходства, поскольку огонь расценивается одинаково в качестве опасности, неприятности, трудности.

Для изучения средств актуализации концепта «огонь» в речи обращаемся к Национальным корпусам русского и английского языков. Изучение отдельных примеров из русского языка показал, что огонь подвергается метонимическому осмыслению и может пониматься, как костер (*Человек с яблоком в кармане редко раскладывает костёр –и то на опушке или у реки, а в глубине-то леса кому нужен огонь?* (Юрий Коваль. Сиротская зима (1980-1993))); как боевые действия военного характера (*Зимнего дворца, а тем более Бастилии поблизости не оказалось, поэтому хмельной инсургент открыл беспощадный огонь по случайному автомобилю* (Ночной ковбой с улицы Робеспьера // «Криминальная хроника», 2003.06.24)); как символ начала перемен, ведущих к качественным улучшениям (*Будем молиться, чтобы тот огонь, который прошёл сейчас по нашей земле, зажжёт человеческие сердца, чтобы теперь было положено начало новой жизни.*). Последний пример демонстрирует наличие положительной коннотации в концептуальном понимании огня в русском национальном сознании.

В Британском национальном корпусе обнаруживаются примеры, которые создают концептуальное представление огня, как средства оказания физического разрушительного воздействия (*Leicestershire, he says that he has seen people tied to posts and set on fire* (Central Weekend Live – part 2)); как бедствие стихийного масштаба (*One answer could be that, where the damage is caused by fire, the consequent danger to life may be similar to that created by an explosion* (Principles of criminal law. Ashworth, Andrew. Oxford: OUP, 1991)); как локальное возгорание, которое требует скорейшей локализации (*In*

January he escaped a fire which engulfed the Cheshire Home where he was staying in Greatham, Hants (The Daily Mirror. 9610 s-units)). Приведенные единичные примеры из Британского национального корпуса иллюстрируют, что концепт «огонь» в английской лингвокультуре связан с опасностью и разрешительным воздействием. В этом плане отмечается схожесть с русским концептуальным представлением огня, где также прослеживается отрицательная коннотация.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что

двойственность концепта «Огонь» на семантическом уровне реализуется в понимании огня, как явления физического мира, с одной стороны, и как символического значения опасности, неприятности, сложности, с другой стороны. К сходным концептуальным признакам в английской и русской картинах мира было отнесено негативное коннотативное понимание огня, отличием является то, что в русской картине мира огонь – то первоначальное состояние физического явления (пламени), а в английской – последствия физического процесса горения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – 356 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/>, дата обращения 23.03.2022.
3. Oxford Learner`s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>, дата обращения 23.03.2022.

© Булычева Валерия Алексеева (b.valeria.a@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Армавирский государственный педагогический университет

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ И СПЕЦИФИКА ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Восканян Шушаник Робертовна

Преподаватель, Московский Государственный Институт
Международных Отношений МГИМО (у) МИД России
v.shushanik@yandex.ru

ENGLISH-LANGUAGE INTERNET MEMES AND THE SPECIFICS OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Sh. Voskanyan

Summary: The article deals with the linguistic complexity of the translation of English-language memes. The author presents the concept of a meme and the main criteria for classifying memes. The cultural prerequisites for the emergence of memes and the specifics of their distribution are noted. Using the example of English-language memes, the features of their translation into Russian in the context of the cultural code of Western society are revealed.

Keywords: internet meme, intercultural communication, meme, network culture, social networks.

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы лингвистической сложности перевода англоязычных мемов. Автором приведено понятие мема и основные критерии классификации мемов. Отмечены культурные предпосылки возникновения мемов и специфика их распространения. На примере англоязычных мемов раскрыты особенности их перевода на русский язык в контексте культурного кода западного общества.

Ключевые слова: интернет-мем, межкультурная коммуникация, мем, сетевая культура, социальные сети.

Мемы стали неотъемлемой частью современной сетевой культуры, являясь одним из ее основных признаков. Мемы, как правило, обладают юмористической направленностью и обыгрывают различные аспекты массовой культуры. Распространение мемом привлекает большой исследовательский интерес со стороны социологов, педагогов, психологов и представителей многих других научных направлений.

Понятие мема сложно поддается определению, поскольку является элементом современной культуры, имеет непростую культурологическую природу и включает в себя различные сущностные признаки. М.В. Ягодкина определяет мем как «креолизованный вирусный знак, распространяющийся от одного интернет-пользователя к другому» [5, с. 143]. Также исследователь отмечает, что мем есть «информационный комплекс, насыщенный экспрессией, формирующий социальную среду, передаваемый, в основном, посредством социальных сетей» [5, с. 143]. Мемы распространяются в сетевых сообществах, ядром которых являются социальные сети. Возникшие в контексте культуры постмодерна социальные сети построены на эклектичной основе, разрозненность коммуникаций, независимость от авторитетов и потребность в ярких месседжах обусловили возникновение мемов, которые представляют собой объединение лаконичной информации. Юмор, гротеск и ирония вызывают комплекс эмоциональных реакций, и передача их в сжатом виде позволяет вызвать быстрое эмоциональное отношение к контенту. В таблице 1 представлены основные критерии классификации мемов – по авторству, источнику, харак-

теру употребления, а также по релевантности их лингвистических характеристик [1, с. 78].

Таблица 1.

Классификация интернет-мемов

Критерии	Виды
Авторство	- авторские - анонимные
Источник	- блогосфера - книги - видео - песни
Употребление	- ширококонтекстуальные - узкоконтекстуальные
Релевантность лингвистических характеристик	- идиоматические - неидиоматические

Существенное значение для анализа мемов имеет критерий релевантности лингвистических характеристик, особенно в части рассмотрения идиоматических мемов. Данная категория мемов по своему содержанию становится ясна только при наличии знаний о культурной среде, в которой они возникли.

Источники происхождения мемов различны. Чаще всего ими становятся:

- Культура региона;
- Компьютерные игры;
- Аудио и видеопродукция (музыка, фильмы, сериалы, аниме).

Мемы могут выполнять функцию межкультурной коммуникации. Мемы обеспечивают связь различных культурных явлений и феноменов, присущих разным социальным группам. Чаще всего это происходит при наличии определенного объединяющего начала (к примеру, возникшие на основе популярных компьютерных игр). Фактически, мемы стали новой, универсальной единицей культурной информации, которая отражает различные аспекты жизни и сетевой активности пользователей.

Несмотря на потенциальную универсальность мемов, далеко не все мемы могут быть однозначно поняты при вычлениении из породившей их культурной среды. Как правило, межнациональный характер имеют те мемы, которые обладают неидиоматической природой. В отношении англоязычных неидиоматических мемов барьер восприятия российских пользователей невысок ввиду наличия базовых знаний английского языка. Примером может служить большое количество мемов, связанных с американскими политиками, с героями англоязычных фильмов и сериалов (при отсутствии неидиоматических признаков). Отдельные мемы получают широкое распространение. Характерным примером является кот GrumpyCat, который составил основу бренда еды для кошек.

Идиоматические англоязычные мемы представляют определенные сложности для перевода и восприятия. Так, один из канадских мемов представляет сфотографированную таблицу на одном из доков со следующей надписью: «Yes trespassing. This is a private dock, but you are welcome to sit here and enjoy the view». Табличка сообщает, что данный док является частным, однако на нем можно посидеть и получить удовольствие. Ниже автором мема сделана надпись «Canada 100», которая в сочетании с фоном создает отсылку к игре The Elder Scrolls V: Skyrim. Смысловая конструкция мема создает образ Канады как доброжелательной и прогрессивной страны. Данный мем является примером объединения культурологических особенностей конкретного места и специфики видеоигры. При литературном переводе мема необходимо подчеркивать частный характер дока и добровольное желание владельца открыть его для посещения.

Наибольшие сложности перевода возникают, когда в мем построен на краткой лаконичной фразе, которую нельзя дословно перевести на русский язык в удобном для восприятия формате. Один из популярных американских мемов содержит два графических изображения – слева представлен Д. Трамп с развевающейся на ветру прической, справа – кукуруза в початке. Ниже содержится надпись «Who wore it better?», которая может быть переведена как «Кто носил лучше?». Дословный перевод на русский язык не представляется возможным по причине

существенных морфологических различий в указанной конструкции. Для восприятия в России больше подходит следующий вариант перевода: «Кому идет больше?». Данный тип мемов с картинкой и комментариями является одним из наиболее популярных и востребованных среди интернет-аудитории. А.Н. Гребенев отмечает, что прототипичной структурой макрос-мемов, как мультимодальных высказываний, является комбинация визуального образа (картинка, фотография, кадр фильма, gif-изображение) с надписями-комментариями [2, с. 242].

Отдельная часть англоязычных мемов построена на игре слов. С.В. Канашиной были проанализированы 500 мемов, в ходе чего определено, что 126 из них содержат игру слов. Языковая игра реализуется на фонетическом, морфологическом, графическом уровнях. Характерными аспектами языковой игры в англоязычных интернет-мемах являются опора на экстралингвистический контекст и демократизация языка [3, с. 81].

Известность в англоязычной среде приобрел мем с неправильно написанной на английском языке вывеской. На двери магазина висит вывеска со следующим текстом: «We is closed». В данном случае неверно употреблена форма глагола to be: вместо We are closed с глаголом to be множественного числа употребляется глагол to be третьего лица, единственного числа - We is closed. В меме искажены комментарии – вместо You are closed и When do you open? Указано You is closed и When does you open? Здесь автор мема показывает свою критичную юмористическую оценку. Рассматриваемый мем обладает языковой сложностью, его перевод на русский язык не представляется возможным, поскольку в меме обыгрывается английская грамматика. Единственно допустимый способ передачи смысла мема – лингвистический комментарий.

Характерным примером игры слов в англоязычных мемах является словосложение, в результате которого сохраняются лексические значения обоих слов: Brexit to be followed by Grexit, Departugal, Italeave; Oustria, Finish, Slovakout [4, с. 141].

Некоторые англоязычные мемы содержат достаточно понятную для российских пользователей игру слов, и лишь иногда нуждаются в комментариях переводчика. На одном из известных мемов двое мужчин, персонажей аниме-сериала «Цельнометаллический алхимик», поживают друг другу руки. На мужчине слева содержится надпись «Fat Americans», на мужчине справа – «Rich British». В центре содержится надпись «Too many rounds». Здесь под фунтами американца понимается вес, под фунтами англичанина – деньги. Мем является одним из тех примеров, когда перевод на русский язык практически не требуется – он интуитивно понятен сетевой аудитории.

Отдельные англоязычные мемы носят кросскультурный характер и предельно ясны с учетом того, что стереотипы о западной жизни имеют в мире широкое распространение. Так, на одном из мемов в верхней части изображен атлетично сложенный мужчина в одежде цветов американского флага, ниже приведен скриншот новостного выпуска с надписью «Man Trades Baby For 15 Big Macs», что можно перевести практически дословно как «Мужчина обменял ребенка на 15 биг-маков». Верхняя часть картинка снабжена подписью «How Americans see America», внизу мема содержится надпись «How the other 196 countries see America». Здесь снова применим дословный перевод с использованием точных формулировок. Мем раскрывает самоиронию в качестве одной из составляющей культуры постмодерна.

Таким образом, англоязычные мемы зачастую представляют достаточно большую сложность для перевода в связи с необходимостью отражения смысловых конструкций без трансформации заложенной идеи. Значительная часть мемом построена на языковой игре, производимой путем графической, фонетической, морфологической трансформации лексических единиц. Отдельные мемы и вовсе не поддаются переводу, поскольку отражают грамматические и лексические особенности английского языка – в этих случаях допустимым является только комментарий переводчика. Вместе с этим, часть мемом практически не нуждается в переводе по причине интуитивной понятности. Особенности перевода англоязычных мемов зависят не только от их характера, но также и от известности контекста для российской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкина Ю.А., Куценко Е.В. Мем как часть интернет-дискурса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4. С. 77-79.
2. Гребенев А.Н. Специфика взаимодействия мультимодальных компонентов англоязычных макрос-мемов в контексте лексической прагматики // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 240-245.
3. Канашина С.В. Языковая игра в англоязычных интернет-мемах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835). С. 73-84.
4. Ширяева Т.А., Авакова М.Л. Лексические особенности антиязыка в англоязычном альтернативном речевом поведении (на материале интернет-мемов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 137-143.
5. Ягодкина М.В. Мемы в интернет-коммуникации // ART LOGOS. 2019. № 2 (7). С. 142-152.

© Восканян Шушаник Робертовна (v.shushanik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт международных отношений
МГИМО (у) МИД России

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исаева Айгюн Ханоглан гызы

*доктор философии по филологическим наукам, доцент,
Бакинский славянский университет
isa-06a@rambler.ru*

APPROACHES TO THE STUDY OF THE CATEGORY OF MODALITY IN MODERN ENGLISH

A. Isaeva

Summary: The article deals with a small description of the category of modality in English. In the ancient Germanic languages, there was a small, but very important due to its frequent use, a group of present verbs. The verbs of this group are of particular interest, since it is to them that modal verbs ascend - the main means of expressing internal modality. In fact, this is a group of strong verbs that in the preliterate period lost some forms, but retained and acquired others, changing their lexical and grammatical meaning.

Modality is a grammatical and semantic category that expresses the various connections between expression and reality. Modality is a linguistic universal that belongs to the main categories of natural language.

The group of modal verbs includes a small number of verbs that stand out among all verbs in a number of characteristic features in meaning, use and grammatical forms. These verbs do not have any proper verb grammatical category (type, temporal attribution, voice); they can only have forms of mood and time, which are indicators of the predicate. Due to this, and also due to their lack of non-predicative forms (infinitive, gerund, participles), modal verbs are on the periphery of the verbal system of the English language.

Keywords: language, linguistics, modality, verb, objective, subjective, grammatical, lexical.

Аннотация: В рамках настоящей статьи дается небольшая характеристика категории модальности в английском языке. В древнегерманских языках существовала небольшая, но очень важная из-за частого использования группа глаголов настоящего времени. Глаголы этой группы представляют особый интерес, так как именно к ним восходят модальные глаголы - основное средство выражения внутренней модальности. По сути, это группа сильных глаголов, которые в дописьменный период потеряли одни формы, но сохранили и приобрели другие, изменив свое лексическое и грамматическое значение. Модальность – это грамматическая и семантическая категория, которая выражает различные связи между выражением и реальностью. Модальность – лингвистическая универсальность, относящаяся к основным категориям естественного языка. Группа модальных глаголов включает небольшое количество глаголов, которые выделяются среди всех глаголов рядом характерных особенностей значения, использования и грамматических форм. Эти глаголы не имеют правильной грамматической категории глаголов (тип, временная атрибуция, голос); они могут иметь только формы настроения и времени, которые являются индикаторами сказуемого. Из-за этого, а также из-за отсутствия непредикативных форм (инфинитив, герундий, причастия) модальные глаголы находятся на периферии глагольной системы английского языка.

Ключевые слова: язык, лингвистика, модальность, глагол, объективный, субъективный, грамматический, лексический.

По утверждению Хаффмана (1996) люди используют язык как средство общения друг с другом и выражают свои желания, эмоции, мысли, отношения и потребности. Общение формируется людьми повсюду и в любое время. Однако, хотя люди постоянно практикуют общение, недопонимание по-прежнему случается постоянно, особенно когда у людей разные культуры. На общение людей всегда влияют различия в культуре, включая происхождение, привычки общения и языки, и все эти факторы вызывают недопонимание. К сожалению, недопонимание является обычным явлением - слушатель или читатель иногда не понимает, что сказано или написано. До появления письменности люди использовали изображения (наскальные рисунки), которые превратились в словесные символы. Когда люди собираются говорить или писать, они формируют свои мысли таким образом, чтобы они соответствовали контексту или ситуации. Но в действительности желания не

совпадают с результатом. Смысл слов или предложений иногда отличается от формы слов.

Модальность является предметом исследования многих лингвистов, которая основывается на достижениях логики, семиотики и психологии. В силу своей специфики модальность до сих пор не получила полного объяснения.

Модальные глаголы используются для обозначения различных значений или действий, таких как запрос, обязательство, приказ, разрешение и т.д. Со всеми различными оттенками значения, использование модальных глаголов представляет собой огромную проблему для студентов. Если учащиеся неправильно используют модальный язык, это изменит предполагаемое намерение или тон их высказывания, заставив их казаться грубыми или неуверенными. Важно помнить, что многие варианты использования модальных глаголов зависят

так же и от культуры речи. Использование модальных глаголов - одна из самых проблемных областей в английской грамматике. Модальные глаголы имеют несколько значений, и существует множество способов их использования. Кроме того, значения модальных глаголов могут быть выражены множеством различных способов с привлечением других грамматических и лексических элементов. Между носителями английского языка существуют определенные различия в правильном использовании модальных глаголов.

В русском языкознании категорию модальности исследовали А.Х. Востоков, В.А. Богородицкий, Шахматов А.А. Потеня, Е.М. Пешковский, И.И. Мешанинов и др. Особо следует отметить также заслуги В.В. Виноградова по изучению модальности. По мнению В. В. Виноградова, модальность отражается в первую очередь в предложениях и во всех косвенных формах глагола, выраженных в синтетических и аналитических формах. Следует отметить, что, несмотря на многочисленные исследования, некоторые проблемы, связанные с модальностью, еще не решены. Одна из этих проблем - категория, к которой применима модальность.

В лингвистике различают два основных подхода к категории модальности – это широкая и узкая модальности. Модальность в широком виде трактуется как категория предложения, которая выражает отношение говорящего к событиям. Такой подход к модальности свойственен в русистике и просматривается в трудах В.В. Виноградова и его сторонников. Эмоции могут быть выражены и описаны, а модальность невозможно передать описательно. (2)

Модальность выражается грамматическими и лексическими средствами (формами наклонений, модальными словами и частицами, интонацией). Как известно, существуют разные принципы разделения модальности, но традиционным является деление модальности на три типа: объективную, субъективную и производную модальность.

Объективная модальность - выражение отношения, сообщаемого к действительности. Грамматическими средствами выражения объективной модальности являются категория наклонения, категория времени, различные типы интонации.

Кроме того, учёными-лингвистами выделяется модальность субъективная: выражение отношения лица, говорящего к сообщаемому (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, экспрессивная оценка). Языковыми средствами выражения субъективной модальности являются порядок слов, интонация, лексические повторы, модальные слова и частицы, междометия, вводные слова и словосочетания, вводные предложения.

Существуют следующие типы модальности:

1. Модальность, выражающая действительность - высказывание говорящего соответствует объективной реальности. Субъект воспринимает высказывание как истинный и реальный факт.
2. Модальность, выражающая нереальности - данная информация или указанное содержание противоположны объективной реальности. Субъект считает это нереальным, возможным или невозможным, желательным, нереализованным или предполагаемым.

В свою очередь М.В. Зайнуллин подразделяет модальность, отражающая нереальность, на следующие подгруппы:

1. модальность, обозначающая важность и необходимость (Debitival);
2. модальность, обозначающая возможность и невозможность (Potensial);
3. модальность предположений и сомнений (Hipotetik);
4. модальность обозначающий приказ (Imperativ);
5. модальность выражающая намерение (Intensional);
6. модальность выражающая пожелание (Optative) (3);

В своей исследовательской работе Ф.Ф. Джохангиров выделяет следующие виды модальности:

- утвердительная или отрицательная модальность;
- объективная или субъективная модальность;
- истинная или ложная модальность;
- реальная или нереальная модальность;
- желательная или нежелательная модальность;
- возможная или непредсказуемая модальность;
- необходимая или ненужная модальность;
- важная или неважная модальность;
- временная модальность; (6,11)

А.А. Худяков дал следующую классификацию категорий модальности: объективная модальность - алетическая (аподиктическая, ассерторическая) и деонтическая; субъективная модальность – эпистемический и аксиологический.

По мнению А.А. Худякова человеку могут быть присущи знак и качество предмета или могут и не быть. Например, в предложениях: Alex is a talented pupil; The weather is good; The bus go away субъект и объект отмечены качествами и характеристиками, которыми они обладают. Модальность таких суждений называется ассерторической модальностью. (5)

Аподиктическая (греческое слово, означающее логическое значение, неопровержимый) и напористая (латинское слово для утверждения) могут быть объединены, если они отражают объективную реальность и не зависят от субъективных факторов. Аподиктическая и утверждающая модальность являются подтипами объективной модальности.

Другой тип объективной модальности называется деонтической. Деонтическая модальность (греческое слово, производное от деонтологии, означающее науку о долге) – состоит из норм, определенных обществом, социальными группами. Такие нормы могут быть двух типов: правовые и этические. Хронологически они возникают после первого (юридического) и второго (этического), то есть после создания государства устанавливаются правовые нормы. В качестве примера деонтической модальности можно привести следующие предложения:

Man must be honest. - Все должны быть честными.

*Children **ought to respect** their parents. - Детям нужно уважать своих родителей.*

Анализ этих двух типов объективной модальности показывает, что алетическая модальность, основанная на законах природы и объективной реальности, фундаментально отличается от деонтической модальности, которая состоит из норм, разработанных и соблюдаемых людьми и обществом. В деонтической модальности нормы и законы создаются и регулируются людьми и обществом, в то время как в алетической модальности воспринимается только объективная реальность (6).

Второй тип модальности – субъективная модальность. Субъективная модальность относится к отношению говорящего к выражаемой мысли или высказыванию. Субъективная модальность имеет эпистемические и аксиологические подтипы.

В случае эпистемической модальности (греческое слово, означающее науку о восприятии) говорящий выражает свои мысли о речи. В этом случае используются, например, следующие выражения: *I know that..., I believe that..., I am sure that..., u m.д.*

Следует отметить, что вторым подтипом субъективной модальности является аксиологическая модальность (аксиология – это греческое слово, означающее науку о ценностях). В этом случае говорящий использует предикаты *good u bad*.

Средства выражения субъективной модальности богаты. Субъективная модальность может быть выражена интонацией, порядком слов, синтаксическими повторениями, конструкциями, обозначающими интенсивность и непрерывность, привычками, модальными словами, междометиями и предложениями. (6, 11)

Позиция лингвистов относительно средств выражения модальности различна. Некоторые лингвисты отмечают, что средства выражения модальности относятся только к лексической категории, и поэтому выражаются лексически. Другие считают модальность грамматической категорией и выражают ее грамматически.

В предложениях модальные слова могут выполнять различные синтаксические функции:

- выступать в качестве промежуточного слова в предложении;
- работать в диалоговой речи как предложение;
- служить для связывания независимых предложений в тексте.

«Модальность, которая является параметром содержания предложения, выражается через различные систематические языковые уровни. Такие средства иногда называют модусами. К их числу относятся формы наклонения глагола, модальные и модализованные глаголы, модальные слова и даже интонация.» (5, 66).

Модусы делятся на две группы:

1. **de re** (с латинского «о вещи»);
2. **de dicto** (латинского «о том, что сказано»);

Объективная модальность реализуется с помощью первой, а субъективная эпистемическая модальность выражается с помощью второй.

Грамматическая структура режимов **de re** более проста, поскольку они не требуют наличия режимов **de dicto**. Однако структуры **de dicto** модусов более сложны, потому что они обязательно требуют наличия **de re** модусов. И это логично: эпистемическая модальность включает в себя не только объект и его знак, отношение между ними (объективную модальность), но и субъект, оценивающий это объективно-модальное отношение (5, 66).

I think that he is brave, где **I think de dicto** является основной частью сложноподчиненных предложений, используемых для вынесения суждений о типах, потому что он выражает отношение автора к идее (**de re** модус).

Из вышесказанного ясно, что одни и те же языковые единицы могут действовать как **de dicto**, так и **de re**. Таким образом, модальный глагол *must* обычно может действовать как аподиктический подтип алетической модальности (*Alex must go*), как деонтическая модальность (*Everyone must follow etiquette*).

В той же ситуации модальный глагол **can** может действовать как деонтический подтип алетической модальности, например:

Alex can write. – Алекс может писать. (асерторический подтип алетической модальности).

Другими словами, модальный глагол **can** может действовать как модус **de re**, выражая предметную модальность. Модальный глагол **can** также может действовать как модус **de dicto**, отражающий эпистемическую модальность, например:

Alex can be writing a letter now. – Может быть Алекс сейчас пишет письмо.

Рассмотрев эти примеры, мы можем сделать вывод, что модальность выражается через модусы **de dicto**, потому что средства выражения модальности, в этих предложениях, показывают точку зрения говорящего. Например:

Alex looks excited = Alex is excited = I think that Alex is excited. – Алекс выглядит взволнованным. = Алекс взволнован. = Я думаю, что Алекс взволнован. (5, 67).

Таким образом, в современном английском языке модальность имеет разные средства выражения на грамматическом, лексическом и интонационном уровне. Она может быть выражено глагольными формами, модальными глаголами (can, may, must и т.д.), модальными словами (perhaps, surely, certainly), фонетическими средствами (интонацией и ударением).

В современном английском языке модальные слова, выражающие субъективное отношение к действительности, в основном делятся на четыре группы:

1. Модальные слова, выражающие сомнение и подозрение, например:
maybe, perhaps, probably, possibly, evidently, presumably, obviously, apparently;
Perhaps we will go to the movie. - Возможно, мы сходим в кино.
We may possibly run into them at the concert. - Возможно, мы встретимся с ними на концерте.
2. Модальные слова для обозначения симпатий или антипатий, например: *fortunately, unfortunately, luckily, unluckily, happily, unhappily;*
Unfortunately, the trip to dreamland was short. – К сожалению, поездка в страну грез была недолгой.
3. Модальные слова, которые служат для усиления смысла, например: *really;*
You know, the sheep is really big. - Знаете, овца действительно большая.
4. Модальные слова, выражающие уверенность, например: *of course, surely, to be sure, sure enough, obviously, no doubt, naturally, really, certainly, undoubtedly, decidedly, in fact, indeed;*
Reduction of inflation is of course a high policy priority. - Снижение инфляции, конечно, является одним из главных приоритетов политики.
They are indeed key to ending conflicts and to stabilizing war-torn countries. - Они действительно являются ключом к прекращению конфликтов и стабилизации раздираемых войной стран.

Хотя модальные слова близки по значению, каждое из них имеет определенный оттенок значения. В современном английском языке суффиксы, означающие сокращение и уменьшение, могут принадлежать к морфологическим средствам выражения модальности, например: *-let, -ule, -ette, -kin, -ock, -ling, -y.*

Некоторые суффиксы, которые добавляются к существительным, являются стилистически нейтральными, также обозначают небольшой размер или вес. Например,

Let (islet - остров; booklet - буклет), -kin (lambkin - ягненок; boykin - мальчик), -ule (spherule - маленькое сферическое тело, animacule - животное), -ette (kitchenette - маленькая кухня, balconette - небольшой балкон), -ock (hillock - холм, paddock - загон, bullock - волчонок).

Суффиксы, придающие положительное или отрицательное стилистическое значение. Например,

-ling добавляется к существительным, которое употребляется в уменьшительно-ласкательном значении, (catling – котейка, firstling – первенец).

-ling может быть использован и в негативном смысле (неуважение, оскорбление), (*weaking* – слабый, *snakeling* – змея (злаязычный)).

Категория модальности включает объективную модальность, которая традиционно составляет ядро этой категории и выражает отношение доставленного к реальности, и субъективную модальность, которая выражает отношение говорящего к сообщению и степень уверенности в нем. определяет вероятность действительности мнения, которое отражает факты или конкретное мнение. Модальность описывает особенности использования языка, а не некоторые особенности, качества или характеристики мира, и относится к категориям, которые имеют функцию связи между говорящим и его речью.

Как отмечают многие лингвисты, между субъективной и объективной модальностями нет резкой границы. Многие работы посвящены категории модальности, но наиболее распространенное определение модальности связано с тем, что эта категория выражает свое отношение к действительности с точки зрения сообщения.

Таким образом, модальность – это грамматико-семантическая категория, которая выражает отношение говорящего к тому, что он говорит, его оценку отношения доставленного человека к объективной реальности. Содержание заявления можно рассматривать как реальное или нереальное, возможное или невозможное, необходимое или вероятное, желаемое или нежелательное. Модальность может быть выражена как грамматическими, так и лексическими средствами (формами настроения, модальными словами и частицами, интонацией и т.д.)

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что модальность до сих пор не получила полного объяснения в связи с ее многоплановостью, специфичностью языкового выражения и функциональными особенностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базалина Е.Н. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в художественном тексте (сопоставительный анализ немецкого и русского языков): Автореф. дис. .канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 38с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. В кн.: Труды института русского языка, т. 2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с.38-79
3. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 1986. - 123 с.
4. Крылова И.П. Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка. (A Grammar of Present-day English), М.: Книжный дом Университет, 2004. — 442 с
5. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка, Москва, Изд ЛИЯ, 2010, 256 стр.
6. Cahangirov F.F. İngilis və Azərbaycan dillərində modallığın struktur-semantik tədqiqi, Bakı, 2005, 281 s.

© Исаева Айгюн Ханоглан гызы (isa-06a@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бакинский славянский университет

НОВОНАЙДЕННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В «СОБОРНИКЕ ЖИТИЙ ГРЕЧЕСКИХ СВЯТЫХ» НИЛА СОРСКОГО

Караваяева Полина Юрьевна

старший преподаватель, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва)
ikaravaeva30@yandex.ru

**NEWLY DISCOVERED LEXICAL
SUBSTITUTIONS IN THE "COLLECTION
OF LIVES OF GREEK SAINTS"
BY NILUS OF SORA**

P. Karavaeva

Summary: The article is devoted to research of exclusive lexical substitutions that were found in the Life of St. Theodore the Studite, edited by Nilus of Sora. We have considered cases of lexical editing of the established antigraph text. It is shown that the scribe carried out a comparison of the Slavic lists without reconciliation with the Greek original. At the same time, the art of Nilus the editor manifested itself in the ability to most accurately convey the original meaning of each fragment and adapt the ancient translation of the 12th century for the correct perception of the text by scribes of the 15th century era, in which there were progressive changes in the norm of the Church Slavonic language of the Russian edition.

Keywords: lexical norm, "Collection of Lives of Greek Saints", Nilus of Sora, main antigraph, autograph, Greek prototype.

Аннотация: Статья посвящена исследованию эксклюзивных лексических замен, обнаруженных в отредактированном Нилом Сорским «Житии Святого Феодора Студита». В ней рассмотрены случаи лексической правки установленного текста-антиграфа, показано, что книжник осуществлял сличение славянских списков без сверки с греческим оригиналом. При этом искусство Нила-редактора проявилось в умении наиболее точно передать исходный смысл каждого фрагмента и адаптировать древний перевод XII в. для верного восприятия источника книжниками эпохи XV в., когда происходили поступательные изменения в норме церковнославянского языка русского извода.

Ключевые слова: лексическая норма, «Соборник житий греческих Святых», Нил Сорский, основной антиграф, автограф, греческий оригинал.

В истории книжно-славянской письменности русского извода XV век ознаменован появлением ярких фигур авторов и редакторов, развитием нормализаторской деятельности в книжных центрах (Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоцком монастырях, Троице-Сергиевой Лавре) и поступательными изменениями в норме церковнославянского языка, обусловленными как привнесением в Московскую Русь корпуса новых южнославянских переводов XIII–XIV вв. и правленных редакций древних текстов [22, с. 147–175], так и существенными изменениями в старорусском языке. Именно в эту эпоху Преподобный Нил Сорский создает «Соборник житий греческих Святых» (1488–1508 гг.) [7; 8]. Среди множества житийных сборников второй половины XV – начала XVI в. подобранный, упорядоченный по принципу минеи триптих Нила представляется уникальным памятником письменности, поскольку введение каждого агиографического текста в «Соборник» заволжский старец предваряет кропотливым исследованием текстологической традиции жития и правкой антиграфа на языковом уровне. Осуществленное нами сопоставление вошедших в труд Нила редакций житий Св. Афанасия Афонского, Св. Онуфрия Пустынного, Св. Феодора Студита и Св. Николая Студита с установленными основными антиграфами [6; 9; 10; 11] позволило обнаружить нам несколько типов исправлений,

осуществленных книжником. Во-первых, великий старец последовательно заменял архаизмы, лексические (**пщевати**→**помыслити**, **взимьствіє**→**заточеніє**) и семантические (**износити**→**изрещи**), на эквиваленты, понятные книжнику эпохи XV в. Во-вторых, в русле традиций Афонской книжной школы Нил исправлял лексические регионализмы на соответствующие по смыслу нейтрально-книжные слова (**почати**→**начати**, **любострадный**→**трудолюбезный**, **дѣла**→**ради**). И при выборе слова учитывал, как эволюционировала его семантика, в каком значении слово употреблялось в житийных текстах, переводных и оригинальных, второй половины XV – первой трети XVI в. (**вонѧ**→**благооханию**, **добровонию**→**благооханию**). Впрочем, некоторые случаи лексической правки мы не можем интерпретировать столь однозначно. Рассмотрим подробно несколько таких новонайденных в «Соборнике» Нила лексических замен (по данным Жития Св. Феодора Студита).

СЪТЪСЪНИТИСА – СЪКЛАНАТИ (СА)

В Житии Св. Феодора Студита (далее – ЖФСт) по древнейшему списку XII в. [3] употребляется глагол **сътѣснати** 'застенять, закрывать от света' [21, т. 3, с. 833], соответствующий в греческом оригинале глаголу **συ-στοιχῆω** 'принадлежать к тому же роду и разряду;

стоять на одной линии, в одном ряду (с кем-л.): Как известно, ЖФСт принадлежит к кругу переводов с греческого, осуществленных южнославянскими книжниками под влиянием восточнославянского языкового узуса в Киевской Руси, поэтому в лексиконе переводного жития присутствуют как южнославянские, так и восточнославянские элементы. Обратившись к списку КБ-30/1107 [16], послужившему основным антиграфом для текста ЖФСт в составе «Соборника» Нила, обнаруживаем, что это слово передано переписчиком ошибочно. Вероятно, **сѣстѣнати** было неверно истолковано копиистом или вовсе не известно ему (приведен единственный пример употребления данного слова) [21, т. 3, с. 833]. В результате создатель списка КБ-30/1107 использовал материально сходный глагол **сѣтѣсьнитиса** 'столпиться' [21, т. 3, с. 855]: Τοῦτω τοῖγαροῦν ἄνωθεν μὲν καὶ κατὰ κορυφῆν δένδρα ποικίλα καὶ παντοδαπὰ ἴστανται, τὰ μὲν τέχνη εἰργασμένα, τὰ δ' αὐτομάτως φύσαντα · ἃ καὶ κύκλῳ συνηρεφοῦνται, καὶ πανταχοθεν εἰς ἄλληλα συστοιχοῦντα [26, р. 121] — **на высотѣ бо и на верхоу древа различнаа и всачьскаа стоахоуть. ѡва хитростию оустроена. ѡва же сама растуща. ѡаже ѡкрѣтъ ѡгражѣна и покрѣта ѡвсюдоу. другъ къ друогу стѣснаема кругло мѣсто сѣврѣшають путемъ токмо единѣмъ входящимъ ѡставивша вхѡ^а** [16, л. 308] – **на высотѣ горы древа различнаа имѣа стоаща, и плоды доволны имоуща. і ова ѡ древесъ ѡнѣхъ хитростию устроена, ѡва же сама растуща. ѡаже ѡкрестъ ѡгражена ѡвсюдоу, и друо ку друоогу сѣкланемо, благосѣнено мѣсто сѣтворяю^т. распостерто же и равно и кругловидно бѣ мѣсто оно. и единѣмъ поутемъ точию въско^а имѣа** [15, л. 119]. Заменяя **другъ къ друогу стѣснаема** на **и друо ку друоогу сѣкланемо**, Нил исправляет явную ошибку переписчика и подбирает подходящий по контексту и регулярно употребляющийся в текстах XV–XVI вв. глагол **сѣкланати** 'нагибать, наклонять'.

Непьщевати – помыслити

На некоторые из осуществленных заволжских старцем лексических замен следует обратить особое внимание, поскольку, с одной стороны, они подтверждают, что Нил Сорский не располагал греческим оригиналом, а с другой стороны, служат доказательством того, что при редактировании текста основного антиграфа книжник придерживался выработанной им определенной системы внесения исправлений. К ряду таких примеров принадлежит и замена **непщевати** → **помыслити**: **емоу же проповѣдану бывшоу. по всѣмъ слышатель бывшемоу и самъ бываетъ цѣрь. ѡже и ѡростію оулютивса. но ѡбаче кростію [вм. кротостию] нѣчто зданіе въ себѣ непщеваетъ. и покорити мнѣвъ на мало** [16, л. 325 об.] – **сему же проповѣдану бывшу въ всѣхъ. слышатель бывшему і самъ бывае^т царь. ѡростію оулютиса мноою. но ѡбаче кротостію помысли, и ласканіемъ прп^абнаго покорити себѣ** [15, л. 127 об.].

Обратившись для выявления причины, осуществленной редактором замены к греческому оригиналу и списку ЖФСт в составе Выголексинского сборника обнаруживаем, что в древнейшем списке исследуемого жития употреблен глагол **пщевати (въ себе пщеваетъ** [3, с. 200]) в соответствии с ὑποκρίνομαι оригинала (ἐν ἑαυτῷ ὑποκρίνεται [26, р. 137]). В абсолютном большинстве древнерусских памятников письменности [18, т. 9, с. 401] глагол 1) **пщевати** обозначает 'думать, полагать (обычно ошибочно)'; например, в ЖФСт, в Изборнике XIII в., в Словах Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского и 2) **пщевати** обозначает 'думать, полагать', например, в Хронике Георгия Амартола, близкой по лингвистическим характеристикам гимнографическим памятникам и произведениям учеников Свв. Кирилла и Мефодия [12, с. 350–356; 13].

В анализируемой же нами части текста, слово **пщевати** (2) засвидетельствовано в совершенно ином значении – 'изображать, имитировать' [18, т. 9, с. 401–402], что подтверждает и сопоставление с греческим оригиналом (ὑποκρίνομαι 'играть на сцене' / 'разыгрывать, симулировать'). Поэтому фрагмент следует понимать: ἐπιεικείας τι πλάσμα ['некое подобие'] ἐν ἑαυτῷ ὑποκρίνεται – «**ѡростію оулютивъ сѡ**» **нѣ ѡбаче кротостію нѣчто зданіе. въ себе пщеваетъ** – 'разыгрывает некую видимость кротости'. Другие примеры подобного употребления **пщевати** в древнерусской письменности не зафиксированы [18, т. 9, с. 401–402; 21, т. 2, с. 1781; 19, вып. 21, с. 80–81]. Таким образом, привлечение данных греческого оригинала и древнейшего славянского списка ЖФСт позволило обнаружить ошибку, допущенную переписчиком рукописи КБ-30/1107: **пщевати** → **непщевати**. Теперь рассмотрим, в каком значении в древнерусских памятниках письменности встречается глагол **непщевати**.

Непщевати фиксируется в древнерусских текстах в значении 1) 'думать, полагать', *измышлять, не придумывать причины греха* [18, т. 5, с. 346], т.е. выступает в качестве синонима **пщевати** (2) 'думать, полагать'. И примеров употребления **непщевати** в значении 'изображать, имитировать', конечно, не отмечено. Наиболее вероятно, что создателем списка КБ-30/1107 была неверно интерпретирована семантика глагола **пщевати** как 'думать, полагать' и по какой-то причине подобран синоним **непщевати**, реализующий исключительно это значение.

Старец Нил при редактировании текста антиграфа исправляет **непщевати** на более употребительный в агиографических источниках XV – начала XVI в. синоним **помыслити** [19, вып. 17, с. 40]. Во-первых, такой характер замены свидетельствует о стремлении книжника к *устранению устаревших малоупотребительных слов* и их замене соответствующими по смыслу эквивалентами. Во-вторых, подтверждает, что в распоряжении у сор-

ского подвижника не было оригинала, т.к. обращение к греческому протографу позволило бы Нилу обнаружить ошибку переписчика рукописи КБ-30/1107.

Причьть – избраник

В списке ЖФСт, которым располагал Нил Сорский, и в Выголексинском сборнике в соответствии с ψῆφος греческого оригинала употреблено существительное **причьть** в значении ‘избрание посредством голосования’ [18, т. 8, с. 644]. При редактировании Нил заменил **причьть** на **избраник**: «δει γὰρ ὁ σοφώτατος πρὸς τίνα οὗτοι τὴν ψῆφον ἐνέγκοιεν. Ὡς δ’ ἅπαντες μᾶ καὶ φωνῆ καὶ γυνῶμῃ τὸν Θεόδωρον ἔφασαν κρείττονα πρὸς ἐπίστασιαν τῶν πάντων τυγχάνειν [26, р. 133] – **свѣдаше бо моудрый на кого си прічьть възложить. иако же вси единѣмь и гласомъ и разоумомъ фео^ара нарекоша лоучьша къ наставленію всѣмъ быти** [16, л. 320 об.] – **свѣдаше бо мѣрыи иако не на иного кого, но на фео^ара избраніе възложатъ. і иако убѣ единѣмъ гласѣмъ вси рѣша, не быти лучше фео^ара къ наставленію** [15, л. 125]. Обращение к данным исторических словарей позволило нам установить, что в старославянских письменных памятниках [20, т. 3, с. 324] **причьть** засвидетельствовано только значениях 1) ‘принадлежность, должность, звание’ и 2) *причт церковный*.

В древнерусской письменности **причьть** фиксируется достаточно регулярно (165 случаев) в пяти значениях [18, т. 8, с. 643–644]: 1) ‘клир, причт, состав лиц, поставленных на служение в церкви, как священнослужителей (священник и дьякон), так и церковнослужителей (дьячки, чтецы, псаломщики, пономари)’ – в Ефремовской кормчей – переводе, выполненном южнославянскими книжниками на Руси в XI – начале XII в., в Сказании о Свв. князьях Борисе и Глебе по списку «Сильвестровского сборника» XIV в.; 2) ‘духовенство, священнослужители’ – в ЖФСт по списку Выголексинского сборника, в Студийском уставе, примыкающем древнерусским переводам с греческого и обнаруживающем сходство с языком Ефремовской кормчей (XII в.), в Ефремовской кормчей, Лобковском прологе 1262/1282 г., Рязанской кормчей 1284 г., в основе которой лежит «Сербский номоканон», в Мерице праведном; 3) ‘член причта, клира’ – в Рязанской кормчей 1284 г.; 4) ‘избрание посредством голосования’ – в ЖФСт по Выголексинскому сборнику и Ефремовской кормчей; 5) ‘мнение, решение, постановление, волеизъявление’ – в Ефремовской кормчей, в Сказании о Свв. Борисе и Глебе по списку Успенского сборника XII в., в Прологе мартовской половины 1383 г.

Однако следует обратить особое внимание, что **причьть** встречается в весьма ограниченном круге текстов. Например, **причьть** не обнаруживается вовсе в переводах, выполненных древнерусскими книжниками на Руси (Александрии, Житии Св. Андрея Юродивого, Пчеле [14], Истории Иудейской войны Иосифа Флавия [5], Пове-

сти об Акире Премудром и цикле из шести Чудес Св. Николая Мирликийского), в оригинальных древнерусских житиях XII–XIII вв. (Житиях Св. Авраамия Смоленского, Св. Леонтия Ростовского), памятниках паломнической литературы и летописном материале.

Обращение к источникам разного времени происхождения и локализации позволило установить, что **причьть** ‘избрание посредством голосования’ в старославянских источниках не фиксируется вовсе, в древнерусских текстах в данном значении сущ. обнаружено лишь дважды – в исследуемом ЖФСт и в Ефремовской кормчей. Особенно важно, что оба источника принадлежат к особой группе переводов с греческого, выполненных южнославянскими книжниками в Древней Руси. Создателями Словаря русского языка XI–XVII вв. [19, вып. 20, с. 77–78] употребление слова **причьть** в значении ‘выбор, голос при выборах’ засвидетельствовано в тех же переводных древнерусских текстах. В поздних текстах XV – XVII вв. **причьть** в данном значении не встречается вовсе [19, вып. 20, с. 77–78]. Очевидно, старец Нил устраняет архаизм, *редко фиксирующийся исключительно в особой группе древних славянских переводов с греческого*, и заменяет устаревшее и малознакомое книжникам XV–XVI вв. слово на широкоупотребительный в житийных текстах XV–XVI вв. синоним **избраник** [19, вып. 6, с. 101].

Оуи – по мѣри дада

При изучении осуществленных старцем Нилом лексических замен становится очевидно, что книжник не просто стремится исправить архаизм на синоним, регулярно фиксирующийся в житиях XV в., а подбирает наиболее точный эквивалент заменяемого слова, чтобы ни в коей мере не исказить исходный смысл фрагмента. Так, в основном антиграфе ЖФСт используется существительное **оуи** ‘дядя по матери’, замененное Нилом на синоним, понятный книжнику эпохи второй половины XV – начала XVI в.: ‘Επει δ’ εἶς τῶν συνεληλυθόντων καὶ Πλάτων ἐτύχχανεν ὁ ἱερώτατος, ὁ καὶ πρὸς μητρὸς θεῖος τῷ Θεόδωρῳ [26, р. 120–121] – **в сѣ^х оубо бѣ сѣнными платонѣ. иже и по мѣри сыи. оуи февдору** [16, л. 307] – **в сихъ оубо и сѣнными платонѣ баше, иже по мѣри дада блѣжнему фео^ару** [15, л. 118 об.]. Согласно данным исторических словарей [20, т. 4, с. 622; 21, т. 3, с. 1175], **оуи** редко фиксируется в памятниках книжно-славянской письменности: слово единожды засвидетельствовано в старославянских текстах (Житии Св. равноапостольного Кирилла), спорадически встречается в древнерусских памятниках (дважды встретилось в переводных ЖФСт и Житии Николая Студита; чаще фиксируется в летописях, например, в ПВЛ по Ипатьевскому списку (около 1425 г.) и в Волынской летописи 1262–1292 г., представляющей собой заключительную часть Ипатьевского свода первой четверти XV в.). Совершенно очевидно, что в данном случае главной причиной замены послужило желание книжника устранить архаизм, который мог быть неверно истол-

кован иноками, его учениками при изучении житийного текста. И при этом особо обращает на себя внимание тот факт, насколько скрупулезно Нил подобрал лексическую замену **оуи** → **по мѣри дада**, полностью передав изначально заложенный во фрагмент смысл.

Износити – изрещи

При редактировании текста ЖФСт Нил исправляет глагол **износити** ‘распространять, делать известным для многих’ [18, т. 4, с. 53] на синоним **изрещи** ‘сообщить, рассказать, довести до чьего-л. сведения’ [18, т. 4, с. 90]: **и мнѣхы толѣкы оустроивыи. достойно вса и дѣланіа его поманути. и подвигі его и стрѣти износити. вкоупѣ же и елико хѣ ради пострада изрещи. его же и раны на тѣлѣ понесѣ по апостолу** [16, л. 303] – **и иноки толики на сію възвѣа. того ради дѣланіа подвигъ его достойно всѣх поманути. и страданіа его изрещи, елико ѡ хѣ тѣ" пострада, и иззвы его на тѣлѣ своемъ по апѣлу понесе** [15, л. 115 об.]. Для выявления причин осуществленной старцем замены обратимся к данным исторических словарей.

В старославянских рукописях [20, т. 1, с. 755] – Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом Евангелии – **износити** фиксируется только в значениях ‘выносить’ (1) и ‘производить, плодить’ (2). Кроме того, **износити** ‘выносить’ зафиксировано в восточноболгарской Супрасльской рукописи, в Апостоле Гршковича [17], одном из древнейших южнославянских глаголических списков Апостола (XII в.), в болгарском Македонском Апостоле XII в. [20, т. 1, с. 755]. В значении ‘производить, плодить’ слово засвидетельствовано рукописях различного происхождения: в Христинопольском Апостоле, рукописи XII в., созданной в западной части Киевской Руси, в оригинальном древнеболгарском сочинении – Похвальном слове Свв. Кириллу и Мефодию, входящем в Успенский сборник XII–XIII вв., в среднеболгарском книжном памятнике – Слепченском Апостоле XII в. и в Шишатовском Апостоле 1324 г., памятнике сербского извода церковнославянского языка. Как мы видим, ни в древнейших рукописях, ни в более поздних южнославянских текстах XII–XIV вв. **износити** не фиксируется в интересующем нас значении ‘распространять, делать известным для многих’.

В Сказании церковном, памятнике, отражающем македонский узус конца IX в., т.е. традицию учеников Кирилла и Мефодия, **износити** не отмечено [1, с. 289]. В переводном с греческого памятнике древнеболгарского происхождения X в. **износити**, по нашим наблюдениям, фиксируется только в значении ‘выносить’ [23, с. 127; 4, с. 49, 51, 57, 138, 261, 300, 318, 363]. В Изборнике 1073 г., принадлежащем к восточноболгарским текстам, **износити** встречается лишь дважды [17, с. 70] и в обоих случаях глагол обозначает ‘произносить, высказывать’: Син. 1043 (Изборник Святослава. 1073 г.) **Яко же бо и на слово невидимою дѣшною съмышлению на свѣтъ**

износи (л. 221), **аѣтеломъ оубо іако же разоумѣвати и безъ износимааго слова** (л. 224). Так, в рассмотренных текстах не обнаружено примеров использования глагола **износити** в значении ‘распространять, делать известным для многих’. В Ефремовской кормчей XII в. глагол **износити** не засвидетельствован в интересующем нас значении [2; 25, с. 100].

В «Пчеле», принадлежащей группе переводных с греческого текстов, выполненных восточнославянскими книжниками, **износити** зафиксировано дважды исключительно в значении ‘извлекать’: **Сѣтъ еуѣліа. Благыи члѣвкъ ѡ блѣга скровища износитъ блѣга, а лоукавыи ѡ лоукаваго износитъ злаа**, л. 111 об. [14, т. 1, с. 352; т. 2, с. 138; 18, т. 4, с. 52]. В Истории Иудейской войны обнаружен один пример употребления **изнести** – в значении ‘вынести’ [5, т. 1, с. 163; т. 2, с. 58]. Итак, приведенные выше данные свидетельствуют о том, что **износити** (**изнести**) ‘распространять, делать известным для многих’ не встречается ни в древнейших старославянских рукописях, ни в древнемакедонском Сказании церковном, ни в древнеболгарском Синайском патерике, ни в Изборнике Святослава 1073 г., ни в Ефремовской кормчей XII в., ни в древнерусских переводах с греческого, ни в среднеболгарских текстах, ни церковнославянских текстах XIV в. сербского извода.

Согласно данным исторических словарей [18, т. 4, с. 53; 19, вып. 6, с. 188–189], **износити** ‘распространять, делать известным для многих’ все же встречается и в других древнерусских текстах, хоть и сравнительно редко: единожды в исследуемом ЖФСт, в Хронике Георгия Амартола, а также в Пандектах Никона Черногорца конца XII в., принадлежащих к группе переводов с греческого, сочетающих яркие южнославянизмы и восточнославянские регионализмы, созданном в одном из монастырей Святой Горы Афон [12, с. 350–356]. В памятниках XIII–XVII вв. **износити** и вовсе не встречается в этом значении [19, вып. 6, с. 188–189]. Таким образом, становится совершенно очевидно, что старец Нил устраняет семантический архаизм **износити**, заменяя его подходящим по смыслу и широкоупотребительным в текстах XV–XVI вв. синонимом **изрещи** ‘сообщить, рассказать, довести до чьего-л. сведения’ [18, т. 4, с. 90; 19, вып. 6, с. 204].

Таким образом, на фоне большинства лексических замен в правленном старцем Нилом Житии ЖФСт и других агиографических текстах в составе Соборника, имеющих строгий системный характер и относительно свободно распределяющихся по группам, некоторые требуют особого рассмотрения. Во многом это обусловлено наличием в исследуемом тексте большого количества ошибок переводчика и переписчика (по КБ 30/1107) и редко употребительных лексем. Данные ошибки встречаются спорадически и обусловлены неполной передачей греческого слова, смешением схожих греческих слов, итализмом и т. д., поэтому к исправлению каждой старец

Нил подходил индивидуально.

В целом исследование особенностей правки житий на лексическом уровне позволило сделать вывод о том, что в отредактированных Нилом Сорским на лексико-грамматическом и текстово-речевом уровнях текстах житий гармонично переплетены нормализаторские принципы, выработанные в афонских книжных центрах в XIII–XIV вв., и представление о лексической и грамматической норме агиографических источников, сложившее-

ся к середине XV – начале XVI в. в центрах старорусской книжности. Труд великого старца Нила Сорского оказал исключительное влияние на развитие нормы книжно-славянского языка XV–XVI вв., явившись во многом звеном общей нормализаторской деятельности, развивавшейся в афонских и константинопольских обителях, и на распространение переводных житий греческих Святых в русской книжности, поскольку правленные заволжским старцем агиографические тексты впоследствии распространились во множестве списков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XIV вв. Исследование и тексты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 394 с.
2. Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1906. 840 с.
3. Выголексинский сборник. Изд. подгот.: Котков С.И. (ред.), Дубровина В.Ф., Бахтурина Р.В., Голышенко В.С. М.: Наука, 1977. 648 с.
4. Голышенко В.С. Синайский патерик. Изд. подгот. Голышенко В.С., Дубровина В.Ф. М.: Наука, 1967. 412 с.
5. История Иудейской войны Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Отв. ред. А.М. Молдован. Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин: в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 880 с.; Т. 2. 840 с.
6. Караваева П.Ю. К вопросу об основных принципах редактирования Нилом Сорским житий греческих Святых // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2019. № 51. С. 90–101.
7. Леннгрен Т.П. Сборник Нила Сорского; в 3 ч. Ч. 1. М.: Языки русской культуры (Studia philologica), 2000. 472 с.
8. Леннгрен Т.П. Сборник Нила Сорского. Указатель слов: А–Н. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2005. 568 с.
9. Леннгрен Т.П. Автограф Нила Сорского: «преписана бы с книги, старца Нила» // Palaeoslavica. 2010. Vol. XX. No. 1. P. 197–242.
10. Леннгрен Т.П. Житие Феодора Студита в автографе Нила Сорского // Palaeoslavica. 2012. Vol. XX. No. 1. P. 134–206.
11. Леннгрен Т.П. Переводные жития преподобных святых в древнерусской книжности до и после создания «Сборника» Нила Сорского (Часть I) // Palaeoslavica. 2012. Vol. XX. No. 2. P. 283–301.
12. Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. 403 с.
13. Пичхадзе А.А. О функционировании древнерусской церковной книжной и обиходной терминологии // Русский язык в научном освещении. 2018. № 2 (36). С. 68–86.
14. Пчела. Древнерусский перевод. Отв. ред. А.М. Молдован. Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. Т. 1. 888 с.; Т. 2. 640 с.
15. Российская государственная библиотека. Ф. 304.1. Собр. Свято-Троице-Сергиевой Лавры. № 684 (ТСП-684).
16. Российская национальная библиотека. Ф. 351. № 30/1107.
17. Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). По общата ред. на акад. П. Динеков: в 3 т. София: Изд-во на БАН, 1993. Т. 2: Речник-индекс. 219 с.
18. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 12 т. М.: Русский язык; Азбуковник, 1988–2019.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 вып. М.: Наука (вып. 1–28); Азбуковник (вып. 29); СПб.: Нестор-История (вып. 30), 1975–2015.
20. Словарь старославянского языка (= Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha, 1958–1997). Репр. изд.: в 14 т. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. 1420 с. + 49 с.; Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902. 1802 с.; Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. 272 с. + 13 с. Репр. изд. М.: Знак, 2003.
22. Турилов А.А. Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси. Часть первая // Вестник церковной истории. 2010. № 1–2 (17–18). С. 147–175.
23. Dumitrescu M. Синайский патерик: указатель слов и форм: в 2 т. Bucureşti: Centrul de multiplicare al Universităţii din Bucureşti, 1973. Т. 1. 179 с.
24. Jagić V. Grskovičev odlomak glagolskog apostola // Starine Jugoslavenske akad. znanosti i umetnosti. Zagreb: Knjižara Jugoslavenske Akademije (Knjižara Dioničke tiskare), 1893. Knj. 36. S. 33–161.
25. Maksimovič K.A. Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung: Slavisch-griechisches, griechisch-slavisches und rückläufiges (slavisches) Wortregister, zusammengestellt von Kirill A. Maksimovič. Hrsg. von L. Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte 27). Halbband. 1. Frankfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft, 2010. 353 S.
26. Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus: Series Graeca. Editores et J.-P. Migne Successores. Vol. 99. Parisii: Apud Garnier Fratres, 1903. 1903 p.

© Караваева Полина Юрьевна (ikaravaeva30@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕФЕРЕНЦИИ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

PREFERENCES IN CREATING IMAGES IN THE POETRY OF I.A. BUNIN

*N. Kuznetsova
V. Mezhebovskaya*

Summary: The article is devoted to the study of preferences in the choice of language means when creating images in the poetry of I.A. Bunin, which indicates its specificity, which is primarily associated with the noticeable activity of indicative nouns, which significantly increase the degree of indicativeness and predicativity of the lyrical text. As a rule, they function in a figurative sense – as part of paths and figures. At the same time, new meanings are often updated, which is a distinctive feature of the language of fiction in general. The degree of indicativeness and expressiveness of this group of nouns in the poetic texts of I.A. Bunin may vary – depending on participation in genitive constructions in which amplifying and / or clarifying meaning is realized, participation in paraphrases and when creating occasionalisms of various levels.

Keywords: image, nouns, indicativeness, predicativity, poetic picture of the world, expressiveness, emotional atmosphere, types of perception.

Кузнецова Наталья Николаевна

*д.филол.н., доцент, Оренбургский государственный педагогический университет
natlo65@mail.ru*

Межебовская Виктория Викторовна

*к.филол.н., доцент, Оренбургский государственный педагогический университет
vikvik62@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию предпочтений в выборе языковых средств при создании образов в поэзии И.А. Бунина, что говорит о ее специфике, которая в первую очередь связана с заметной активностью признаков имен существительных, значительно повышающих степень признаковости и предикативности лирического текста. Как правило, они функционируют в переносном значении – в составе тропов и фигур. При этом часто актуализируют новые смыслы, что является отличительной чертой языка художественной литературы вообще. Степень признаковости и экспрессивности данной группы существительных в поэтических текстах И.А. Бунина может варьироваться – в зависимости от участия в генитивных конструкциях, в которых реализуется усилительное и/ли уточняющее значение, участия в перифразах и при создании окказионализмов различных уровней.

Ключевые слова: образ, имена существительные признаковость, предикативность, поэтическая картина мира, экспрессивность, эмоциональная атмосфера, виды восприятия.

Практика преподавания филологического анализа художественного текста в педагогическом вузе потребовала, во-первых, акцентирования внимания не только на теме и идее произведения, но и на рассмотрении вопросов картины мира автора; во-вторых, поиска различных путей анализа (поскольку единой схемы не существует).

Учитывая эти аспекты, мы обратились к поэтическим текстам И.А. Бунина, при рассмотрении которых обращает на себя внимание тот факт, что при создании образов часто используются имена существительные со значением признака.

Из этого истекает ряд моментов, понимание которых будет способствовать более глубокому пониманию поэтических произведений И.А. Бунина и его мировидения в целом. Одни из них касаются лингвистических моментов филологического анализа текста, другие – литературоведческих.

Так, поскольку «дескриптивная лексика отвечает особой цели языка – точнее, речи – вызывать в воображении адресата определенные картины, образы, а не обогащать его новой информацией» (1, с. 12), то, следовательно, данная особенность поэтического языка И.А. Бунина (2) создает ту наглядность, картинность,

рельефность изображения, которая свидетельствует об обостренности восприятия автора и «подключает» весь спектр ощущений читателя, например: «*Катится диском золотым Луна в провалы черной тучи И таеет в ней, и льет сквозь дым Свой блеск на каменные кручи* (с. 41); *Стал и простер ладони в муть зыбей: Как раб хранит заветный грош в заплате, Хранит душа одну мету – о плате За труд земной – и все скупей, скупей* (с. 63); *В окно, в прохладный сумрак дома, Глядел зеленый знойный сад, И сена душная истома Струила сладкий аромат* (с. 40).

Поэтический текст представляет собой сложную систему. При этом информация, заложенная в нем, рассчитана не только и не столько на интеллектуальное освоение, сколько на эмоциональное. Данное качество в корне отличает поэтический текст от любого другого: эмоциональное сопереживание при постижении лирического произведения, «правильные ассоциации», адекватное восприятие эмоциональной атмосферы имеет едва ли не большее значение, чем понимание на уровне интеллекта. Поэтому «исследование средств языкового означивания эмоций в поэтической речи представляется актуальным, так как всё в лирике фиксирует не событие, а переживание этого события. Иными словами, в поэтическом тексте с помощью разно уровневых знаков языка осуществляется репрезентация психологического состояния лирического героя, описывается мир его

чувств и переживаний» (11).

В свою очередь, признаковость в поэтическом тексте является выражением предикативности. Предикация (противопоставляющаяся номинации) – это способ сказать о предмете нечто совершенно новое, отражение событийного мира, модель синтагматических отношений, отражение внутренних качественных характеристик (3, с. 119). Предикация в поэзии – это процесс освоения мира, когда хорошо известный предмет помещается в совершенно новую ситуацию, которая выявляет его совершенно новые свойства, отражая процесс познания мира. В лирике данный процесс особенно ярко обнаруживает себя в отношении традиционных поэтических денотатов – таких, как *вечер, закат, взгляд, время, даль* и проч., репертуар которых ограничен, но которые в различных произведениях у разных авторов, каждый раз попадая в новое окружение, позволяют читателю увидеть их и оценить с совершенно новой точки зрения. Поэтому в поэтическом тексте предикативность не всегда связана с позицией сказуемого. Это скорее неотъемлемое свойство поэтического образа.

Способностью выражать предикативные значения в первую очередь обладают глаголы и прилагательные. Именно данные части речи могут сказать о предмете новую информацию. И именно это способствует развитию их потенциала к возникновению переносных значений. Поэтическая предикация связана с одним из основных свойств языка художественной литературы – способностью к образованию новых смыслов (синонимичные термины: «расширение значения», «возникновение дополнительных смыслов/созначений»), которая обусловлена законом асимметрии языкового знака. Данный закон, порождающий полисемию и синонимию в языке, в художественной речи, как известно, принимает масштабный и тотальный характер: в составе тропов и фигур, развивая переносное значение, слово оказывается способным расширять свою семантическую структуру бесконечно.

Приоритет глаголов и прилагательных в выражении предикативных и переносных значений в свою очередь предопределен их «семантической диффузностью, расчлененностью семантического объема, не сводимой к «номерным» значениям, выделяемым в словарях» (9, с. 42). Отсутствие четкой привязанности к какому-либо предмету, размытость значения активно влияет на их способность к вариативности. Именно диффузность значения данных частей речи приводит, с одной стороны к расширению значения, с другой – к его абстракции, а это тесно связывает их с метафорой. Как писал В.Г. Гак, «метафора делает абстрактное легче воспринимаемым, не случайно поэтому один из магистральных путей метафорического переноса — от конкретного к абстрактному, от материального — к духовному», благодаря чему

происходит «перенос признаков (действий, состояний) физического мира на мир внутренней, эмоциональной, интеллектуальной деятельности человека» (9, с.47). Данный перенос особенно характерен для поэтической речи, в которой физическая жизнь окружающего мира, как правило, важна не сама по себе, а как отражение психического, эмоционального состояния лирического героя.

Однако глагольную семантику и семантику имени прилагательного могут выражать не только эти части речи, но и связанные с ними существительные путем «сложного переплетения словообразовательных и лексико-семантических отношений» (10), развивая синонимические отношения, когда одно и то же или близкое значение может выражаться различными частями речи. Синонимичность же, множественность наименований также является характерным свойством предикации. Кроме того, существительные, образованные от имен прилагательных и глаголов, как правило, носят абстрактный характер, которым отличается и метафорическое значение. Следовательно, подобные имена существительные, активно «поддерживая» значение признаковости и процессуальности, расширяют круг метафорических предикатов. Именно подобные имена существительные в лирике И.А. Бунина составляют основу многих образов, что становится одной из специфических черт его поэтического языка.

Приоритет глаголов в целом не характерен для поэтической речи, его сфера – речь прозаическая (6, с. 33). В поэзии ведущую роль играют местоимения. В образной системе лирических произведений И.А. Бунина значительное место занимают признаковые имена существительные. Цель данной статьи – выяснить, как это влияет на поэтическую картину мира поэта.

Можно выделить три группы признаков имен существительных – образованных от глаголов, прилагательных, а также собственно существительных.

I. Признаковые имена существительные, образованные от глаголов: «*На гумнах и в саду по-зимнему покой Царит в **затишье** дедовских строений*» (с.15); «*На гумнах и в саду по-зимнему покой Царит в **затишье** дедовских строений*» (с. 15); «*Там **шум** реки, базар под сводом, **Сон** переулков, тень садов*» (с. 82).

Особой активностью в лирике И.А. Бунина отличаются существительные *зыбь (зыби)* (слово *зыбь* происходит от общеславянского глагол *zubati* – «качать») и *блеск*: «*Сиянье люстр и **зыбь** зеркал Слились в один мираж хрустальный*» (с. 49); «*Над чернотой твоих пучин Горели дивные светила, И тяжело **зыбь** твоя ходила, Взрывая огонь беззвучных мин*» (с. 98); «*Градом сек по стеклу – и опять были ярки и сини Средиземные **зыби**, глядевшие в дом, А за тонким*

блестящим стеклом То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне, В золотой пустоте голубой высоты, Все качались, качались дышавшие морем цветы (с. 121); Гул бури за горой и грохот отдаленных Полуночных **зыбей**, бушующих в бреду. Звон, непрерывный звон кузнечиков бессонных И мутный лунный свет в оливковом саду (95); В лилово-синем море чернозема Затерян я. И далеко за мной, Где тусклый **блеск** лежит на кровле дома, Струится первый зной (с. 47); Чернеет зыбкий горизонт, Над белым **блеском** острых волн Змеится молний быстрый **блеск** И бьет прибой мой узкий челн (с. 84); И зоркая со- рока под крестом Качает длинным траурным хвостом, Вдоль по песку на **блеске** моря скачет – И что-то прячет, прячет... (с. 109). Частотность данных существительных создает определенную атмосферу - неопределенности, изменчивости, динамичности, окружающего мира.

II. Признаковые имена существительные, образованные от прилагательных: «Над **чернотой** твоих пучин Горели дивные светила, И тяжко зыбь твоя ходила, Взрыва- вая огонь беззвучных мин (с. 98); И адскими картинами блистала Вся задняя стена, - на страх душе земной, И **сушью** раскаленного металла Вихара полутемная ды- шала И вышел я на вольный свет и зной (с. 106); Полноч- ный звон степной пустыни, Покой небес, тепло земли, И горький мед сухой полыни, И **бледность** звездная вдали (с. 111); Сидит она, спокойна и бледна, Взор устремив на тусклый сумрак зала, На одного из штатских игроков, И чувствует он **тьму** ее зрачков, Ее очей, недвижных и пе- чальных, Под топот пар и гром мазурок бальных (с. 113).

III. Собственно существительные: И замер **аромат** садов. Узорный блеск под и ветвями Стал угасать среди цветов, Сплетаясь с длинными тенями (с. 43); Еще бле- стит оконное стекло, Но волчьей **мглой** поля заволокло, На севере огни полных звезд Горят из **мглы**, как из пу- шистых гнезд (с. 67); ... Она во все глаза смотрит в стек- ло – там, в синей тьме морозной, **Кудрявится** деревье в серых **мгла** И мелкие блистают купола... (с. 114); Высока моя постель... Убаюкивает, тая Убегающая **трель**, Ко- стяная и пустая (101).

Обладая повышенной признаковостью, существи- тельные рассматриваемых групп обладают ярко выра- женной способностью к созданию синкретичных обра- зов, которые задействуют все виды ощущений читателя: Гранитный крест меж сосен, на песчаном Крутом курга- не. Дальше – **золотой Горячий блеск**: там море, там, в стеклянном Просторе вод – мир дивный и пустой... (с. 109) (визуальное и тактильное (температурное) воспри- ятие); И льется **трепет** серебристый На лица радост- ные их - Благословенный и пречистый! Взойди в приют рабынь твоих! (с. 145) (визуальное и тактильное воспри- ятие); От зноя бледен небосклон, Ни облачка **в лазури жаркой**; Весь мир как будто заключен В песчаный круг в пустыне яркой (с. 29) (визуальное и тактильное (тем-

пературное) восприятие); ... Уж солнца низкий свет Не греет их. Уж ни листочка нет На этих сучьях буро-крас- новатых, Ствол резко-бел **в зеленой пустоте...** (с. 67) (визуальное и тактильное восприятие); **Мглистая све- жость кругом Смешана с золотом жарким Раннего солнца, с теплом, С морем цветистым и ярким** (с. 105) (визуальное и тактильное (температурное) восприятие); Сядь на эту **скользкую Золотую сушь** С песенкою поль- скою Про лесную глушь (с. 108) (визуальное и тактильное восприятие); В окно, **в прохладный сумрак** дома, Глядел **зеленый знойный сад**, И **сена душная истома Стру- ила сладкий аромат** (с. 40) (визуальные, тактильные (температурные) и обонятельные ощущения).

Синкретизм человеческого восприятия – это есте- ственное качество человеческой психики, однако в по- эзии далеко не каждый образ создается с опорой на раз- ные виды ощущений. Тем не менее подобное построение способно обогатить образ множеством красок, сделать картину максимально наглядной, практически физиче- ски ощущаемой. Опора на эмпирический опыт читателя не только обеспечивает достоверность изображения, но и сближает автора и читателя, актуализируя общий фонд знаний, создает прочную основу их диалога.

Прилагательные всех трех групп за счет окружения способны выражать усилительное и/или уточняющее значение, что способствует картинности изображения и значительно повышает экспрессивный потенциал текста: Чернеет зыбкий горизонт, Над белым **блеском** острых волн Змеится молний быстрый **блеск** И бьет прибой мой узкий челн (с. 84) (уточняющее значение: цвет и скорость); А девица нитку сучит, Сердце сонной **грезой** мучит Да глядит вперед (с. 92) (усиливается значение бездействия, отсутствия активности); В могильной тем- ноте одна моя сигара Краснеет огоньком как дивный са- моцвет: Погаснет и она, развеется и след Ее душистого и тонкого **угара** (с. 94) (уточняющее значение: запах и от- сутствие резкости); В дачном кресле, ночь, на балконе... Океана колыбельный **шум**... Будь доверчив, кроток и спокоен, отдохни от дум (с. 143) (уточняющее значение: какого именно рода шум, хотя в данном случае можно говорить об оксюмороне – колыбельная обычно бывает тихой); И голубей пугливых стаи Сверкают снежной **бе- лизной** (с. 17) (значение усиливается за счет соединения почти тавтологического сочетания и добавления семан- тики сверкания, блеска); В **лазури** неба, ясной и пустой (есть и элементы уточнения – чистота и отсутствие обла- ков, и усиления – насыщенности цвета), Та грань чернеет **синью** вороненой (усилительное значение – насыщен- ность черного цвета) Из-за косы песчано-золотой. И вот я слышу ропот отдаленный: Навстречу крепкой **све- жести** воды (усилительное значение – очень холодная температура), Вдыхая ветер, вольный и соленый Вдруг за- шумели белые ряды И, стоя, машут длинными крылами... (с. 93) (здесь имеет место индивидуально-авторский пе-

рифраз – ‘пенистые волны’); *Я с острова глядел на море и на тучи, Остановясь в пути, - и горный путь, вьясь В обрыве сизых скал, белел по дикой круче, Где шли и шли они, под ношею клонясь* (с. 94) (усилительное значение – очень резкий спуск); ... *Вот гаснет полоса Чуть греющих лучей, вот завохтала жаба В дымящейся воде... Колтунный край древлян Русь киевских князей, медведей, лосей, туров, Полесье бортников и черных смолокуров – И теплых сумерек краснеющий шафран* (с. 110) (уточняющее значение – оттенок цвета, соединение цветов); *Синяя зарница освещает Дождевые длинные иглы, Вороненую черноту ночи, Мокрые соломенные крыши* (с. 126) (усилительное значение – насыщенность темноты); *Но уж сияет яркий зной, Давно топор стучит в сарае, И голубей пугливых стаи Сверкают снежной белизной* (с. 17) (уточняюще-усилительное значение – указание на время и на достижение высокой температуры); *В лилово-синем море чернозема Затерян я. И далеко за мной, Где тусклый блеск лежит на кровле дома, Струится первый зной* (с. 47) (уточняющее значение – жарко в первый раз в данном сезоне); *Иду – и вспоминается мерцанье Мне звезд иных... глубокий мрак ресниц* (усилительное значение – глубина цвета и выразительность глаз) (с. 32); *Луна над шумною Курюю И над огнями за Курюю Тифлис под лунною чадрую, Но дышит знойною жарой* (усилительное значение – очень высокая температура) (с. 132).

Как видно по примерам, очень часто усилительное и уточняющее значения возникают у признаковых существительных за счет «участия» в генитивных конструкциях. Это неслучайно. Данный тип конструкций крайне употребителен в языке поэзии и XIX-го, и XX-XXI-го веков, во-первых, поскольку по такой модели может выстраиваться практически любой троп (сравнение, метафора, метонимия, гипербола, ирония и т.д.), во-вторых, за счет многообразия семантики, которую они способны передавать (4). Как указывал А.П. Леонтьев, «язык предлагает богатый арсенал средств для выражения когнитивной сопряженности. Важнейшее место среди них занимают генитивные конструкции». Они имеют «континуальную природу» и могут актуализировать «три гиперотношения: «объект – объект», «ситуация – участник ситуации» и «объект - характеристика объекта» («ситуативное, объектное и характеризующее» (7). Другими словами, данные конструкции, с одной стороны, тесно связаны с процессами мышления и познания, с другой - обладают огромным экспрессивным потенциалом, который может многократно увеличиваться за счет распространения генитивных конструкций (прежде всего прилагательными). В последнем случае они приобретают способность выражать широкий спектр эмоций, а также варьировать и наращивать степень интенсивности признаков.

Использование генитивных конструкций при создании образов не является специфической чертой поэтического языка И.А. Бунина, однако в его произведениях

мы, несомненно, можем найти одни из лучших образцов данного приема.

Признаковые существительные в лирических текстах И.А. Бунина активно участвуют в создании индивидуально-авторских перифраз (описательных оборотов, не называющих объект речи, но по которому его легко можно узнать): У нубийских черных хижин *Мы в пути коней поили. Вечер теплый, тихий, темный Чуть светил шафраном в Ниле* – ‘желтая луна отражалась в Ниле’ (с. 78); *Проходит зелень бледная, на отмелях кусты, А ей навстречу – желтые сосновые плоты – ‘воды реки’* (с. 110); *Сырел песок, взошла луна над морем, И по волнам у берега ломался, Сверкал зеленый глянец...* – ‘воды моря’ (с. 75); *И скрылось солнце жаркое в лесах, И звездная пороша забелела, И понял он: достигнувший предела, Исчисленный, он взвешен на весах ‘множество сверкающих звезд’* (с. 108); *Морской простор – в доспехе золотом* – ‘в морской воде отражается солнечный свет’ (с. 109); *Градом сек по стеклу – и опять были ярки и сини Среди-земные зыби, глядевшие в дом, А за тонким блестящим стеклом То на мгле дождевой, то на водной синевшей пустыне, В золотой пустоте голубой высоты, Все качались, качались дышавшие морем цветы* – ‘Средиземное бушующее море’ (с. 121).

Перифразы обладают значительным экспрессивным потенциалом, поскольку активизируют читательское восприятие, стимулируют мыслительную деятельность, развивают воображение. Кроме того, они являются принадлежностью именно поэтического языка, так как в основном имеют высокую, книжную стилистическую окраску, которая уместна только в данной разновидности речи. В результате образ, создаваемый при помощи перифразы, отличает приподнятость, подчеркнутая эстетичность.

В ряде случаев при употреблении признаковых существительных в поэтических текстах И.А. Бунина имеют индивидуально-авторские слова место. Чаще это лексические окказионализмы, выступающие как зависимые к рассматриваемым существительным. Хотя они достаточно традиционны для поэтического языка, тем не менее также обладают способностью к усилению признаковости и экспрессивности текста, например: *Ты, светлая ночь, полнолуная высь! ... ; Ты, звонкая ночь, серебролунная даль!* (с. 88); *Шорох жестококрылый – И дремлющий жук Потянул унылый, но спокойный звук* (с. 107).

Более яркими, выразительными новообразованиями могут стать сами признаковые слова: *Над стремью скал летели вниз кусты; Но дерзость их безумца не страшила: Ему хотелось большей высоты – И бездна смерти бездну довершила* (с. 57). Подобные слова расширяют синонимические связи частей речи с предикативной семантикой. Данный окказионализм призван подчеркнуть

в образе одновременно и остроту очертаний, и ощущение движения, динамики изображения, и интенсивность картины в целом.

В качестве синтаксического окказионализма, по сути, выступает любое выражение в переносном значении, поскольку в этом случае всегда нарушается сочетаемость слова, например: *Что слушает моя собака? Вне жизни мы и вне времен. Звонящий сон степного мрамора Самим собой заворожен* (с. 111). Данный троп, также построенный на базе генитивной конструкции, распространенной прилагательными, представляет собой метонимию по модели «место – обстановка, состояние места». При этом наиболее заметное нарушение сочетаемости носит практически оксюморонный характер (звонящий сон). Имеется в виду дремотное состояние ночной степи, в которой тем не менее всегда происходит какая-то жизнь растений, насекомых, проявляющаяся в негромких, монотонных, повторяющихся звуках, поддерживающих состояние покоя, умиротворения и в целом не нарушающих тишины.

Итак, предпочтения при создании образов в лирических произведениях И.А. Бунина связаны с ак-

тивностью признаков имен существительных и обусловлены и языковым причинами, и спецификой поэтического текста вообще, и особенностями мировидения поэта. По нашему мнению, данная специфика состоит в определенной двойственности. С одной стороны, значительно повышается признаковость и процессуальность текста, что способствует активному подключению эмпирического опыта читателя. Создается очень ощутимая иллюзия, что он присутствует «внутри» лирической ситуации вместе с автором, что делает текст очень убедительным. С другой стороны, наоборот – поэт опредмечивает признак и действие, оживляет их. Всегда ощущается либо невидимый субъект действия, либо – что чаще – непосредственный (но также физически не присутствующий) наблюдатель, очевидец. Отсюда магичность бунинского стиха. Его мир наполнен неведомыми силами. Возможно, это связано с тем, что в поэтической картине мира И.А. Бунина значительное место занимает русская сказка – исследователи отмечают, что в его творчестве был период заметного увлечения ею (5, с. 309). Очевидно, что оно возникло неслучайно – поэту созвучна ее атмосфера первозданности, тесной связи с истоками истории народа и в то же время таинственности, волшебства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения: Аспекты семантических исследований / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1980. – 356 с.
2. Бунин И.А. Стихотворения и рассказы / И.А. Бунин. – М., Издательство «Правда», 1986. – 542 с.
3. Кузнецова Н.Н. О предикации. // Профессиональная подготовка и становление личности будущего специалиста в условиях обучения в гуманитарном ВУЗе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Н.Н. Кузнецова. – Анапа: 2008. – С. 118-122.
4. Кузнецова Н.Н. Распространение генитивной метафоры как способ создания усиления экспрессивности / Н.Н. Кузнецова // РЯШ. - № 10. – 2009. – С. 55-59.
5. Кузнецова Н.Н. Средства создания экспрессивности. Диссер. на соиск. уч. ст. д. фил. н. / Н.Н. Кузнецова. – Москва, 2009. - 594 с.
6. Кузнецова Н.Н. Язык поэзии / Н.Н. Кузнецова. – Оренбург. – ООО Издательство Оренбургская книга», 2021. – 162 с.
7. Леонтьев А.П., Леонтьева А.Л. Еще раз к вопросу о семантике генитивных отношений <https://docplayer.com/28923869-Eshche-raz-k-voprosu-o-semantike-genitivnyh-otnosheniy.html>
8. Фокина М.В. Общезыковые и индивидуально-авторские способы и средства выражения предиката (на материале текстов М. Цветаевой и Б. Пастернака), <https://www.dissercat.com/content/obshcheyazykovye-i-individualno-avtorskie-sposoby-i-sredstva-vyrazheniya-predikata-na-materi>
9. Черняк В.Д. Параллельные синонимические ряды и регулярная многозначность // Лексическая семантика / В.Д. Черняк. - Свердловск, 1991. – С.40-48.
10. Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексикографическая классификация слов, <https://studfile.net/preview/3962920/page:73/>
11. Четверикова О.В. Средства вербальной манифестации эмоций в лирике И.А. Бунина, <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-verbalnoy-manifestatsii-emotsiy-v-lirike-i-a-bunina>

© Кузнецова Наталья Николаевна (natlo65@mail.ru), Межебовская Виктория Викторовна (vikvik62@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА МИКРОКОНЦЕПТА ГОРЫ В ЦИКЛЕ И.А. БУНИНА «ТЕНЬ ПТИЦЫ» (ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Ло Сычэнь

Аспирант, Московский Педагогический Государственный
Университет
liseseason@hotmail.com

LINGUISTIC STRUCTURE OF THE MICROCONCEPT MOUNTAINS IN I.A. BUNIN'S CYCLE *SHADOW OF THE BIRD* (LINGUOPOETICAL ASPECT)

Luo Sichen

Summary: The article, written in the course of linguistic poetics, observes the linguistic structure of the microconcept MOUNTAINS, which plays an important role in the formation of the artistic worldimage of I.A. Bunin's *Shadow of the bird*. The structure of the microconcept MOUNTAINS includes a conceptual layer, the semantics of which are wider than the complex of dictionary definitions due to the inclusion of a symbolic component. Along with it, the structure of the microconcept MOUNTAINS includes emotional and expressive layers, which correlate with the elements of two peripheries. The first periphery of the concept under consideration is created through syntagmatics, in other words, elements of the near context. The second periphery is formed by a system of tropes and stylistic devices. The analysis of the two peripheries made it possible to identify «penetrating», cyclic-forming semes, the most important of which are 'border', 'peak (holy, God)', 'dynamics', 'picturesqueness'.

Keywords: Ivan Alekseyevich Bunin, linguopoetic analysis, artistic worldimage, *Shadow of the bird*, microconcept MOUNTAINS.

Аннотация: В статье, написанной в русле лингвистической поэтики, рассматривается языковая структура микроконцепта ГОРЫ, играющего важную роль в формировании в художественной картины мира цикла И.А. Бунина «Тень птицы». Структура микроконцепта ГОРЫ включает в себя понятийный пласт, семантика которого шире комплекса словарных дефиниций за счет включения символической составляющей. Наряду с ним в структуру микроконцепта ГОРЫ входят эмоциональный и экспрессивный пласты, которые коррелирует с элементами двух периферий: первая периферия рассматриваемого концепта создается посредством синтагматики, то есть элементов ближнего контекста; вторая периферия формируется системой тропов и стилистических приемов. Анализ двух периферий позволил выявить «сквозные», циклообразующие семы, наиболее важными среди которых являются 'граница', 'вершина (святой, Бог)', 'динамика', 'живописность'.

Ключевые слова: И.А. Бунин, лингвопоэтический анализ, художественная картина мира, «Тень птицы», микроконцепт ГОРЫ.

ВВЕДЕНИЕ

Цикл путевых очерков «Тень Птицы» (1923 г.) И.А. Бунина, насыщенный яркими художественными образами и полный «интересных философских размышлений» [5, 154], демонстрирует особенности организации художественной картины мира, которая реконструируется при лингвопоэтическом анализе посредством исследования художественных концептов¹.

Концепт «Природа», являющийся одним из ключевых в творчестве И.А. Бунина, в этом цикле обнаруживает структурно-семантическое своеобразие за счет

связи с концептами «Религия», «История» и «Жизнь». В понимании Бунина он гораздо шире и глубже, чем толкование его имени в лингвистических словарях. Важную роль в языковой организации макроконцепта «Природа» играет микроконцепт ГОРЫ, который в русской поэтической картине мира занимает особое место за счет символической составляющей. Горы, занимая положение между небом и землей, олицетворяют в языке русской литературы связь человека с Богом. Место гор в художественной картине мира И.А. Бунина – между небом и морем, и это определяет специфику отбора языковых средств, используемых писателем для их изображения.

¹ Примечание: Художественный концепт – компонент концептуальной сферы художественных произведений, включающий ментальные признаки и явления, которые сохранены национально-исторической памятью, являются в сознании автора когнитивно значимыми для оформления текста и соответственно соединяют создание автора художественной картины мира (См. Е.А. Огнева «Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста»). Концептуальное поле не просто совокупность понятийно тесно связанных собою концептов, а «сложное ментальное образование, объединяющее несколько компонентов, позволяющих представить комплексное актуализированное содержание и структуру коммуникативной части концепта как отражение сознания носителей конкретного языка». Концептуальное поле «рассматривается как модель, позволяющая описать всё семантическое богатство конкретного концепта, представленного ключевым словом» (См. С.В. Шустова «Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме»).

Материалом для наших наблюдений послужили существительные «гора», которая в 11 рассказах цикла «Тень Птицы» встречается 72 раза преимущественно в форме множественного числа, «холм(ы)» — 30 раз; прилагательное «горный» — 8 раз, «холмистый» — 3 раза. Все вместе, будучи употребленными в прямых значениях, они формируют понятийный пласт концептуального поля, возглавляемого именем *горы*.

Понятийная составляющая в цикле Бунина обогащается дополнительными смыслами, которые в словарных дефинициях лексем представлены факультативными (фонowymi) семемами: *'цвет', 'пространство', 'жизнь', 'религия'*. Средства создания понятийного пласта микроконцепта ГОРЫ многочисленны и разнообразны, что достигается с помощью художественных приемов, которые мы охарактеризуем с учетом места в структуре микроконцепта ГОРЫ посредством семного, лингвостилистического, лингвоконцептуального, синтагматического, полевого, когнитивного, статистического видов анализа и описательного, лексико-семантического, лексикографического методов. Лингвопоэтический подход в изучении языка художественных произведений дает возможность выявить особенности построения индивидуально-авторской художественной картины мира, а также и интерпретировать актуальные для нее концепты в смысловом, оценочно-эмоциональном и экспрессионном аспектах, так как «путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию — и только через нее» [9, 3].

Понятийный (ядерный) пласт микроконцепта горы

В составе словарных дефиниций имени поля и компонентов его ядра толковыми словарями не фиксируется ни цветовая семантика, ни динамика, ни символические значения: в «Словаре русского языка в 4-х томах» А.П. Евгеньевой лексема «гора» определяется как «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей» [4]. Сходные объяснения обнаруживаются в других словарях, например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля — «общее название всякой земной возвышенности» [3]. В переносном значении лексема толкуется как «множество, большое количество чего-л. сложенного в кучу, нагроможденного, сваленного кучей» [4]. В свою очередь, холм — «Округлая возвышенность с пологими склонами» [7], «Небольшая отлогая гора, горка, возвышение, бугор» [8].

Изображение гор в цикле Бунина богаче, чем стандартные объяснения в словарях, поскольку они актуализируют фоновую семантику слова, раскрывающуюся в широком контексте: «ярко и нежно **зеленеют** на горе Стамбула **сады**, с горячим шумом отходят от места пакетоты, обдавая бегущую толпу теплым **белым** дымом...»

(«Тень Птицы») [2, 16], «на востоке, за Кедроном и горой **Елеонской**, — **Иудейская пустыня, долина Иордана** и стеной **нежно-фиолетового** дыма заступивший полнеба, ровный и высокий **хребет** от века таинственных **Моавитских гор**» («Иудея») [2, 51]. Как можно заметить, лексема «горы» функционирует в едином контексте с существительными «сады», «пакетоты», «дым», «восток», «пустыня», «долина», «дым». Последняя из единиц повторяется в приведенных примерах дважды. Кроме них в этом контексте фигурируют наречия «ярко», «нежно» и цветообозначения: зеленеть, белый, нежно-фиолетовый. Лексемы «сады», «зеленеть», «мост», «высокий», «таинственный» свидетельствует о том, что концепт ГОРЫ в понимании Бунина взаимодействует с концептом «Растения», лексемы «пакетбот», «дым», «белый» — с концептом «Море», «устойчивые выражения «Иудейская пустыня», «долина Иордана» — с концептом «Религия».

В других отрывках изображение гор также сопровождается цветообозначениями: «**Золотиста лазурь** над Кедроном и горой, **золотисто-песочного** цвета ястреба, реющие над нами, трепещущие своими острыми, в **черных** ободках крыльями» («Пустыня дьявола») [2, 69]. Золото и лазурь — нетипичные цветовые характеристики для гор, так обычно изображаются православные храмы или древнеегипетские изображения. В комплексе же с изображением ястреба, они актуализируют древнеегипетскую символику, первая фоновая семантика проступает вторым планом. В Древнем Египте золотой цвет символизировал бессмертие, лазурь и камень лазурит (ляпис-лазурь) — небо (небесный цвет), ястреб — священное царство. Черный цвет также частотен при изображении гор: «...дальние огоньки Тивериады, рассыпанные **под черной горюю**» («Геннисарет») [2, 91]. В иудейском учении Каббала черный цвет обозначает первоначальную мудрость. Таким образом, семантика прилагательного *черный* включает символическую составляющую.

В отличие от неба, которое изображается единым, горы множественны, что подчеркивается с помощью топонимических обозначений: «Скутарийская гора», «Малоазийские горы», «Иудейские горы», «Горы Испытания». Каждая из них является той точкой в пространстве, которая служит надежным ориентиром, поэтому в едином контексте с ними используются наречия «вдали», «вблизи», «слева», «справа», «восток»: «едва успели мы вскочить в холодный и пустой отель на каменистом холме вблизи их, как все смешалось в лютом ливне с градом» («Храм Солнца») [2, 85], «**налево** открылась долина Хамана, **за ней** — горы в сплошных темно-зеленых борах...» («Храм Солнца») [2, 81], «**на востоке**, за Кедроном и горой Елеонской» («Храм Солнца») [2, 81]. Лексема «восток», в прямом своем значении используемая для пространственной характеристики, в производном, написанном с прописной буквы, называет часть света и формирует в сознании читателя одноименный концепт,

важным элементом которого служат цветообозначения.

В пространственной организации мира горы занимают особое место еще и потому, что, являясь осью, которая соединяет небо с землей и морем: «**Солнце склонялось**; в мокрых зеленых садах, казавшихся еще свежее от шума **горной мутно-зеленой речки, в садовой глуши вокруг акрополя**, была тень» («Храм Солнца») [2, 86] и с морем: «**солнце было за горами**. Свет его гаснет здесь быстро, а как только он гаснет, **с гор** срывается недолгий, но сильный ветер. И **темнеющее озеро** уже шумело от крупной зыби. ... Ветер ударил в парус, крепко накренил его, — и мы понеслись в сумрак, на дальние огоньки **Тивериады**, рассыпанные **под черной горю**» («Геннисарет») [2, 91].

На горах, описываемых Буниным, часто располагаются погребения, которые подчеркивают связь природы с человеческой жизнью: «**за могилами халифов**, среди песков, уходящих до Красного моря, на самой окраине **холмов Иудейских**, есть оаз, где, по слову Осии, «тернии и волчцы выросли на жертвенниках Израиля», где с землей сровнялись следы города, более славного и древнего, чем самый Мемфис, — следы Она-Гелиополя, Бет-Шемеса, по-еврейски, — «Дома Солнца»» («Свет Зодиака») [2, 39]. Могилы — это и память, и следы города. Изображение могилы на фоне гор встречается в цикле 6 раз, следовательно, это изображение значимо для автора, который придает ему символический смысл. «Кругом зеленые холмистые побережья в цветущих садах и могильных кипарисовых рощах» («Тень Птицы») [2, 9], «волнами идут к горе, — на могилах Иерихона, кое-где покрытых колючей травкой, до черноты сожженной» («Пустыня дьявола») [2, 74], могилы на горах, где цветут зеленые (символ жизни) сады и рощи, а земля покрыта сожженной (символ смерти) травой, где волны плещут и идут к горе. Человеческая жизнь на земле заканчивается и хоронится в горе, в горе растения зелены и оживлены. Итак, в конце концов смерть человека становилась частью природы. Положение могилы «на **самой** окраине холмов» («Свет Зодиака») [2, 39] подчеркивает ограниченность человеческой жизни, в сравнении с вечной природой и незыблемыми горами.

Смерть в изображении И.А. Бунина всегда символическая. Образ могилы в горах связан с концептами «история» и «религия». «Иудея — это горячее **Мертвое** море, Египет — **могила** в пустыне: он тоже свершил свой путь — от поклонения вечно возрождающемуся «сыну Солнца», Гору, до своего Алтаря Возврата — до Великой пирамиды» («Море богов») [2, 29], «горы, — край таинственной **могилы** Моисея, — были предо мною, а запад заступали черные обрывы гор Иудеи, возносивших в бледно-прозрачное небо заката свой высший гребень, место Искусшения» («Пустыня дьявола») [2, 74]. Мифологические и исторические имена и названия, как река, текут в бунинском тексте, для автора они элемент жизни, на что ука-

зывает выражение «были предо мною». Горы, символизирующие границу, смерть, служат писателю символом вечности, поскольку незыблемость гор, как и религиозная концепция мироустройства, убеждают автора в нескончаемости жизни.

Горы в понимании Бунина обладают мистикой: здесь ищут уединения и обретения истины монахи и отшельники: «В молчании, вдали от жизни всего мира, множатся, как соты ос, **крипты** в каменистых обрывах Иудейских и Аравийских гор» («Страна содомская») [2, 80]. Крипта — «1) Подземный покой в церкви. 2) подземная галерея; в первые века христианства служили убежищем для гонимых христиан, а также для погребения мертвых» [10]. Слово «крипта» связано не только с концептом СМЕРТЬ, но и с концептом ЖИЗНЬ — духовная жизнь «всего мира».

В горах особенное пространство, отличное от земного, близкое к небесному и в природном, и в духовном смысле. Бунин подчеркивает это с помощью окказиональных эпитетов, образованных путем сложения, например «изумительно-яркий». «Летний ветер, белые акации в цвету... Но по горе налево все еще был снег — на изумительно-ярком поле неба» («Храм Солнца») [2, 83]. В их состав входят и семантические окказионализмы, называющие цвет, его интенсивность, оттенки и производимое ими впечатление. «В открытое окно слева дует свежий степной ветер, за долиной видны холмы предгорий и без конца тянется горбатый вал Ливана — **диких тонов**, весь в продольных белых лентах» («Храм Солнца») [2, 81].

В тексте цикла слово «гора» часто заменяется лексемой «вершина», которое встречается в цикле 5 раз. «Больно смотреть из-под шлема на дорогу, но тянет взглянуть в блеск Моава, тянет найти ту **вершину**, с которой показал Господь Моисею всю радость земли обетованной» («Страна содомская») [2, 78—79]. Лексема «вершина» служит как гипонимом лексемы «гора», так и ее синонимом, своей внутренней формой актуализируя представления о высоте не только в физическом, но и религиозном понимании. «Вершина» (от «верх») выше поверхности земли, она сопоставима с небом, где по религиозным представлениям обитает Бог.

Все приведенные примеры свидетельствуют о расширении понятийного компонента художественного концепта ГОРЫ за счет символической составляющей, которая коррелирует с элементами первой и второй периферий.

Периферии микроконцепта горы

Первая периферия рассматриваемого концепта создается посредством синтагматики, то есть элементов

ближнего контекста. В цикле И.А. Бунина лексема «гора (-ы)» образует грамматические конструкции с прилагательными и глаголами, используемыми в прямых и производных номинативных значениях. Лексемы, которые входят в состав таких конструкций, повторяются.

1) Горы характеризуются не только рельефом, но и твердостью породы, с трудом подвергающейся внешнему воздействию, что передается с помощью относительных прилагательных. Эпитет «каменистый» использован в цикле 6 раз (ср. «**каменистые** горы»). Суффикс -ист- означает «содержащий то, что обозначено основой, в большом количестве». Эпитет с тем же суффиксом использован и в словосочетании «**глинистые** ковриги гор» («Иудея») [2, 53], где использована иная производящая основа – гли-. Лексемы, называющие виды пород, обладают фоновой семантикой «материал для создания первочеловека». Таким образом, автор создает в сознании читателя образ глубокой древности, эпоху сотворения мира.

2) Цветовая характеристика, как уже говорилось ранее, может создаваться прилагательными: «впереди и влево по его равнине таяли в светлой дымке **фиолетовые** силуэты Архипелага. А направо тянулись **зелено-сиреневые** горы» («Море богов») [2, 26]. «В небе таяло и легкое **мутно-фиолетовое** облако» («Пустыня дьявола») [2, 74]. Цвет гор — это цвет природы. В их описании преобладают желтые, золотистые, коричневые, черные, зеленые тона. Но наиболее часто писатель использует прилагательное «фиолетовый», обладающее фоновой семантикой 'тайна, мистика, загадка'. «Древние египтяне ассоциировали этот цвет с частицей души, которая осталась живой после смерти» [1].

Наряду с прилагательными для цветообозначения используются глаголы, придающие описанию динамизм: «Я ехал утром, и в жарком блеске утреннего солнца и золотисто-синего воздуха тонули горы и долины на востоке, горячо и ярко белело шоссе передо мною, весело **зеленели** посевы по красноватым перевалам вокруг, в садах миссий ворковали дикие голуби» («Иудея») [2, 52]. Цвет и свет в изображении Бунина приобретают динамику, которая передается с помощью глаголов **белеть, зеленеть, таять**, что оживляет создаваемую писателем пейзажную зарисовку.

3) Топонимы, которые имеют вид устойчивых сочетаний, образуются посредством добавления определений к лексеме «гора». Обычно такие наименования ассоциируются с какими-либо религиозными событиями, ср. «Иудейские горы»: «За могилами халифов, среди песков, уходящих до Красного моря, на самой окраине холмов Иудейских, есть оаз, где, по слову Осии, «тернии и волчцы выросли на жертвенниках Израиля», где с землей сровнялись следы города, более славного и древнего, чем самый Мемфис, — следы Она-Гелиополя,

Бет-Шемеса, по-еврейски, — «Дома Солнца» («Свет Зодиака») [2, 39]. Суть исторических событий передается посредством библеизмов: антропонимов (Осия), топонимов (Мемфис, Гелиополь, Бет-Шемес), цитат («Тернии и волчцы...», «Дом Солнца»), что формирует связь концепта ГОРЫ с концептом РЕЛИГИЯ.

Обычно эти названия имеют фоновую семантику, связанную с христианством или иудаизмом: «невступно через два часа от Иерусалима мы поднимались **на гору**, на вершине которой видны остатки хана или гостиницы **Благого Самаритянина**. Это место называлось издревле **Адомим**, или **Кровавое**, по причине частых разбоев, здесь происходивших... И глубокая тоска охватывает душу на этой горе, возле пустого хана, при гаснущем солнце» («Пустыня дьявола») [2, 72]. Как показывает пример, фоновая семантика содержит информацию не только о светлых, эпических, но и трагических событиях.

Таким образом, лексема «гора» фоновыми семами и переносными значениями указывает не только на природные, но и на социальные границы.

Вторая периферия микроконцепта ГОРЫ в цикле «Тень Птицы» оформляется с помощью разнообразных тропов и стилистических приемов.

1) Горы в изображении Бунина олицетворяются, приобретают голос: «Ваал из-за облачной высоты величаво кидал в мрачно **откликавшиеся** горы гул и грохот, от которых в страхе метались фиолетовые молнии...» («Храм Солнца») [2, 85]. Горам приписываются человеческие чувства и состояния: «и того же тона были и горы за пепельно-туманной долиной, за ее **меланхолическим** простором» («Пустыня дьявола») [2, 74]; «И вот нашел, наконец, я нечто смутно-желтевшее на каменистом **холме, одиноко стоящем** за морем крыш в долине, — нечто вроде небольшой дикой крепости» («Море богов») [2, 27]. Одиночество человека проецируется на картину гор, персонифицируя изображение

Основа гор- используется для создания окказионализмов, семантика которых опирается на метафорическую внутреннюю форму: «Паровик звонко, **погорному** крикнул» («Храм Солнца») [2, 81]. По-горному, то есть гулко, так, как раздаются звуки в горах. Искусственный механизм издает звуки, подобные природным, и таким образом изображается как часть окружающей его природы.

2) Детализация. Горы рисуются тщательно до деталей, как в примере «жесткие аспидные холмы», зрение писателя отмечает твердость их породы, узор и оттенки. Горный пейзаж нарисован с учетом перспективы: «улица, **ведущая в гору**, к Пере, полита, но политая и уже согревшаяся пыль только увеличивает духоту» («Тень

Птицы») [2, 22], «каждый вечер на закате солнца вылетай **из расселин горы**, где отныне будет твоё жилище, дабы знал я час молитвы...» («Страна содомская») [2, 77], в комплексе с изображением улицы, залитой солнцем, горы видятся то ближе, то дальше. Так создается панорама: «медленно тянут лошади по мелу, хрустит щебень шоссе, кольцом **охватившего** холм и **поднимающегося** все в **гору**, — **со всех сторон** оглядываю я загорелый камень стен Акрополя и его желобчатых колонн» («Море богов») [2, 27].

3) Метафора. Метафора «горы — ковриги» описывает округлую форму и сглаженный рельеф, привнося в изображение, кроме этого, еще и цветовой эффект. Тактильные ощущения передает метафорический эпитет «жесткие»: «жесткие аспидные холмы» («Пустыня дьявола») [2, 74], который в комплексе с определением «аспидные», то есть черные, создает до мелочей продуманный визуальный эффект.

Бунин подчеркивает, что почва в горах лишена растительности, поэтому метафорический эпитет «голый» он использует 4 раза: «вот нашел, наконец, я нечто **смутно-желтевшее** на **каменистом** холме, одиноко стоящем за морем крыш в долине, — нечто вроде небольшой **дикой** крепости. И, взглянув на этот **голый** холм пелазгов, впервые в жизни всем существом своим ощутил я древность» («Море богов») [2, 27]. Как свидетельствует контекст, часто все перечисленные ранее эпитеты используются автором комплексно, усиливая образность друг друга.

Нетипичным средством создания экспрессивной составляющей концепта ГОРЬ является то, что в их изображении активно участвуют глаголы. Несмотря на неподвижность, их детали изображены в динамике: «запад **заступали черные обрывы** гор Иудеи» («Пустыня дьявола») [2, 74]; «Босфор вьется, **холмы впереди смыкаются** — кажется, что плывешь по зеркально-опаловым озерам» («Тень Птицы») [2, 9]. Метафоры и олицетворения разворачиваются посредством интертекстуального вкрапления, а именно аллюзии: они напоминают легенду об аргонавтах — древнегреческих героях, которые во время мореплавания на корабле «Арго», встретили Симплегадские скалы, уничтожающие корабли. Герои испытали трудности, но избегли опасности, а «толкучие горы» стали символом опасности.

Характеристика высоты гор осуществляется с помо-

щью лексем с корнем «верх-/ш-». Слово «вершина» встречается в цикле 5 раз, «высокий» — 4 раза, «высший» — 1 раз. Используется также перифраза «темя гор». Производное номинативное значение, образованное с помощью метонимического переноса и обозначающее самую высокую точку возвышенности, приобретает экспрессию вследствие сочетаемости: «опять разворачивается предо мною зыбкая синева Мраморного моря, блеск солнца, лилово-пепельные **силуэты горных вершин** и мертвенно-белое облако Малоазийского Олимпа...» («Тень Птицы») [2, 20], «бледным дымом спустилось и легло облако у **подножия горы Сорокадневной**, чернеющей среди звезд своей **вершиной**...» («Пустыня дьявола») [2, 75]. Вершины гор изображаются писателем с антропоцентрических позиций, они персонифицируются: как люди, обладают силуэтами; внутренняя форма слова «подножие», выступающего окказиональным антонимом лексики «вершина» указывает на то, что возвышенность сравнивается с человеком.

Метафора и олицетворение используются в качестве средства связи между концептуальными полями ГОРЬ и РЕЛИГИЯ: «Море заглушало голоса поющих и орган, — говорит один паломник. — **Над горою стоял непрерывающийся гул — глас Божий, потрясающий пустыню и приводящий в содрогание горы**...» («Шеол») [2, 65]. Заметим, что здесь и море, и горы персонифицированы, и природный катаклизм описывается как «голос Божий». Метафора, построенная по модели «гул над горой—глас Божий» вызывает в сознании читателя ассоциацию с мифологическими представлениями о том, что природные катаклизмы происходят по воле Бога, рассерженного на людей. Горы, возвышаются над земной и морской поверхностью, и с их вершин тайное откровение доносится до людей. Именно по этой причине в горах можно почувствовать восторг предельного бытия, который передается с помощью синестезии: «на горе сей **пьют радость**, пьют вино!»².

Выводы

Структура микроконцепта ГОРЬ включает ядро и две периферии. Ядро представлено языковыми средствами, которые ассоциируются с словарными дефинициями концепта, но шире их, поскольку включают фоновую семантику, обладающую культурологическим и религиозным содержанием. Концентрация таких элементов реконструирует авторскую художе-

2 Примечание: В китайском языке «горы» обозначают не только природную реалию, но и имеют фоновое значение «несветское». Выражение «в горах», «подняться в горах», символизируют жизнь в монастыре, в отшельничестве, вне общества, а «спускаться от гор» подразумевает вступление в светскую жизнь. Так и в бунинском творчестве. «Поэзией зовет. Она в моем наследстве./ Чем я богаче им, тем больше — я поэт», «Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве./ — Нет в мире разных душ и времени в нем нет!» («В горах») «В горах, от снега побелевших... Вот сплю в лачуге закопченной./ А он сравнит меня с мадонной./ С лучом небесного огня./ Он назовет меня Миньоной/ И влюбит целый мир в меня». («Миньона») «Гул бури за горой и грохот отдаленных... Нырывает гробом челн... Господь смешался с нами/ И мчит куда-то мир в восторге бредовом» («Сирокко»). Так же в поэзии и в прозе, в горах наследство человечества, целый мир, и божий голос.

ственную картину мира, придавая ей черты философии, мистики и духовности.

Первая периферия рассматриваемого концепта создается посредством синтагматики, т.е. элементов ближнего контекста, в том числе эпитетов и топонимов, которые детализируют образную составляющую концепта и обогащают его религиозным значением. Вторая периферия формируется системой тропов и стилистических

приемов, передающих эмоции и создающих экспрессию. Важная роль при этом отводится глаголам, придающим изображению динамику. Выбор используемых Буниным приемов определяет своеобразие его авторской манеры. В процессе анализа мы заметили «сквозные» семы, наиболее важными среди которых являются 'граница', 'вершина (святость, Бог)', 'динамика', 'живописность', которые на языковом уровне объединяют очерки, репрезентирующие концепт ГОРы в цикл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассоциация человека с фиолетовым цветом что значит. Режим доступа: <https://kupibaby.ru/znachenie/assotsiatsiya-cheloveka-s-fioletovym-tsvetom-cto-znachit.html>
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в четырех томах. – Москва: «Правда», 1988. Том 2. – 590 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь Даля. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/225706>
4. Евгеньева А.П. Словарь русского языка в 4-х томах. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
5. Мальцев Ю.В. Иван Бунин: 1870–1953. – Москва: Посев, 1994. – 432 с.
6. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. – Москва: Эдитус, 2013. – 280 с.
7. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/261626>
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1082278>
9. Ходасевич В.Ф. Книги и люди: «Божье древо» // Возрождение. 1931. №2158 (30 апреля).
10. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/38726
11. Шустова С.В. Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме // Евразийский гуманитарный журнал. – 2019. – №3. – С.17–26.

© Ло Сычэнь (liseseason@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА СЛОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ¹

Лу Чи

Д.филол.н., преподаватель, Цзянсуский второй
педагогический институт
luchi617@126.com

FACTORS OF VIOLATION OF WORD ORDER DURING TRANSLATION FROM RUSSIAN INTO CHINESE

Lu Chi

Summary: The article considers the key factors influencing the word order when translating from Russian into Chinese. Three factors were identified: grammatical (accounting for differences in the grammatical structure of two languages, one of which is a synthetic inflectional type, and the second is analytical); semantic (taking into account cultural differences, different perceptions of space and time by Russians and Chinese, causal relationships); stylistic (the influence of an unsuccessful word order on the artistic and aesthetic level of translation).

Keywords: translation, word order, grammar, semantics, stylistics, Russian language, Chinese language.

Аннотация: В статье рассмотрены ключевые факторы, влияющие на порядок слов при переводе с русского языка на китайский. Выявлено три фактора: грамматический (учёт различий в грамматическом строе двух языков, один из которых является синтетическим флективного типа, а второй – аналитическим); семантический (учёт культурных, исторических, мировоззренческих отличий, разного восприятия русскими и китайцами пространства и времени, причинно-следственных связей); стилистический (влияние неудачного порядка слов на художественный и эстетический уровень перевода).

Ключевые слова: перевод, порядок слов, грамматика, семантика, стилистика, русский язык, китайский язык.

Правильный порядок слов – один из ключевых факторов, определяющих успешность перевода. Тем не менее, ошибки в порядке слов всё же допускаются, особенно в том случае, когда исходный язык и язык перевода имеют значительные структурные отличия. Согласно типологической классификации языков, русский язык является синтетическим флективного типа, а китайский – аналитическим [5, с. 201-202], в связи с чем в них значительно отличается порядок расположения языковых единиц. Синтетические языки допускают свободный порядок слов, а в аналитических он упорядочен, причём в каждом из языков эта свобода и упорядоченность имеют свою специфику. Л. Ян отмечает, что «и для русского, и для китайского языков порядок слов является одной из наиболее сложных категорий при переводе» [8, с. 285]. С. Чжао среди главных критериев правильного порядка слов в переводе с русского языка на китайский называет «семантическую и стилистическую мотивированность, коммуникативную целесообразность» [7, с. 121]. Различия в порядке слов русского и китайского языков рассматривают также И.Р. Ахмадулина [1], Ц. Ван [2], Гао Синь [3] и другие лингвисты.

Объектом нашего исследования стал русско-китайский перевод, который осуществляют носители русского языка при изучении китайского языка. Объект исследования – ошибки в порядке слов, которые при этом допускаются, и способы их устранения. Цель статьи – рассмотреть трансформации порядка слов в русско-китайском переводе, совершаемом носителями русского языка, выявить их причины и сформулировать советы, способные оказать помощь при переводе.

Выделяются грамматические, семантически и стилистические факторы, определяющие неправильный порядок языковых единиц при переводе с русского языка на китайский.

Во-первых, неправильное расположение языковых единиц в тексте перевода может обуславливаться грамматическими причинами. Грамматические значения в китайском языке в значительной степени передаются при помощи порядка слов, поскольку форма китайских слов не может изменяться. В результате порядок слов в китайском предложении более устойчивый и стан-

1 Выполнено в рамках научно-исследовательского проекта:

1) Общий проект философско-социологического научного исследования в высших учебных заведениях в провинции Цзянсу 2021 года «исследование о трансформации порядков языковых единиц в процессе перевода с русского языка на китайский язык». (номер проекта: 2021SJA0594)

2) Проект по исследованию науки для талантов на высоком уровне 2020 года Цзянсуского второго педагогического института. (номер проекта: 927801/026)

дартный, чем в русском. Если носитель русского языка не учтёт этот фактор при переводе и будет стремиться к свободному порядку слов, характерному для русского языка, это приведёт к ошибкам. Рассмотрим грамматические функции порядка слов на примере перевода с русского языка на китайский определений и обстоятельств.

Проанализируем примеры определений: *стол из дерева* – правильно 木制的桌子, а не 桌子木制的, *любовь матери* – 母亲的关心, а не 关心母亲的, *способность двигаться* – 活动的能力, а не 能力活动的.

В русском языке существуют разные типы выражения определений, которые в китайском языке отсутствуют. Например, в китайском языке определения не могут быть выражены существительным с предлогом, глаголом и существительным в форме родительного падежа, как русские несогласованные определения. В переводе данные формы определения требуют постановки в позицию, как согласованные определения.

Порядок расположения обстоятельств тоже может быть нарушен при переводе. Рассмотрим пример. При переводе предложения «Он медленно начал есть, глядя пристально на Лену» правильно: 他慢慢地开始吃起来, 全神贯注地看着列娜, неправильно: 他慢慢地开始吃起来, 看着全神贯注地列娜. В русском языке, обстоятельство может стоять перед глаголом или после него, а в китайском нормативно находится перед глаголом. Конечно, есть особые случаи, когда говорящему необходимо передать сильные эмоции, например: 我在学习, 非常认真地, но такое расположение языковых единиц имеет авторский характер и встречается редко.

Во-вторых, неправильный порядок слов в тексте перевода может объясняться семантическими причинами. Семантика играет очень важную роль в процессе перевода; по сути, перевод представляет собой передачу семантики одного языка средствами другого языка. Семантика может иметь культурологический характер, поскольку «разная национально-культурная, социальная и историческая информация, стоящая за языком, <...> находит своё отражение в языке и речи» [6, с. 495]. Порядок слов может нарушаться, если говорящие не до конца учли семантический фактор, в том числе различия в представлениях русских и китайцев о времени и пространстве, о причинно-следственных связях, о логическом выделении того или иного явления и т.д.

Семантическую точность перевода обеспечивает правильный порядок слов. Рассмотрим пример: «Скажу тебе сразу, я, верно, сваял дурака, *приехав*» (Павленко). Правильный перевод данного предложения: 我会即刻对你说, 我赶来了, 或许是做了件蠢事. Неправильный перевод: 我会即刻对你说, 或许是做了件蠢事, 我赶来了.

В русском предложении деепричастие *приехав* находится в конце, но оно обозначает действие, произошедшее перед действием глагола-сказуемого *сваял дурака*. Поэтому порядок слов требует изменения для того, чтобы выражение не нарушало «PTS» – «принципа временной последовательности», требующего согласованности расположения членов предложения с порядком времени [4, с. 10].

Рассмотрим ещё один пример. Сочетание *север-восточный ветер* должно переводиться как 东北风 (восточно-северный), а не 北东风 (северо-восточный). Страны света играют важную роль в китайской культуре. Так, китайцы считаются восток самой важной стороной света, символизирующей славу и жизнь, а север – намного менее значимой, символизирующей поражение. Восприятие времени и пространства, причинно-следственные связи и логические закономерности являются базисом для создания семантических связей при переводе.

В-третьих, неправильное расположение языковых единиц в тексте перевода может обуславливаться стилистическими причинами. Рассмотрим пример:

Муж тебе выпал недобрый на долю;
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорила – ушла ты на волю,
Да не на радость сошла и со мной...
(Н.А. Некрасов. Еду ли ночью по улице темной...).

Предлагаемый вариант перевода:

你碰到一个心肠不好的丈夫:
脾气暴躁, 拳头很重;
你不甘屈服 – 终于逃到外边,
而你与我相遇, **也不是为了寻欢作乐...**

В тексте перевода положение сочетания **也不是为了寻欢作乐** ('не на радость, не для забавы') изменяется. Такой порядок языковых единиц выполняет стилистическую роль и делает перевод более эстетичным. Неправильное расположение в данном случае могло бы быть следующим: **不是为了寻欢作乐, 而你与我相遇...** Такое предложение не соответствует требованиям художественности и эстетичности. Перевод становится более громоздким, а эмоциональный посыл автора – менее ясным для читателя.

Итак, между русским и китайским языками есть множество отличий в грамматике, семантике и стилистике, что обуславливает различия в порядке языковых единиц. Людям, изучающим китайский язык, необходимо при выборе порядка слов учитывать грамматический, семантический и стилистический факторы; в противном случае перевод становится малопонятным, не соответствующим культурным реалиям, нехудожественным, неэстетичным. Перспективы данного исследования состоят в более глубоком изучении каждого из факторов, влияющих на порядок слов при переводе с русского языка на китайский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадулина И.Р. Порядок слов в предложениях русского, башкирского и китайского языков // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3-1. С. 1603-1606.
2. Ван Ц. Функциональность порядка слов в русском и китайском простом повествовательном предложении // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2019. № 1 (219). С. 136-141.
3. Гао Синь. Порядок слов в русском языке в зеркале китайского языка: автореф. дис. . . . канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 25 с.
4. Дай Х. Временная последовательность и порядок слов в китайском языке // Зарубежная лингвистика. – 1988. – № 1. – С. 10-20.
5. Крылова М.Н. Введение в языкознание для бакалавров: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2014. 275 с.
6. Чжан Я. Сопоставление культурологической семантики и перевод русской и китайской лексики // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 495-497.
7. Чжао С. К вопросу о порядке слов в русском и китайском языках: трансформации при переводе // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 3. С. 120-126.
8. Ян Л. О функции порядка слов в русском и китайском языках и перестановки при переводе // Языки. Культуры. Перевод. 2019. № 1. С. 285-292.

© Лу Чи (luchi617@126.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Нанкин

ФУНКЦИИ ЗАГОЛОВКОВ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПЕРЕДАЧ

FUNCTIONS OF TELEVISION HEADLINES

*Nguyen Ba Duy
Duong Hong Ngoc*

Summary: This article discusses the nominative and advertising functions of television headlines. The trend of using new words in the headlines of television programs, which reflects updates not only in the state of society, but also in the state of consciousness and thinking of a person. The nominative function is a common and basic function for all television broadcast titles, since the primary initial purpose of the title is the nomination, the identification of the work, which makes it possible to separate one television broadcast from another. Headings, which are typical nouns, belong to proper names (at the same time, common nouns in the role of headings pass into the category of proper names in their function).

In relation to the television headline, the essence of advertising (advertising function) is to attract the attention of viewers to the television program. However, each author, when creating a headline, aims not only to interest, but also, by influencing in a certain way, to force viewers to watch this program. The advertising function of the title is one of the important factors in the development of television speech.

Keywords: nominative function, advertising function, headline, TV program, new words, change of vocabulary, attracting the attention of viewers to the TV program.

Нгуен Ба Зуи

*Аспирант, Государственный институт русского языка
имени А.С. Пушкина
nguyenduy5f12@gmail.com*

Зыонг Хонг Нгок

*Преподаватель, Университет ФПТ, Ханой, Вьетнам
hongngocduong196@gmail.com*

Аннотация: В данной статье рассматриваются номинативная и рекламная функция заголовков телевизионных передач. Тенденция использования новых слов в заголовках телевизионных передач, которое отражает обновления не только состояния общества, но и состояния сознания и мышления человека.

Номинативная функция - общая и основная функция для всех заголовков телевизионных передач, так как первичным исходным назначением заголовка является номинация, идентификация произведения, позволяющая отделить одну телепередачу от другой. Заголовки, являющиеся типичными именами существительными, относятся к именам собственным (при этом имена нарицательные в роли заголовков по своей функции переходят в ряд имен собственных).

Применительно к телевизионному заголовку суть рекламы (рекламной функции) заключается в привлечении внимания телезрителей к телепередаче. Однако каждый автор, при создании заголовка, преследует цель не просто заинтересовать, но и, определенным образом воздействуя, заставить телезрителей посмотреть данную передачу. Рекламной функцией заголовка является один из важных факторов в развитии телевизионной речи.

Ключевые слова: номинативная функция, рекламная функция заголовков, телевизионная передача, новые слова, изменение лексики, привлечение внимания телезрителей к телепередаче.

Общая, основная функция для всех заголовков - номинативная функция, так как первичным исходным назначением заголовка является номинация, идентификация произведения, позволяющая отделить одну телепередачу от другой.

Д.И. Руденко в книге "Имя в парадигмах философии языка" отмечает, что "традиционным для работ по ономастике стало указание на нерешенность большего числа проблем собственных имен. При этом немалые затруднения вызывает само определение данных языковых единиц, в некоторых случаях и выявление состава соответствующих категорий" [1, с. 217].

Телевизионные заголовки представлены различными структурами - от однословных до многословных.

Среди однословных структур выделяются:

1. Собственные имена существительные: Борис Александров (30.07.2019г.), Алена Апина (8.11.2019г.), Фристайл (7.02.2018г.), Лувр (27.09.2019г.), Абрамцево (2.08.2018г.) и др.,

2. Наричательные имена существительные: Карьера (4.01.2018г.), Экзотика (16. 01.2018г.), Контакт (8.02.2018г.), Лабиринт (6.02.2018г.) и др.,
3. Предложно-падежные сочетания: У Ксюши (8.01.2018г.), Без паузы (10.04.2019г.), За кулисами (10.05.2018г.) и др.,
4. В роли заголовков местоимения, наречия, слова категории состояния: Мы (7.11.2019г.), Намедни (21.09.2018г.), Сегодня (19.09.2018г.), Хорошо! (7.11.2019г.) и др.

Среди многословных структур выделяются:

1. Сочетания слов и словосочетания: Шире круг (3.01.2018г.), В мире животных (5.01.2018г.), Человек и закон (10.02.2018г.) и др.,
2. Предложения: Помоги себе сам (6.01.2018г.), К-2 представляет: "Абзац" (10.02.2018г.), Вспомним те годы (8.02.2018г.), Хорошо петь с друзьями (3.02.2018г.) и др.

Л.Л.Буланин считает, что "...для того чтобы признать существительными собственными все типы названий, не

являющиеся по форме существительными, необходимо прежде установить факт субстантивации” [2, с. 32].

Без сомнения, заглавия, являющиеся типичными именами существительными, относятся к именам собственным (при этом имена нарицательные в роли заголовков по своей функции переходят в разряд имен собственных).

Что же касается местоимений, наречий, слов категории состояния и числительных, то эти части речи в функции заголовка подвергаются процессу субстантивации и, следовательно, переходят в разряд существительных имен собственных. Например, наречие “сегодня” в функции телевизионного заголовка Сегодня (24.03.2018г.) меняет свое категориальное значение: вместо того, чтобы обозначить признак действия, оно называет предмет-передачу. Местоимение “мы” в функции телевизионного заголовка Мы (14.03.2018г.) утрачивает указательное (дейктическое) местоименное значение и сохраняет значение предметности, так как основная функция местоимения в этом случае не указать, а назвать передачу. Числительное “19.59” в заголовке 19.59 (6.5.2018г.) теряет свое прежнее прямое значение - название времени суток и приобретает новое - называет телепередачу.

Сочетания слов в роли заголовков не субстантивируются, так как входящие в их состав слова не приобретают признаков имен существительных. Поэтому мы, вслед за Л.Л. Буланиным, многословные заголовочные структуры обозначаем термином “собственные наименования”.

Среди собственных имен существительных по характеру номинации некоторые ученые выделяют два вида - общие имена собственные и индивидуальные собственные имена [3, с. 154].

Общие имена собственные обозначают в системе языка лишь некоторые весьма общие признаки очень широких классов вещей, то есть выражают недостаточные по содержанию “понятия”, сочетающиеся с идеей необходимости их конкретизации (Иван, Анна). Общие имена собственные в речи закрепляются за конкретным предметом (лицом) с его индивидуальными свойствами и получают индивидуальное содержание. Индивидуальные имена собственные называют индивидуальные предметы, являясь их знаками. Такие собственные имена выражают уникальные, как отмечает Рассел, никогда и нигде больше неповторимые совокупности собственных признаков предметов и их внешних, прежде всего пространственно-временных отношений [4, с. 336].

По способу номинации среди заголовков ТВ-передач также можно выделить два типа собственных имен и собственных наименований: 1) общие имена собственные и собственные наименования: Новости (8.10.2018г.), Вести

(11.11.2018г.), Предприниматель (4.03.2018г.), Медицина для тебя (8.10.2018г.) и др.; 2) индивидуальные имена собственные и собственные наименования: Торжественная церемония закрытия и концерт лауреатов X Международного конкурса им. П.И. Чайковского (1.07.2019г.), Монтсеррат Кабалье в Москве (8.03.2018г.), Художник Павел Щербаум в Москве (29.11.2018г.) и др.

Общие имена собственные и собственные наименования называют группу передач и указывают на общность темы, объединяющей эти передачи.

Индивидуальные имена собственные, собственные наименования озаглавливают одну передачу и указывают на конкретную тему данной передачи. По характеру номинации общие ТВ-заголовки совпадают с названиями газетных рубрик, например, Проекты (“Известия” (19.08.2019г.), (2.09.2019г.), Портрет передачи (“Известия” (19.08.2019г.), (2.09.2019г.), Публицистика (“Известия”(19.08.2019г.), (2.09.2019г.) и др.

Общие телевизионные заголовки - результат действия цикличности в организации потока информации, зафиксированной в телепрограммах.

Частотность заголовков телевизионных передач

На сегодняшний день основную массу заголовков телевизионных передач составляют неединичные (многоцветные) заголовки. Так, среди 1650 заголовков, помещенных в программы каналов “ОРТ” и “Россия” (с 18.07.2018г. по 18.08.2018г.), 1290 многоцветных заголовка и 360 единичных.

В виде диаграммы это выглядит следующим образом:

По частоте повторения в программах ТВ неединичные заголовки делятся на следующие группы:

1. Ежедневные, повторяющиеся несколько раз в течение дня: 9.00, 12.00, 15.00, 21.00, 00.00 - Новости (1.07.2019г.), 7.00, 11.00, 16.00, 20.00, 23.20 - Вести (1.07.2019г.) и др.;
2. Повторяющиеся несколько раз в неделю, но не каждый день: 8.25 – Требуется... Требуется... (27.11.2018г., 28.11.2018г., 29.11.2018г., 30.11.2018г.), 19.10 – Час пик (27.06.2018г., 28.06.2018г., 29.06.2018г.), 14.00 – Иванов, Петров, Сидоров... (28.06.2018г., 29.06.2018г., 30.06.2018г.) и др.;
3. Ежедневные (один раз в неделю): 22.00 - Воскресенье (3.07.2019г., 10.07.2019г., 17.07.2019г.), 12.00 – Без паузы (29.10.2019г., 6.11.2019г., 13.11.2019г.), 13.30 – Новый старт (6.08.2019г., 13.08.2019г., 20.08.2019г.) и др.;
4. Повторяющиеся несколько раз в месяц: 17.25 – Помогите себе сам. (15.06.2018г., 29.06.2018г.), 11.00 – Утренняя почта. (22.10.2019г., 29.10.2019г.,

6.11.2019г.), 17.30 – Америка с М. Таратутой. (11.12.2019г., 22.12.2019г.) и др.;

5. Ежемесячные (один раз в месяц): 17.50 – Брейнинг. (29.10.2019г., 28.11.2019г., 28.11.2019г.), 16.10 – Первый дубль (14.10.2019г., 13.10.2019г.) и др.

Б.А. Зильберт пишет: “Каждую новую неделю повторяется во всех основных чертах как соотношение тематических блоков (содержательная структура), так и соотношение жанровых форм и видов (формальная структура) в радиовещательных и телевизионных всесоюзных программах” [5, с. 62].

Повторяемость или неповторяемость заголовков, выраженных сочетаниями слов, словосочетаниями и предложениями, позволяет поставить вопрос о таком свойстве, как воспроизводимость (свойство слова и фразеологизма) и невозпроизводимость (свойство свободных словосочетаний и предложений).

Анализ языкового материала показал, что заголовки, представленные словосочетаниями и предложениями, можно разделить на три группы:

1. Заголовки невозпроизводимые (конструируемые); такие заголовки характеризуются неповторяемостью, они единичны: Поет Алла Баянова (4.04.2018г.), Играет Рудольф Керер (16.03.2018г.), Средняя школа сегодня (26.10.2018г.), Пять минут до счастья (27.10.2019г.), В. Мейерхольд: неразгаданная загадка (1.03.2018г.), Пейзаж после битвы (1.03.2018г.), Затерянный мир Майя (26.03.2018г.) - говорить о лексикализации или фразеологизации нет оснований;
2. Заголовки воспроизводимые, такие заголовки подвергаются фразеологизации (у них развивается свойство цельности, связанности), что свидетельствует о тенденции к лексикализации: Поле чудес (26.05.2019г.), Звездный час (26.05.2019г.), Парламентский вестник (26.05.2019г.), Там -там новости (27.05.2019г.), Очевидное-невероятное (31.05.2019г.), Что? Где? Когда? (31.05.2019г.), На ночь глядя (27.05.2019г.) и др.;
3. Заголовки, частично воспроизводимые, частично невозпроизводимые: Кто есть кто. век. Ж. Кусто (6.12.2019г.), Театр + ТВ. Лия Ахеджакова (28.05.2019г.), Человек и закон. Репортаж о рейде ОМОНа (30.05.2019г.) В поисках утраченного. Любовь Орлова (16.10. 2018г.), Забытые имена. Зинаида Гипиус (18.10.2018г.) и др.

Применительно к телевизионному заголовку суть рекламы (рекламной функции) заключается в привлечении внимания телезрителей к телепередаче. Однако каждый автор, при создании заголовка, преследует цель не просто заинтересовать, но и, определенным образом воз-

действуя, заставить телезрителей посмотреть данную передачу. Как справедливо замечает А.А. Леонтьев: “речевое воздействие является частью более сложной деятельности, средством достижения какой-то внеречевой задачи”, из чего следует, что оно имеет статус психологического действия [6, с. 512].

Заголовок является единицей целенаправленного языкового общения - речевым актом. Структура речевого акта представляется в виде трех компонентов: иллокуции - цели высказывания, локуции – произнесения высказывания и перлокуции – результата речевого воздействия на слушающего [7, с. 8].

Существуют различные способы организации прагматической функции телевизионных заголовков.

1. Содержание заголовка дает представление о содержании самой телепередачи, тем самым вызывает у определенной группы телезрителей желание посмотреть данную передачу: В мире животных (17.01.2018г.), Окуроч - причина пожара (27.10.2018г.), Концерт хора Вестминстерского аббатства (26.12.2018г.) и др.
2. В структуру заголовка входит текстовая реминисценция: ...Под сенью дружных муз (23.05.2018г.), Я помню, любимая, помню... (15.12.2018г.), Майскими короткими ночами... (1.05.2018г.) и др.;
3. Заголовок имеет побудительную семантику: Поехали! (2.12.2019г.), Не спи и смотри (3.10.2018г.), Проснись и пой (21.05.2018г.) и др.;
4. В заголовке выражена авторская оценка содержания передачи: Проще простого. (3.11.2018г.), Вкусно, очень вкусно! (1.12.2018г.), Хорошо! (28.12.2019г.), Оба-на! (13.05.2018г.) и др.;
5. Заголовок имеет необычную форму: Формула-730. (9.12.2019г.), Марафон-15. (29.10.2019г.), Магикшоу (7.06.2018г.), Программа “А” (8.04.2018г.), Телешоу “50 X 50” (29.03.2018г.) и др.

Рекламность заголовков первой группы создается за счет передаваемой в них информации о содержании телепередачи. Следует отметить, что выполнение прагматической функции этими заголовками зависит от заинтересованности в той или иной информации телезрителей. Так, заголовок Клуб путешественников. (12.02.2018г.) несет прагматическую направленность для людей, интересующихся историей географических открытий, путешествиями, культурой народов. Заголовок В мире животных (5.01.2018г.) прагматичен для людей, которым интересна жизнь животных. Для человека, интересующегося правовыми нормами поведения в обществе, побуждающим посмотреть передачу будет заголовок Человек и закон. (10.02.2018г.).

Прагматичность заголовков второй группы (текстовые реминисценции) - результат: а) представления теле-

зрителей о содержании передачи, возникающего за счет ассоциативной связи с тем или иным фактом действительности; б) использования авторами заголовков в конце высказывания многоточия, являющегося формальным показателем недосказанности мысли, тем самым как бы указывающим на то, что ее продолжение следует искать в самой передаче.

Следует отметить, что возможность использования в заголовках ТВ-передач текстовых реминисценций основана на предположении авторов заголовков о том, что телезритель владеет знаниями о мире (энциклопедическими знаниями) и знаниями о правилах общения (интерактивными знаниями).

Суть общения на языке точно определил русский лингвист Е.Д. Поливанов: "В сущности, все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем "в чем дело". Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось бы в формальных значениях употребленных нами слов, нам нужно было бы употребить для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только необходимыми намеками" [8, с. 305].

Таким образом, заголовки-текстовые реминисцен-

ции несут прагматическую направленность для телезрителей, владеющих энциклопедическими и интерактивными знаниями.

Прагматическая функция заголовков третьей группы создается семантикой побуждения телезрителей к просмотру передачи, создающейся формой повелительного наклонения глагола, входящего в заголовок Не спи и смотри! (3.10.2019г.).

Заголовки четвертой группы имеют прагматическую направленность за счет входящей в структуру семантики заголовка авторской оценки содержания телепередачи, создающей у телезрителя эмоциональный настрой на ее просмотр Хорошо! (28.12.2019г.).

Зашифрованностью в необычной форме значения заголовка, объяснение к которому телезритель может получить в процессе просмотра передачи, создается прагматичность заголовков пятой группы Под знаком "Пи" (11.12.2019г.).

Таким образом, анализ функций телевизионных заголовков позволил нам выявить два классификации заголовков:

1. по способу наименования,
2. по способу организации прагматической функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков: Основа, 1990.
2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. Москва: Просвещение, 12012018.
3. Чесноков П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления. Москва: Просвещение, 120187.
4. Рассел Бертран. Человеческое познание: его сфера и границы. Москва: Институт общегуманит. исслед. 1957.
5. Зильберт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. Саратов: Сарат. ун-та, 1986.
6. Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. Москва: Смысл, 2008.
7. Дикарева С.С., Ронгинская Н.В. Языковое общение - диалог - дейкис: Учебное пособие. Симферополь: Симферополь, 1991.
8. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. Москва: Наука, 120188.
9. Еженедельный журнал ТЕЛЕК: Телевизионная программа 2018г.
10. Еженедельный журнал ТЕЛЕК: Телевизионная программа 2019г.

© Нгуен Ба Зуи (nguyenduy5f12@gmail.com), Зьонг Хонг Нгок (hongngocduong196@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ В ПОЭЗИИ ВИКТОРИИ ЯНКОВСКОЙ

Никифорова Ольга Владимировна

аспирант, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток
kettary.breeze@yandex.ru

LINGUISTIC FEATURES OF PERSONIFICATION IN THE VICTORIA YANKOVSKAYA'S POETRY

O. Nikiforova

Summary: The purpose of this article is to look at personification as a specific marker of V.Y. Yankovskaya's art. The grammatical and morphological features of personifications in the poetry of V.Y. Yankovskaya are studied, as well as their participation in syntax. The author comes to the conclusion that personifications in the studied material are found to a greater extent in narrative constructions, most often expressed by verbs of intellectual action and qualitative state. Participles, participial phrases, and emotional-evaluative vocabulary are also presented.

Keywords: personification, Yankovskaya, verbs, syntax, grammatical gender.

Аннотация: Цель данной статьи – обратиться к олицетворению, как специфическому маркёру творчества В.Ю. Янковской. Исследованию подвергаются грамматические, морфологические особенности олицетворений в поэзии В.Ю. Янковской, их участие в синтаксисе. Автор приходит к выводу о том, что олицетворения в исследуемом материале встречаются в большей мере в повествовательных конструкциях, наиболее часто выражаются глаголами интеллектуального действия и качественного состояния. Среди остальных встречаемых языковых воплощений: причастия, причастные обороты, эмоционально-оценочная лексика.

Ключевые слова: олицетворение, Янковская, глаголы, синтаксис, грамматический род.

В последнее время существует тенденция считать олицетворение, в том числе, и лингвистическим средством выразительности. Об этом свидетельствует ряд новаторских работ, появившихся в последнее время: Я.И. Гина [1, 2], К.С. Константиновой [3], Фам Нгок Лама [4], Н.В. Чесноковой [5] и др. Вопросы функционирования олицетворения в русском языке ранее затрагивали такие учёные, как В.В. Виноградов [6], Г.О. Винокур [8], И.Р. Гальперин [9], И.И. Ковтунова [10], Е.А. Некрасова [11], А.А. Потебня [12].

Подобный подход к творчеству В.Ю. Янковской представляется нам очень перспективным и актуальным – и ввиду современных тенденций, и по причине малой изученности поэтики избранного автора в данном аспекте. Ещё Г.О. Винокур отмечал, что лингвистика, её сфера распространяется и на художественный язык, следовательно, у этой науки «существуют свои интересы и обязанности по отношению к явлениям поэтического языка» [7, с. 61].

Обращение к исследуемой проблеме показало, что понятие олицетворения ещё не получило однозначного толкования в современной науке. В нашей статье под олицетворением понимается стилистический приём, заключающийся в перенесении каких-либо характеристик, относящихся к человеку или антропоморфных качеств, на явления, растения, животных, предметы. В основе приёма лежит ассоциация [3].

Однако почти все исследователи солидарны в том, что олицетворение, ведя своё происхождение из древности, как «наследие мифа», самым тесным образом оказывается связанным с эволюцией мышления человека в сфере образов. Природа этого лингвистического явления – гносеологическая [3, с. 28].

Опираясь на научную литературу, можно воспринимать данный троп как:

1. предмет природы, который описывается через олицетворение;
2. аспекты человеческого поведения, которыми наделяется этот предмет природы;
3. ситуация (ситуации), в которых это олицетворение чаще всего наблюдается.

В творчестве В.Ю. Янковской приём олицетворения создаётся при помощи различных лингвистических средств и встречается довольно часто на протяжении всего творчества. Так, в стихотворении «Я жду» (1928) данный приём употреблён дважды:

*В старой заброшенной хижине
Я развела огонёк.*

Стелется пламя униженно
Возле смугляющих ног [12].

Фраза «стелется пламя униженно» представляет собой повествовательную конструкцию, в которой присутствует сравнение с лицом. Глагол «стелется» (от-

носится к группе глаголов движения), по определению С.И. Ожегова, означает горизонтальный рост, низко «по какой-либо поверхности или по земле» [13 с. 436]. Однако здесь возникает и переносное значение, благодаря наречию «униженно». Именно оно позволяет расценивать данное сочетание как олицетворение, поскольку возникает ассоциация с человеком, который раболепствует. Таким образом, можно зафиксировать несовпадение по грамматическому признаку: пламя среднего рода, в семантике же глагола и наречия заложен признак мужчины, так как мы знаем, что рассказ ведётся от лица лирической героини.

В следующей строфе встречается не менее своеобразный пример олицетворения:

*Ты же тропюю окольную
На огонёк мой придешь.*

**Сумерки дрожно-стекольные
Лезут в отверстия рогож.**

В этой повествовательной конструкции автор персонифицировал временной промежуток («сумерки») посредством глагола «лезут». В «Толковом словаре глаголов» Л.Г. Бабенко глагол «лезть», имеющий семантику «Двигаться вверх, взбираясь вверх на что-либо или спускаться вниз с чего-либо. Синоним к слову “карабкаться”» [14, с. 29]. Автор классифицирует «лезть» как глагол движения, глагол поступательного движения субъекта [14, с. 25]. То есть, уже можно отметить тенденцию автора создавать олицетворение при помощи глаголов движения (или, пользуясь терминологией Г.А. Золотовой, акциональными глаголами) [9, с. 61].

Олицетворяемые объекты принадлежат к тематической группе «стихия» («пламя») и пространственно-временной категории («сумерки»). Помимо приведённых примеров в обозначенную группу «пространственно-временные категории» вошли и другие олицетворения: «вечер моросистый / Распустил печальное крыло» («Малинке», 1928); «Как будто их ноябрь прижал своей рукой» («Парк-Форесталь», 1954); «И чудит по-чилийски апрель» («Собираю опавшие листья...», 1956); «Эпоха – остригла мне крылья, / Подбила меня, как птицу...» («Необычайная поездка на юг Чили», 1957); «И дни идут, затягивая сети» («Летопись», 1959); «Ту боль мою и время не излечит. / Оно пройдёт околицей и мимо» («Летопись», 1959); «Наитягчайшее – врачует время» («Летопись», 1959); «Ужасны вы, ненужные часы! / Обычно, август, ты мне их бросаешь» («Побег», 1932).

Рассмотрим их. В примере «Над Кореей вечер моросистый / Распустил печальное крыло» персонифицируется вечер, которому придаются свойства птицы или ангела (антропоморфизм). Сказать более определённо нельзя, так как олицетворение всегда оставляет свободу для переосмысления.

Олицетворение образовано через глагол покрытия объекта «распустил» и дополнения «печальное крыло», в котором заключена оценка происходящего. В данном трудно сказать о совпадении или несовпадении грамматического рода, так как может подразумеваться существо как женского, так и мужского рода. Зато в примере «Ту боль мою и время не излечит. / Оно пройдёт околицей и мимо» очевидно несовпадение грамматического рода: время – среднего рода, лекарь (лицо, с которым оно коррелируется) – мужского.

Далее можно заметить, что большинство олицетворений образовано посредством глаголов физического действия: «прижал», «остригла», «идут», «пройдёт», «подбила». В контексте поэзии В.Ю. Янковской, с её постоянной темой ностальгии, они связываются между собой общей семантикой, восходящей к смысловому ядру «утрата», «потеря», «деформация». Исключение составляет пример «И чудит по-чилийски апрель», в котором пространственно-временная категория олицетворяется при помощи глагола эмоционального действия с экспрессивным оттенком «чудит».

В строке «Ужасны вы, ненужные часы! / Обычно, август, ты мне их бросаешь» два примера олицетворения: часы «оживляются» благодаря оценочной лексике, выражающей отрицательную коннотацию. В первом случае конструкция восклицательная, усиливающая эмоциональное звучание; во втором случае повествовательная, с обращением. Лирическая героиня адресует свою речь к августу, персонификация которого происходит за счёт глагола восприятия «бросать» [8, с. 303].

Далее удалось определить следующие группы: «природа неживая», «растения», «животные», «природа, судьба, жизнь как масштабные антропоморфные образы», «душа».

Количество олицетворений, входящих в группу «природа неживая» значительно: «Нити тонких аметистов / В небе судорогой замело» («Весною», 1928); «Горы эхом отвечали: / “Кто ты? Кто ты?” – без конца» («Весною», 1928); «Аметист сменён агатом чёрным, / А его прогоняют янтари...» («Весною», 1928); «Солнце сегодня взглянуло в леток: / Ветер, хребты целовавший, нашептывал в улей» («Я же – пчела!», 1930); «И бежит, бежит куда-то вдаль вода...»; «Шелестит тальник. Журчит, звенит река...», 1943); «Предо мной разметались туманы, / Как гравюры Мильтонова Рая» (Перевал в Вальпарайзо, 1956); «Какие вокруг пейзажи! / И ветер, поющий в лицо мне!» («Необычайная поездка на юг Чили», 1956); «По уступам каскады несутся. / Но покой первобытно-таёжный» («Необычайная поездка на юг Чили», 1956); «В окно моё смотрятся пики хребтов...» («Гуси»); «И всплески судорожно будят воду... / Луна за горизонтом жжёт костер. / Осенняя вечерняя природа / Роняет оперенье

вглубь озёр» («Осенний перелёт»).

Эта обширная группа представляет не только оригинальные примеры олицетворений, но и разнообразие синтаксиса. Помимо повествовательных конструкций, которых, по-прежнему, большинство, здесь наблюдаются восклицательные «*Какие вокруг пейзажи! / И ветер, поющий в лицо мне!*»; вопросительные, с прямой речью: «*Горы эхом отвечали: / "Кто ты? Кто ты?" – без конца*».

Восклицательное предложение вызывает интерес ещё и тем, что в нём олицетворение делается путём причастного оборота: «*И ветер, поющий в лицо мне!*». Одушевление стихии возникает за счёт причастия «поющий», образованного, в свою очередь, от глагола звучания «петь» [8, с. 449]. Аналогичный случай и в следующем примере: *Ветер, хребты целовавший, нашёптывал в улей*. Только на этот раз причастие образовано от глагола физического воздействия «целовать» [8, с. 196]. Образ одухотворённого ветра усиливается и благодаря глаголу «нашёптывать», который входит в группу глаголов речевой деятельности [1, с. 355].

Далее мы встречаем случаи образования олицетворения с помощью глаголов интеллектуального действия: «*Горы эхом отвечали*»; «*Солнце сегодня взглянуло в лето*»; «*В окно моё смотрятся пики хребтов...*»; глаголы физического действия и движения: «*Аметист сменён агатом чёрным, / А его прогоняют янтари...*»; «*И бежит, бежит куда-то вдаль вода...*»; «*Предо мной разметались туманы, / Как гравюры Мильтонова Рая*»; «*По уступам каскады несутся*»; «*И всплески судорожно будят воду... / Луна за горизонтом жжёт костёр. / Осенняя черная природа / Роняет оперенье вглубь озёр*».

Тематическая группа «растения» представлена следующим образом: «*И листики тихонько зеленеют, / Глядя кругом весенними глазами*» («Багульник», 1930); «*Вам кажется – судьба цветочная ошиблась?*»; «*Лишь кедры хмуρο шепчутся со мной*» («Багульник», 1930); «*Как зябнут хризантемы посреди газонов*» («Печально оттого, что осень здесь в апреле», 1954); «*И петунья ей отдаётся, / Замирая в порыве любви...*» («Колибри», 1957); «*Стелют ландыши коврик ажурный*» («Спасибо, Господи, что юмор мне отпущен...», 1947); «*В окно моё смотрятся горные вишни...*» («Японский вечер», 1932).

Большинство конструкций здесь повествовательные, кроме одного, вопросительного, котором присутствует и обращение к читателю: «*Вам кажется – судьба цветочная ошиблась?*». Обобщённый олицетворённый образ, построенный на антропоморфном сопоставлении («судьба цветочная»), представлен одушевлённым благодаря глаголу социальной деятельности (подгруппа «глаголы поступка и поведения») «ошибиться». Обычно он применяется только к людям, поскольку его семан-

тика («поступать неверно») предполагает осознанные действия.

В целом, можно заметить, что флора в мире поэзии Янковской наделена рядом свойств и качеств, присущих человеку. Как и в ранее рассмотренных случаях, одушевление растительности осуществляется посредством глаголов интеллектуального действия: «*И листики тихонько зеленеют, / Глядя кругом весенними глазами*»; «*Лишь кедры хмуρο шепчутся со мной*»; «*В окно моё смотрятся горные вишни...*». Встречаются примеры с глаголами физического действия: «*Стелют ландыши коврик ажурный*»; «*И петунья ей отдаётся, / Замирая в порыве любви...*». В последнем примере в образовании олицетворения принимает участие и деепричастие «замирая», происходящего от глагола качественного состояния «замереть» [14, с. 545]. К этой же группе глаголов относится и «зябнут»: «*Как зябнут хризантемы посреди газонов*».

В образовании олицетворения немаловажна роль и оценочной лексики: «*И листики тихонько зеленеют*». Наречие «*тихонько*» не только конкретизирует процесс, но и придаёт одушевлённый характер процессу. Это же замечание относится и к следующей фразе: «*Лишь кедры хмуρο шепчутся со мной*», только наречие «*хмуρο*» характеризует не процесс, а непосредственно героев стихотворения – кедры, которые персонифицируются.

Таким образом, растительный мир в стихотворениях Янковской не только способен действовать подобно человеку, но и испытывать его ощущения и чувства. То есть, в основе олицетворений лежит антропоморфизм.

Обратимся к семантической группе «животные», которая характеризуется следующими примерами: «*Стервятник над сосновым лесом / Парит, высматривая жертву*» («Необычайная поездка на юг Чили», 1957); «*Этот звук всегда одно и то же: / Беспокойная тоска, стремленье вдаль... / Весь инстинкт бродяжий растревожит, / Сдёрнет память драпирующий вуаль*» («Гуси»).

В повествовательной конструкции «*Стервятник над сосновым лесом / Парит, высматривая жертву*» олицетворение привычно выражено деепричастием, образованном от глагола интеллектуального действия «высматривать»

Более сложным в данном отношении оказывается фрагмент стихотворения «Гуси», в котором олицетворяются не столько сами птицы, сколько тот звук, который они издают, пролетая стаями над городом:

*Этот звук всегда одно и то же:
Весь инстинкт бродяжий растревожит,
Сдёрнет память драпирующий вуаль.*

Процесс придания ему качеств живого существа по-

началу происходит посредством ассоциативного ряда, связанного с эмоциями и переживаниями: «беспокойная тоска, стремление вдаль...». Далее звук начинает воздействовать на героиню не только психологически – «растревожит», но и физически – «сдёрнет». Нельзя не отметить, что в данном примере олицетворение строится по принципу градации, наивысшей точкой в котором оказывается глагол физического действия «сдёрнет», включённый Л.Г. Бабенко в группу глаголов перемещения объектов [14, с. 94]. Семантика же его предполагает некое агрессивное воздействие, неприятное тому, по отношению к кому оно совершается.

Особое значение приобретает в поэзии Янковской группа олицетворений «природа, судьба, жизнь как масштабные антропоморфные образы», так как наиболее ярко отражает мышление автора, воспринимавшего природу как одухотворённую часть своей жизни.

Приведём соответствующие примеры: «*Это там, где Природа колдует – / От печали и зла вдалеке...*»; «*Так Океан Тайги расставил сети / И принял нас во царствие своё*» («Встреча с моим Робинзоном Крузо», 1949); «*Жизнь брызгами своими щедро мечет*» («Скрижаль», 1953); «*Лишилась жизнь своей простой красы*» («Печально оттого, что осень здесь в апреле», 1954); «*Всё это жизнь, а не сцена – / На миг распахнула вежды...*» («Необычайная поездка на юг Чили», 1957).

В представленных повествовательных конструкциях образование олицетворения происходит большей частью за счёт глаголов: физического действия: «*Так Океан Тайги **расставил** сети / И **принял** нас во царствие своё*»; «*Жизнь брызгами своими щедро **мечет***»; «*Всё эт жизнь, а не сцена*» – / *На миг **распахнула** вежды...*»; интеллектуального воздействия: «*Это там, где Природа колдует – / От печали и зла вдалеке...*» Концептуальными для автора оказываются глаголы утраты объекта [14, с. 581]: «*Лишилась жизнь своей простой красы*». Вновь отметим наличие эмотивно-оценочной лексики: «*щедро*», дополняющей эффект оживления.

Отдельно представим группу «душа», так как обращение к этой субстанции имеет не менее существенное значение для автора и лирической героини, рефлексирующих по поводу расставания с родиной. Эти переживания

выражены следующим способом: «*Душа моя утратила покой*» («Печально оттого, что осень здесь в апреле», 1954); «*И тоскует душа, как недужный... апрель*» («Собираю опавшие листья», 1956).

Здесь, как это можно заметить, вновь возникает глагол утраты объекта: «*Душа моя утратила покой*». Лирическая героиня оживляет свою душу (в русском языке эта категория является неодушевлённой), делает её участницей происходящего.

Далее возникает **глагол качественного состояния** «тоскует», обозначающий «гнетущее чувство, душевную тревогу, уныние» [14, с. 525]. Последующее олицетворение возникает в качестве сравнения и создаётся при помощи просторечного прилагательного «недужный», то есть «больной»: «*как недужный... апрель*». Оба объекта олицетворения предстают в качестве отображения внутреннего состояния героини, рефлексия которой происходит через восприятие природы.

Таким образом, можно сказать следующее. Множественные выявленные олицетворения в поэзии В.Ю. Янковского разделяются в следующие тематические группы: «стихии», «пространственно-временные категории», «неживая природа», «растения», «животные», «природа, судьба, жизнь как масштабные антропоморфные образы», «душа».

Это, в большей мере, повествовательные конструкции, в которых олицетворение создаётся при помощи глаголов физического действия, глаголов движения, глаголов интеллектуального действия и качественного состояния. При этом особую роль играют глаголы, принадлежащие к подгруппе «утраты объекта», как выражающие концептуальную идею отрыва от Родины в поэзии В.Ю. Янковской. Среди других часто встречаемых средств: причастия, причастные обороты, эмоционально-оценочная лексика.

В результате возникает специфическая картина мира, в которой, наравне с героиней и вместе с ней, в тесном эмоциональном и физическом соприкосновении, действуют одухотворённые объекты неживой природы; наполненная интенсивным движением и различными процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гин Я.И. Грамматические особенности олицетворения существительного «горе» // Язык русского фольклора. – Петрозаводск, 1985. – С. 105-114.
2. Гин Я.И. Поэтика грамматического рода. – Петрозаводск: ПГПИ, 1992. – 153 с.
3. Константинова К.С. Олицетворение в художественном тексте: семантические и грамматические аспекты: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01. – М., 1996. – 221 с.
4. Фам Нгок Лам Олицетворение имён существительных с немотивированным родом в современном русском языке: дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01. – М., 1999. – 228 с.

5. Чеснокова Н.В. Языковые механизмы глагольной образности // Вестник Тамбовского университета. – 2010. – № 12. – С. 216-224.
6. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – 540с.
7. Винокур Г.О. Филологические исследования: лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1990. – 451 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138с.
9. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 208с.
10. Некрасова Е.А. Олицетворение // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. – М., 1994. – С. 13-105.
11. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 616 с.
12. Янковская В.Ю. По странам рассеяния
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2010. – 1376 с.
14. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских глаголов. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 576 с.
15. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

© Никифорова Ольга Владимировна (kettary.breeze@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРОНИМОВ ШАНЬДУНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Нин Кэ

Аспирант, Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург
409693927@qq.com

ETYMOLOGICAL AND WORD-FORMATION ANALYSIS OF THE ORONYMS OF THE SHANDONG PENINSULA

Ning Ke

Summary: This article discusses the most famous oronyms of the Shandong Peninsula, their origin, semantic meaning, ways of word formation. The types of toponymic nominations and semantic groups of oronyms of the Shandong Peninsula are given in the study, the proto-forms of oronyms and initial meanings are studied. Chinese civilization is one of the most ancient in the world, on the territory of which Shandong province is considered the cradle of the origin of culture and the center of the main ethical and philosophical teaching of China – Confucianism. Since the objects studied by us with various forms of the earth's surface are the most ancient, therefore, the use of oronyms of this area is reflected in numerous monuments of ancient Chinese history, which will be considered in this study.

Keywords: toponymy, oronyms of the Chinese language, Taishan, Qianfoshan, Laoshan, Yantai, Yishan, Shanhaijing.

Аннотация: В данной статье рассматриваются наиболее известные оронимы Шаньдунского полуострова, их происхождение, смысловое значение, способы словообразования. В исследовании приводятся типы топонимических номинаций и семантические группы оронимов Шаньдунского полуострова, изучаются праформы оронимов и исходные значения. Китайская цивилизация является одной из самых древних в мире, на территории которой провинция Шаньдун считается колыбелью зарождения культуры и центром основного этико-философского учения Китая – конфуцианства. Поскольку изучаемые нами объекты с различными формами земной поверхности являются самыми древними, поэтому употребление оронимов данной местности отражено в многочисленных памятниках древнекитайской истории, которые будут рассмотрены в данном исследовании. Для того чтобы понять идейное наполнение оронимов, рассматриваемых в данной работе, мы обратились к древнекитайским преданиям и легендам, что помогло глубже изучить не только происхождение названий местности, но и сделать вывод о процессе становления китайской культуры.

Ключевые слова: топонимия, оронимы китайского языка, Тайшань, Цяньфощань, Лаошань, Яньтай, Ишань, Шаньхайцзин.

На протяжении всей истории Китая проводятся исследования, посвященные вопросам одного из раздела ономастики – топонимики. В отечественной науке топонимика китайского языка изучена мало и практически недоступна российским читателям. Интерес изучения топонимики китайского языка проявляется в том, что данная наука, соприкасаясь с лингвистикой, позволяет выявлять закономерности словообразования в китайском языке и проводить этимологические исследования топонимов Китая. Этимологический анализ топонимов представляется весьма значимым, поскольку, как указывает в своей работе Трубачов О.Н.: «никакая другая лингвистическая дисциплина не собирает такую полноту информации о значении слова, как этимология, объединяющая в целях своего исследования современные данные, письменную историю, дописьменную реконструкцию и семантическую типологию» [3, с. 65].

Сама по себе междисциплинарная наука топонимика в Китае не стоит на месте и привлекает широкое внимание научных кругов. С момента формирования современной топонимики применяется всё больше научных и разнообразных методов исследования. Китайские ученые считают, что «исследование географических названий является ключом к раскрытию истории китайской цивилизации, потому что универсальность, номинатив-

ность, эволюция и стабильность географического названия являются всеобъемлющими отражениями естественной, социальной истории и антропологии» [5].

В данной статье мы бы хотели рассмотреть вопросы, относящиеся к полю исследования китайской топонимии – некоторым оронимам Шаньдунского полуострова. Китайская цивилизация является одной из самых древних в мире и насчитывает около 5 тыс. лет существования, на территории которой провинция Шаньдун, бывшее царство Лу, появилось приблизительно 3 тыс. лет назад и по праву считается колыбелью зарождения культуры и центром основного этико-философского учения Китая – конфуцианства. Поскольку изучаемые нами объекты с различными формами земной поверхности являются самыми древними, поэтому употребление оронимов данной местности отражено в многочисленных памятниках древнекитайской истории, которые будут рассмотрены в данном исследовании.

К самому первому топонимическому письменному источнику с перечислением оронимов можно отнести древнекитайский трактат «Каталог гор и морей», появившийся примерно в III сер. I тыс. до н.э. В нем описываются названия гор, их расположения, соседние земли и обитающие там создания, трактат содержит сведения о неко-

торых горах Шаньдунского полуострова. В «Каталоге гор и морей» приводится реальная и мифическая география Китая. Описание некоторых оронимов Шаньдунского полуострова встречается и в других письменных источниках, например, в таких как «Чжоу ли» или «Чжоуские ритуалы», один из ранних памятников конфуцианского «Тринадцатикнижия», в династийных хрониках «История ранней Ханьской династии» и «Истории поздней династии Тан», в трактате Ли Даоюаня по древней китайской географии – «Комментарий к канону водных путей», содержатся описания соседних территорий, поселений, информация о климате и истории, включая местные легенды, а также описываются оронимы.

В словообразовательной системе китайского языка номинативные единицы образуются из существующих в языке слов, корней и аффиксов, но самым распространенным способом словообразования является словосложение. Также и для ономастики китайского языка с его слабо развитой морфологией характерен лексико-синтаксический способ словообразования или словосложение, который осуществляется путем примыкания одного компонента к другому [1, с. 26]. Топонимы китайского языка образованы посредством определительного типа связи или атрибутивного, где вторая часть сложного слова обозначает предмет, а первая — качественный, количественный или относительный признак предмета, как правило, такая разновидность определительного типа связи образует лексическую единицу, относящуюся к категории существительного. Например, название провинции или полуострова 山东 shāndōng гора – восток > Горный Восток носит определительный тип связи с относительным признаком предмета.

Морфологическая структура топонимов китайского языка представляет в основном сложные образования, состоящие из двух морфем, которые выступают в качестве основы слова. Первая часть названия, как правило, описательная, вторая называет отличительные признаки (характер местности, положения, тип поселения). При общей характеристике словообразовательной структуры топонимов китайского языка, часто приводится высказывание Ф.В. Соловьёва о том, что «сочетание компонентов в китайском географическом названии происходит в строгом соответствии с основным законом китайского языка, по которому начальный компонент определяет последующий» [2].

В составе китайских топонимов всегда присутствуют компоненты, которые раскрывают природу предмета, показывают его принадлежность к географическим объектам. Эти компоненты по своему значению можно отнести к топоформантам. В качестве топоформантов в категории оронимов можно выделить три основные лексемы 丘 «холм», 山 «гора», 洞 «пещера». Такие топоформанты сначала записывались на гадательных костях,

а затем стали появляться в поэтических канонах [4]. Известный американский лингвист Университета Пенсильвании Джеймс М. Харгетт определяет компоненты в составе китайских топонимов как «описательный префикс и универсальный-суффикс» [там же.].

Целью нашего исследования является изучение оронимов Шаньдунской местности как одной из самых древних заселенных территорий Китая и важного культурного центра китайской цивилизации. В данной статье с помощью этимологического и словообразовательного анализа некоторых оронимов ставятся следующие задачи:

1. Сбор информации об оронимах в первых топонимических письменных источниках Китая и в словарях китайского языка, определение древних и современных названий гор Шаньдунского полуострова и характеристика их образа в слове.
2. Установление способов словообразования слова и выявление типов топонимических номинаций для оронимов Шаньдунского полуострова.
3. Реконструкция праформы оронимов и исходного значения. Этимологический анализ оронимов Шаньдунского полуострова представляет собой изучение происхождения названия гор и возвышенностей Шаньдунской горной цепи и установления на основании фонетического и словообразовательного анализа с учетом исторических и географических данных.

Рассмотрим оронимы, которые относятся к Шаньдунскому полуострову. Шаньдунская горная цепь представляет собой множество горных вершин, самой высокой из которых является гора Тайшань 泰山 tàishān. Это современное название, образованное атрибутивным типом связи 泰山 tàishān мирный, спокойный – гора > мирная, спокойная гора.

В отличие от современного обозначения иероглифами горы Тайшань, Тайшань обозначалась иероглифами «大» tài или «太» tài, которые в древности употреблялись одинаково и были созвучны. Термин об общеупотребительных иероглифах 通用字 тунъюнцзы, которые могли взаимозаменяться в древнем языке, впервые был введен лингвистом Цю Сигуем, профессором исследовательского центра по литературным памятникам и древним письменам Фуданьского университета, в труде «Общие сведения об истории письма» [17]. По одной из версий гора Тайшань в провинции Шаньдун сильно выделялась, считалась самой главной, поэтому в глубокой древности гору Тайшань обозначали 大山 tàishān с описательным префиксом 大 tài большой.

По другой версии название оронима было связано с проживавшей вблизи горы народностью дуньи «восточные варвары». Дуньи совершали обряды жертвоприношений и поднимались на гору Тайшань для поклонения

Солнцу (солнце - 太阳 tàiyáng), поэтому ороним указывался с описательным префиксом 太 tài, благодаря чему у оронима 太山 tàishān появлялось другое семантическое значение, то есть для народности дунъи это была священная гора для совершения обрядов жертвоприношений Солнцу. Дунъи «восточные варвары» в то время считались самыми высокоразвитыми, они стали первыми почитать Небо и Солнце и подносить жертвоприношения [14]. Но, как известно, что дунъи находились в подчинении правителя Китая и стояли на пути аккультурации, утрачивали свой язык, поэтому у оронима Тайшань исконный характер.

Другое несколько отличительное название горы Тайшань встречается в одном из классических памятников конфуцианского «Пятикнижия» - в «Шу-цзине». В историческом источнике гора Тайшань обозначается как 岱山, согласно «Большому словарю китайского языка» читается как dàishān Дайшань. Китайский историк и культуролог ЧжуНайчэн в своем труде «Китайский дракон: происхождение и формы» считает, что описательный префикс 岱 dài означает темно-синий цвет или иссиня-черный [11]. Круглый год гора Тайшань богата пышной растительностью, и из-за сосен и кипарисов создается заметный иссиня-черный цвет, поэтому местные жители стали называть гору 岱山 dàishān > темно-синий - гора > Темно-синяя гора.

Запись современного оронима с описательным префиксом 泰 tài впервые встречается в Ши-цзине XI—VI вв. до н.э., очевидно, что с появлением гексограммы гуа 泰 в «Книге перемен», ороним Тайшань стали обозначать именно этим иероглифом. Согласно «Большому словарю китайского языка» иероглиф 泰 был образован от иероглифов 大, 太, 汰, первоначальный смысл которых означал степень величины – большой или чрезмерный. Но с появлением «Книги перемен», у иероглифа 泰 в качестве гексограммы гуа появились такие значения, как спокойный, стабильный, великий, благоприятный, зажиточный, или связь между небом и землей [7], поэтому в наименовании горы произошла замена иероглифов 大, 太 на 泰, чтобы добавить новый семантический смысл орониму. Смена иероглифов добавила новую окраску горы, на которой приносили жертвы потомки дунъи.

В древнекитайском трактате «Каталог гор и морей» ороним Тайшань уже записывается с иероглифом 泰, ниже приведена выдержка описания горы на китайском языке и ее перевод:

又南三百里曰泰山。其上多玉，其下多金。有兽焉，其状如豚而有珠，名曰狍狍，其鸣自訃。环水出焉，东流注于江，其中多水玉[10].

«В ста ли к югу находится гора Тайшань. На ней есть много нефрита, а у подножия много золота. Есть животные, напоминают свиней с жемчужинами, называются тунтун, издают шумные крики. Кругом воды окру-

жают гору, они текут на восток и вливаются в реку, в тех водах есть много горного хрусталя».

При анализе оронимов Шаньдунского полуострова нельзя не упомянуть другую известную гору Лаошань. На протяжении тысячелетий в процессе развития китайской культуры в разные исторические периоды гора Лаошань 崂山 láoshān была известна под разными названиями, одновременно ороним мог иметь одно и то же произношение, но разное написание, включая в себя разные семантические значения.

Например, в одной из легенд о Цзян тай-гуне, мудром советнике Вэнь-вана, говорится, что когда Цзян тай-гун со своими войсками обходил гору Лаошань, то он отметил, что эта гора еще крепче, чем Тайшань, и поэтому древние люди стали называть ее Лаошань с описательным префиксом 牢 láo, согласно «Словарю китайских слов иероглифов» [18] означает твердый, прочный. Благодаря легенде о Цзян тай-гуне, у оронима Лаошань существовало такое название, как 牢山 láoshān > крепкий, прочный – гора > Крепкая гора.

Так, в «Истории поздней династии Тан» в преданиях о Пан Мэне впервые появляется название горы Лаошань, в те времена название записывалось как 劳山 láoshān, в отличие от современного названия, описательный префикс записывался без детерминатива 山 shān > гора. В период династии Мин ученый Гу Янью испытывал глубокие чувства к горе Лаошань, он исследовал большую массу исторических источников и пришел к выводу, что в период Цинь – Хань люди повсеместно верили, что в восточных районах, окруженных морями, существует гора бессмертных, где живет небожитель, у которого есть эликсир бессмертия [12, с. 43]. Известно, что Цинь Шихуанди находился в поисках своего бессмертия и постоянно прибывал в княжествах Ци и Лу, чтобы найти этот эликсир, поэтому простые люди постоянно спускались и поднимались на эту обрывистую и крутую гору, что занимало много усилий, по этой причине гору стали называть 劳山 láoshān > трудиться, уставать – гора > Гора, где трудятся. В номинации горы глагол используется в функции имени, поэтому возможен такой перевод, как «Гора трудящихся».

Среди оронимов Шаньдунского полуострова можно выделить еще одну известную гору Ишань, которая расположена на юге провинции Шаньдун. По одной из версий ороним Ишань 沂山 yí shān заимствовал свое название от гидронима Ихэ 沂河 yíhé извилистая, длинная река и был образован посредством определительного типа связи 沂山 yí shān извилистая река, гора > Гора извилистой реки. Американский лингвист Джеймс М. Харгетт отмечает, что часто оронимы китайского языка происходят от наименований гидронимов, особенно на территории Чжоу – современная провинция Шаньдун. [С.28.]

Сам иероглиф 沂 yí состоит из детерминатива 氵 shu ĭ «вода» и графемы 斤 jīn «топор, секира», которая раньше являлась фонетиком и читалась как «in» или реже «i». В иероглифе 沂 yí в качестве детерминатива выступает 氵 shu ĭ «вода», поэтому слово семантически сочетается со словами 水 shu ĭ > вода, 河 hé > река, но со словом 山 shān > гора семантическое согласование наоборот отсутствует, потому что лексические единицы принадлежат к разным смысловым сферам, соответственно, можно сделать вывод о том, что ороним произошел от гидронима.

Первое упоминание оронима встречается в письменном источнике «Чжоу ли», где написано, что «на востоке находится Цинчжоу, рядом есть горный поселок, который называется Ишань, где берет свое начало река Ихэ» [8]. Таким образом, у происхождения оронима Ишань 沂山 yíshān есть логическое объяснение, раньше местное население считало, что река Ихэ берет свое начало на вершине данной горы, поэтому появилось название 沂山 yí shān.

В названии оронима Ишань существовал и другой описательный префикс с иероглифом 夷 yí, ороним читался одинаково, но включал в себя другое семантическое значение. До объединения Китая в правление ЦиньШихуанди к III в. до н.э. в царствах Ци и Лу, территория современной провинции Шаньдун, гора Ишань изначально называлась как 夷山 yíshān варвары, гора > гора варваров, потому что на территории, где она находилась, проживал народ дуньи «восточные варвары». Данное написание оронима можно встретить в уже ранее упомянутом «Каталоге гор и морей» [10]. Во время правления ЦиньШихуанди вводится упорядоченная письменная система, диалекты перестают быть официальными языками, и из-за фонетической симметрии слово 夷 yí заменяется на 沂 yí, вследствие чего появляется новое написание названия Ишань 沂山 yí shān.

На территории провинции Шаньдун еще одной знаменитой горой является гора Цяньфощань, 千佛山 qiānfóshān > тысяча будд – гора > Гора тысячи Будд. Горы Цяньфощань имеют вековую историю, еще во времена Северной Вэй в «Комментарий к канону водных путей» сохранились записи о том, что в древности горы Цяньфощань назывались 历山 lìshān Лишань [18]. В глубокой древности правитель Шунь занимался земледелием у подножия гор, поэтому их также называют «Горы земледелия Шуня».

Горы Цяньфощань являлись местом, где приносили жертвы в честь императора Шуня. Раньше люди из года в год поднимались сюда, чтобы изгонять злых духов, этот ритуал получил название 迁祓 qiānfú > цяньфу. Поскольку 迁祓 qiān fú и 千佛 qiānfó - это омофоны [15], поэтому впоследствии люди стали называть гору 千佛 qiān fó

> цяньфу. По другой версии в период династий Сун и Тан, в Китае был расцвет буддийской религии, который особенно проявился в провинции Шаньдун. Последователи Будды высекали множество фигурок Будды в скале, соорудили тысячу буддистских монастырей, поэтому горы стали называться Цяньфощань. В орониме семантическое значение тысячи - это неопределенное количество. Таким образом, ороним Цяньфощань содержит религиозную лексику.

При описании оронимов Шаньдунского полуострова, нельзя не упомянуть о горе Яньтайшань, расположенной в первом торговом порте Яньтай в провинции Шаньдун. Существует две версии происхождения данного оронима. По первой версии во времена династии Мин 1368—1644 гг. для государства огромной проблемой являлись японские пираты «вако», которые вторгались на территорию Китая. В записях «Об описании уезда Фушань» сохранились сведения о том, что люди на это холме создали дозорную вышку для сигнального огня, чтобы обороняться и предупреждать нападения «вако». Дым служил сигналом военной тревоги, благодаря ему город был готов к внезапному нападению врага [6]. Отсюда название горы Яньтайшань 烟台 yāntái > дымная башня – гора > Гора Дымной Башни.

Помимо первой версии существует еще легенда о происхождении оронима Яньтай. В эпоху древности Яньтай являлся небольшим рыбацким поселком, в котором жил отважный юноша с удивительными глазами. Он обладал способностью смотреть в глубину моря, поэтому рыбаки любили ловить рыбу вместе с ним. Из-за этого Лун-Ван возненавидел его и желал его смерти. В один день они устроили драку, и девушка по имени 燕儿 yàn'ér Яньэр принесла себя в жертву, чтобы спасти юношу, поэтому Лун-Ван превратил ее в камень [16]. До настоящего времени в горах до сих пор сохранился камень с выгравированными иероглифами 燕台 yàntái > Башня Янь, но уже в позднее время ороним стали именовать 烟台 yāntái, одновременно оба названия являются омофонами.

Таким образом, словообразовательный анализ оронимов Шаньдунского полуострова показал, что оронимы образованы атрибутивным типом связи, компонентами состава которых является описательный префикс и универсальный суффикс. Среди изученных оронимов родовым неизменным суффиксом является 山 shān > гора. Описательный префикс может быть выражен именем прилагательным, именем существительным, глаголом в функции имени существительного, именем прилагательным + именем существительным, именем числительным + именем существительным. В содержании мотивировочных признаков тематической группы оронимов Шаньдунского полуострова выделяются следующие типы:

1. Названия, характеризующие внешний вид гор.
2. Местных жителей.
3. Названия, образованные от гидронимов.
4. Названия, связанные с культурными и историческими признаками. Данные разряды номинаций указывают на содержание мотивировочных признаков.

Оронимы китайского языка демонстрируют внутренние как культурные, так и географические воздействия, но китайский язык не испытывал влияние других языков, поэтому оронимы Шаньдунского полуострова исконные.

В топонимике Шаньдунского полуострова отразились культурные и исторические аспекты, связанные с народностью дуньи и с варварами вако, с правителями Китая и с простыми людьми, о которых сложены легенды, также в оронимах присутствует религиозная лексика буддизма, некоторые названия гор образованы от гидронимов. Этимологический анализ показал, что устаревшие и современные названия гор Шаньдунского полуострова являются словами-омонимами, источниками которых считается семантическое развитие слов и фонетические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов В.И. Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» М.: Просвещение, 1984. С. 216.
2. Соловьев Ф.В. Образование и структура китайских географических названий на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // URL: <https://toponimika.ru/index.php?id=15> (дата обращения: 05.12.2021)
3. Трубачов О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 800.
4. Hargett J. Anchors of Stability: Place-Names in Early China // Sino-platonic papers, 2021. С.19-30
5. Zhang Q. Топонимы is key to unlocking history of Chinese civilization [Электронный ресурс] // URL: <http://www.csstoday.com/Item/6680.aspx> (дата обращения: 23.11.2021)
6. 刘春雁. 民国版《福山县志稿》记录烟台福山七百年历史. [ЛюЧуньянь. Описание уезда Фушань. Записи о 700-летней истории Яньтай] [Электронный ресурс] // URL: http://news.shm.com.cn/2010-08/31/content_3159848.htm (дата обращения: 26.01.2022)
7. 周易原文. [Книга перемен.Оригинальный текст.] [Электронный ресурс] // URL: <http://gm.5000.com.tw/4egwords.htm#t11> (дата обращения: 10.01.2022)
8. 周礼. 夏官司马·大驭. [Чжоуские ритуалы. Предания о военном министре Сыма. Великий Юй] [Электронный ресурс] // URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/bookv_3222.aspx (дата обращения: 15.01.2022)
9. 山海经·南山经原文. [Каталог гор и морей. Книга о южных горах.] [Электронный ресурс] // URL: https://so.gushiwen.cn/guwen/bookv_46653FD803893E4F6FCB61241D8108D0.aspx (дата обращения: 16.01.2022)
10. 山海经白话文·东山经第四. [Каталог гор и морей. 4-я книга о восточных горах] [Электронный ресурс] // URL: <http://book.sbk8.com/gudai/shanhajingbaihuawen/102973.html> (дата обращения: 14.01.2022)
11. 朱乃诚. 中华龙: 起源和形成. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2009. [ЧжуНайчэн. Китайский дракон: происхождение и формы. Пекин: Жизнь. Чтение. Книжный магазин «Синьчжисаньянь», 2009.]
12. 栾承舟. 崂山·即墨·顾炎武. 北京: 雪莲, 2008. [ЛуаньЧэнчжоу. Лаошань, уезд Цзимо, Гуянь. Пекин: Сюэлянь, 2008. С. 47-51.]
13. 汉语字典词典 [Словарь слов и иероглифов китайского языка] [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zdic.net/>
14. 泰山名称的来历 [История происхождения названия Тайшань] [Электронный ресурс] // URL: https://www.sohu.com/a/495146872_120934230 (дата обращения: 23.11.2021)
15. 济南千佛山风景名胜最新规划: 复建开元寺, 迁出企事业单位. [Новое планирование достопримечательностей района Цяньфощань г. Цзинань: восстановление буддийского храма Кайюань, выселение предприятий.] [Электронный ресурс] // URL: <https://baijiahaobaidu.com/s?id=1718038388865802783&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 19.01.2022)
16. 王小语. 民间故事·烟台山传说 [Ван Сяюй. Народные истории / Легенда о горе Яньтай] URL: <http://www.jiaodong.net/travel/system/2017/12/29/013573058.shtml> (дата обращения: 26.01.2022)
17. 裘锡圭. 文字学概要. 北京: 商务印书馆, 1988. [Цю Сигуй. Общие сведения об истории письма. Пекин: Коммерческое издательство, 1988]
18. 词典网. [Онлайн словарь] [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cidianwang.com/lishi/diming/6/35226pn.htm> (дата обращения: 17.01.2022)

© Нин Кэ (409693927@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕМА ТЕАТРА В СБОРНИКЕ ЧЕХОВА «СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНИ»¹

Пяо Хуэйминь

аспирант, Московский университет
имени М.В. Ломоносова
gmdw123@hotmail.comTHE THEME OF THEATER IN CHEKHOV'S
COLLECTION "TALES OF MELPOMENE"

Piao Huimin

Summary: This article is devoted to the analysis of the theme of theater in the first collection of Chekhov's "Tales of Melpomene". The problems of "people of art" in the cultural and artistic community of the 1880s are touched upon. The relevance of this work lies in the fact that so far there have been many studies on the relationship between Chekhov and theater, but there has never been any research work devoted to the study of theater as a specific topic. Scientific novelty is distinguished by the fact that previous studies of this aspect are of a biographical nature, that is, when discussing the theme of theater, the authors associate it with the life of the writer. However, all the attention of this work is exclusively drawn to the discussion of the theatrical theme only in the literary works of Chekhov. The purpose of this article is to form a clear and complete understanding of the theatrical theme in five works, as well as to reveal Chekhov's views on this topic. To achieve this goal, the author focused on the analysis of various images in the text, characterized their features in the manifestation of the theme, and concludes that the young writer is rather critical of the theater in the early period of creativity, therefore, the embodiment of the theme of the theater in the first collection of the writer is a kind of tragic-comic character.

Keywords: Russian literature of the XIX century, the work of Chekhov, the collection "Tales of Melpomene", the theme of theater.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу темы театра в первом сборнике Чехова «Сказки Мельпомены». Затрагиваются проблемы «людей искусства» в культурно-художественном сообществе 80-х гг 19 века. Актуальность данной работы заключается в том, что до сих пор было проведено множество исследований о взаимосвязи Чехова и театра, но никогда не было исследовательской работы, посвященной изучению театра как конкретной темы. Научная новизна отличается тем, что предшествующие исследования данного аспекта имеют биографический характер, то есть, обсуждая тему театра, авторы связывают ее с жизнью писателя. Однако все внимание этой работы исключительно обращено на обсуждение театральной темы только в литературных произведениях Чехова. Цель данной статьи — сформировать ясное и полное представление о театральной теме в пяти произведениях, а также выявить взгляды Чехова на эту тему. Для достижения этой цели, автор делал акцент на анализе различных образов в тексте, охарактеризовал их особенности в проявлении темы, и делает вывод о том, что юный писатель довольно критично относится к театру в раннем периоде творчества, поэтому воплощение тема театра в первой сборнике писателя носит некий трагико-комический характер.

Ключевые слова: русская литература XIX века, творчество Чехова, сборник «Сказки Мельпомены», тема театра.

После того, как народолюбцы убили Александра II, правительство стало вмешиваться во все области общественной жизни и искусства, в том числе и в театральную жизнь. Жестокая цензура подавляла свободное творчество драматургов, государство и правительство имели полную монополию на театральную жизнь. Однако эта монополия продолжалась лишь до 1882 года, театральная реформа воспринималась современниками как «крепостная реформа» в области театрального искусства.

Чехов начал интересоваться театром, еще будучи гимназистом, и посещал таганрогский театр, участвовал в любительских постановках. В 1884 г. писатель опубликовал свой сборник «Сказки Мельпомены», шесть рассказов в нем объединены одной общей темой – театр: его разнообразные аспекты.

В этой статье мы проанализируем эти произведения и постараемся выявить особенности темы театра в них и

сделать обобщающие выводы.

Начнем с рассказа «Он и она» 1882г. Рассказ раскрывает нам малоизвестную сторону театральной жизни, жизнь вне сцены, его действующие лица – актриса *Она* и муж ее *Он*.

Героиня гастролирует по всей Европе и в столицах бывала не один раз, значит, она европейская знаменитость, она очень талантлива и могла бы соперничать с самой Патти. О ней сказано: «европейская дива». Она зарабатывает до восьмидесяти тысяч рублей в год, это большие деньги. При этом нам необходимо понять, что Чехов на вершине своей карьеры зарабатывал уж точно не больше ее. На обедах, которые она дает, можно увидеть самых разных людей, связанных с театром.

Наверняка, тема рассказа навеяна стихотворением Пушкина «Поэт». В нем говорится о двух ипостасях чело- века искусства. Первая – когда он в повседневной жизни

1 Данную статью поддерживает национальный стипендиальный совет Китая (CSC).

человек как все и, более того, может быть «ничтожней всех». И вторая – когда он творит, когда он художник-творец.

И в рассказе Чехова речь идет о том, какова Она, оперная певица, на сцене и какова в жизни.

В повседневной жизни она «урод». Говоря о ее внешности, Он так ее описал: «У нее нет лба; вместо бровей над глазами лежат две едва заметные полоски; вместо глаз у нее две неглубокие щели <...> Нос — картофелью. Рот мал, красив, зато зубы ужасны <...> Она коротка и полна. Полнота ее обрюзгая» [1, с. 242]. Она не только «урод» на лицо, но и «урод» в своем поведении. Она сидит не элегантно, ходит не красиво, ужасно много пьет...

Но, когда она выходит на сцену, она преображается, она прекрасна. Она «урод», но ей доступны в моменты творчества все тончайшие и высокие чувства, она все понимает и может передать это зрителям. Она, настоящая королева, которая умеет демонстрировать свое обаяние, ее взгляды и улыбки поражают глаза и сердца публики.

Преображается она также и на торжественных обедах, когда она должна играть, изображать из себя «европейскую диву» и радушную хозяйку дома.

Как и в стихотворении Пушкина, лики человека искусства в жизни и в моменты творчества в рассказе оказываются резко контрастными.

Он тоже в жизни «урод». Чехов так его описывает: «Лицо как бы вымоченное в квасу», «Ноги дугой, руки землистого цвета, шея волосистая», «мокрая галка с сухим хвостом» [1, с. 244].

У них есть и общие недостатки: пристрастие к алкоголю, тщеславие, дурные привычки, капризы и невоспитанность. Эти недостатки присущи не только им, но и многим в театральной среде.

Искусство для него свято. Он в него влюблен. Он любит в ней художника-творца. Он преданный фанат театрального искусства.

За что же она его любит? Сама она говорит: «Неправда! Это его любимое слово» [1, с. 246]. «Неправда» руководит его жизнью как его девиз. Он не терпит лжи, он защищает правду, как и искусство, и это одна из причин, почему она его любит.

Но в целом она не может объяснить, почему она его любит. Можно вспомнить поздний рассказ Чехова «О любви», в котором Алехин рассматривает любовь как неразрешенный вопрос. И мы можем предположить, что и

ее любовь в рассказе предстает как любовь-тайна.

Та «благороднейшая связь», которая связывает эту «европейскую диву» с этим «лягушонком» — искусство. Они любят друг друга как любящие искусство. Ничто, кроме искусства, не может связать их так крепко. Он и она по-настоящему люди театра.

Перейдем к рассказу «Два скандала».

Центральные герои произведения – дирижер, эгоистичный тиран от искусства, и влюбленная в него певица. В рассказе опять присутствуют искусство и любовь и опять у персонажей нет имен.

Он страстный поборник гармонии. Чтобы достичь идеальной гармонии, он не жалеет ничего. Но появляется разрушитель гармонии, это 18-летняя девушка, которая периодически делает ошибки. А мы не можем сомневаться и отрицать ее талант, ведь о ней автор пишет, что она была «мастером своего дела». В чем проблема? Дело в том, что девушка «без памяти» любит его. Она так полюбила дирижера, что не могла сосредоточиться на пении, на сцене она видела лишь его одного, а потому фальшивила.

В конце концов дирижер ответил взаимностью на ее любовь. То, что дирижер вдруг внезапно полюбил ее, выглядит психологически маловероятным.

Первый скандал случился неожиданно, героиня во время спектакля как обычно, смотрела на дирижера через отверстие в занавеси и была так очарована им, что не заметила, что занавес поднялся, и она оказалась на сцене. Публика хохотала. Дирижер был в ярости, до сих пор он не знал такого позора. Он выгнал «рыжую» из дома, вскоре он пожалел об этом, но было уже поздно.

Выбирая между любовью и искусством, героиня выбрала искусство. Ей, чтобы продолжать карьеру певицы, пришлось уехать в другой город, так как быть с дирижером в одном театре не получилось бы, она, видя его, фальшивила бы. Любовь была принесена в жертву искусству.

Второй скандал произошел через пять лет. Дирижер снова встретил девушку, когда был дирижером «Фауста» в театре другого города.

Этот маньяк искусства рад не тому, что снова встретился со своей старой любовью, а тому, что она достигла успехов в исполнении, стала настоящей певицей. «Удивление, восторг и беспредельная радость овладели его душой. Его рыжая, которую он выгнал, не пропала, а стала великаном» [1, с. 447]. И теперь он стал человеком, который не смог контролировать свои эмоции, впервые в жизни он совершил ошибку.

Теперь он тяжело страдает от того, что впервые в жизни разрушил гармонию спектакля: «Я оскорбил ее! – плачет он теперь, когда бывает пьян. – Я испортил ее партию! Я – не дирижер!» [1, с. 448]

И для него искусство дороже любви. В этом произведении Чехов подходит к теме «Калхаса»: жизнь, отданная искусству.

В предыдущих произведениях «Сказок Мельпомены» рассказывались истории о молодых художниках. В рассказе «Барон» героем стал пожилой человек.

Это произведение было написано в том же 1882 году, а окончательно отделано в 1884 г. Это ироничная и драматичная история о старике, который посвятил свою жизнь театру, но, обладая актерским талантом, он так и не вышел на сцену из-за своего робкого характера.

Герой проработал в театре 20 лет, но не получил заслуженного уважения и кажется людям человеком без достоинств. Высота души барона – а он объект насмешек, бесцеремонного поведения, люди его не уважают, смеются над ним.

Но это не мешает ему любить искусство. Он относится к театру серьезнее всех. Он несколько раз читает пьесу перед каждым спектаклем. Театр – это вся его жизнь, вне которой он просто не существует.

«Замечаний его никто не слушает, потому что они всем надоели и пахивают рутинной» [1, с. 453], – пишет автор, и можно предполагать, что барон сторонник устаревшей манеры актерской игры. Например, он восхищен игрой Росси, актера «школы представления», для которой характерен показ на сцене преувеличенных страстей.

Причина его драматичной судьбы – недостаток смелости, страх, что его осмеют, для того чтобы дебютировать на сцене. Это драма талантливого человека.

В конце рассказа во время представления «Гамлета» барон, возмущенный, на его взгляд, бездарной игрой актера, не выдержал и стал произносить текст Гамлета из суфлерской будки. В итоге – смех публики. Он дебютировал на сцене тогда, когда играть шекспировского героя ему было уже не по годам.

«Из будки <...> понесся голос, полный желчи, презрения, ненависти, но, увы! уже разбитый временем и бессильный <...> Многое портит и многому мешает старость» [1, с. 458] – пишет Чехов.

В финале рассказа заключена трагическая ирония: барон все-таки дебютировал на сцене, и получилось так,

как он и боялся: публика смеялась.

Такова история пожилого человека, всю свою жизнь отдавшего театру.

Персонажи следующего рассказа «Мечь» – артисты бедного провинциального театра. «Ужасная бедность и ужасная скука!» [1, с. 466] – пишет об этом театре автор. И мы могли бы предположить, что это будет произведение о тяжелой доле бедных слугителей искусства.

Но Чехов не идет по этому пути: слугитель искусства оказывается низкой личностью, и его поступок тем более подл, что он лишил заработка бедную артистку, которая более выглядит слугителем искусства, чем он, так как она рыдает не от того, что потеряла деньги, а от того, что публика, по ее неверному мнению, ее не любит.

Стремясь выпросить у героини халат для вечернего спектакля, он спекулирует на высоких словах: «Если вы дадите мне на один вечер халат, то вы принесете жертву... Но, подумайте, как приятно жертвовать для искусства!» [1, с. 463] – восклицает комик. Он и старается выглядеть поборником передового для того времени реалистического театра: ««На сцене же, как и везде, прежде всего – истина!» [1, с. 462] – утверждает персонаж рассказа. Он представляется даже и обличителем недостатков современного искусства: «Мы лакеи, а не артисты! Сцена дана нам только для того, чтобы показывать публике свои голые локти и плечи... чтобы глазки делать... щекотать инстинкты райка... <...> нас, артистов, губит отсутствие солидарности, истинного товарищества...» [1, с. 464]. И обличает при этом тот, кто сам достоин обличения за свою низость.

Но отметим, что все это комик говорит ради того, чтобы заполучить халат для спектакля, движим он все не низкими целями. Проблема в том, что он принимает отказ героини как проявление неуважения к искусству. И его образ — это не образ бездарности в искусстве, (а бездарностей Чехов изобразил в первом рассказе сборника «Жены артистов»), по его словам, десять лет назад его хотели приглашать в столичный театр. Подлый поступок совершает актер, обладающий талантом. Условно говоря, гений и злодейство оказываются совместными.

Ingénue, то есть наивная девушка, – амплуа героини. Она и в жизни ведет себя, как наивная девушка, ею прежде всего движут чувства. Она любит недостойного человека и не может ничего поделать со своей любовью. Ее любовь выглядит как пародия на тургеневскую тему любви-рабства. По Тургеневу, подлинная, настоящая любовь – это рабство, человек становится рабом любимого человека и своей любви на всю жизнь. Например, герой «Переписки» Алексей Петрович говорит: «Любовь даже

вовсе не чувство, это – болезнь, известное состояние души. <...> В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения душ и прочих идеальностей, придуманных на досуге немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо – раб, а другое – властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь – цепь, и самая тяжелая» [2, с. 47]. А в жизни и сам Тургенев стал рабом своей любви к Полине Виардо.

Своей любовью к недостойному человеку, от которой она не может избавиться, героиня рассказа предшествует образу Раневской в «Вишневом саде» с ее любовью к нему в Париже. Раневская также любит мужчину, который не достоин ее любви.

И Ingénue горько плакала потому, что утратила любовь публики. Жажда любви и поклонения публики характерны для людей театра. В «Чайке» Нина Заречная будет говорить: «За такое счастье, как быть писательницей или артисткой, я перенесла бы нелюбовь близких, нужду, разочарование, я жила бы под крышей и ела бы только ржаной хлеб, страдала бы от недовольства собою, от сознания своих несовершенств, но зато бы уж я потребовала славы... настоящей, шумной славы...» [3, с. 31].

Отметим и то, что в рассказе встречается и абсурд: кассир Штамм – немец, выдававший себя за англичанина. Абсурдно это потому, что совершенно непонятно, зачем немцу выдавать себя за англичанина. Мотив абсурда не раз обнаруживается и в последующих произведениях писателя.

В Рассказе Чехов показывает, что и у актеров талант может соединяться с нравственной нечистоплотностью. Комик не только не пожалел Ingénue, но и совершил подлый по отношению к ней поступок.

В рассказе «Трагик», придя на спектакль, совсем юная Маша увидела игру трагика Феногенова, актера «школы представления», ставшей уже театральной рутиной. На сцене он: «кричал, шипел, стучал ногами, рвал у себя на груди кафтан» [4, с. 184]. А невзыскательной публике это нравится. И Маша была просто в восторге. Она думала, что и в жизни трагик столь же благороден, как и на сцене.

Трагик популярен, но не богат, чеховский трагик – бедный провинциальный актер, который ходит в фраке чужого и сапогах с каблуками.

В конце концов героиня рассказа влюбилась в Феногенова и вышла за него замуж. Но оказалось, что трагик просто негодяй, он женился, рассчитывая на большое приданое, и когда его не получил, стал избивать свою супругу. Когда отец Маши так и не дал приданного, Феногенов сказал: «Если он не пришлет денег, так я из нее щепы

нащеплю. Я не позволю себя обманывать, чёрт меня раздери!» [4, с. 186] А.Е. Агратаин в своей статье пишет о том, что Маша «влюбляется в актера, вернее – в его театральную “маску”» [5].

Но Маша продолжает его любить. Играя роль Амалии в «Разбойниках» Шиллера, она в ответ на признание Франца, которого играл Феногенов: «вместо того, чтобы отпихнуть его, крикнуть ему “прочь!”, задрожала в его объятиях, как птичка, и не двигалась... Она точно застыла» [4, с. 187].

В этом рассказе, как и в «Месте», присутствует мотив любви к недостойному человеку и любви-рабства. Но, в отличие от Ingénue, которая видит, что из себя представляет ее возлюбленный, Маша, очевидно, продолжает питать иллюзии по поводу Феногенова, даже несмотря на то, что он ее бьет.

Продолжается в «Трагике» и тема из рассказа «Он и она» – «артист на сцене и артист в жизни». Феногенов в жизни оказывается просто негодяем.

Отец не только не дал за Машей приданого, но и отрекся от нее, потому что, как он написал в письме: она вышла «за глупого, праздношатающегося хохла, не имеющего определенных занятий» [4, с. 186]. В этом письме отразилось распространенное среди обывателей восприятие театра как места развлечений, а актеров лишь как людей, служащих развлечением, театр – это недостойное занятие, быть актером – это недостойно человека. Это еще один аспект темы театра в сборнике Чехова.

В заключение необходимо подчеркнуть то, что читать «Сказки Мельпомены» смешно, но в конце концов в душе читателя рождаются печальные мысли, им овладевают грустные настроения. В периоде творчества этого сборника, у Чехова еще не было приятелей из числа актеров, которые появятся у него тогда, когда его пьесы начнут ставить в театре. Эти рассказы были созданы в самом начале творческой деятельности писателя, их писал Антоша Чехонте, а не Чехов. Позднее писатель отзывался об этом сборнике, как о «дряни».

Мы полагаем, что в «Сказках Мельпомены» нет глубокого погружения в театральный быт, не отражена его специфика. Но несомненно, что сборник написан в духе Чехонте: живо, легко, нередко с комизмом, очевидна установка автора на занимательность. Также в них есть и то, что предваряет будущего Чехова: в рассказах есть и драматическое, а то и трагическое. А в связи с рассказами «Барон» и «Трагик» можно говорить о трагикомическом в этих произведениях. Чехов своим юмористическим тоном и остроумным языком раскрыл малоизвестные нам аспекты театра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А.П. Рассказы. Повести. Юморески // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. Т. 1. [Рассказы. Повести. Юморески], 1880—1882. — М.: Наука, 1974. — С. 9—484.С.
2. С. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). — М. : Наука, 1978-2018. — Т. V. — С. 47.
3. Чехов А.П. Чайка: Комедия в четырех действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. Т. 13. Пьесы. 1895—1904. — М.: Наука, 1978. — С. 3—60.
4. Чехов А.П. Трагик // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883—1884. — М.: Наука, 1975. — С. 184—187.
5. А.Е. Агратин. Интермедиаьные параметры чеховских сюжетов: литература перед лицом кризиса знаково-символической деятельности (на материале ранней прозы). Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 177—192.

© Пяо Хуэйминь (gmdw123@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский университет имени М.В. Ломоносова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ «АЛКОГОЛЬНОЕ ОПЬЯНЕНИЕ», В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Уразаев Марат Дамирович

аспирант, Башкирский государственный университет

marat-urazaev@yandex.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING ALCOHOLIC INTOXICATION IN ENGLISH AND RUSSIAN

M. Urazaev

Summary: This article is devoted to the problem of contrasting the structure and semantics of Russian and English phraseological units with the meaning "inebriety". The scientific novelty of the research is due to the fact of the use of a comparative analysis of phraseological units verbalizing the concept of "inebriety" in the Russian and English languages. The relevance of this study lies in the identification of systemic similarities and differences in the languages of contrast, which is vital both for the theory of language in general and for linguistic typology and universals, in particular. The concept of semantic field is regarded as a language etalon; the deductive parameters for typological analysis being the semantic and formal structure of set phrases as well as their lexical composition and inner form. In addition, this comparative study of phraseological units provides rich material for the study of both languages and will be useful in the theory and practice of translation.

Keywords: inebriety, structure, semantics, typology, internal form, phraseological-semantic field.

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставлению структуры и семантики русских и английских фразеологических единиц со значением «алкогольное опьянение». Новизна исследования объясняется тем, что до настоящего времени сравнительное исследование фразеологических единиц, вербализующих концепт «алкогольное опьянение», в сравниваемых языках не проводилось. Актуальность работы состоит в выявлении системных сходств и различий в рассматриваемых языках, что имеет важное значение как для теории языка в целом, так и для лингвистической типологии, в частности для лингвистики универсалий. В качестве языка-эталоны используется семантическое поле, а дедуктивными параметрами для типологического сравнения служат семантическая и формальная структура, лексический состав и внутренняя форма фразеологических единиц. Кроме того, данное сопоставительное исследование фразеологизмов дает богатый материал для изучения обоих языков и будет полезным в теории и практике перевода.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, структура, семантика, типология, внутренняя форма, фразеосемантическое поле.

Под фразеологизмом или фразеологической единицей (ФЕ) следует понимать, как лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание или законченное изречение, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы, в котором отражены ментальность и традиции этноса, говорящего на данном языке.

Фразеология языка является источником сведений о менталитете народа, закрепляет представления о системе культурных ценностей, общественной морали и т.д. Во ФЕ наглядно отражены культурные архетипы этнолингвистического сообщества и особенности восприятия мира [1, с. 154].

Всё вышесказанное относится и к ФЕ обозначающих алкогольную интоксикацию (алкогольное опьянение). На каждого индивида данный процесс влияет по-разному. На одном и том же застолье каждый присутствующий может использовать разные термины для описания своего конкретного состояния опьянения – и по крайней мере две трети этих терминов будут звучать

юмористически [6]. То же самое касается и различных культур, соответственно и фразеологизмов.

История употребления алкогольных напитков, и соответственно последствия этого акта – алкогольной интоксикации, уходит в глубокую древность. Так следы алкоголя найдены в кувшинах эпохи позднего каменного века, что свидетельствует о том, что человечество научилось употреблять алкоголь около 10000 лет назад. Ферментированные напитки существовали ещё на ранних этапах древнеегипетской цивилизации, были найдены следы употребления спиртного в Китае, которые датируются 7-м тысячелетием до нашей эры. Можно сделать выводы, что данный феномен оставил немалый след в истории человечества, и лексики, в частности. Следует также подчеркнуть, что лексика, отражающая состояние алкогольной интоксикации представлены в многих языках, в частности в европейских, т.к. Европа является одним из центров употребления горячительных напитков [6].

Как отмечает, Е.Н. Соколова, современные лингви-

стические исследования фразеологии направлены уже не сколько на «выявление параллельных фразеологических конструкций в разных языках, но и на раскрытие внутренних связей и взаимообусловленности языковых явлений» [3].

Целью статьи является сравнительный эмпирический анализ фразеологических единиц, обозначающих «алкогольное опьянение», в русском и английском языках.

Актуальность данной работы состоит в выявлении системных сходств и различий в рассматриваемых языках, что имеет важное значение как для теории языка в целом, так и для лингвистической типологии, в частности, лингвистики универсалий.

Основные методы исследования – сравнительный анализ фразеологизмов в английском и русском языках и метод компонентного анализа единиц языка. Исследование проводится на материале толкового словаря русского языка И.С. Ожегова, фразеологического словаря русского литературного языка А.И. Федорова, толкового словаря современного английского языка для продвинутого этапа Хорнби А.С. и онлайн тезауруса английского языка Г. Мартина.

В фразеологизмах, словно в зеркале, отражается история и многовековой жизненный опыт народа, его морально-нравственные устои и ценности. Подобные явления могут быть так общими для нескольких народов, так и уникальными для каждого конкретного языка [2].

Категорию (концепт, суперконцепт) «алкогольное опьянение» можно разделить на 3 подгруппы (концепты, микроконцепты): процесс опьянения, состояние опьянения и лицо (лица), употребляющие спиртные напитки.

Процесс опьянения, представлен следующими ФЕ: ср. в А.Я.: *kill a beer/bottle of wine etc., drink somebody under the table, drown your sorrows, drink like a fish, knock something back, (have) one for the road, the hair of the dog (that bit you), toss something off, paint the town red, crack open a bottle, be on the booze, be over the limit, be on the piss, alcohol abuse* (14 ФЕ); ср. в Р.Я.: *заложить за галстук, залить за воротник, по маленькой, пропустить стаканчик, пропустить рюмашку, выпить на посошок, выпить на дорожку, выпить на брудершафт, пить с горя, выпить на радостях, выпить для храбрости, пить как извозчик, пить как рыба, пить как ханыги, пить как порядочные люди, пить как бочка, залить zenки, залить трубы, утопить горе в вине.* (19 ФЕ).

Состояние опьянение, представлен следующими ФЕ: ср. в А.Я.: *blind drunk, roaring drunk, Dutch courage, stinking drunk, rolling drunk, drunk tank, country drunk, drunk and disorderly, feel the kick, roaring drunk, as drunk as a lord, as drunk as a skunk, as high as a kite, as pissed as a newt, as*

pissed as a rat, as tight as dick's hatband, as tight as a drum, as tight as a duck's arse, as tight as a tick, drunk as a swine, drunk as a beggar, as drunk as a fiddler, go on a bender, be in that condition, be out of one's box, be out of/off your head, be over the limit, be on skid row, be well away, be on the booze, be in one's cups, bevvied up, blitzed out, gassed up, juiced up, tanked up, have a few, have a skinful, have a bellyful, have a couple, the worse for drink (41 ФЕ); ср. в Р.Я.: *мух давит, вензеля писать, прийти на бровях, разобрало (безя.) от вина кого-н, идти на рогах, напиться в дымину, напиться до поросычьего визга, напиться до чёртиков, без просыпа пить, пьяный как свинья, пьян как зюзя, пьян как корабельщик, пьян как сапожник, пьян как скотина, пьян как зонтик, под балдой, под банкой, под газом, под граду-сом, под куражом, под мухой, под парами, под турахом, под хмельком, под шефе, под шофе, на газах, на глазах, на дринче, на кочерге, в поддатуи, в подпитуи, в кураже, в стельку, пьяный вдрабадан, пьяный вдребезги, пьяный вдрызг, пьяный вусмерть, напившийся вдребадан, напившийся вдребезги, напившийся вдрызг, пьяному море по колено, белая горячка* (43 ФЕ).

Лицо (лица), употребляющие спиртные напитки, представлено следующими ФЕ: ср. в А.Я.: *old soak, Jack the Lad, lager lout* (3 ФЕ); ср. в Р.Я.: *горький пьяница, беспросудный пьяница, беспросыпный пьяница.*

Согласно С.Г. Шафикову «содержание, вербализованное в одном языке с помощью ФЕ, может найти иное выражение в других языках» [5, с.238], из чего следует, что сравнительный анализ ФЕ, объединённых общим концептом, следует проводить по нескольким эталонным параметрам. Онтологическое допущение – для фразеологических единиц языков сравнения характерны следующие эталонные параметры:

1. формальная структура;
2. лексический состав;
3. внутренняя форма.

Формальная структура

Фразеологические единицы обычно строятся по моделям свободных словосочетаний. В языках сравнения реализуются несколько общих моделей словосочетаний.

Общие глагольные модели. МОДЕЛЬ [V + N]/ [N + V] А.Я. *tie one on, feel the kick, toss something off, kill a beer, hit the bottle.* В Р.Я. *мух давит, пропустить стаканчик, вензеля писать, залить zenки, залить трубы, утопить горе в вине.*

МОДЕЛЬ [V+ pp + N]/ [pp + N + V] А.Я. *drink somebody under the table, drive (one) to drink, cry into your beer, go on a bender.* В Р.Я. *без просыпу пить, в бутылку заглядывает, выпить на посошок, заложить за галстук, залить за воротничок, прийти на бровях, разобрало (безя.) от вина кого-н, идти на рогах, напиться в дымину, напиться до*

пороссячьего визга, напиться до чёртиков, выпить на брудершафт, пить с горя, выпить на радостях, выпить для храбрости.

Общие глагольные модели со сравнительным словом: В А.Я. *drink like fish*. В Р.Я. *пить как извозчик, пить как рыба, пить как ханыги, пить как порядочные люди, пить как бочка*.

Общие субстантивные модели также реализуются в нескольких вариантных моделях: МОДЕЛЬ [Adj + N]/[N + Adj] А.Я. *blind drunk, roaring drunk, Dutch courage, stinking drunk, rolling drunk, old soak, drunk tank, country drunk, lager lout, roaring drunk*. В Р.Я. *бездонная бочка, горький пьяница, птичья болезнь, беспробудный пьяница, беспробудный пьяница*.

Общие адъективные модели со сравнительным словом: А.Я. *as drunk as a lord, as drunk as a skunk, as high as a kite, as pissed as a newt, as pissed as a rat, as tight as dick's hatband, as tight as a drum, as tight as a duck's arse, as tight as a tick, drunk as a swine, drunk as a beggar, as drunk as a fiddler*. В Р.Я. *пьяный как свинья, пьян как зюзя, пьян как корабельщик, пьян как сапожник, пьян как скотина, пьян как зонтик*. Следует отметить, что данная модель является самой продуктивной в языках сравнения.

Общие модели включают в себя межъязыковые фразеологические эквиваленты, которые могут совпадать как семантически, так и по внутренней форме [5]. В данном случае, это следующие ФЕ: А.Я. *drunk as a swine* = Р.Я. *пьян как свинья, пьян как зюзя*. А.Я. *drink like fish*. = Р.Я. *пить как рыба*, А.Я. *drown your sorrows* = Р.Я. *утопить горе в вине*.

Типичные модели употребления ФЕ могут варьироваться от одного языка сравнения к другому. Например, для английского языка характерны модели с глаголом-связкой «be»: *be in that condition, be on the piss, be out of one's box, be out of/off your head, be over the limit, be on skid row, be well away, be on the booze, be in one's cups*.

Модели в А.Я. с глаголом-связкой «have»: *have a few, have a skinful, have a bellyful, have a couple, have had one too many, have one for the road*.

Модель [V+ pospron+N] *clear your head/mind, drown your sorrows*.

Модель в А.Я. с глаголом и наречным послелогом [V + Adv]: *bevviéd up, blitzed out, gassed up, juiced up, tanked up*.

Модель в Р.Я. с предлогом и существительным [pp + N]: *под балдой, под банкой, под газом, под градусом, под куражом, под мухой, под парами, под турахом, под хмельком, под шефе, под шофе, на газах, на глазах, на дринче, на кочерге, в поддатуи, в подпитуи, в кураже, в стельку*.

Модель в Р.Я. с прилагательным и наречием [Adj + Adv]: *пьяный вдрабадан, пьяный вдребезги, пьяный вдрызг, пьяный вусмерть, напившийся вдрабадан, напившийся вдребезги, напившийся вдрызг*.

Лексический состав фразеологизмов. Отличительные черты лексического состава ФЕ определенного языка могут определяться различными параметрами, в том числе разницей в 1) употреблении культурно маркированной лексики, 2) фразовой аттракции лексических единиц, 3) семантическом объеме эквивалентных лексических единиц [5, с.244].

Культурно маркированная лексика в различных языках связано с тем, что определенный фрагмент внеязыковой действительности в одной культуре имеет большее значение в сравнении с другими языками. При исследовании лексики алкогольного опьянения удалось выявить несколько ярких примеров. В А.Я. *rat arsed* «очень пьяный», *as pissed as a rat* «очень пьяный»; с *крысой* (англ. rat) в англоязычной культуре ассоциируется предатель и негодяй, а также болезни и неприятный запах. *Lager* (англ. lager) – светлое пиво, приготовленное методом низового брожения, е.г. *lager lout* «пьяный хулиган», *lager frenzy* «погром, вызванный сильным опьянением». *Dutch courage* (досл. голландская храбрость) – «сила или уверенность, полученные от употребления алкоголя», происхождение идиом с данным этнонимом уходит корнями ко второй половине XVII века, когда в 1652 году началась первая англо-голландская война. *Lord* – является званием феодала в Великобритании, например, *as drunk as a lord* «очень пьяный». *As pissed as a newt* (досл. напиться как тритон) «очень пьяный», с компонентом зоонимом *newt* (англ. тритон) ассоциируется пьяный человек. *As tight as dick's hatband* (досл. тугой как лента на шляпе у Дика), теории ссылаются на какую-либо местную значимую фигура по имени Дик или Ник, включая сатану (Old Nick) и Ричарда Кромвеля.

В Р.Я. в пьяном *угаре*, связано с формами слов *гореть* и *пожар*; *вензеля писать* «идти шатаясь, пьяной походкой», *вензелем* называется начальные буквы имён собственных, обычно переплетённые между собой и образующие своеобразный узор; *во хмелю* «пьяный», *хмель разбирает* «пьянеть», *в рот хмельного не берет* «быть трезвенником, заниматься хмельным делом «употреблять алкоголь», *под хмельком* «в состоянии легкого алкогольного опьянения», *хмель бродит в голове* «в состоянии опьянения», *хмель* – растение, употребляемое в пивоварении; *пьян как зюзя* «в состоянии сильного алкогольного опьянения», *зюзя зюзей* «в состоянии сильного алкогольного опьянения», *зюзя* – диалектное слово, означающее свинью, название свиньи на Псковщине; *кренделя писать* «идти шатаясь, пьяной походкой», *крендель* – витая булка из сдобного теста; *лыка не вяжет* «настолько пьян, что не может связно говорить», *лыка* –

внутренний слой коры дерева, используемый в качестве поделочного материала.

Фразовая аттракция лексических единиц проявляется в активности фразообразования. При анализе фразеологических единиц, которые вербализуют концепт (суперконцепт, категорию) «алкогольное опьянение», показывает, что в А.Я. ЛЕ *drunk* «пьяный», *pissed* «пьяный, напивший», *tight* «пьяный» используются более активно в составе фразеологических единиц по сравнению с русскими ЛЕ *пьян*, *пьяный*. Однако, в Р.Я. лексическая единица *nut* «употреблять алкоголь» используется чаще чем английское *drink*.

Семантический объем эквивалентных лексем может различаться в языках. К примеру, *swine* «свинья» в ФЕ *as drunk as a swine* ассоциируется в английской языковой картине с неприятным запахом свиней, который соотносится с запахом перегара, e.g. *stinking drunk, as drunk as a skunk*. В русском языковой картине мире, ЛЕ *свинья* в ФЕ *пьян как свинья* большее ассоциируется больше с поведением низкой культуры, например, *пьян как скотина, пьян как сапожник, пьян как дурак* и т.д.

Внутренняя форма фразеологизмов

Внутренняя форма представляет из себя образ, кото-

рый создан на основе исходного (свободного) словосочетания и мотивирующий реальное значение фразеологизма [4, с.263].

Для лексической типологии одной из основных задач является выделение эквивалентных ФЕ, которые представляют межъязыковой эталон и полностью или частично совпадающих по внутренней форме [5]. При анализе ФЕ «алкогольного опьянения» удалось выявить несколько общих моделей значений (см. табл.):

К универсалиям можно отнести следующие фразеологические единицы, со смыслами:

- «в состоянии сильного алкогольного опьянения» [пьян + как + животное] в А.Я. *drunk as a swine*, в Р.Я. *пьяный как свинья, пьян как зюзя*;
- «пьяный взгляд» [стеклянные + глаза] в А.Я. *glassy eyes*, в Р.Я. *стеклянные глаза*;
- «употреблять большое кол-во алкоголя» [пить + как + рыба] в Р.Я. *drink like a fish*, в Р.Я. *nut* как *рыба*.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении данной ФЕ в рамках теории семантического поля, в исследовании метафорических и метонимических переносов, оценочных компонентов в значениях ФЕ, а также в анализе ФЕ в синтагматическом разрезе.

Таблица 1.

Общие модели значения ФЕ «алкогольного опьянения»

ЗНАЧЕНИЕ	ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА	ПРИМЕРЫ
«сильное опьянение»	[пьян + как + животное]	<i>as drunk as a skunk</i> <i>as high as a kite</i> <i>as pissed as a newt</i> <i>as pissed as a rat</i> <i>drunk as a swine</i> <i>пьяный как свинья</i> <i>пьян как зюзя</i> <i>пьян как скотина</i>
	[пьян + как + человек определенного положения]	<i>as drunk as a lord</i> <i>as drunk as a beggar</i> <i>пьян как корабельщик</i> <i>пьян как сапожник</i>
«немного выпить»	[смочить + рот]	<i>wet your whistle</i> <i>смочить горло</i>
«пьяный взгляд»	[стеклянные + глаза]	<i>glassy eyes</i> <i>стеклянные глаза</i>
«употреблять большое кол-во алкоголя»	[пить + как + рыба]	<i>drink like a fish</i> <i>пить как рыба</i>
«выпить рюмка спиртного, выпиваемая перед уходом, на дорогу»	[выпить + алкоголь + перед дорогой]	<i>have one for the road</i> <i>выпить на дорожку</i> <i>выпить на посошок</i>

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева А.А. Сравнительный анализ перевода на русский язык английских фразеологизмов в средствах массовой информации / А.А. Васильева, Ф.Г. Мухаметзянова // Казанский вестник молодых учёных. – 2018. – Т. 2. – № 3(6). – С. 151-157.
2. Сальвадор Л.Ф., Шафиков С.Г. Семантический анализ фразеологизмов о жизни и смерти у носителей немецкого и испанского языков / Л.Ф. Сальвадор, С.Г. Шафиков // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 8 июля 2021 г.). – Москва: Издательство Инфинити, 2021. – С. 58-64.
3. Соколова Е.Н. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентом-соматизмом в русском и польском языках / Е.Н. Соколова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 274-281.
4. Чэнь Я. Внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его актуального значения / Я. Чэнь // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 11(103). – С. 262-266.
5. Шафиков С.Г. Сравнение языков, языковые универсалии и сравнительный анализ фразеологизмов в свете теории семантического поля / С. Г. Шафиков // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 238-246.
6. Charles H, Patrick; Durham, NC (1952). Alcohol, Culture, and Society. Duke University Press (reprint edition by AMS Press, New York, 1970). pp. 26–27.

© Уразаев Марат Дамирович (marat-urazaev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Башкирский государственный университет

ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В. В. МАЯКОВСКОГО

Хань Сяо

Аспирант, Казанский федеральный университет

Бурцева Татьяна Альбертовна

К.филол.н., доцент, Казанский федеральный университет

hxhanxiao@yandex.ru

VERBAL MEANS OF EXPRESSION OF MOTIVATION IN V.V. MAYAKOVSKY'S POETIC TEXTS

Han Xiao
T. Burtseva

Summary: The article describes the verbal means of expressing the imperative semantics in the poems of V.V. Mayakovsky. The purpose of the article is to reveal the language meanings, expressing the meaning of imperative, on a specific textual material, taking into account the specifics of the discourse conditions. This approach provides the possibility of a comprehensive study of imperative semantics in artistic texts, which offer a variety of speech situations with the intention to induce to action. The authors offer the analysis of verbal means of expression of inducement in two aspects: lexical and morphological. On the basis of the examples from the poem of V.V. Mayakovsky the verbal vocabulary with the semantics of inducement is considered (*I ask, I offer, I demand* and others), is considered, which not only names actions, but clearly indicates the need for an adequate response from the interlocutor. Besides this, the author analyzes such morphological means of expression expressing incentive statements as forms of the imperative mood of the 1st and 2nd person, which are one of the most significant grammatical tools for conveying the thoughts and feelings of the author, are analyzed, the imperative mood forms in the third person combination with particles «let»; indicative phrases, which express motivation through the infinitive; language structures, which urge to joint action.

Keywords: V.V. Mayakovsky, verb forms, intention of motivation to action, category of imperative, imperative mood, indicative utterances, performatives.

Вопрос о лингвистическом статусе категории императива в теоретической грамматике связан с исследованием наклонения глагола. Лингвисты рассматривали данную категорию с точки зрения императивной семантики. Глагол повелительного наклонения, или императив, содержит интенцию побуждения к действию и означает «попытку говорящего своим высказыванием каузировать (заставить) кого-либо совершить некоторое действие (Оставайся!)» [1, с. 161].

Под побуждением понимается «1. действие по знач. глаг. побудить – побуждать, то есть вызвать у кого-л. желание сделать что-л., склонить, понудить к чему-л.» [2, т. 3, с. 154].

Как известно, значение побуждения может быть

Аннотация: В статье описаны глагольные средства выражения императивной семантики в стихотворениях В.В. Маяковского. Цель статьи – выявление языковых средств, выражающих значение побудительности, на конкретном текстовом материале с учетом специфики условий дискурса.

Авторами предлагается анализ глагольных средств выражения побуждения в двух аспектах: лексическом и морфологическом. На основе приводимых из стихотворных текстов В.В. Маяковского примеров рассматривается глагольная лексика с семантикой побуждения (*прошу, предлагаю, требую* и др.), которая не просто называет действия, а однозначно указывает на необходимость ответной адекватной реакции со стороны собеседника. Кроме того, анализируются такие морфологические средства выражения побудительных высказываний, как формы повелительного наклонения первого и второго лица, являющиеся одним из значимых грамматических инструментов передачи мыслей и чувств автора читателю в поэтическом тексте; форма повелительного наклонения третьего лица в сочетании с частицами «пусть» и «пускай»; индикативные высказывания, выражающие побуждение посредством формы инфинитива; а также языковые структуры, побуждающие к совместному действию.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, глагольные формы, повелительное наклонение, индикативные высказывания, перформативы.

выражено средствами языка – интонационными, лексическими, морфологическими, синтаксическими – и невербальными средствами. Семантика побуждения к действию передается в русском языке глагольными и неглагольными формами. В рамках данной статьи будут рассмотрены языковые средства выражения побуждения, в частности глагольные, в лексическом и морфологическом аспекте.

Глагольная лексика с императивной семантикой представлена в русском языке словами, передающими значение просьбы (*попроси, пожалуйста*), предложения (*попробуйте торт*), приглашения (*приходите в гости*), требования (*я требую*) и др.

В ходе анализа произведений В.В. Маяковского с точ-

ки зрения использования языковых средств, выражающих побуждение, были выявлены случаи употребления перформативных глаголов, обозначающих просьбу, предложение, приглашение, повеление, приказание и требование:

- «**Прошу** вас, товарищ химик, заполните сами!»
 («Прошение на меня», 1923) [3, с. 1117];
 «– Ой, **прошу**, защитите, власти!»
 («Рассказ про то, как кума о Врангеле толковала без всякого ума», 1920) [Там же, с. 97];
 «**Предлагаю** как-нибудь в вечер хмурый придти ГПУ и снять „дамбле“...»
 («Мой совет», 1922) [Там же, с. 135];
 «Пусть шлет вас народ, а не клика, – и, сделайте милость, **пожалуйте к нам...**»
 («Чугунные штаны», 1927) [Там же, с. 575];
 «Остров, дай воздержанья зарок! Остановить **велите!**»
 («Сифилис», 1926) [Там же, с. 338];
 «Приказали: – Рабочим **служи!**»
 («17 апреля», 1923) [Там же, с. 167];
 «Доклад – звезда средь мрака и темени. **Требую** продолжать без ограничения времени!»
 («Голос Красной площади», 1927) [Там же, с. 567].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автор в своих стихотворениях для предъявления волеизъявления использует глаголы, имеющие лексическое значение побуждения оппонента к определённому действию.

Морфологические средства, как известно, призваны выражать самые разные грамматические значения с помощью различных форм слов. Для глаголов русского языка словоизменительной категорией является категория наклонения, «указывающая на отношение к действительности» [2, т. 2, с. 361]. В пределах категории наклонения именно повелительное наклонение – императив – служит средством выражения императивной семантики в русском языке.

Посредством форм повелительного наклонения говорящие могут передавать императивные намерения со значениями совета, инструкции, разрешения, приказа, просьбы, предупреждения, мольбы и т.д. Для выражения этих модальных значений, как правило, используются формы 2 лица единственного и множественного числа (далее – 2 л. ед. и мн. ч.).

В.В. Маяковский в своих произведениях также прибегал к данным глагольным формам для выражения тех или иных волевых интенций в соответствии с речевой ситуацией:

- «**Ешь** ананасы, рябчиков **жуй**, День твой последний приходит, буржуй»
 («Ешь ананасы...», 1917) [Маяковский, с. 63].

В приведённом примере представлены глагольные

императивы 2 л. ед. ч. со значением побуждения к выполнению обозначенных действий. Интенция содержит также оттенок насмешки и негодования по отношению к уродливому лицу буржуазии.

- Посредством формы императива 2 л. мн. ч. может передаваться семантика приказа:
 «Глупой комедии **остановите** ход!»
 («Ко всему», 1916) [Маяковский, с. 39].

В следующих строках с помощью грамматической формы 1 л. ед. ч. передаётся значение призыва, выражается апелляция автора к окружающим:

- «...**потащим** мордами умных психиатров и **бросим** за решетки сумасшедших домов!»
 («Гимн здоровью», 1915) [Маяковский, с. 27].

С помощью глаголов повелительного наклонения в форме 2 л. ед. и мн. ч. может быть выражено побуждение, адресованное людям, животным, явлениям, предметам:

- «Милиционер, в темноту окраин Глаз **вонзай** острой и зорче!»
 («Стоящим на посту», 1926) [Маяковский, с. 473];
 «Товарищи юноши, взгляд – на Москву, на русский **вострите** уши!»
 («Нашему юношеству», 1927) [Там же, с. 497];
 «Лошадь, **слушайте** – чего вы думаете, что вы сих плоше?» («Хорошее отношение к лошадям», 1918) [Там же, с. 65];
 «И так однажды разозлясь, что в страхе все поблекло, в упор я крикнул солнцу: «**Слазь!** довольно шляться в пекло!»
 («Необычайное приключение...», 1920) [Там же, с. 79];
 Подобное обращение может быть также адресовано группе лиц:
 «**Слушайте**, литературная братия!»
 («Братья писатели», 1917) [Там же, с. 55];
 «**Идемте!** К нам! К нам, в СССР! **Идемте** к нам...»
 («Париж», 1923) [Там же, с. 151];
 «Добьёмся урожая мы – тройне, земля, рожай! **Пожалте**, уважаемый товарищ урожай!»
 («Урожайный марш», 1929) [Там же, с. 861].

Как известно, в русском языке императивы в форме 2 л. мн. ч. используются с целью передавать значение приказа, совета, приглашения, просьбы, запрещения, призыва и др. В текстах произведений В.В. Маяковского также представлены формы императива с данными значениями:

- 1) приказ:
 «**Поставьте** такие дела на разбор в 24 часа!»
 («В мировом марше», 1926) [Маяковский, с. 441];
- 2) совет:
 «Время не ждёт, **спешите**, товарищи! Каждый **берите** по тачке!»
 («Нетрудно, ландышами дыша», 1927) [Там же, с. 62];
- 3) приглашение:

«**Входите, товарищи, зайдите, подружечки, выпейте, пожалуйста, по пенной кружечке!**»

(«Маруся отравилась», 1927) [Там же, с. 596];

4) просьба:

«Господин, министр. **Прикажите** подать...»

(«Нетрудно, ландышами дыша», 1917) [Там же, с. 62];

5) запрещение:

«Обломаются – работу **не трогайте!**»

(«Даешь изычную жизнь», 1927) [Там же, с. 503];

6) призыв:

«**Бейте** в площади бунтов топот!»

(«Наш марш», 1917) [Там же, с. 568].

Как утверждает В.В. Виноградов, «повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказа. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [4, с. 448]. В произведениях В.В. Маяковского интонация побуждения часто передается с помощью восклицательного знака:

«**Радуйся, Саша!**»

(Подписи к плакатам издательства «Парус», 1917) [Маяковский, с. 67].

Помимо названных форм, поэт в своих произведениях для выражения побуждения со значением призыва, разрешения и пожелания использует глаголы 3-го лица с частицами *пусть* и *пускай*:

1) призыв:

«**Пусть** столицы ваши будут выжжены дотла!»

(«Сволочи!», 1922) [Маяковский, с. 116];

2) разрешение:

«**Пусть** писатели **начинают**»

(«Мрак», 1916) [Там же, с. 48];

3) пожелание:

«**Пускай** седины **обнаруживает** стрижка и бритьё

Пусть серебро годов **вызванивает**»

(«Неоконченное», 1929) [Там же, с. 1302].

По словам В.С. Храковского, в русской грамматике «представлены следующие императивные формы 1 л. мн. ч., иначе формы совместного действия: две соотносительные синтетические формы глаголов СВ: *споем(СВ)* – *споемте(СВ)* и глаголов однонаправленного движения НСВ: *идем(НСВ)* – *идемте(НСВ)*, одна аналитическая форма глаголов НСВ (*будем думать*), а также две аналитические формы глаголов СВ и глаголов НСВ, образуемые с помощью частицы *давай*: *давай поговорим (СВ)* – *давайте поговорим (СВ)*; *давай (будем) читать (НСВ)* – *давайте (будем) читать (НСВ)*» [5, 2002].

Подобные примеры есть и в стихотворениях В. В. Маяковского:

«Граждане!

Это первый день рабочего потопла. Идем запутавшемуся миру на выручку! Пусть толпы в небо вбивают топот!»

(«Революция», 1917) [Маковский, с. 58];

«**Бежим**, ребята, чтоб нам не влетело!»

(«Хулиган», 1926) [Там же, с. 436];

«**Идёмте**, башня! **Идёмте** к нам!»

(«Париж, 1923») [Там же, с. 154];

«**Давайте** – **будем жить** вместе! А?»

(«Скрипка и немножко нервно», 1914) [Там же, с. 21];

«Товарищ жизнь, **давай** быстрее **протопаем!**»

(«Во весь голос», 1929) [Там же, с. 1300].

Из приведённых примеров видно, что с помощью формы 1 л. мн. ч. могут быть выражены такие побудительные речевые акты, как приглашение и предложение, а исполнение казулируемого действия будет в интересах адресата. Как правило, в данных ситуациях участники коммуникации равны по социальному статусу.

Помимо вышеприведённых средств, в поэтических текстах В.В. Маяковского встречаются побудительные высказывания в форме глагола сослагательного наклонения:

«*Чем так, без дела заходить, Ко мне на чай **зашло бы!***»

(«Необычайное приключение...», 1920) [Маковский, с. 79].

Большой интерес представляют императивные конструкции В.В. Маяковского, выраженные инфинитивом, передающие значения приказа и запрещения:

«Идти! Лететь! Проплыть! Катиться!»

(«150 000 000», 1919 – 1920) [Маковский, с. 1026];

«Смерть – **не смей!**»

(«Комсомольская», 1924) [Там же, с. 236].

Инфинитив в значении побуждения может сочетаться с модальной частицей *бы*:

«Папаша, – говорит, – на вещицу глянь. **Не мешало по-нять вам бы!**»

(«Горящий волос», 1928) [Маковский, с. 804].

С помощью конструкций такого типа выражается сильное желание говорящего достигнуть цели. Адресант стремится внушить адресату, что иницилируемое действие важно именно для самого воспринимающего, а следовательно, должно положительно оцениваться им.

Таким образом, в ходе рассмотрения глагольных средств выражения императивной семантики в стихотворениях В.В. Маяковского в лексическом и морфологическом аспекте было установлено, что автор использовал разнообразные языковые формы. Среди них: перформативы, имеющие лексическое значение побуждения оппонента к действию; глаголы в форме повелительного наклонения 2 л. ед. и мн. ч., выражающие

побуждение, адресованное не только людям, но и животным, явлениям, предметам; глаголы в форме 3 л. ед. и мн. ч. в сочетании с частицами «пусть» и «пускай»; императивы в форме 1 л. мн. числа; глаголы сослагательного наклонения в значении повелительного, а также инфинитивы с семантикой императива.

Данные средства выражения побуждения к действию

позволили В.В. Маяковскому передать различные оттенки значения (вежливое обращение, просьбу, приглашение, предложение, приказ, совет, запрещение, призыв, требование и др.) в условиях художественного дискурса.

В применении глагольных средств для выражения интенции побуждения в своих поэтических текстах В.В. Маяковский следует русской языковой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добрушина Н.Р. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2014. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Словарь русского языка в 4 томах (Малый академический словарь) / Под ред. А.П. Евгеньевой. 1985-1988 гг. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkogo-jazyka-v-4-tomah-malyj-akademicheskij-slovar/> (дата обращения: 20.11.2021).
3. Маяковский В.В. Большое собрание стихотворений и поэм в одном томе / Владимир Маяковский. Москва: Эксмо, 2018. 1312 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
5. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. 272 с.

© Хань Сяо, Бурцева Татьяна Альбертовна (hxhanxiao@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗУЮЩИЕСЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОЗЕР

Хисамов Олег Ришатович

к.филол.н., ГУ Института языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (г. Казань)
ohisamov75@mail.ru

GEOGRAPHIC TERMS USED TO REFER TO A LAKE

O. Khisamov

Summary: The purpose of the study is to determine the features of geographical terms denoting a lake in the eastern dialect of the Tatar language. This article provides examples of generic terms of dialects of the eastern dialect of the Tatar language. A comparative analysis with other dialects and dialects of the Tatar language and other related and unrelated languages is given. The scientific novelty of the study is due to the appeal to the study of the features of the category of geographical terms of the Tatar dialect vocabulary, denoting reservoirs with stagnant water.

The geographic terms denoting the lake of the eastern dialect clearly show closeness to the Tatar literary language and its other dialects. The study identified dialect lexemes that relate to the concept of «lake», identified the most frequently used groups of names with phonetic variants of the hydrographic term. As a result of the study of linguistic features, it is substantiated that the dialects of the eastern dialect of the Tatar language are a peculiar element of the Tatar dialect system.

Keywords: eastern dialect of the Tatar language, lake, hydronym, generic geographical term, dialectism, Siberian Tatars, Western Siberia.

Аннотация: Цель данного исследования – определить особенности географических терминов, обозначающих озеро в восточном диалекте татарского языка. В данной статье приводятся примеры родовых терминов говоров восточного диалекта татарского языка. Приводится сравнительный анализ с другими диалектами и говорами татарского языка и другими родственными и неродственными языками. Научная новизна исследования обусловлена обращением к изучению особенностей категории географических терминов татарской диалектной лексики, обозначающей водоемы со стоячей водой. Географические термины, обозначающие озеро, восточного диалекта ярко проявляют близость к татарскому литературному языку и другим его диалектам. В ходе исследования выявлены диалектные лексемы, которые относятся к понятию «озеро», выделили наиболее частотно употребляемые группы наименований с фонетическими вариантами гидрографического термина. В результате исследования языковых особенностей обосновывается, что говоры восточного диалекта татарского языка являются своеобразным элементом татарской диалектной системы.

Ключевые слова: восточный диалект татарского языка, озеро, гидроним, родовой географический термин, диалектизм, сибирские татары, Западная Сибирь.

Введение

Актуальность данной работы заключается в том, что исследование особенностей лексических аспектов конкретного диалекта и говора в плоскости общей системы того или иного национального языка позволяет ввести новый языковой материал определенной категории лексики, в данном случае названия, обозначающие озеро, который будет способствовать не только более полному изучению звукового и лексического состава диалекта как целостной системы, но и позволит изучить этнокультурные, социолингвистические особенности. Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач:** изучить и выявить диалектные лексемы, относящиеся к понятию «озеро», исследовать их особенности, провести сравнительный анализ.

Исследование апеллятивов, относящихся к понятию «озеро» в говорах восточного диалекта татарского языка осуществлялось при помощи описательного и сопоставительного **методов**, а также метода компонентного анализа семантики диалектных географических терминов.

Теоретической базой исследования послужили научно-теоретические положения, разработанные в трудах таких видных ученых, диалектологов, как: Е.А. Нефедова [8], Д.Г. Тумашева [12] и др., ученых-топонимистов: Л.В. Дмитриева [2], Ф.Г. Гарипова [1], А.А. Камалов [4], Э.М. Мурзаев [7], О.Т. Молчанова [5,6], Е.М. Поспелов [9], и др.

По мнению Э.М. Мурзаева географические термины выполняют особую функцию в образовании названий, играют особую роль в этимологических исследованиях, демонстрируют отличия и структуру географических названий. Что является явным аргументом в пользу того что, топонимические исследования необходимо начинать со сбора и систематизации местных географических терминов [7, с. 3].

Исследователи отмечают, что «народная таксономия объектов природы отличается от таксономии, отражающей знания носителей литературного языка. В отдельных семантических сферах она по своей подробности, детальности может быть ближе к научным классификациям, естественно, отличаясь от них по существу» [8, с. 36].

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей географических терминов, обозначающих озеро, восточного диалекта татарского языка. **Материал** исследования составляют данные комплексных экспедиций Института языка литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, проведенных в 2013-2021 годы в районах компактного проживания татар региона Западной Сибири, а также использованы диалектные материалы прошлых экспедиций и диалектологических словарей татарского языка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в диалектологических исследованиях, в лингвистических описаниях диалектов и говоров, в составлении диалектологических, терминологических и топонимических словарей, а также в преподавании курсов татарской диалектологии, топонимии.

Среди лексем, обозначающих разновидности рельефа и ландшафта в Сибири, широкую группу образуют местные географические термины, которые связаны с названиями разнообразных видов водоемов со стоячей водой.

Особенности изучаемого региона в природном аспекте определила выбор конкретной природной реалии для исследования. Данным объектом анализа является тематическая группа слов, которая связана с понятием *озеро*, поскольку в Западной Сибири очень много различных водоемов. По его территории протекает более 2000 рек. Их общая длина превышает 250 тыс. км. Сибирским рекам свойственен замедленный поверхностный сток и в связи с этим слабый естественный дренаж грунтовых вод. Это происходит из-за очень ровного рельефа, малого вреза речных долин и т.д. В условиях избыточного увлажнения это привело к появлению огромных болотных пространств и большого количества озер. На равнине расположено около одного миллиона озёр. Их общая площадь составляет более 100 тыс. км².

Из-за малого уклона равнины у рек Западной Сибири малое падение и они сильно меандрируют, блуждая по очень широкой пойме. Поймы крупных рек достигают ширины 15-20 км и образуют большое количество рукав, протоков и стариц. Коэффициент извилистости большинства рек составляет порядка 2,5-3. Для сравнения, обычно коэффициенты извилистости рек колеблются в пределах от 1,2 до 2,5.

Этимологический анализ гидрографических терминов обозначающих стоячие водоемы и образованные от них топонимы мы начнем с анализа терминов, обозначающих озера. Мы собрали 10 различных терминов со значением "озеро". Мы не стали сюда включать термины, обозначающие старицы. Поскольку способ образования данных водоемов отличен от озёр. По факту это "бывшие реки".

Родовой географический термин *күл* со значением "озеро" распространен по всему тюркскому миру и имеет множество фонетических вариантов. Только у сибирских татар имеются такие варианты *көл/гөл/кол/гол/күл/гул* в зависимости от диалекта или говора и положения согласных в слове.

Күл – это окруженный со всех сторон берегами природный водоем. Это его основное значение в татарском языке [10, с. 565]. Термин активно используется во всех диалектах татарского языка. Употребляется и самостоятельно, как апеллятив, и в качестве детерминатива как гидронимов таки и других топонимов: *Атау күле* (озеро в Высокотгорском районе РТ), *Базар күле* (озеро в Алексеевском р-не РТ), *Күлләр йылғасы* (река в Сабинском р-не РТ), *Қаракул* (озеро в Балтасинском р-не РТ), *Упқын күле* (озеро в Ульяновской обл.), *Кирәкмәс күл* (озеро в Ульяновской обл.).

Ф.Г. Гарипова пишет, что в названии 38 деревень Республики Татарстан имеется термин *күл*, и в составе безчисленного количества микропонимов [1, с.100].

Родовой элемент *күл* общетюркский. В древнетюркском языке термином *көл* обозначали «озеро или место где собирается вода, водоем» [3: 313].

Термин встречается практический во всех тюркских языках с разными фонетическими вариантами, но в значении «озеро». Ср.: в башк. – *күл*, казах., кирг., к.-калп. – *көл*, к.-балк., кум. – *кел*, узб. – *кул*, тув. – *хөл*, туркм. – *коол*, хак. – *көл*, чув. – *куле*, якут. – *куол*, алтай. – *көл*, ногай. – *коьл*, караим. – *гёль*, турец. – *kol*, уйгур. – *көл*, якут. – *күөл*. Используется термин и в монгольских языках. Например, в Бурятии – *кол*, *кул* используются в значении «озеро».

По данным О.Т. Молчановой родовой элемент *көл* по частоте употребления в топонимии Горного Алтая занимает первое место [5, с.97].

В Западной Сибири гидрографический термин *күл* тоже используется в значении "озеро" [12, с.107].

Используется как в качестве гидрографического термина, так и в качестве детерминатива гидронимов. Названия с термином *күл* в большинстве случаев двусоставные. Определениями к нему могут быть существительные, прилагательные, числительные и глаголы.

Как мы уже писали выше, в Западной Сибири имеется огромное количество разных озер. Почти около каждого населенного пункта имеется свое "домашнее" озеро и большое количество других озер. Гидронимы с *күл*: *Цана күл* (озеро на территории д. Тоболтура Тобольского района Тюменской области), *Цирце күле* (озеро на территории д. Утузы Тевризского района Омской области), *Цоңғор*

гүл (озеро на территории д. Кайнаул Усть-Ишимского района Омской области), *Ч^марлаклы күл* (озеро на территории д. Ирек Тобольского района Тюменской области), *Ч^мауыллы (Ч^маулы) күл* (озеро на территории д. Утузы Тевризского района Омской области), *Ч^мич^мэйле күл* (озеро на территории д. Ирек Тобольского района Тюменской области), *Ч^мематау күле* (озеро на территории д. Шағир Куйбышевского района Новосибирской области), *Ч^мич^мка күле* (озеро на территории д. Воробьево Венгерского района Новосибирской области), *Ч^муртанлы күл* (озеро на территории д. Юрт-Абалык Колыванского района Новосибирской области), *Ч^мүгәт күл* (озеро на территории д. Утузы Тевризского района Омской области), *Шагай күле* (озеро на территории д. Чаргары Венгерского района Новосибирской области), *Шықшырым күл* (озеро на территории д. Тоболтура Тобольского района Тюменской области), *Эч^м(ц)ке күл* (озеро на территории д. Тоболтура Тобольского района Тюменской области), *Ауыл күле* (озеро на территории д. Усманка Кыштовского района Новосибирской области), *Абутар күле* (озеро на территории д. Кипо-Кулары Тевризского района Омской области), *Айубаш күл* (озеро на территории д. Ильчебага Усть-Ишимского района Омской области), *Аққош күле* (озеро на территории д. Шағир Куйбышевского района Новосибирской области), *Антул күле* (озеро на территории д. Альменево Кыштовского района Новосибирской области), *Байдау күле* (озеро на территории д. Воробьево Венгерского района Новосибирской области) и т.д.

Гидронимы с фонетическим вариантом *гүл*: *Артқы гүл* (озеро на территории д. Чебурга Тобольского р-на Тюменской обл.), *Йецкә гүл* (озеро на территории д. Чебурга Тобольского р-на Тюменской обл.), *Арқалы гүл* (озеро на территории д. Янтык Тюменского р-на Тюменской обл.), *Йомро гүл* (озеро на территории д. Янтык Тюменского р-на Тюменской обл.), *Индрай гүл* (озеро на территории п. Андреевский Тюменского р-на Тюменской обл.), *Олло гүл* (озеро на территории п. Андреевский Тюменского р-на Тюменской обл.), *Тәвәй гүл* (озеро на территории с. Муллаши Тюменского р-на Тюменской обл.) и др.

Гидронимы с фонетическим вариантом *кол*: *Айорлу кол* (озеро на территории Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Айсқолу коле* (озера на территории д. Аяулу Чановского района Новосибирской обл.), *Айу батқан кол* (озеро на территории Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Бәтәйәк кол* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Зур Сарғатану коле* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Итрәч коле* (озера на территории д. Аяулу Чановского района Новосибирской обл.), *Кол* (озеро на границе Куйбышевского и Каргатского районов Новосибирской обл.), *Көч^мү Йалбақ кол* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Отрач^м кол* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.) и др.

Гидронимы с фонетическим вариантом *көл*: *Йағынақ көл* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Йозан көле* (озеро в Колыванском районе Новосибирской обл.), *Қаным көл* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Қара көл* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Көч^мү Қамыштау көле* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Оло Қамыштау көле* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.), *Оло Киндер көле* (озеро на территории д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской обл.) и др.

С различными фонетическими вариантами гидрографического термина *күл* образованы не только названия озер, но и другие топонимы: *Түртеп күл йулы* (дорога на территории д. Утузы Тевризского района Омской обл.), *Усманкүл сасы* (болото на территории д. Бакчагүл Барабинского района Новосибирской обл.), *Аркүл* (исчезнувшая деревня на территории Тобольского района Тюменской обл.), *Астана күл утравы* (остров на озере Астана күл на территории д. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской обл.), *Йаслав күл қырасы* (пашня на территории д. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской обл.), *Йығатқы күл қыра* (пашня на территории д. Кайнаул Усть-Ишимского района Омской обл.), *Ицкәгернә күл қыра* (пашня на территории д. Кайнаул Усть-Ишимского района Омской обл.), *Кәпч^мэй күл утравы* (остров на озере Кәпч^мэй күл на территории д. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской обл.), *Кил гүл қыра* (пашня на территории д. Кайнаул Усть-Ишимского района Омской обл.), *Қарагүл покосы* (место сенокоса. Открытая степная местность на территории д. Тандов Барабинского района Новосибирской обл.) и др. В том числе большое количество ойконимов образованы с этим апеллятивом: *Күл ауыл* (Тюменская обл.), *Тармакүл*, *Чүплегүл*, *Кошкүл*, *Курункүл*, *Сингүл* (Новосибирская обл.), *Үләнкүл* (Омская обл.) и т.д.

О.Т. Молчанова пишет, что названия озер с термином *күл* наиболее часто встречаются в западной части Новосибирской и Омской областей, в северной части Павлодарской обл. и относительно редко в Алтайском крае и Кемеровской области [6, с.3-16].

Наряду со значением “озеро” в некоторых языках языках имеются и другие значения термина. Например, в гагаузском, караимском и турецком языках используется и для обозначения пруда, в хакасском языке для обозначения болота. По мнению А.А. Камалова, эти значения свидетельствуют о связях этих языков с нетюркскими языками. Ср. урал. *kel* «пруд. болотце, речной залив», дравид. *кол* «водоем, пруд», семито-хамит. *кул* «водоем, река» [4, с.67].

Мы склонны согласиться с мнением Л.В. Дмитриевой, которая, как и многие другие ученые, выводит данный

термин за пределы тюрко-моногольского мира и склоняется к мысли, что этот элемент нострического характера [2, с.159-160].

Е.М. Поспелов считает, что ареалы распространения фонетических вариантов *-куль/кул/кол/көл/голь/гол* не только вплотную примыкают друг к другу, но и взаимопроницают, создавая впечатление единого сплошного ареала *куль/голь* [9, с.119].

Большинство гидронимов с термином *кул* употребляются в форме с аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа. Ср.: *Асыл күле, Абутар күле, Айырбаш күле, Аққош күле, Алайгыр күле, Аңған күле, Артуған күле, Астана күле, Байдау күле, Бақбағай күле, Батыш күле, Белекте гүле, Беренче Сума күле* и др.

Но и без аффиксного варианта термина *кул* в составе гидронимов в Западной Сибири встречается довольно часто: *Башкуль, Баянкуль, Бикмәт күл, Бөрлү күл, Бөтәйәк кол, Варын күл, Зур Китер күл, Йалбақ күл, Йа°ршуй күл, Йаслав күл, Йеч™(ц)кә күл, Йуллы күл, Йүгәр күл, Индерәй күл, Килте бай күл* и др.

И если некоторые гидронимы оформлены по правилам литературного языка и так и должны употребляться (*Йалбақ күл, Йеч™(ц)кә күл, Йуллы күл, Башкуль*), то другие (*Бикмәт күл, Варын күл, Йүгәр күл, Индерәй күл, Килте бай күл*) сохранили свойственную для современных западнокипчакских языков форму безаффиксального использования этого элемента. В татарской топонимии эта реликтовая форма употребляется довольно таки часто.

Наряду с фонетическими вариантами лексемы *кул* в восточном диалекте татарского языка употребляются и

диалектные термины, обозначающие "озеро". Например, *бүрән* в тюменском говоре употребляется в двух значениях: 1. "стоячая вода, озеро"; 2. "старица, речной рукав". В тобольском говоре данная лексема бытует в значении "озерцо, заводь" [11., с. 142]. Лексема *қалым* в тобольском и тюменском говорах используется в значении "(небольшое озеро, небольшой водоём со стоячей водой)", в тобольско говоре также бытует в значении "трясина" [11, с. 384]. В барабинском диалекте употребляется лексема *оймат* в значении «маленькое озеро [11, с. 502]. В тюменском говоре слово *цүгәт* означает "маленькое озеро". [11, с. 717]. В барабинском диалекте лексема *чүгәт* "маленькое озеро в камышовых зарослях" [11, с. 764].

Заключение

Таким образом, рассмотрев географические термины, обозначающие озеро, можно сделать следующие выводы. Географические термины, обозначающие озёра, восточного диалекта являются терминами общетюркского характера и наглядно проявляют близость к татарскому литературному языку и другим его диалектам. В ходе изучения выявили диалектные лексемы, которые относятся к понятию «озеро», выделили наиболее частотные употребляемых групп наименований с фонетическими вариантами гидрографического термина *кул*: *гүл/кол/көл*.

Изучение данного пласта лексики не только способствует исследованию языковых особенностей носителей восточного диалекта, но и является отражением экстралингвистических характеристик носителей татарских говоров исследуемого региона. В целом, рассмотренные примеры в очередной раз доказывают, что восточный диалект является одним из элементов татарской диалектной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия. (Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии). АН Татарстана. Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань: ИЯЛИ, 1998. 571 с.
2. Дмитриева Л.В. Этимологии географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 130–177.
3. Древнетюркский словарь. Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1969. 676 с.
4. Камалов А.А. Башкирские географические термины и топонимия. Уфа: «Китап», 1997. с.67
5. Молчанова О.Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая [2-е изд., расш. и перераб.]. Щецин: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2018. том 1.
6. Молчанова О.Т. Тюркские названия озер Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1966. Вып. I
7. Мурзаев Э.М. Местные географические термины и их роль в топонимии // Местные географические термины. М., 1970. С.16-35
8. Нефедова Е.А. Русские диалекты в современной языковой ситуации // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. Улан-Удэ, 2013. С. 35-37
9. Поспелов Е.М. Гидронимические ареалы Центральной Азии// Ономастика Востока. Москва, 1980. с.118-123.
10. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: III том: К. Казан: ТӨҺСИ, 2017. 744 б.
11. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова. Казан: Татар.кит.нәшр., 2009. 839 б.
12. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар: [татарско-русский]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.

© Хисамов Олег Ришатович (ohisamov75@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «РЕБЕНОК» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Цзинь Чжи

Доктор, преподаватель, Шэньянский политехнический университет
azhi0226@mail.ru

THE CONCEPT "CHILD" IN THE RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Jin Zhi

Summary: The article is devoted to the characteristics of the concept CHILD in Russian, English and Chinese. The research material is 288 proverbs. The scientific novelty of the work lies in the comparative characteristics of proverbs with the word "CHILD, CHILDREN" in the linguistic consciousness of the three countries. The author singled out the main thematic meanings of the concept CHILD: upbringing, relations between parents and children, a sense of duty, spirituality, obedience, care, fate. The author comes to the conclusion that the child must be obedient, hardworking, educated, feel his duty to his parents, be spiritually filled and take care of others.

Keywords: concept CHILD, Russian language, English language, Chinese language, linguistic consciousness, intercultural dialogue.

Аннотация: Статья посвящена характеристике концепта РЕБЕНОК в русском, английском и китайском языках. Материалом исследования являются 288 пословиц. Научная новизна работы заключается в сравнительной характеристике пословиц со словом «РЕБЕНОК, ДЕТИ» в языковом сознании трех стран. Автор выделил основные тематические значения концепта РЕБЕНОК: воспитание, отношения родителей и детей, чувство долга, духовности, послушание, забота, судьба. Автор приходит к выводу, что ребенок должен быть послушен, трудолюбив, воспитан, чувствовать свой долг перед родителями, быть духовно наполненным и проявлять заботу об окружающих.

Ключевые слова: концепт РЕБЕНОК, русский язык, английский язык, китайский язык, языковое сознание, межкультурный диалог.

Введение

Развитию международных отношений в культурной сфере способствует изучение вопросов, связанных с образом мира, который сложился в рамках исторического развития исследуемых стран. Наличие зон пересечения в интерпретации аксиологических понятий культуры содействует возникновению межкультурного диалога [3, с. 91]. Объектом анализа этой работы является концепт РЕБЕНОК в русском, английском и китайском сознании.

Актуальность работы обусловлена развитием процессов глобализации, усилением миграционных процессов, а также необходимостью сопоставительного анализа базовых концептов. Изучение феномена детства способствует пониманию закономерностей существования человека.

Целью данной работы является сопоставительный анализ наполнения концепта РЕБЕНОК в английском, русском и китайском языковом сознании.

Материалом исследования являются русские, английские и китайские пословицы о детях и детстве, которые образно выражают идеи, живущие в сознании народа, а также обобщают огромный социально-исторический опыт.

Практическая ценность данной статьи заключается в том, что материалы исследования могут использоваться на лекционных и практических занятиях учебных курсов «Лексика», «Психолингвистика», «Теория межкультурной коммуникации».

Основная часть

Раскроем понятийное содержание концепта РЕБЕНОК в исследуемых языках. В толковых словарях русского, английского и китайского языках отмечается, что концепт ребенок представлен следующими лексемами (табл. 1.).

Таблица 1.

Репрезентация концепта РЕБЕНОК

Характеристика	Русский язык	Английский язык	Китайский язык
Лексема	Ребенок	Child, children	小孩, 孩童, 童稚
Общее значение	Мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества [5, с. 564].	1. Молодой человек, еще не достигший совершеннолетия; 2. чей-то сын или дочь, даже когда они взрослые [7].	1. 小孩 – ребенок, малыш, дитя; 2. 孩童 – кроха, младенец, ребенок; 3. 童稚 – дети, детвора [9].

Следует отметить, что в китайском языке концепт

РЕБЕНОК характеризует маленького ребенка, в русском языке максимальным возрастом ребенка является 12-13 лет (отрочество), а в английском языке – период совершеннолетия.

Как отмечает А.Я. Гуревич, при характеристике концепта большое значение играет его паремиологическая зона, которая представляет собой совокупность когнитивных признаков концепта, которые объективируются пословицами и поговорками [2, с. 17]. Пословицы представляют собой самоценное высказывание, несущее безусловную истину без обращения к конкретной жизненной ситуации [1, с. 35].

Прежде чем перейти к характеристике концепта РЕБЕНОК необходимо уточнить, что анализ проводился на материале 288 пословиц. Все пословицы были классифицированы по 11 тематическим группам: «отношение к труду», «воспитание», «чувство долга», «игра», «отношения с родителями», «духовность», «послушание», «любовь к детям», «забота о близких», «сложности в процессе воспитания детей», «судьба».

Анализ количественной оценки тематических групп паремий свидетельствует о следующих когнитивных особенностях репрезентации концепта РЕБЕНОК в русском, английском и китайском языке:

1. В русском языке большое значение уделяется теме **воспитания** («Дай детям полную волю – сам наплачешься», «Детей учить – не ляды точить», «Детишек воспитать – не курочек пересчитать», др.); характеристике **отношений с близкими людьми** («Дети родителям не судьи», «Детки хороши – отцу-матери венец; худы – отцу-матери конец», «По матери и дочь»); **демонстрации любви к детям** («Всякой матери милы свои детки», «Дитя плачет, а у матери сердце болит»,

«Дитя хоть криво, да отцу-матери мило»), а также **обозначению сложностей при воспитании детей** («Без детей горе, а с детьми вдвое», «Горе с детьми, горе и без них», «Детей растить – осинку глотать», «Детки – родителям кручина») [4].

В русском языке наименьшее число пословиц о детях посвящено теме игры («Детям не порча игрушка, а порча худая прислужка») и послушания («Добрый сын – отцу радость, плохой – печаль»).

2. В английском языке в пословицах и поговорках наиболее часто встречаются характеристики концепта РЕБЕНОК в контексте **воспитания** («It takes a whole village to bring up a child» – «Чтобы воспитать ребенка нужна целая деревня»; «Clergymen's sons always turn out badly, because the children are surfeited with severe religion, not with the true religion of Christ» – «Сыновья священнослужителей всегда становятся плохими, потому что дети пресыщены суровой религией, а не истинной религией Христа»; «Beware of an oak, it draws the stroke; avoid an ash, it counts the flash; creep under the thorn, it can save you from harm» – «Остерегайся дуба, он наносит удар; избегай ясени, он отсчитывает вспышку; пробирайся под терновник, он может спасти тебя от беды»), **отношения к труду** («Fools and bairns should never see half-done work» – «Глупцы и дети не должны никогда не видеть наполовину сделанную работу»; «The grandchild sells, and his son thiggs» – «Внук продает, а сын разминается»; «Never send a boy to do a man's job» – «Никогда не посылайте мальчишку делать мужскую работу»).

Интерес представляет **тема судьбы** в английских пословицах о детях. Стоит отметить, что в русских и китайских пословицах такой тематики нет. В качестве примера можно привести следующие паремии: «Whom the gods love die young» – «Кого любят боги – те умирают молоды-

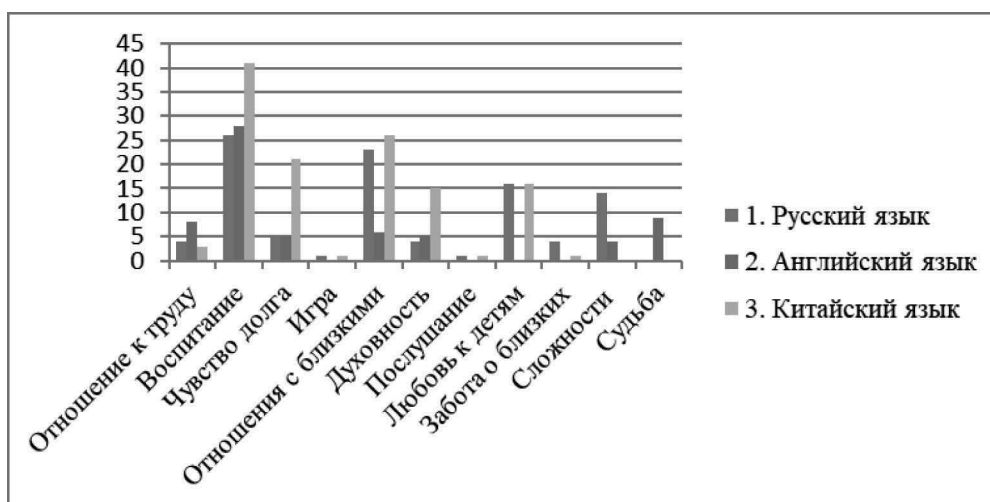

Рис. 1. Количественная оценка пословиц русского, английского и китайского языков, посвященных детям, на материале анализа пословиц (составлено автором).

ми»; «*The good die young*» – «Хорошие умирают молодыми»; «*The child is the father of the man*» – «Ребенок – отец человека»; «*Heaven protects children, sailors, and drunken men*» – «Небо защищает детей, стариков и пьяных».

В английском языке нам не удалось найти пословицы о любви к детям, послушании, заботы о близких, зато немногочисленно представлена тема **сложности воспитания детей**: «*Children are certain cares*» («Дети – это определенные заботы»), «*Children are certain cares, but uncertain comforts*» («Дети – это определенные заботы, но неопределенные утешения»), др. [8].

3. В китайском языковом сознании концепт РЕБЕНОК представлен в следующих тематических группах паремий: **тема воспитания** (好苗出好米, 好母出好女 – «Хорошая рассада – хороший рис; хорошая мать – хорошая дочь»; 聪明的儿子是父亲的荣耀, 愚蠢的儿子是母亲的耻辱 – «Умный сын – слава папы, глупый сын – позор мамы»; 十子各不同 – «У матери девять сыновей, но все разные»), теме **отношений с родителями** (父亲的天堂是家, 孩子的天堂是母亲 – «Семья – царство папы, мир мамы – рай ребёнка»; 父子不合, 家庭不和 – «Если отец и сын не живут дружно, то семья несчастлива»), **чувства долга** (忘恩负义的孩子是丑陋的 – «Неблагодарные дети как уродливые чудовища»; 在这个世界上, 需要永远地感谢母亲 – «На свете нам надо всегда благодарить маму»), **духовности** (留给儿子书胜似留给儿子金 – «Лучше оставить сыну одну книгу, чем горшок золота»; 棍棒底下出孝子, 溺爱出逆子 – «Из-под палки выходят почтительные сыновья, балованные – непочтительные к родителям»), **любви к детям** (蜂蜜最甜, 母女最亲 – «Мед самый сладкий, мама и дочь самые близкие»; 别人家的米好, 自己家的孩儿好 – «На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше») [6, с. 184-191].

Наименьшее число пословиц посвящено теме **послушания** (若孩子不听从父母, 其伤害显而易见 – «Если дети не слушаются родителей, то они обязательно потерпят ущерб»), **заботы** (父母永远关心孩子 – «Родители всегда заботятся о детях»), **игры** (游戏场上无父子 – «В игре нет ни отцов, ни сыновей»).

Следует отметить, что в русских, китайских и английских пословицах о детях есть синонимичные и антонимичные паремии. В качестве примера можно привести

китайские пословицы: 乌鸦窝里飞出凤凰 («Из гнезда вороны может вылететь феникс»), 牛生麒麟猪生象 («И у коровы родится единорог, и свиньи родится слон») как **противопоставление** для父母来说, 孩子永远是孩子 («Детёныш кошки всегда котенок»), 上梁不正下梁歪 («Если отец – бандит, то и сын будет убийцей»), 如果父亲不知道如何耕作, 那么儿子也不会播种 («Если отец не умеет пахать, то и сын не научится сеять»), 鸡窝里飞不出凤凰 («Из куриного гнезда феникс не вылетает»). В этих пословицах остро затронута тема рода и происхождения, связанная с воспитанием детей.

В английском языке есть пословицы, в которых на первый план выходит происхождение человека и воспитание: «*The Shoemaker's son always goes barefoot*» («Сын сапожника всегда ходит босиком»), «*The apple never falls far from the tree*» («Яблоко от яблони далеко не падает»), «*Like mother, like daughter*» («Как мать, так и дочь»). В русском языке есть пословицы о происхождении и воспитании детей, которые являются синонимами английским и китайским паремиям: «По дереву плод», «По матери и дочь», «По отцу и дитяtko», «Яблоко от яблони недалеко падает».

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что русские, английские и китайские пословицы являются информативным материалом при анализе концепта РЕБЕНОК в языковом сознании разных народов. Нам удалось проанализировать 288 пословиц и выделить основные тематические значения концепта РЕБЕНОК: воспитание, отношения родителей и детей, чувство долга, духовности, послушание, забота, судьба. Все эти понятия характеризуют наполнение концепта РЕБЕНОК разными семантическими смыслами, некоторые пословицы могут противоречить друг другу, что также находит отражение в языковом сознании.

Выявленная количественная оценка позволяет сделать вывод о наиболее значимых показателях образа РЕБЕНКА в языковом сознании народа. Мы приходим к выводу, что ребенок должен быть послушен, трудолюбив, воспитан, чувствовать свой долг перед родителями, быть духовно наполненным и проявлять заботу об окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1976. 248 с.
2. Гуревич А.Я. Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М.: Наука, 1990. 192 с.
3. Рожина В.А. Репрезентация концепта Ребенок в русских и английских паремиях: корреляты соответствия // Интерактивная наука. 2016. № 4. С. 91-93.
4. Русские пословицы и поговорки / Сост. М.А. Рыбникова, отв. ред. Б.П. Кирдан. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 230 с.
5. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012. 1375 с.

6. Цзинь Чжи. Образ ребенка в языковом сознании (на примере разных лингвокультур): Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка. Челябинск, 2019. 255 с.
7. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/child> (Date of the application: 28.02.2022).
8. The Oxford Dictionary of Proverbs / By J. Speake et al. Oxford University Press Inc., 2008. 625 p. ISBN 978–0–19–953953–6.
9. 字典 [电子资源]. URL: <https://cidian.ru/r.php>

© Цзинь Чжи (azhi0226@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Шэньян

АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ «ДЕРЕВНЯ» В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чэн Цзяци

аспирант, Государственный институт русского
языка им. А.С. Пушкина, г. Москва
jiaqi.cheng@yandex.ru

ANALYSIS OF THE LEXEMES "VILLAGE" IN LINGUOCULTURE: MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC ASPECT

Cheng Jiaqi

Summary: The article offers an analysis of the lexemes "village" in linguoculturology from the morphological and syntactic aspect. The object of this research is the concept of the village; the purpose of the article is the morphological and syntactic analysis of this concept. In this regard, the etymology of the word village, the peculiarities of the development of the Russian village, the social and religious reasons for the concept of village are analyzed.

Keywords: village, concept, morphology, syntax, linguoculture, analysis.

Аннотация: В статье предлагается анализ лексем «деревня» в лингвокультурологии по морфолого-синтаксическому аспекту. Объектом настоящего исследования является концепт деревня; целью статьи – морфолого-синтаксический анализ данного концепта. В связи с этим анализируется этимология слова деревня, особенности развития русской деревни, социальные и религиозные причины возникновения концепта деревня.

Ключевые слова: деревня, концепт, морфология, синтакс, лингвокультура, анализ.

В последнее время в исследованиях внимание акцентируется на отдельно взятых разновидностях концептов, а понимание концептов достаточно вариативном.

Поскольку термин «концепт» появляется в лингвистической семантике благодаря фактору взаимодействия лингвистики с философией, психологией, культурной антропологией, то, соответственно, «концепт рассматривается в разных векторах, в пределах которых выделяют многочисленные дефиниции вместе с целыми комплексами специфических конкретизаторов», поэтому можно выделить несколько подходов к интерпретации концепта, подробно рассмотрены в работах З. Попова, Ю. Степанова, В. Карасика, Г. Слышкин и другими.

Предложенные учеными подходы не исчерпывают понятие «концепт», но позволяют глубже познать его природу. Следует признать, что все имеющиеся теории выступают как перекрестные, соотнесены, однако они являются комплексными, поэтому, сделав обзор теоретической литературы, делаем вывод, что осмысление природы концептов возможно только при межпредметном, комплексном подходе.

Бесспорно, исследовать концепты можно только интегрируя знания и методы многих наук, поэтому называем такой подход интегративным. Впервые интегративный подход к пониманию концепта был предложен С. Ляпиным [4].

Представители Волгоградской лингвистической шко-

лы тоже придерживаются этого подхода, в частности Г. Слышкин отмечает, что концепт является «единицей, связывает научные исследования в области культуры, сознания и языка, поскольку он принадлежит сознанию, детерминирует культурой и опредмечуется в языке» [9].

Учитывая то, что представители интегративного подхода подчеркивают наличие культурной составляющей концепта, актуальность темы обусловлена необходимостью разработки полной структуры анализа именно лингвокультурного концепта.

Для того чтобы получить полное представление о концепте, недостаточно указать на его основные параметры, поскольку полное представление о концепте можно получить, проанализировав его возникновения и динамику развития всех проекций семантического пространства.

Во время морфолого-синтаксического анализа использования тех или иных методов, методик, приемов и способов исследования зависит не только от сложности концепта, но и от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, а также от характера лингвистических источников, составляют материал исследования. Соответственно, в современной научной литературе представлены несколько методик морфолого-синтаксического анализа, приоритетными среди которых теория фреймов, теория семантико-когнитивного поля, теория метафоры и лингвокультурологические теории.

Пересмотр методик морфолого-синтаксического

анализа позволил сделать обобщение: хотя их различия, все они опираются на одинаковые исследовательские процедуры – этимологический анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ и интервьюирования, поэтому, учитывая постулированный интегративный подход, в процессе анализа лингвокультурной концепта предлагаем использовать комплексную методику, направленную на освещение различных аспектов концепта, основные этапы которой имеют следующий вид:

I. Построение номинативного поля концепта и установления его номинативной плотности. Концепт «может быть описан через анализ средств своей языковой объективации». Совокупность языковых средств, объективирует концепт в конкретный период развития общества, З. Попова и И. Стернин определяют, как номинативное поле концепта [7].

Номинативное поле концепта культуры строим путём сплошной выборки языковых репрезентантов концепта из энциклопедических, этимологических, культурологических, мифологических, толковых и церковных словарей, поскольку словари представляют всю совокупность знаний человека о мире; словарные дефиниции содержат вербализованные человеческие представления, понятия, концепты, из них состоит сама суть картины мира, а также из этнографических источников, в них средствами языкового выражения описаны определённые явления культуры. В предлагаемой структуре анализа к номинативному полю относим только прямые номинации концепта, их синонимы и дериваты.

Как отмечают З. Попова и И. Стернин, наличие множество номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности этого фрагмента языковой системы, отражает актуальность вербализованной концепта в народном сознании. Термин «номинативная плотность» ввёл В. Карасик, который под этим понятием понимает степень детальности языковой репрезентации конкретного концептуального пространства, то есть детализацию «обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого [7].

Вычисляя номинативную плотность концептов, учёные вместо количественных показателей употребляют прилагательные высокая и низкая, но хотя то, что номинативная плотность достаточно относительным показателем, считаем, что точнее и правомернее было бы её определять в цифровом эквиваленте. Цифровой эквивалент предлагаем называть коэффициентом номинативной плотности. Под коэффициентом номинативной плотности понимаем числовой показатель объёма номинативного поля концепта.

II. Выделение и описание структурных элементов

концепта. Согласно методике анализа культурных концептов, Ю. Степанова в структуре концепта выделяем две составляющие – культурную и понятийную [10].

1. Культурная составляющая концепта содержит три слоя: исторический, этимологический и актуальной, охватывающих совокупность диахронических переменных и постоянных семантических характеристик и способов вербализации.
 - A. Исторический слой. Цель этих процедур – доказать, что упомянутое явление концептом российской культуры, может не использоваться за пределами определённого концептуального поля или может приобретать специфические черты, если относится к универсальным концептам.
 - B. Актуальный слой. Учитывая то, что концепты имеют языковое выражение, и, соответственно, подлежат семантическому анализу, а парадигматический аспект является составной частью семантического анализа лексики, целью исследования актуального слоя концепта является анализ лексических и словообразовательных признаков языковых представителей.
 - a) лексические признаки;
 - b) словообразовательные признаки. Выявление состава и частотности словообразовательной парадигмы, что позволяет подробнее описывать концепты. [1].
 - V. Этимологический слой. Детальный анализ концепта предполагает установление этимологии обозначаемого знака – имени концепта. Для установления внутренней формы в исследовании пользуемся этимологическим лексикографическим описанием средств языкового выражения концептов, способствует анализа этимологического слоя концепта и позволяет определить не только первичный смысл исследуемых лексем, но и проследить развитие концептов в диахронии и установить механизм их формирования.
2. Понятийная составляющая концепта. Понятийно составляющую концепта «выявляют путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта», то есть «на этом этапе применяют метод описания концепта с помощью словарных значений слов-репрезентантов концептов».

Методом исследования словарных дефиниций является компонентный анализ, суть которого заключается в расщеплении значение слова на составляющие компоненты – семи. Поскольку целью дифференциации сем является группировка синонимов в синонимические ряды, выделяем архисему – общий признак, объединяющий синонимы. С целью установления доминант этих синонимических рядов, то есть имен выделенных концептов, в семантических структурах синонимов выделяем гипо-

семи - «семи, отличающие значения синонимов» [2].

Учитывая, что средства языкового выражения концептов часто является полисемантизмы, акцентируем внимание на их семантической структуре. Семантическая структура полисеманта устанавливается путем выявления в толковых словарях его лексико-семантических вариантов (ЛСВ). Целью вычленение ЛСВ в семантических структурах лексем является доведение наличия в этих лексемах значение, указывающее на их принадлежность к конкретному концептополю, а также выявления смысловых элементов как составляющих концептуальных структур концептов, объективируют упомянутыми лексемами [5].

III. Моделирование полевой структуры концепта. Каждый концепт соответствует фрагмента концептуальной системы, представляет определенную предметную область, то есть концептуальную сферу, тождественную тематическому полю, для обозначения которой А. Приходько употребляет термин концептополе. Распределяя концептополя на концептополе макроуровня и микроуровня, к первым отнесем те, что включают множество концептов, в то время, как концептополе микроуровня «можно условно считать идиополем отдельно взятого концепта». Признавая полевую структуру концепта, согласны с З. Поповой и И. Стернин [7], которые отмечают, что «полевое описание делается с опорой на данные о яркости, актуальность тех или иных когнитивных признаков в структуре концепта».

Представители Воронежской и Кемеровской российских лингвоконцептологического школ называют признаком или когнитивной признаком наименьшую единицу концепта. Размышляя о концепте как содержание понятия и смысл (а чаще комплекс смыслов) слова, под смыслом также понимаем наименьшую единицу концепта. Поскольку когнитивной и этноконцепты состоят из атомов смысла, или комплекса смыслов, то для обозначения элементарной единицы лингвокультурного концепта употребляем словосочетание смысловой элемент или компонент смысла. [4].

Полевая организация концепта – это иерархия смысловых элементов, состоящий из «ядра и различных зон периферии в структуре концепта». В ядерную зону концепта входят понятийная составляющая, представленная обобщенной информацией об объекте, и знаковая составляющая, выраженная именем концепта» [8].

Понятийно составляющую исследуют путем вычленения и описания сем, в частности «семи, совпадающие или близкие по смыслу, которые были выделены в единицах номинативного поля концепта, обобщаются, то есть сводятся к одной признаку, и интерпретируются как единая когнитивная признак концепта».

По приядерной зоне, то она состоит из существенных, но не основных представлений, а периферийные элементы составляют собственно содержание других концептов. К приядерной и периферической зонам входят смысловые элементы культурной составляющей концепта, то есть получают лаконичное формулировки. Итогом моделирования полевой организации концепта в пределах лингвоконцептологического исследования является словесная и графическая репрезентация содержания концепта в виде полевой структуры.

Согласно приведенной схеме, ниже выполним морфолого-синтаксический анализ лексемы «деревня» в концептуальной области [3].

Сущность мыслительных и познавательных процессов языкового сознания человека раскрывается в когнитивной лингвистике с помощью понятия «концепт». Использование термина «концепт» связано с расширением предметной области лингвистики и сферы взаимодействия с другими науками, в частности, с философией и психологией. Современные учёные используют этот термин для обозначения моделируемой лингвистическими средствами единицы языкового сознания, для моделирования и описания национальной концептосферы.

Русская деревня как тип поселения людей, как форма их общности, как культурное целое – безусловно, явление уникальное в русской истории и культуре.

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, в описании концепта необходимо разграничивать содержание концепта и структуру концепта [7].

Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полемому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к тому или иному полемому участку содержания определяется яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта.

По результатам свободного ассоциативного эксперимента было получено ассоциативное поле стимула «деревня» в русском языковом сознании. Так, ядро концепта образуют признаки *село* (26) и *коровы* (25) как наиболее частотные реакции респондентов.

Ближнюю периферию составили следующие ассоциаты: *река* (15), *лес* (12), *природа* (12), *свежий воздух* (10), *домики* (9), *населенный пункт* (9), *огород* (9), *бабушка* (8), *молоко* (8), *поля* (8).

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, структура

концепта представлена тремя базовыми структурными компонентами (концептуальными признаками): образом, информационным содержанием и интерпретационным полем [7].

Исследование содержания и структуры концепта «деревня» в языковом сознании носителей русского языка в условиях гетерогенного языкового окружения показало отсутствие жесткой закреплённости структурных компонентов концепта за определёнными полевыми зонами. Так, чувственный образ пронизывает все поле, от ядра до крайней периферии. Информационное содержание охватывает ядро, ближнюю и даль-

нюю периферии. Когнитивные признаки, составляющие интерпретационное поле, входят в ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии.

Деревня как форма организации жизни занимает важное место в историческом развитии общества и государства, является важной частью государственного устройства, поэтому тема деревенской жизни интересовала многих русских писателей. Дальнейший морфолого-синтаксический анализ концепта *деревня* может способствовать как более глубокому пониманию феномена русской деревни, так и выявлению причин формирования данного феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в когнитивную лингвистику: [учебное пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, О.О. Борискина, Е.А. Пименов, М.В. Пименова; отв. ред. М.В. Пименова]. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — 220 с. — (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 4).
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс, Волгоград 2002, с. 136.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / [Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой]. — М.: Филологический фак-т МГУ, 1996. — 245 с.
4. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода. Концепты. Научные труды Центроконцепта, Архангельск 1997, вып. 1, с. 19.
5. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре, [в:] Логический анализ языка: культурные концепты, Москва 1991, с. 117.
6. Пименова М.В. Предисловие, [в:] Введение в когнитивную лингвистику, Кемерово 2004,
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика, Москва 2007, с. 66.
8. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: «ЮНВЕС», 2003. 704 с.
9. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе, Москва 2000, с. 9.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004, 42-67 с.

© Чэн Цзяци (jiaqi.cheng@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abdullayeva Z. – Senior Lecturer, Moscow Institute of Steel and Alloys

Akaeva Kh. – Candidate of Pedagogical Sciences, Grozny State Oil University named after M.D. Millionshchikov

Ataev B. – Doctor of Philology, Professor, Chief researcher of G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala)

Belozertseva N. – Associate Professor, Moscow State University of Humanities and Economics

Boboeva Z. – Docent, SEI "KSU named after academician B. Gafurov"

Bondar V. – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage. D.S. Likhachev, Krasnodar

Borisenko E. – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, Irkutsk State University

Borisova A. – postgraduate student, Shanghai International Studies University

Bradetskaya I. – Ph. D. of Pedagogical Sciences, associate Professor, Russian State University of Justice, Moscow

Bragina D. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Scientific Officer, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

Bulycheva V. – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University

Burlyaeva V. – Doctor of Sociological Sciences, Professor, State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute"

Burtseva T. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazan Federal University

Our authors

Chebanov K. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute"

Cheng Jiaqi – Graduate student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

Draymanova E. – Moscow Pedagogical State University

Duong Hong Ngoc – Teacher, FPT University, Hanoi, Vietnam

Eferova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

Fan-Yung G. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, Kazan Innovative University

Frolov B. – Leading Researcher, ANO West Caucasian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Krasnodar

Fysina U. – Ph. D. of Philology Sciences, associate Professor, Russian State University of Justice, Moscow

Gasanov S. – Deputy Director of the College of Multilevel Professional Education of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Grigoryev S. – Associate Professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy

Grunina E. – head teacher, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg

Hadzhimuratova A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, FGBOU VO «Chechen State Pedagogical University», Grozny

Han Xiao – Postgraduate student, Kazan Federal University

Ibragimova M. – Doctor of Philology, Associate Professor, leading researcher of G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala)

Isaeva A. – PhD in Philology, Associate Professor, Baku Slavic University

Jin Zhi – Doctor, teacher, Shenyang Polytechnic University

Karavaeva P. – assistant, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

Khisamov O. – G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences (Kazan)

Khvostova I. – Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Kireeva I. – Associate Professor, Moscow International University

Kirilova I. – Candidate of Biological Sciences, senior lecturer, Irkutsk State University

Kupriyanova T. – Senior Lecturer, Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin

Kuznetsova N. – Doctor of Philology, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University

Lavskaya N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University

Lu Chi – Doctor of Philosophy in Linguistics, lecturer, Jiangsu Second Normal University

Luo Sichen – Postgraduate student, Moscow State Pedagogical University

Makarkina N. – Candidate of Biological Sciences, associate professor, Irkutsk State University

Makarova E. – Associate Professor, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great

Manuilov V. – Postgraduate student, Russian State Social University

Mezhebovskaya V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University

Nguyen Ba Duy – Postgraduate student, The Pushkin State Russian Language Institute

Nikiforova O. – postgraduate, Far Eastern Federal University, Vladivostok

Nikolaev D. – Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Ning Ke – Postgraduate student of the Ural Federal University, Yekaterinburg

Obivalina M. – Senior lecturer, Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism ("GTSOLIFK"), Moscow

Obotnin N. – senior fencing coach, Kirov Regional State Autonomous Institution Sports school of the Olympic reserve "Salute"

Osipova E. – Doctor of Biological Sciences, Professor, Irkutsk State University

Pankova T. – Associate professor, Voronezh State University

Piao Huimin – postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Rulev M. – Graduate student, Tyumen State University

Selivanova O. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Tyumen State University

Sledneva A. – graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Solovieva N. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute"

Urazaev M. – Postgraduate, Bashkir State University

Voskanyan Sh. – Teacher, Moscow State Institute of International Relations

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).